

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ КИРГИЗИИ

ТОМ

I

ФРУНЗЕ 1956

Р е д к о л л е г и я:

Доктор исторических наук, профессор М. П. ВЯТКИН, доктор исторических наук, профессор Б. Д. ДЖАМ-ГЕРЧИНОВ и доктор исторических наук, профессор А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том «Истории Киргизии» охватывает историю Киргизстана и киргизского народа с первых следов появления человека на территории Киргизии и до подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (лето 1917 г.). До настоящего времени еще нет обобщающих трудов по истории Киргизии. Работа В. В. Бартольда «Киргизы» не охватывает всей истории Киргизии и имеет по преимуществу источниковедческий характер. Далеко не все вопросы истории Киргизстана и киргизского народа освещены в монографической литературе. При написании «Истории Киргизии» встают большие трудности и источниковедческого характера. За последние годы накоплен очень ценный археологический материал, относящийся к древней и средневековой истории Киргизии.

Однако археологическое обследование еще далеко не завершено. Не завершена и работа по выявлению письменных источников. До XVII в. это исключительно восточные (тюркоязычные, арабские, персидские и китайские) источники. В настоящее время в Институте востоковедения АН СССР ведется работа по выявлению и переводу этих источников. Но их особенностью является то, что они освещают историю стран и народов, сопредельных с Киргизией, сведения же о киргизском народе и Киргизии носят в них отрывочный, эпизодический характер. С XVII в. упоминания о киргизах начинают встречаться в русских источниках, с XIX в. эти источники для истории Киргизии становятся основными. Но русские источники неоднородны.

Наряду со сведениями о киргизах в трудах прогрессивных русских ученых (Н. А. Северцова, П. П. Семёнова-Тяньшанского, Н. М. Пржевальского и др.), казахского ученого Чокана Валиханова с историей Киргизии связаны обширные официальные материалы, исходившие от местной администрации и центральной власти, в которых история киргизов освещается с колониаторских и руссификаторских позиций.

Богатейшее народное творчество киргизского народа, являясь ценнейшим материалом для истории культуры киргизского народа, с большей осмотрительностью и в очень ограниченной степени может быть использовано для хозяйственной и социально-политической истории киргизского народа. Такое состояние источников не позволяет в настоящее время осветить все периоды в истории киргизов с одинаковой полнотой. Этим объясняется неравномерность в освещении отдельных периодов киргизского народа в настоящей книге.

Книга посвящена истории киргизского народа, но сведения о киргизах на территории современной Киргизской ССР встречаются сравнительно поздно. Более ранние сведения о киргизах приурочиваются к территории верхнего Енисея.

В научных дискуссиях, развернувшихся при обсуждении истории киргизского народа, высказывалось мнение, что притяньшанские киргизы и киргизы Енисея—разные этнические образования, что история енисейских киргизов не имеет отношения к истории киргизского народа, что здесь мы имеем случайное совпадение этнонимов. Авторы и редакция «Очерков» согласны с тем, что енисейские киргизы и киргизы Тянь-Шаня—различные этнические образования, но не согласны, что здесь имеет место случайное совпадение этнонимов и что история енисейских киргизов не имеет отношения к истории современной Киргизии. Передвижение енисейских киргизов на территорию Тянь-Шаня и Семиречья может быть установлено, начиная с рубежа н. э. Енисейские киргизы вошли как один из компонентов в состав современного киргизского народа. Но это был не единственный этнический компонент. Образование современного киргизского народа происходило не на территории Енисея, а на территории Тянь-Шаня. В процессе своего сложения киргизская народность унаследовала и ант-

ропологические черты, и языковые особенности, и культуру многочисленных племен, населявших территорию Семиречья, Тянь-Шаня и часть Ферганы до образования здесь в XV—XVI вв. киргизской народности.

Центрально-азиатские племена, известные под названием енисейских киргизов, явились ядром этой новой народности и дали ей своё имя.

Отсюда вытекает, что история племен Тянь-Шаня и Семиречья до образования киргизской народности, равно как и история енисейских киргизов, является органической частью истории киргизского народа.

Этими соображениями авторы и редакция и руководствовались при отборе материала.

Книга написана коллективом авторов в составе: кандидата исторических наук Абрамзона С. М. (гл. V, §§ 3, 4 гл. VII); докторов исторических наук Бернштама А. Н. и Окладникова А. П. (гл. II и III); доктора исторических наук Бернштама А. Н. и кандидата исторических наук Черникова С. С., совместно с Ромодиным В. А. и Кондратьевым А. А. (гл. IV §§ 1, 2, 3, 4); доктора исторических наук Вяткина М. П. и кандидата исторических наук Хасанова А. (§§ 1, 2 гл. VI); доктора исторических наук Джамгерчинова Б. Д. (§ 5 гл. IV); кандидата исторических наук Зима А. Г. (§ 3 гл. VIII, §§ 1, 3 гл. IX); кандидатов исторических наук Зима А. Г. и Лачко А. Ф. (§§ 1, 2 гл. VII, § 1 гл. VIII); Лачко А. Ф. (§ 2 гл. VIII); кандидата исторических наук Меджитова Д. М. (§ 2 гл. IX); доктора исторических наук Окладникова А. П. (гл. 1); кандидата исторических наук Усенбаева К. (§ 3 гл. VI). При составлении VII главы принял участие кандидат исторических наук Юсуров Х.

ГЛАВА I

ЭПОХА ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ И СОСЕДНИХ С НЕЙ РАЙОНОВ

§ 1. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ НА ТЯНЬ-ШАНЕ И ЕНИСЕЕ

Первые следы
человека на
Тянь-Шане

Первым этапом в истории человечества была эпоха первобытно-общинного строя, время, когда еще не существовало разделения общества на классы, частной собственности и государства, не было эксплуатации человека человеком.

Основой производственных отношений на всём протяжении эпохи первобытно-общинного строя являлась общественная собственность на средства производства. Это было время, когда люди жили коллективами и трудились сообща, совместно владея добытыми продуктами. Иначе не могло и быть, потому что такие общественные отношения соответствовали уровню развития производительных сил. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы добыть пищу, построить жилище, люди вынуждены были работать сообща, в противном случае они могли стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд обуславливал общую собственность на средства производства, равно как на продукты производства. Тогда еще не было понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собствен-

ности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Следовательно, не было ни классов, ни эксплуатации человека человеком.

Эпоха первобытно-общинного строя охватывает огромное по протяженности время — от выделения древнейших людей из мира животных, около 700—600 тысяч лет тому назад, и вплоть до возникновения первых государств в Египте и Двуречье в III—II тысячелетии до н. э., а в других странах еще позже.

Несмотря на такую огромную длительность этого этапа истории человечества, следы его начальных звеньев имеются на сравнительно ограниченном пространстве земного шара. Это объясняется тем, что колыбель человечества занимала еще не определенное точно, сравнительно небольшое место где-то на юге, а следы последующего его развития концентрируются пока только на незначительной части территории Европы, Азии и Африки, где найдены древнейшие орудия так называемого шелльского и ашельского типов. Тем интереснее, что история народов Киргизии, как показали открытия советских археологов, уходит в весьма отдаленное прошлое.

Она начинается в глубине древнекаменного века, около 300 тысяч лет тому назад, в то время, когда человечество проходило один из начальных отрезков на длительном и сложном пути своего развития: переживало один из первых этапов первобытно-общинного строя. Археологи называют этот этап ашельской эпохой — по одному из наиболее характерных местонахождений каменных орудий вблизи города Сен-Ашеля во Франции. Судя по распространению орудий ашельской эпохи, люди ашельского времени расселены были на земле уже достаточно широко.

Орудия ашельского типа, кроме Европы, находят в Передней Азии, Индии, а также в Африке. Близкие по времени, хотя и очень своеобразные по характеру, каменные орудия известны теперь и из Восточной Азии, где они обнаружены в знаменитых пещерах Чжоу-Коу-дяна, вблизи Пекина в Северном Китае, а также в древних галечниках Бирмы и соседних областей юго-восточной Азии.

Первоклассные памятники ашельского времени обнаружены советскими археологами на Кавказе — в Абхазии

и Армении. Следы деятельности людей ашельского времени известны теперь и в Средней Азии — у берегов Каспийского моря, в районе Красноводска — на территории Туркменской ССР, а также в Киргизии — на высотах Тянь-Шаня.

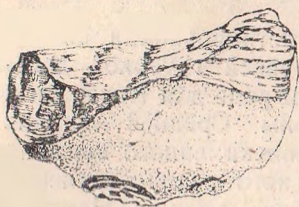
Эта последняя находка, зарегистрированная совсем недавно, в 1953 г., замечательна своей глубокой древностью. Она явилась первой в своём роде для Киргизии и впервые показала, что эти районы Средней Азии не только были заселены людьми древнекаменного века, но и входили в область первоначального распространения человека, были частью его древнейшей родины. Находка эта подтвердила, что территория наших среднеазиатских республик была частью той сравнительно ограниченной области, где наш далекий предок совершил первые свои робкие шаги на пути от зверя к человеку, от полного подчинения природе — вначале, к господству над её слепыми стихийными силами — в конце этого тяжелого и долгого пути.

Следует поэтому остановиться подробнее на этой столь же замечательной, как и неожиданной находке.

По пути от озера Иссык-Куль к гор. Нарыну тяньшанский тракт пересекает русло бурной и прозрачной речки Он-Арча, а затем полого поднимается вверх, на ее возвышенный левый берег, сложенный галечниками. Галечники эти, достигающие мощности несколько десятков метров, были, очевидно, отложены какими-то древними потоками в чрезвычайно отдаленное геологическое время, когда не существовало современной долины речки Он-Арча, да и вся гидрографическая сеть была совершенно иной, чем теперь.

Тем неожиданнее оказался торчавший непосредственно из отвесного галечного обрыва довольно крупный камень со следами обработки на одном его конце. Когда камень был извлечен из галечника, стало очевидно, что он не только побывал в руках первобытного человека, но и является настоящим, хотя и очень грубым, подлинно примитивным орудием. Это была массивная, тяжелая галька, один конец которой был обколот, а затем превращен несколькими умело и целесообразно направленными ударами в широкое, слегка волнистое, острое лезвие в виде клина. Противоположный конец изделия остался без об-

работки. На нем сохранилась гладкая валунная корка, позволяющая держать орудие плотно зажатым в руке. Точно так же, зажатым прямо в ладони, употреблялись и древнейшие ручные рубила в других странах.

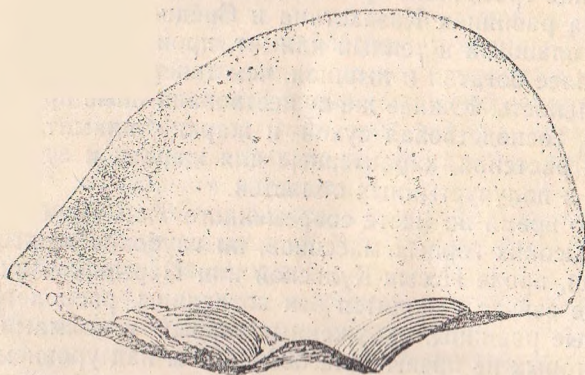
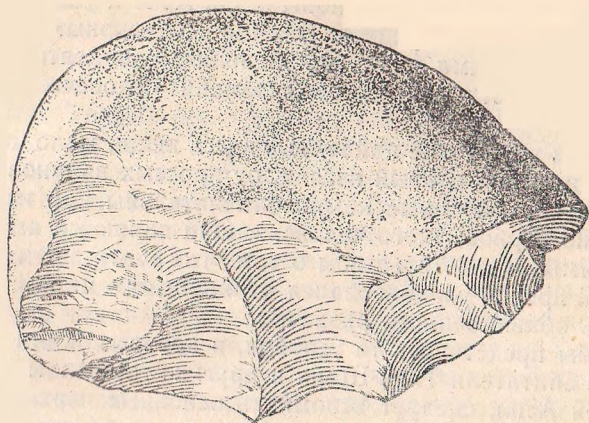
Каменные орудия, найденные в галечном слое берега р. Он-Арча

Неподалеку от места, где оказалось это орудие, были найдены грубые каменные отщепы и столь же примитивно сделанное скребловидное орудие. Оно точно так же было изготовлено из целой, хорошо окатанной гальки, которую сначала тоже разбили одним поперечным ударом, а затем затесали ее края двумя или тремя широкими сколами.

Не менее замечательна и еще одна, во многом сходная по условиям залегания и по общему своему характеру находка, зарегистрированная год спустя, в 1954 г., на этот раз далеко к югу от Нарына, в бассейне реки Сыр-Дарьи, на самой границе Киргизии и Таджикистана.

В глубоком ущелье Хаджа-Бакирган-сай, по которому струится быстрая речка с холодной и прозрачной водой, хорошо видны уступы её древних берегов, давно пропиленных водой. Сверху площадки этих высоких древних береговых уступов сложены рыхлыми толщами лёссовидные породы, а глубже залегает древний галечник, такой же, как на р. Он-Арча. На самом стыке лёссовидной глины и галечника снова оказалась такая же, хотя и не столь массивная, галька овальной формы, грубо оббитая вдоль одного края несколькими ударами. Удары эти оформили одинаковое по форме дугообразновыпуклое, как у сечки, лезвие, пригодное для нанесения сильных рубящих ударов.

Замечательно, что точно такие же, как на р. Он-Арча и в Хаджа-Бакирган-сае, грубые рубящие орудия с широким лезвием, как у сечки или тяпки, и одинаковые по форме

Каменные орудия, найденные в галечном слое берега р. Он-Арча

скребловидные инструменты находят в одинаковых геологических условиях, в древних галечных отложениях Бирмы и соседних с ней странах юго-восточной Азии. Близкие по общему облику и технике изготовления орудия выделявали и древнейшие обитатели Северного Китая, так называемые синантропы.

Отсюда следует, что районы р. Он-Арча и ущелья Ходжа-Бакирган-сая наряду с Бирмой и Северным Китаем были теми местами Азии, где уцелели следы деятельности людей этого отдаленнейшего времени человеческой истории.

Как ни грубы еще найденные здесь вещи, мало чем отличающиеся, на первый взгляд, от простых валунов и галек, эти обработанные камни замечательны как изделия подлинно первобытного человека. Они являются вместе с тем прямым свидетельством о том, что в это время наш далекий предок уже оторвался от животного мира и встал на путь общественного развития.

Чтобы представить те условия, в которых жили древнейшие обитатели Тянь-Шаня и других горных массивов Средней Азии, следует вспомнить основные черты геологической истории этих областей перед появлением человека—в конце третичного времени и в последующее четвертичное время.

В конце третичного времени, около миллиона лет тому назад, на равнинах Казахстана и Средней Азии господствовал влажный и теплый климат, произрастала несравненно более богатая и пышная, чем теперь, влаголюбивая растительность. Южнее же существовали иные природные условия, господствовал сухой и жаркий климат, произрастали растения, характерные для жарких и сухих пустынных и полупустынных областей.

В это время на месте современного Тянь-Шаня не было ни высоких горных массивов, ни глубоких межгорных котловин, вроде Иссык-Кульской или Нарынской впадин. Там, где сейчас находятся эти котловины, располагались обширные равнины, окруженные горами и холмами, высота которых не превышала 500—600 м над уровнем равнин. В горах росли хвойные и лиственные леса, проникавшие сюда из Сибири и Дальнего Востока. В низинах расстилались влажные луга, а по соседству с ними — сухие и полупустынные степи.

В таких условиях с успехом могли существовать и многочисленные животные. Прямым указанием на это служит единственная пока в Киргизии находка зуба древнего слона (*Elephas Meridionalis Nest*), обнаруженного в горах Супе-Тау у Ленинабада, на северо-востоке Ферганской котловины. Зуб слона залегал в слое палевых глин,

мергелей и песчаников, над которым, в свою очередь, лежат пласты пестрых глин, галечников и конгломератов мощностью более 500 метров, чем подтверждается глубокая древность этой находки.

Облик Тянь-Шаня, вместе с окружающими его районами, не оставался, однако, неизменным. Уже давно шел грандиозный по масштабам процесс поднятия тяньшанского нагорья. В соответствии с прерывчатыми толчками «пульса» горообразования процесс этот шел неравномерно, то замедленно, то ускоренно и различными темпами в разных частях охваченного им огромного пространства от Альп до Гималайской горной страны. Столь же неравномерно шел он и в Средней Азии, в том числе на Тянь-Шане. Но как бы то ни было горные хребты и массивы в целом поднимались неудержимо, громоздясь все выше и охватывая все большие пространства. По мере того, как горы Тянь-Шаня вздымались все быстрее и выше, а очертания их становились все более резкими, круто поднималась снеговая линия. Обширнее становилась зона вечных льдов и снегов — область накопления ледниковых толщ. Ледники начинали медленно сползать в долины Тянь-Шаня, пропиливая себе широкую дорогу в твердом камне и устремляясь всё ниже, всё дальше вглубь соседних низин. Ледники заняли теперь нагорные районы внутреннего Тянь-Шаня и вдоль речных долин спускались по горным склонам к межгорным впадинам.

Иссык-Кульская котловина, однако, была свободна от льда и, вообще, у подножия гор льдами были заняты лишь небольшие пространства.

Так начиналось новое, ледниковое время в истории Тянь-Шаня, расчленяющееся на два особых этапа, отделенных друг от друга одним межледниковым периодом.

Наступление сурового климата ледниковой эпохи привело к существенным переменам в природе Тянь-Шаня и, в первую очередь, растительности. В тугайной¹ растительности внутреннего Тянь-Шаня исчезли теплолюбивые листовые породы — ольха, вяз и ясень в то время, как другие растения и, в первую очередь, тяньшанская ель приспособились к новым условиям.

¹ Тугай — леса в поймах рек Средней Азии

Одновременно далеко на юг, в Ферганскую котловину, проникает теперь и волосатый слон, мамонт, животное, приспособленное к суровым климатическим условиям и ландшафту ледниковой эпохи.

Холодный и влажный климат ледникового периода сменился затем более теплым климатом, во время которого ледники сохранились лишь в самых верховьях рек. Межледниковое время характеризуется исключительно интенсивным развитием тектонических процессов, т. е. ростом гор за счет сокращения равнин в межгорных котловинах. Горы к концу межледникового времени глубоко расчленяются. Впервые появляется полоса предгорных возвышенностей — адыров, прорезанная речными долинами. Центральная часть Иссык-Кульской впадины под действием тектонических процессов глубоко опускается и в пониженной ее части скапливаются воды. Впервые возникает глубокий озерный бассейн Иссык-Куля. Вслед за отступающим ледником вглубь гор по долинам рек из котловин продвигалась лесная и луговая растительность.

Новое похолодание климата снова вызвало рост ледников, однако размер второго оледенения был меньшим, чем в предыдущий этап наступления ледников. Ледники, как правило, не достигали котловины Иссык-Куля, останавливаясь в 3—4 км выше начала предгорий.

Лесная растительность находила себе приют по тенистым склонам в предгорных возвышенностях, откуда после окончательного отступления ледников, которое началось около 10 тыс. лет тому назад, снова поднялась в горы.

На фоне этих грандиозных событий начала четвертичного периода, менявших облик целых континентов, и появляются в Киргизии первые ее обитатели, первобытные люди, оставившие свои примитивные каменные орудия на р. Он-Арча и в Ходжа-Бакирган-сае.

Самые древние пришельцы, люди стоянки Он-Арча, пришли сюда, должно быть, еще в то отдаленное время, когда только начали таять и отступать льды первого оледенения, когда вздувшиеся от избытка воды древние потоки ворочали огромные глыбы, стащенные ледниками с горных вершин, и откладывали у подножия гор колоссальные толщи галечника.

Вдоль этих русел бродили жалкие маленькие группы

первобытных охотников, добывая пропитание охотой на диких животных и собиранием растительной пищи.

К концу этого времени относится находка в Ходжа-Бакирган-сае. Мощная толща лёссовидной глины, перекрывающая в этом месте древние галечники, наглядно показывает, что межледниковое время заканчивалось и начиналась, повидимому, вторая ледниковая эпоха, а затем послеледниковое время, когда в Европе и Азии существовали наиболее благоприятные условия для отложения лёссовидных пород.

Что же представляли собою люди такой отдаленной поры человеческой истории; каков был их внешний облик и как строилась их общественная жизнь?

Хотя в Киргизии сейчас известны одни только каменные изделия людей этого периода, мы все же можем достаточно конкретно и уверенно представить общий вид изготовившего их человека.

Необходимые для этого данные дают остатки синантропа, обнаруженного в Северном Китае¹.

Синантроп занимает в эволюции человека переходное положение между древнейшим обезьяно-человеком, так называемым питекантропом, с одной стороны, и более поздним человеком — неандертальского типа — с другой.

Судя по строению нижних конечностей, синантроп был уже вполне двуногим, а не четвероногим существом. Он, следовательно, не только сохранил, но и усовершенствовал дальше двуногую прямую походку, характерную для его ближайшего предшественника — питекантропа.

Еще важнее, что верхние конечности синантропа были уже человеческими руками, освобожденными от опорных функций и целиком занятыми трудовой деятельностью. Соответственно успехам в трудовой деятельности прогрессивно развивался и мозг этого существа, по внешности еще очень первобытного.

¹ Одинаковый уровень развития производительных сил, культуры человека, сходство внешней среды того отдаленного времени позволяют думать, что существенных различий во внешнем облике человека и его общественной жизни различных районов Азии, где находятся материальные остатки деятельности людей ашельской эпохи, еще не существовало.

Мозг синантропа был значительно больше по объему, чем мозг питекантропа. Особенно же существенно, что он был более развит и по своей структуре. Характерно, что у него достигла значительного развития нижнетеменная доля, с которой преимущественно связываются высшие познавательные функции, определяющие наиболее высокую сферу мыслительной деятельности.

На таком уровне развития должны были находиться и те древнейшие люди, орудия которых были найдены в 1953 г. на речке Он-Арча. Выделывая одинаковые каменные орудия, эти люди, очевидно, точно так же, как и их современники в Северном Китае, постоянно пользовались огнем, хотя и не умели еще искусственно добывать его. С помощью огня они согревались в холодное время года. Огонь был их другом и союзником в борьбе за существование; он служил им могущественным оружием против кровожадных и сильных хищников. Это была первая стихия природы, которую человек покорил, освоил и поставил себе на службу. Пользуясь огнем и каменными орудиями, эти люди должны были, подобно синантропу, добывать себе пищу не только путем собирания дикорастущих растений или добычи мелких животных, но также и систематической повседневной охотой на крупных животных.

Подобный образ жизни должен был иметь своей основой определенное общественное объединение. Первобытные люди не могли бы существовать и успешно сопротивляться своим врагам, если бы у них не было никакой общественной организации, никаких общественных связей. Именно эти общественные связи, все возрастающие и укреплявшиеся с течением времени в процессе развития труда, неуклонно обуздывали и укрощали звериный эгоизм, унаследованный нашими предками от животного прошлого, укрепляли силу человека и все более и более возвышали его над природой.

Таким общественным объединением и был сначала тот первобытный человеческий коллектив, та первая в истории форма общественного объединения, которая получила в науке наименование первобытного человеческого стада, а затем более развитые и потому лучше известные ученым формы первобытной общины.

Около 100 тысяч лет тому назад начинается новое,

мустьерское, время, когда в Средней Азии жили люди неандертальского типа. Остатки мустьерских поселений впервые стали известны в горах Байсун-Тау, на юго-западе Узбекистана, и вблизи Самарканда, а также в Туркмении, у Красноводского полуострова, и на Узбое.

Сейчас следы деятельности мустьерских людей обнаружены и в той части Средней Азии, где соприкасаются территории Киргизии и Таджикистана. Одно из таких местонахождений найдено в долине р. Исфары около кишлака Чарку. Здесь, у самого подножия величественного известнякового хребта, находится источник с превосходной по чистоте и прозрачности пресной водой, носящий название Ходжа-Гор по сооруженному рядом с ним мазару.

Источник Ходжа-Гор бил из земли в течение многих десятков и сотен тысячелетий. Около него и останавливались древние мустьерские охотники во время своих охотничьих путешествий по горам и равнинным пространствам. Следы их остановок у источника являются каменные орудия характерного для мустьерской эпохи облика.

Первым около источника был поднят специфический для нижнего и среднего палеолита дисковидный неуклеус, с которого скалывались широкие каменные пластины треугольной формы. Неподалеку оказалась одна из таких пластин, крупная и широкая. Из нее можно было путем легкой обработки лезвий изготовить хороший остроконечник, важнейшее из орудий мустьерского охотника, служившее ему, повидимому, как клинком охотничьего ножа, так и наконечником копья. Третье орудие, найденное около источника Ходжа-Гор, оказалось скреблом мустьерского типа, изготовленным из превосходного белого кремня. Скребло это по своей форме и по технике изготовления обнаруживает поразительную близость к классическим в своем роде образцам мустьерских скребел из пещерных поселений Франции, названным по одному из наиболее известных местонахождений скреблами типа Ля-Кина. Такие скребла, как полагают, в отличие от остроконечников, составлявших охотничье оружие мужчин, употреблялись женщинами и служили в качестве женских хозяйственных ножей. Очень похожие орудия, носившие название «уло», застали этнографы у эскимосских женщин еще в XVIII—XIX веках. Это «уло» так же, как мустьер-

ские скребки имели полулунную форму и дугообразно выпуклый рабочий край. Эскимосские женщины своими «уло» резали мясо и шкуры животных, кроили кожаную одежду, соскребали мездру со шкур и выполняли другие хозяйственные работы.

Следы пребывания мустьерских людей найдены теперь и в других местах, неподалеку от Исфаринской долины. Таковы местонахождения изделий мустьерского человека на размытых древних террасах и такырах¹ вдоль правого берега р. Сыр-Дарьи против Канибадама в местности Ходжа-Ягона и в г. Ура-Тюбе. Еще богаче и многочисленнее следы мустьерской культуры, в том числе очень ранней, на левом берегу р. Сыр-Дарьи, в районе Науката и далее вниз по течению этой реки.

Несомненно, что люди мустьерской эпохи жили здесь и во многих других местах, в том числе и в пещерах, где остатки их культуры, надо полагать, будут обнаружены в дальнейшем.

Сравнивая изделия мустьерского человека с орудиями его далеких предшественников, оказавшимися на Тянь-Шане у р. Он-Арча и в Ходжа-Бакирган-сае у Ленинабада, нетрудно увидеть здесь признаки большого прогресса.

Мустьерский человек достиг несравненно более высокого уровня в развитии своей трудовой деятельности по сравнению с его предшественниками. Он поднялся на новую, значительно более высокую ступень в области развития общественных связей. Можно уверенно полагать, что неандертальские люди уже сделали первый шаг на пути к той уже очень сложной и развитой форме первобытной общины, которая носит название рода.

Зарождение материнского рода

Время дальнейшего развития и расцвета первоначальной родовой организации совпадает с новой культурно-исторической эпохой — с верхним палеолитом археологической периодизации (40—10 тыс. лет тому назад). Верхнепалеолитическое время является временем, когда впервые вызревает и складывается в отчетливо выраженных формах материнский род, с характерным для него групповым браком и счётом родства по материнской линии.

¹ Такыры — ровные глинистые пространства в степях и пустынях от 1—2 м² до нескольких десятков км²

Женщина в это время пользовалась равноправием с мужчиной и занимала видное место в общественной жизни.

Хозяйство родовых общин велось на строго коллективных началах. Совместный труд их членов определял коллективный характер распределения запасов пищи и других материальных благ. Члены одних и тех же общин, как правило, жили вместе, нередко в одном или нескольких общинных жилищах, составлявших родовой поселок.

Одновременно изменялся и физический облик человека. Древних людей типа синантропа и неандертальца сменяет человек современного типа. Впервые начинают складываться и те большие группы человечества, которые получили наименование расовых групп: европеоидная, монголоидная, австролоидная и негроидная.

Резко усложняется вся культура человека, дальнейшее развитие которой идет во многом по-разному в различных частях земного шара: в глубинной Африке, в Южной Европе и Передней Азии, в Китае, Центральной и Северной Азии.

В этот период, на протяжении времени от 30 до 10 тысяч лет тому назад, на территории Средней Азии соприкасались друг с другом две больших культурных области палеолитического человечества. Первая из них простиралась к востоку и к северу от Киргизии, вторая — к югу и к западу от нее.

Верхний палеолит Восточных районов Азии

На огромных пространствах Западной и Восточной Сибири, Забайкалья, Монголии и Северного Китая (Ордос) в конце ледниковой эпохи были рассеяны группы древних охотников на мамонтов, диких быков, лошадей и северного оленя. Они жили в более или менее постоянных, повидимому, сезонных охотничьих лагерях вдоль таких больших рек Азии, как Енисей, Ангара, Лена, Хуанхэ и по их многочисленным притокам.

Раскопки одного из таких поселений, произведенные на Афонтовой Горе у Красноярска, показали, что его обитатели жили здесь большой общиной, крепко спаянной коллективным трудом и узами кровного родства. У них, повидимому, были и обширные общественные жилища, сооружаемые усилиями всех сородичей. Найденные на Афонтовой Горе, а также и на месте всех остальных поселений этого рода, каменные орудия отличаются неужи-

данным и удивительным, на первый взгляд, смешением таких изделий, которые по европейским масштабам никак не могли бы употребляться в одно и то же время. Половину, а иногда и две трети здесь составляют вещи, напоминающие по форме и технике мустьерские орудия: большие овальные скребла, а также треугольные ручные остроконечники.

Вместе с этими архаическими по облику вещами, в одном и том же слое, на одном и том же участке раскопа встречаются, однако, тонкие изящные изделия из узких правильных по очертаниям ножевидных пластин. В том числе имеются характерные для палеолита Европы специальные инструменты, употреблявшиеся для обработки дерева и кости, для изготовления деревянного и костного охотничьего вооружения. Такое необычное сочетание каменных изделий различного вида принято было объяснять отсталостью и застойностью культуры восточных племен по сравнению с жителями Европы. С этим упрощенным и тенденциозным объяснением согласиться, однако, нельзя.

На самом деле культура этих племен, взятая в целом, была вовсе не ниже и не примитивнее культуры их западных contemporaries, а в некоторых отношениях, возможно, даже опережала ее. Так, на востоке раньше, чем на западе или, во всяком случае, не позже появилась домашняя собака, предком которой здесь был прирученный волк, ставший первым в истории человечества домашним животным, верным другом и союзником человека в последующие тысячелетия его истории.

На востоке столь же рано появились принципиально новые способы изготовления охотничьего вооружения и новые виды последнего. На стоянке Афонтова Гора на Енисее и Ошурковской стоянке на Селенге обнаружены древнейшие кинжалы или наконечники из кости с глубокими продольными желобками, в которые были вставлены острые кремневые пластины.

Все это свидетельствует о раннем появлении весьма развитой и сложной по тем отдаленным временам охотничьей культуры, о значительном прогрессе в развитии охоты, как основного вида производства древних обитателей Северной и Центральной Азии, в том числе и Енисея.

Особенности культуры восточных племен свидетельствуют, таким образом, не об отсталости ее носителей, а о том, что в них отразились особые условия их жизни и их собственные самобытные традиции.

Одним из наиболее резких проявлений таких самобытных традиций культуры восточных племен древнекаменного века была ярко выраженная особенность самой техники изготовления местных каменных орудий. Она заключается в том, что вместо тонких ножевидных пластин, снятых с призматического ядрища (нуклеуса), здесь часто в дело шли целые гальки, которые раскалывались поперец одним сильным ударом. Затем плоскость раскола затесывалась рядом сколов и приобретала вид массивного лезвия, иногда прямого или вогнутого, а чаще всего выпуклого.

Очень важным фактом для истории древнейшего, палеолитического населения Северной и Центральной Азии является то, что такая же техника изготовления больших каменных орудий существовала в Северном Китае еще во время синантропа.

Именно этими своеобразными приемами древнейшие обитатели пещер Чжоу-Коу-дяна нередко выделявали свои примитивные орудия.

Отсюда следует, что в технике изготовления и формах каменных орудий восточных областей устойчиво существовали чрезвычайно древние собственные традиции, уходящие своими корнями в глубочайшую древность, в эпоху синантропа, если не глубже. Родину же этой культуры следует искать далеко на востоке, может быть, в Монголии или Северном Китае, откуда она в течение тысячелетий и распространялась на Запад, в том числе на Алтай, Енисей и в Северный Казахстан, в верховья р. Иртыша. Во всяком случае, здесь встречаются такие же, как в Китае и Монголии, крупные скребловидные орудия, напоминающие мустьерские вещи, а вместе с ними остроконечники и различные мелкие изделия, составляющие вторую группу каменных орудий восточного палеолита. Еще интереснее, что крупные каменные орудия, напоминающие восточные, сделанные путем раскалывания целых галек, встречены и далеко к югу от северного Казахстана, в горах Таджикистана, в долине Кафирнигана и около Вахша. Орудия «сибирских форм» были обнаружены, повидимому,

на верхнепалеолитическом поселении у Комсомольского озера в г. Самарканде при раскопках 1938—1939 гг.

Можно полагать поэтому, что в эпоху верхнего палеолита на Тянь-Шань и в другие районы Киргизии могли проникать представители восточной группы палеолитических племен, следы пребывания которых, вероятно, и будут найдены здесь в дальнейшем.

Верхний палеолит в южных районах Средней Азии

В то время, когда к востоку и к северу от Тянь-Шаня, а также в горных районах на севере Средней Азии жили группы палеолитических охотников, которые широко пользовались древними восточными приемами изготовления каменных орудий из расколотых галек, на юге обитали представители иной по характеру и происхождению культуры.

Ученые давно уже обратили внимание на тот загадочный факт, что со временем во многих странах на смену более или менее крупным каменным изделиям из пластин появляются изделия меньшего размера. Одновременно происходили и еще более удивительные перемены в очертаниях каменных изделий и начиналась геометризация их формы. Обычными становятся сначала изделия в виде сегментов или полулунных пластинок, имеющие прямое основание и дугообразно-выпуклую вершину, затем появляются изделия в виде трапеций и треугольников, в том числе асимметричных, т. е. с одним прямым и противоположным скошенным длинным краем. Развивается и крайне характерная техника изготовления таких вещей. Заготовками для них служили правильные и изящные по форме пластины, сколотые с камней ядрищ призматической формы. В этих пластинах затем делались боковые выемки, после чего их ломали пополам по узкому месту между двумя выемками.

Раньше всего изделия подобного рода, получившие в литературе из-за своих малых размеров название микролитов (от микрос—малый и литос—камень), вместе с тем и своеобразная техника их изготовления распространились в Северной Африке, Палестине, а также в Передней Азии и на юге Европы, в том числе на юге Украины, в Крыму и на Кавказе.

В Средней Азии микролитические изделия особенно обильно встречаются в юго-западной Туркмении, около

г. Красноводска, ст. Джебел и г. Небит-Дага. Есть они и в бассейне Аму-Дарьи, около гор. Баба-таг, в районе Айваджа, а также на берегах Кафирнигана и Вахша.

Самая богатая находками каменных изделий микролитических форм стоянка известна у источников Чиль-Чор-Чашма вблизи Бишкента в Шаартузском районе на юге Таджикистана.

В настоящее время самые северные и, вместе с тем, восточные для Средней Азии следы культуры людей, пользовавшихся этой специфической техникой изготовления орудий труда обнаружены на границе Киргизии и Таджикистана в бассейне Сыр-Дарьи, в долине Исфары, у того же замечательного источника Ходжа-Гор, где были найдены описанные выше орудия мустьерской эпохи.

Микролитические изделия залегают здесь в верхнем слое лёссовидного суглинка. Они состоят прежде всего, из характерных кремневых острий, материалом для изготовления которых послужили узкие, относительно длинные, правильно ограненные на спинке тремя или двумя гранями, пластины. Один край таких пластин бывает обработан крутой затупливающей ретушью, а другой остается без обработки. Там же собраны разнообразные кремневые скребки, в том числе очень небольшие по размеру, но тщательно отделанные ретушью, и другие изделия. Особенно много уцелело нуклеусов, имеющих правильную призматическую форму, а также отщепов, показывающих, что стоянка у источника Ходжа-Гор была местом, где много поколений древних охотников выделяли свои орудия труда из белого кремня и темного кремнистого известняка, пользуясь одними и теми же традиционными приемами, одной и той же привычной для них техникой, унаследованной от предков — южан.

Столь широкое и раннее по времени распространение такой специфической техники было вызвано все возрастающей по мере развития охоты и охотничьего хозяйства потребностью в улучшении охотничьего вооружения.

Охотнику нужны были прочные и острые наконечники копий и кинжалы большого размера. Он нуждался также в подсобном охотничьем инвентаре. Ему требовались, например, остролезвийные ножи для свежевания и потрошения туш убитых животных, для резания мяса и других трудовых операций. Такие орудия можно было бы изгото-

вить из кремня и других кремнистых пород, дающих прочные и острые режущие лезвия. Но кремневые клинки отличались, как правило, небольшими размерами. На севере, где в изобилии имелся такой прекрасный материал для изготовления предметов вооружения, как бивень мамонта — слоновая кость или рог северного оленя, первобытные охотники позднего палеолита могли легко и просто изготовить из этих материалов необходимое им охотничье вооружение.

Охотники же юга вынуждены были заменять бивень и рог северного оленя иным, менее удобным для этой цели материалом — деревом различных пород. Но деревянные наконечники и кинжалы, разумеется, резко уступали костяным по прочности лезвий.

Охотники юга вышли из возникшего перед ними затруднения простым и оригинальным способом. Они стали вырезать в лезвиях своих деревянных клинков узкие продольные пазы, в которых и закрепляли затем острые кремневые лезвия в виде пластинок. Иногда острые каменные пластинки всаживались в пазы наконечников в виде зубцов, подобных зубцам тарпунов.

Такие наконечники и кинжалы с вкладными каменными лезвиями могли иметь практически любые размеры и представляли собою оружие страшной по тем временам боевой силы.

Еще важнее другое обстоятельство. В течение сотен тысячелетий первобытные люди не имели никаких метательных приспособлений и поражали животных только на таком расстоянии, на которое они могли бросить камень или дротик силой собственной руки.

В верхнем палеолите впервые появляется такой важный в истории метательного вооружения инструмент, как копьеметалка, резко увеличившая размах руки и дальность полета метательного дротика.

Следующим этапом в развитии метательного вооружения явилось возникновение лука.

Лук оказался самым эффективным охотничьим оружием каменного века, позволившим поражать добычу на недостижимом прежде расстоянии. Это было самое мощное дальнобойное охотничье приспособление того времени, резко облегчившее охотничий труд и тяжелую борьбу первобытного человека за существование. Вполне понят-

но поэтому, какое важное значение должно было иметь любое усовершенствование лука и стрел. Именно таким усовершенствованием явилось применение специальных каменных наконечников стрел, одной из первых форм которых были пластинки в виде трапеций. Подобные наконечники—трапеции, уцелевшие на деревянных древках, известны из скандинавских болот и из древнего Египта. Они употреблялись, надо полагать, и во всех тех странах, где встречаются микролитические изделия в виде трапеций. Вероятно, применялись также миниатюрные наконечники в виде асимметричных треугольников. По крайней мере, такие наконечники были найдены в знаменитом могильнике на острове Тевьек во Франции.

Раскопки пещерных поселений у берегов Каспийского моря, в гроте Кайлю у Красноводска, а также в гротах Джебель и Дам-Дам-Чешме у Небит-Дага показали, что их обитатели, пользовавшиеся стрелами с микролитическими наконечниками и вкладышевыми орудиями, как и их современники на востоке Азии, жили охотой и рыбной ловлей. Однако в образе жизни тех и других первобытных общин были существенные отличия. Общины южных районов вели более подвижную жизнь, часто меняя свое местопребывание в погоне за джейранами, дикими быками и другими животными степей и пустынь.

Пещеры не были для них постоянными жилищами, а скорее служили местами временных или сезонных остановок.

Наряду с охотой исключительно важное значение в их жизни должно было иметь собирание дикорастущих съедобных растений, зерен и корней.

Такую же подвижную жизнь бродячих охотников степей и пустынь должны были вести те общины верхнего палеолита Средней Азии, следы деятельности которых найдены у источников Ходжа-Гор в Исфаринской долине.

Отсюда, на следующем этапе культурного развития, начинался путь к новым, более высоким формам хозяйства, от потребления продуктов природы, данных в готовом виде, к производству этих продуктов собственными усилиями человека, к возделыванию культурных растений и разведению домашнего скота.

Во всяком случае, около 8—6 тысяч лет тому назад у потомков древних охотников юга, в пещере Джебель, по-

являются первые зернотерки и кости домашней козы и овцы. Вблизи Ашхабада в это же время жили древнейшие земледельцы, которые пользовались еще микролитическими изделиями, но уже выделяли глиняные сосуды, расписанные простейшими узорами.

Так произошло важнейшее событие в жизни южных племен: возникла земледельческая культура и появилось скотоводство. Земледельцы и скотоводы юга встали на новый путь развития, который привел их впоследствии к классовому обществу и государству.

§ 2. НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В КИРГИЗИИ И СОСЕДНИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Следы неолитических стоянок в Средней Азии

Хотя Киргизия, повидимому, была далека от той центральной области, где наиболее быстро и эффективно шло развитие земледелия и скотоводства, ее население, в особенности в южных современных районах Киргизской ССР, все же находилось в какой-то связи с племенами, обитавшими на юге Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. А это не могло не оказать прогрессивного влияния на культуру и образ жизни древнейшего населения Киргизии, о чем свидетельствует дальнейший ход его истории. Большой интерес с этой стороны представляет тот факт, что во многих местах в Чуйской долине — на р. Аламединке у г. Фрунзе, у г. Токмака, по берегам Иссык-Куля в местности Чолпон-Ата, у г. Нарына на Тянь-Шане, на древних речных берегах — террасах обнаруживаются следы пребывания людей, широко пользовавшихся камнем для изготовления орудий труда и, вероятно, вооружения. Это были обычные стоянки под открытым небом, где можно найти немало обработанного человеком камня, в том числе: оббитые гальки, мелкие пластины и отщепы. Люди этого времени пользовались и пещерными жилищами. Одно из таких пещерных поселений оказалось в гроте Теке-Секирик у г. Нарына, другое на реке Сарыджаз, известной своими пещерами.

Как оказалось, пещера Ак-Чункур на р. Сарыджаз издавна служила убежищем древнему человеку. Пещера Ак-Чункур находится на высоте около 3500 м над уровнем

моря. Длина её 45 м, ширина от 1,5 до 7,5 м, высота свода пещеры достигает 1,2 м у входа и 1,5 м в глубине. На стенах пещеры сохранились впервые найденные в пещерах Киргизии наскальные рисунки, изображающие козлов, быков, змей, а также человеческие фигуры. Рисунки эти выполнены красной краской и могут относиться к неолитическому времени. При шурфовке в пещере найдены были оббитые гальки и отщепы с отчётливо выраженными следами искусственной целесообразной обработки.

Часть этих находок может быть отнесена к неолитическому времени (6—5 тыс. лет тому назад), когда в соседнем Казахстане жили кельтеминарские племена, пользовавшиеся луком и стрелами, шлифованными топорами, выделявавшие остродонные глиняные сосуды. Это были общины, главным занятием которых являлась охота. В то же время в Туркмении и на юге Узбекистана существовали общины древнейших земледельцев Средней Азии, к этому времени ушедшие еще дальше в своем культурном развитии.

Неолитические стоянки на Енисее

К востоку от Киргизии в это время жили потомки палеолитических обитателей Сибири и Центральной Азии, попрежнему занимавшиеся охотой и рыбной ловлей.

Например, древние жители долины Енисея при помощи лука и стрел охотились на зверей или ловили их в ловчие ямы, изгороди и сети. Первое место среди объектов охотничьего промысла принадлежало лосю. Рыбу добывали остроумным способом, заимствованным от более далеких северных соседей, обитавших в глубине таёжных областей Восточной Сибири. Для этого долбили во льду замерзшей реки прорубь, ставили над ней небольшой шатер-чумак и опускали в воду на шнуре искусно сделанную каменную или костяную фигурку, изображавшую рыбу. Когда эту приманку замечала хищная рыба и пыталась схватить её, сидевший над прорубью рыболов поражал рыбу быстрым и резким ударом.

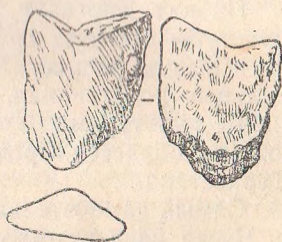
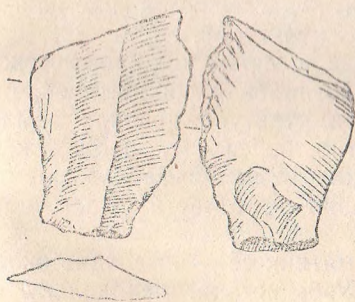
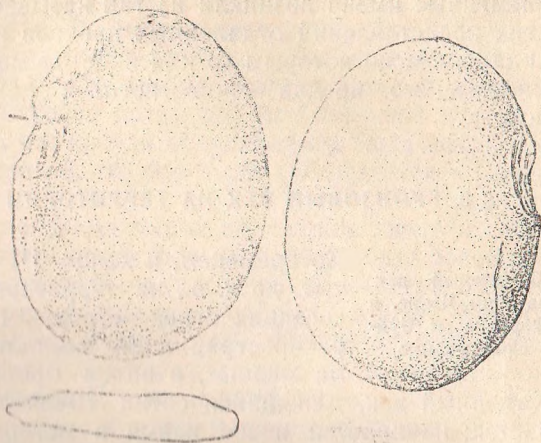
Сложившаяся у неолитических племен культура имела много своеобразного и достигла значительного по тем временам развития. По сравнению с предшествующим временем теперь были усовершенствованы приёмы изготовления орудий труда; распространились новые, характерные для неолита способы обработки камня. Основным,

что отличало новую технику от старой, было то, что неолитические мастера на Енисее научились шлифовать камень и даже пилить его каменными пилами. Их ножи и наконечники стрел сделаны обычно с таким искусством, что не уступают самым совершенным изделиям такого рода, известным в могилах додинастического Египта, которые заслуженно считаются недостижимыми образцами ювелирной по качеству отжимной техники обработки камня.

В период неолита преобладающей формой общежития повсюду, в том числе на Тянь-Шане и Енисее, являлся материнский род. Родство считалось по материнской линии. Это был расцвет первобытно-общинного строя, когда неравенства между племенами не существовало, когда еще не сложились и общественные классы. Женщина занимала почетное и влиятельное положение в обществе. Была распространена так называемая матрилокальная форма брачного поселения, т. е. при брачном сожителе не женщина переходила в род мужа, а, наоборот, — муж в род жены.

Родовые общины эпохи неолита создали свое собственное, реалистическое в основе, искусство, неразрывно связанное с их охотничьей жизнью и мировоззрением. Первое место в этом искусстве занимает образ лося — главного промыслового зверя. Изображения этого могучего зверя часто встречаются на отвесных скалах по берегам Енисея. Фигуры лосей поражают своей реалистической живостью. Точно такие же по стилю изображения лосей, но на этот раз скульптурные, вырезанные из широких лопастей рога этого животного, встречены и в могилах неолитического времени у Красноярска, в Базаихе. Они не только не уступают наскальным изображениям, но даже и превосходят их по своей реалистической трактовке. Здесь в полной мере отразились меткая наблюдательность и острота зрения лесного охотника.

Любопытно отметить в связи с этим, что в этнографии киргизских племен до наших дней дошли отзвуки важного значения, которое лось имел в отдаленном прошлом для их предков. Одно из наиболее сильных киргизских племен носило наименование сары-багыш, что буквально значит «желтый лось». Другие киргизские племена назывались чон-багыш, т. е. большой лось, кара-багыш, т. е. черный лось и просто лось—багыш. Возможно, что такие

Каменные орудия, найденные в ущелье Ак-Чункур.

племенные имена возникли из так называемых тотемических представлений отдаленных предков киргизского народа, согласно которым то или иное племя происходит от мифического предка — животного, в данном случае — лося.

§ 3. БРОНЗОВЫЙ ВЕК НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ

Бронзовый век
на Тянь-Шане, в
Фергане и Чуй-
ской долине

Со временем, в конце III и в начале II тыс. до н. э., на территории Киргизии и соседних с ней стран вместо каменных распространяются металлические, сначала медные, а затем бронзовые орудия.

Каменный век, длившийся сотни тысячелетий, заканчивается; начинается новое время в истории культуры — бронзовый век. Одновременно на основе развития производительных сил, в первую очередь распространения земледелия и скотоводства, а также зарождения металлургии и роста обмена, происходили значительные перемены в общественной жизни. На смену древнему материнскому роду приходит отцовский род с характерной для него патриархальной семьей, где мужчина занимал господствующее положение, а женщина утратила свою былую независимость и свободу.

В бронзовом веке, как и в предшествующее время, население Киргизии соприкасалось с племенами и культурами других стран; на её территории складываются различные хозяйственные уклады, расселяются племена с различной по происхождению культурой.

На юге Киргизии, там, где в эпоху микролитической культуры бродили группы охотников и собирателей, рано и пышно расцветала яркая культура древних земледельцев, родственная, вероятно, по своему происхождению с культурами древнейших земледельческих племен южных областей Средней Азии и, отчасти, Восточного Туркестана.

Самый замечательный памятник её — поселение около г. Чуста на северо-востоке Узбекистана, неподалеку от границ Киргизии. Раскопки показали, что здесь еще в конце III — начале II-го тысячелетий до н. э. жили оседлые земледельцы и скотоводы. Остатки их жилищ имеют вид

полуземлянок с хорошо утрамбованным и утоптаным земляным полом. Во многих жилищах сохранились круглые и прямоугольные в сечении ямки для жердей, служивших опорами для крыши, остатки которой имели вид плотно слежавшейся истлевшей растительной массы. Отсюда следует, что кровля полуземлянок была покрыта камышом или травой, как это часто наблюдается в Средней Азии и теперь.

Вместе с полуземлянками на селище уцелели своеобразные ямы конической формы, заполненные золой. Вокруг этих зольников было рассеяно множество обломков глиняной посуды и пищевые отбросы в виде разбитых костей животных, птиц и рыб. Хозяйственной основой жизни обитателей Чустского селища было возделывание культурных растений: в его культурном слое найдены зерна пшеницы, ячменя и проса и много обломков каменных зернотерок, обнаружены также и каменные песты. Земледельцы — жители селища успешно занимались также и ткачеством, о чем свидетельствуют костяные гребни для расчесывания растительных волокон, примитивный костяной челнок и диск-пряслице от веретена. Кроме того, на некоторых сосудах видны отчетливо выраженные отпечатки ткани, покрывавшей болванки, на которых лепились эти сосуды.

В наслоениях селища обнаружены шлифованная каменная булава и обломок такого же каменного шлифованного боевого топора, а также много костяных изделий. Но первое место в технике принадлежало уже не камню и кости, а новому материалу — металлу: меди и бронзе. Из меди и бронзы теперь выделялись превосходные ножи, шилья и наконечники стрел, близкие по форме к найденным во втором снизу культурном слое знаменитого северного кургана в Анау, около Ашхабада (Анау II).

Самая характерная черта материальной культуры обитателей поселения у Чуста — расписная керамика. Наряду с простыми глиняными сосудами, поверхность которых в лучшем случае была покрыта красным слоем — ангобом и залощена, в культурном слое селища оказались обломки сосудов, покрытых простым, но характерным узором, выполненным густой черной краской по красному фону. Расписной орнамент этих сосудов имеет вид сето-

чек в косую ромбическую клетку, треугольных зубцов и зигзагообразных линий, очень близких к орнаментике глиняных сосудов Анау II.

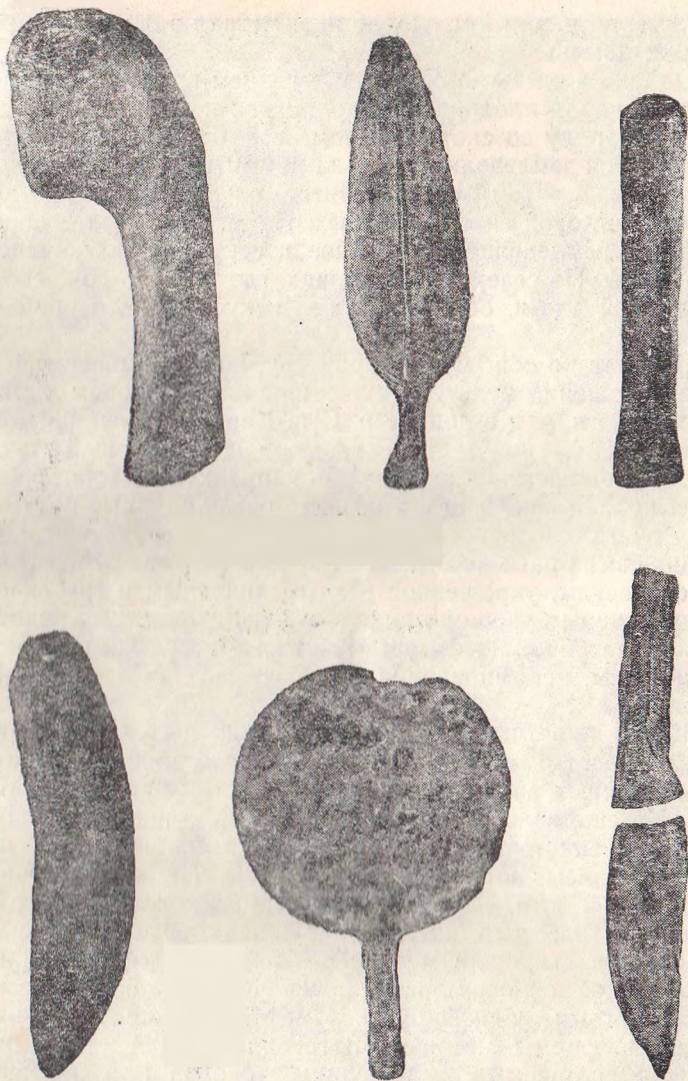
Указанием на связи с еще более далекими странами Азии служит раковина каури, происходящая из Индии или соседних с ней стран.

Каменный боевой топор, молот и булава бросают свет и на общественный строй обитателей Чустского поселения. Такие молоты и булавы всюду, где они встречаются, служили отличительными знаками племенных или родовых вождей или старейшин. Они появляются на пороге от первобытной родовой общины к более высоким формам общественной организации — к племенным союзам, предшественникам первых государственных объединений, возникших в Двуречье, Египте, а также в Средней Азии еще в эпоху бронзы.

Аналогичные по характеру находки, по характеру и общему облику культуры поселения земледельцев бронзового века обнаружены в других частях Ферганской долины, например, на левом берегу р. Кара-Дарьи восточнее с. Аим.

В то же или почти в то же самое время, когда на плодородных лёссовидных почвах Ферганы терпеливо трудились древние земледельцы, один из поселков которых обнаружен около Чуста, на севере Киргизии жили другие племена, с иной, более примитивной культурой. Так, на северном берегу Иссык-Куля, вблизи поселка Чолпон-Ата, в овраге обнаружен культурный слой древнего селища, состоявший из золы с примесью костей животных, обломков глиняных сосудов примитивной выделки и грубых отщепов.

В устье р. Шар-Каратма, при впадении ее в р. Нарын, около поселка того же названия, на террасовидном уступе высотой около 8 м, в карьере на глубине 60—80 см имеется хорошо выраженный культурный слой. В нем вместе с расщепленными рукой человека гальками залежали кости животных, древесные угли, а также фрагменты трубой керамики и превосходно отшлифованное каменное изделие в виде диска, служившее, вероятно, терочником-курантом. Обитатели этих поселений отчасти пользовались еще каменными орудиями, но у них уже имелись и металлические изделия, а со временем во второй половине

Вещи эпохи бронзы (Чуйская долина)

2-го тыс. до н. э. и 1-м тыс. до н. э. металл в основном вытесняет камень.

Однако и здесь на севере с течением времени в ряде районов вдоль плодородных долин рек и ручьев, в предгорьях, наряду со скотоводством, всё больше и больше развивается земледелие, сначала примитивное по технике, мотыжное, а затем более развитое, плужное, с использованием тягловой силы животных. На юге это было, надо полагать, земледелие, основанное на искусственном орошении почвы. На севере же и в горах, где хватало дождевой и снеговой влаги, обходились без искусственного орошения.

Близкая по общему ее характеру, но более развитая в ряде отношений культура существовала во втором тысячелетии до н. э. и в долине р. Сыр-Дарьи у Ленинабада. Здесь под плотной толщей такыров, достигающей двух метров мощности, в окружении кайракумских песков, уцелели многочисленные и нередко очень крупные по размеру очаги, сложенные из речных галек. Около очагов и на них самих рассеяно множество фрагментов грубой глиняной посуды, украшенной резным линейным и гребенчато-пунктирным узором в виде треугольников и тому подобных геометрических фигур. Некоторые сосуды имеют носики-сливы, напоминающие такие же детали сосудов из Чуста.

Кости животных, найденные на этих поселениях, свидетельствуют о разведении скота и охоте, как о существенно важных занятиях древних обитателей Кайраккумов. Но еще важнее многочисленные обломки зернотерок и целые зернотерки овальной или ладьевидной, как их обычно описывают археологи, формы. Не менее существенно и то, что, кроме готовых медных ножей, шильев и наконечников стрел, здесь обнаруживаются следы систематической выплавки меди — целые груды медеплавильных шлаков и даже запасы неиспользованной древними металлургами медной руды. Имеются также каменные литейные формы, которые употреблялись для изготовления так называемых вислообушных топоров и других медных или бронзовых орудий и предметов вооружения.

О значительном развитии и высоком уровне местной металлургии бронзового века можно составить представление и по замечательнымкладам медных и бронзовых

Наскальные изображения в урочище Саймалы-таш (Ферганский хребет:

1) сцена охоты, 2) сцена пасты

изделий, найденных около г. Фрунзе на р. Сукулук, в состав которых входят инструменты для обработки дерева, украшения и бронзовые зеркала. Эти клады — обычные для бронзового века — остались, может быть, от странствующих литейщиков или торговцев, спрятавших свое имущество в минуту опасности.

Во всяком случае, обитатели Чуйской долины и богатых превосходными пастбищами долин Тянь-Шаня имели теперь в своем распоряжении не только бронзовые тесла-кельты, бронзовые украшения и зеркала, но также и металлические ножи, наконечники стрел и копий, медные серпы и другие вещи.

Большой интерес для истории культуры древнего населения горных областей Киргизии имеют наскальные изображения, часть которых исследователями относится ко второму тысячелетию до н. э.

Таковы древнейшие изображения, выбитые на глыбах базальта в урочище Саймалы-Таш. Среди множества изображений Саймалы-Таша выделяется группа рисунков, отличительная черта которых состоит в передаче туловища животных двумя соединенными вершинами треугольников или в форме прямоугольника. Отмеченная особенность стиля сближает данную группу изображений с аналогичными рисунками животных на крашеных сосудах из древних поселений в Сузах (Сузы I и Сузы II) и позволяет, таким образом, отнести древнейшие рисунки Саймалы-Таша, по крайней мере, ко второму тысячелетию до н. э.

Среди этих наскальных рисунков имеются крупные повествовательные композиции и сложные сцены, раскрывающие интересные черты быта и верований оставившего их населения горной Киргизии. Так, например, на одном рисунке видны две стилизованные фигуры животных, стоящие друг против друга в «геральдической» позе, обычной для искусства классического Востока. На другой композиции изображены, повидимому, быки, запряженные попарно при помощи ярма. Быки тянут, как будто, двухколесный плуг, за которым идет антропоморфная фигура с широко распущенными волосами на голове и длинным узким хвостом сзади. Это, должно быть, отрывок какого-то аграрного мифа или изображение обрядной пахоты, свидетельствующее о неожиданно раннем, еще в эпоху

бронзы, появлении в Южной Киргизии плужного земледелия с употреблением тягловой силы рогатого скота, а также о существовании у местных племен той поры сложившихся аграрных культов.

**Андроновская
культура и ее
отражение в
Киргизии**

Большое значение для развития культуры племен Киргизии в бронзовом веке имели связи их с племенами андроновской культуры, выросшей, как полагают исследователи, из более древней афанасьевской культуры, известной по ярким памятникам Минусинского края, а также по находкам на Алтае¹.

Андроновские племена во время наибольшего их распространения заселяли огромные пространства, включавшие степи и лесостепи Западной Сибири, простиравшиеся от Урала до Енисея, Алтай и Северный Казахстан. Как мы увидим далее, они проникали и в соседние районы Средней Азии, в том числе в Киргизию.

Основой жизни андроновских племен было скотоводство, сочетавшееся с мотыжным земледелием.

О важной роли земледелия свидетельствует единственное в своем роде жертвенное место, обнаруженное вблизи Алексеевского поселка на р. Тоболе. Здесь стояло более пятидесяти сосудов и находились вырытые в земле ямы. На дне пяти жертвенных ям уцелели следы сжигания хлеба в виде обугленных зерен и стеблей пшеницы.

Земледелие, естественным образом, определило оседлый или, во всяком случае, полuosедлый образ жизни андроновцев.

На древнем поселении, раскопанном в том же месте, где находилось жертвенное место, но, вероятно, несколько более позднем по времени, обнаружены остатки пяти прямоугольных в плане полуземлянок, отличавшихся обширными размерами: площадь таких землянок достигала 250 кв. метров. Кровли этих жилищ опирались на десятки столбов и бревенчатых подпорок. К жилищам вплотную примыкали загоны для скота, представлявшие собою отгороженные пространства, похожие по своим неправильно-округлым очертаниям на пристройки для скота в казахских зимниках.

¹ Андроновская культура названа так по первым находкам у д. Андроновой в Западной Сибири.

Андроновские племена систематически и с успехом занимались также добыванием и обработкой металла — меди, олова, а также золота.

Значительный прогресс обнаруживается также в искусстве и верованиях. В андроновское время складывается высокоразвитый орнаментальный стиль, в основе которого лежит сложный меандровый узор, выполнявшийся с большим искусством на бытовой утвари. О рели-

Глиняный сосуд эпохи бронзы (долина Арпа)

гии андроновцев можно получить представление по узорам в виде кругов, часто лучистых, на сосудах, а также по специальным жертвенным сооружениям в виде таких же кругов с лучами.

По своему антропологическому облику андроновцы принадлежали к числу европеоидных племен. Есть даже предположение, что это были древние индоевропейцы, иранцы по языку, позднее распространившиеся вплоть до Индии на юге и далеко на западе. Возможно также, что у них уже существовали крепко сплоченные объединения родов и племен или, во всяком случае, тесные связи между ними.

Все это облегчало как распространение культурного

влияния андроновцев на соседей, так и проникновение самих андроновцев в другие области, например, в низовья Аму-Дарьи, а также в горные районы Киргизии, где встречаются погребения с сосудами андроновского типа.

Замечательные следы культуры андроновского облика обнаружены, например, в долине Арпа, расположенной на высоте 2800—3000 м над уровнем моря. Само по себе название этой долины указывает на её удобства для жизни скотоводов. Слово «Арпа» значит «ячмень». Ячмень здесь расти не может, но местные киргизы говорят, что это название объясняется высокими качествами местных трав, не уступающих по питательности ячменю. И, действительно, сочные травы Арпы, особенно по садам вдоль самой прозрачной реки Арпы и ее притоков, издавна пользуются широкой известностью среди скотоводов Киргизии. Не удивительно поэтому, что в непосредственном соседстве с сазовыми лугами оказались могильники древнего скотоводческого племени.

Племя это хоронило своих умерших сородичей на высоких террасовидных уступах—«прилавках», в могильниках, имевших вид курганных насыпей из земли и мелкого камня. Под каждым таким курганом находились четырехугольные ограды, выложенные из крупных камней и ориентированных сторонами по странам света. Внутри эти четырехугольники были разделены поперечной стеной на два отделения: северное и южное. В южном отделении одного из таких курганов сохранились два совершенно целых сосуда, украшенных богатым и тонким по выполнению орнаментом андроновского типа: зигзагами, треугольниками и характерно андроновским меандром, опоясывающим сосуд ниже плечиков. Орнаментика арпинских сосудов особенно близка орнаментике сосудов позднеандоновского времени из могил и поселений степных областей Казахстана, Алтая и Минусинского края. В северной части этой могилы уцелели сильно пережатые мелкие частицы человеческих костей.

Отсюда становится ясным, что в конце второго тысячелетия до н. э. степные племена, родственные андроновским племенам Западной Сибири и Северного Казахстана, уже достигли высот Тянь-Шаня. Они расселились здесь по высокогорным лугам, привлекавшим этих древних скотоводов своими прекрасными альпийскими трава-

ми, чистой и холодной водой горных ручьев и речек, так же как привлекали они скотоводов Киргизии на всем протяжении последующих трёх тысячелетий.

Так начинается прочное освоение нагорной Средней Азии, где раньше бродили только рассеянные группы первобытных охотников каменного века, новыми скотоводческими племенами. У вечных снегов Тянь-Шаня появляются первые очаги своеобразной культуры тех древнейших степных племен, потомки которых оставили после себя глубокий след в истории огромных областей Южной Сибири и Средней Азии и первыми вошли в писаную историю этих стран под именем саков.

Сложение патриархального рода

С бронзовым веком в Средней Азии связан был не только большой прогресс в материальной культуре и хозяйстве, но и важные перемены в общественном строении населения этой страны. Перемены эти выразились прежде всего в изменении родового строя, в возникновении новой, патриархальной семьи и отцовского рода. Эти события должны были, конечно, иметь определенную экономическую основу. Такой основой явились общий рост производительных сил, развитие земледелия на юге и скотоводства в горных и северных районах Киргизии, вытеснение каменных орудий бронзовыми, которые значительно усиливали человека в его борьбе с природой, — всё это привело к постепенному умиранию материнского рода и развитию патриархального рода.

С ростом скотоводства возрастала роль мужчины в общественной жизни. Богатство постепенно стало накапливаться как собственность отдельных семей. По выражению Фр. Энгельса, семья угрожающе поднялась против рода. Первобытное равенство разлагалось по мере того, как росло неравенство между семьями. Основой этого неравенства было развитие первой формы частной собственности — семейной частной собственности. Семейная собственность передавалась по наследству от отца к сыну. Господствующее положение мужчины привело к всё большему принижению общественной роли женщины.

Форма семьи, какая существовала в эпоху матриархата, стала сменяться семьей патриархальной, основанной уже не просто на брачном сожителе, а и на владении частной семейной собственностью.

Вместе с развитием здесь первой формы частной собственности складывалось не только неравенство между мужчиной и женщиной и имущественное неравенство между семьями, но происходило и зарождение классового общества. Несвободные члены родовой общины существовали и при матриархате (обычно это были пленные), но при господстве общественной родовой собственности несвободные члены общины не превращались в особый, отличный от свободных сородичей, класс. Средствами производства владели и пользовались все члены общины. Когда же стала развиваться частная семейная собственность и неразрывно с ней связанное наследование по отцовской линии, владение средствами производства закреплялось только за свободными членами общины, из владения семейной собственностью несвободные исключались. Складывалось различное отношение к средствам производства свободных и несвободных членов патриархально-родовой общины. Несвободные таким путем превращались в рабов.

Все эти различия в жизни патриархального рода проявлялись, конечно, не сразу. В жизни, в быту положение несвободного мало чем отличалось от положения свободного сородича, но, несмотря на это, создавались предпосылки деления общества на классы, как бы слабо на первых порах это деление ни проявлялось.

Переход от матриархата к патриархату означал таким образом не только изменение порядка наследования. Он означал начало разрушения прежней общинной родовой собственности и развитие частной семейной собственности. Он означал разрушение прежнего равенства и развитие имущественного неравенства между семьями. Он сопровождался развитием неравенства между полами. Наконец, переход к патриархату знаменовал начало рождения классового общества, деления его на свободных и несвободных. Вот почему Фр. Энгельс переход к патриархату называл величайшей революцией, которую пережило человечество, хотя эта революция длилась много столетий и современники её не замечали.

ГЛАВА II

ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ И ЕНИСЕЕ

§ 1. ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ И В СЕМИРЕЧЬЕ

Саки

В первом тысячелетии до н. э. в Средней Азии и в соседних с ней степных областях происходят события огромного исторического значения.

Первое тысячелетие явилось прежде всего тем временем, когда бронза, как материал для изготовления орудий труда и вооружения, постепенно заменяется новым материалом — железом.

VII—V вв. до н. э. железо начинает распространяться по всей территории Средней Азии, включая Семиречье. Одновременно зарождается новый тип скотоводства, связанный с выделением из прежних скотоводческо-земледельческих племен скотоводов-номадов, пастушеских племен кочевников. Еще важнее, что как у земледельцев, так и скотоводов происходит разложение первобытно-общинных порядков, начало которого было связано еще с эпохой бронзы, и развиваются новые, классовые отношения, правда, еще слабо выраженные. У кочевников создаются большие племенные союзы. Таковы были, в первую очередь, племенные союзы саков, т. е. восточных скифов, скифов Средней Азии.

Саки — это скифы, жившие за Яксартом (Сыр-Дарьей), — так единогласно повествуют античные авторы. Саки были известны китайцам под именем народа «сэ».

Они упоминаются в иранских клинописных источниках, которые различают у саков три основных группы. К северо-востоку от Сыр-Дарьи и частично в междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи обитали саки-ортокорибантии, иначе «тиграхауда» (буквально—острошапочники), упоминаются также саки-парадарая, или «приморские», обитавшие скорее всего вдоль берегов Каспия и на Малоазийском побережье.

Самая восточная группа саков называлась саками амюргийскими (перс. хаумаварга). Исследователи видят в этом имени иранское слово—«мург»—птица. Они были распространены от Тянь-Шаня до Памира и по югу Средней Азии вплоть до Туркмении. Поэтому не случайно на этой территории встречается название местности Мургаб, т. е. Мург-об, буквально — «птичья вода». Не случайно, очевидно, и распространение изображений птиц среди украшений более поздних племен — усуней, непосредственных преемников саков, не случайно появление этого же мотива в сакских находках на Памире, в частности, в могильнике Ак-Бейт.

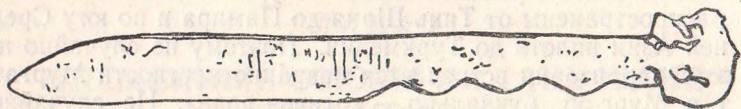
Сакские племенные союзы образовались из разнородных расовых элементов. В Южном Казахстане и Киргизстане сакские племена имели европеоидный расовый тип, так называемый андроновский. Это были потомки андроновцев. На Памире в это время существовал иной (длинноголовый, средиземноморский) антропологический тип.

Столь же сложна и разнородна была по происхождению их культура. Так, например, на правом берегу р. Памир в урочище Тамды была встречена культура явно южно-сибирского происхождения V—IV вв. до н. э., а в юго-восточном Памире, на правом берегу р. Аксу в урочище Ак-Бейт, те же саки средиземноморского расового типа оказались носителями культуры весьма сложного происхождения, аналогии которой ведут исследователей в Ордос (Китай), Тибет и даже в Малую Азию, в Луристан.

Столь же различны были и хозяйственно-бытовые уклады, даже в пределах одной и той же группы саков. Так, относительно сакских племен амюргиев, основной территорией которых было Семиречье, Тянь-Шань и Памиро-Алай, можно предполагать, что они делились на две группы: на группу прияксартских и ферганских саков, живших

по преимуществу оседло, и группу тяньшанских саков, пастухов-скотоводов, непосредственных наследников и продолжателей той культуры, которая здесь получила развитие еще в эпоху бронзы.

Племена Ферганы, как уже указывалось, еще с эпохи бронзы знали относительно развитое земледелие. К середине первого тысячелетия до н. э., когда саки-кочевники владычествовали на Тянь-Шане, ферганские племена жили в больших, укрепленных земляными валами городищах, разводили зерновые культуры. Очевидно, они знали

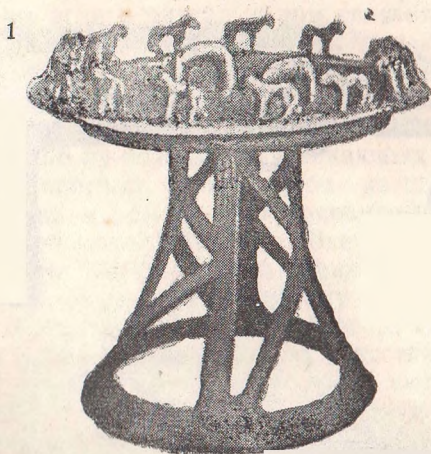
Бронзовый нож (сев. берег оз. Иссык-Куль)

и садоводство (урюк). Широко развито было и скотоводство. Разводились свиньи, овцы, крупный рогатый скот, лошади.

Первенствующее положение среди сакских племен принадлежало сакам-скотоводам, кочевникам.

Памятники сакской культуры на территории Киргизии встречаются во многих местах. Они известны в Чуйской долине, на Иссык-Куле, на Тянь-Шане. Отдельные вещи сакских форм найдены в южной Киргизии. Наряду с памятниками саков тяньшанского происхождения, в Алае и Чон-Алае, как показали раскопки в Кызыл-Кургане (Шарте) и Дараут-Кургане, известны памятники местных племен пастухов-скотоводов, культура которых находилась под сильным воздействием оседлой земледельческой Ферганы.

Саки уже широко пользовались железом. Но попрежнему употреблялась и бронза. Так, из бронзы изготовлялись маленькие втульчатые наконечники стрел и копий, пластинчатые ножи и украшения, в которых изобиловали изображения зверей. Саки пользовались глиняной посудой, которая в известной мере воспроизводила формы сосудов эпохи поздней бронзы. Преобладающей формой сосудов саков, как и у более поздних племен, усуней, были сосуды сферической формы, удобной для использования в походных условиях.

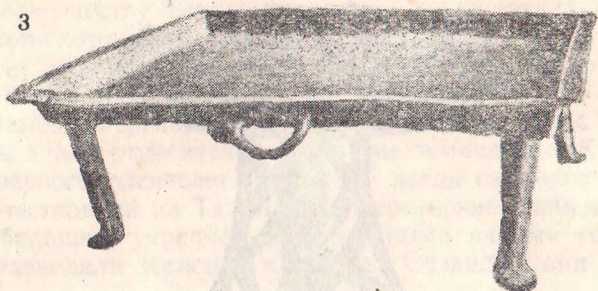

Иссык-Кульские жертвенники (ущелье Кырчин)

1) светильник, 2) фигурка яка,

В сакском племенном союзе господствовали патриархальные отношения, но большим почетом пользовалась и женщина. Высокое положение женщины в сакском обществе свидетельствует о том, что пережитки матриархата были еще достаточно сильны в это время. Так, например, древние авторы указывают, что в битве саков с мидянами участвовала царица Зарина, женщина воинствен-

3

4

Иссык-Кульские жертвенники (ущелье Кырчин)

3) жертвенный стол, 4) котел

ная, которая не раз была ранена в бою. Другая женщина, Спаретра, жена одного из сакских вождей — Аморга, взятого в плен персами, возглавляла многочисленное войско, где воинами были женщины, и освободила мужа из персидского плена.

В соответствии с социальным строем саков находились и их верования и искусство.

Почитание огня и ритуал, с ним связанный, являются одной из характерных черт культуры тяньшанских саков. Саки поклонялись огню, поддерживаемому в специальных жертвенниках и светильниках. На территории Семиречья обнаружено много таких жертвенников в виде четырехугольных столбов на ножках, напоминающих по форме лапы хищных животных, светильников на высоких ажурных подставках и котлов на конусовидных ножках для изготовления культовой трапезы. Все эти предметы, как правило, богато украшались изображениями животных, либо плавно шествующих по бортику стола или светильника, либо показанных в сценах борьбы. Эти бронзовые скульптуры сделаны с большим художественным мастерством. Как правило, они реалистически выполнены и насыщены экспрессией. Животные, изображенные на культовых предметах, это, должно быть, тотемы, призванные оберегать священный огонь, а изображение их борьбы, по вероятности, символизировало борьбу доброго и злого начал. Эти идеи легли впоследствии в основу зороастрийской религии, возникновение которой, согласно современным изысканиям, произошло, скорее всего, на территории Средней Азии.

Ведя кочевой образ жизни, саки-скотоводы были искусными наездниками и воинами. Седла, которыми они пользовались, не имели ни твердой основы, ни стремян, а представляли собой лишь мягкие, набитые волосом и шерстью подушки. Легкий лук небольшого размера был грозным оружием в руках такого всадника.

На барельефах одного из ахеменидских царей Персии, Дария I, сохранилось изображение сака в полном вооружении. Сак изображен в остроконечной шапке из войлока, в длиннополом кафтане и в свободных шароварах, заправленных в мягкую обувь, вооруженный луком со стрелами, коротким мечом и секирой.

**Политическая
жизнь саков
Средней Азии**

Воинственность саков, их храбрость высоко ценились царями Персии. Быстрота передвижения, неустрашимость в бою были причиной того, что ахеменидские цари стремились привлечь их в ряды своих войск. Еще в VI в. до н. э. саки успешно отразили походы персидских царей, в частности, Дария I. Только во втором своем походе, как повествует бехистунская надпись, Дарию удалось

КИРГИЗСТАН В VII-III вв. ДО Н.Э.

покорить саков и то не тяньшанских, а, скорее всего, приаксартских, то-есть тех, которые были связаны оседлостью. Вряд ли Дарий мог получить 15 тысяч талантов серебра с кочевников, которые всегда могли уйти в свои степи и неприступные горы. Естественно полагать, что только приаксартские саки были подчинены Дарию и платили ему дань. Известно, что саки участвовали на стороне персов в грекоперсидских войнах V века, в частности, во время Марафонского сражения в 490 г. до н. э. и в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э.

Сакские племена были силой, которую не удалось сломить и Александру Македонскому. Завоевав владения древней Персии, проникнув в Индию и покорив оседлые народы Средней Азии (главным образом Согда), Александр Македонский вышел к берегам реки Сыр-Дарья, видимо, в районе Ходжента (Ленинабада), где основал город Александрию Крайнюю (329 г. до н. э.). Но его попытка покорить саков не увенчалась успехом. Всего 80 стадий (около 15 км) на восток от Сыр-Дарьи прошел великий завоеватель и вынужден был повернуть обратно.

Он не только не причинил вреда сакам, но и сам с трудом сохранил свою армию в боеспособном состоянии.

Сила сакских племен заключалась не только в том, что они были искусными, хорошо вооруженными воинами, но и в большой сплоченности, обусловленной господством патриархально-родового строя.

На территории Согда (бассейн р. Заравшан) к приходу Александра Македонского уже широко было распространено рабство. Классовые противоречия способствовали уменьшению силы сопротивления жителей Согда. Поэтому Александр Македонский со своей грозной армией мог сравнительно легко покорить согдийцев. Но на Тянь-Шане, у сакских племен, классовые различия еще не успели разложить сплоченность первобытной общины. Поэтому, а не только из-за его горных высот, для Александра Македонского Тянь-Шань оказался неприступным.

К III в. до н. э. сакский племенной союз стал приходить в упадок. Рост материального производства и накопление богатства в результате частых войн в условиях господства частной семейной собственности приводили к неравномерному распределению накопленных сокровищ. Родовая аристократия, пользуясь своим богатством и

ролью в военной организации, узурпировала власть, а вместе с ней и политические права. Все это подрывало основы первобытно-общинного строя и, тем самым, ослабляло боеспособность сакских племен.

Когда в конце III в. на территории Центральной Азии сложился мощный племенной союз гуннов, направивший свой удар на запад, в сторону Тянь-Шаня, а затем, несколько позднее, на территорию Тянь-Шаня проник ряд других кочевых племенных союзов, то высоко-организованной силе этих кочевников саки уже не могли оказать достаточного сопротивления.

Сакский племенной союз распался под ударами центрально-азиатских кочевых племенных союзов. Некоторые племена, входившие в его состав, образовали новый племенной союз; преемниками саков на Тянь-Шане явились усуни.

§ 2. ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ НА ЕНИСЕЕ

Современниками среднеазиатских саков были племена бронзового века на Енисее, создавшие в VII—III вв. до н. э. так называемую тагарскую, или минусинскую курганную культуру.

Население Минусинского края этой эпохи было полуседлым. «Тагарцы» жили в жилищах, сделанных из бревен, причем форма этих жилищ напоминала собой кибитку. Коническая, шалашеобразная крыша с отверстием над очагом для выхода дыма опиралась на рубленые бревенчатые стены. Изображения этих жилищ так же, как и многие другие детали бытового характера, воспроизведены на одном из больших наскальных рисунков, известных под названием «Боярской писаницы».

На основании этих изображений, дополняемых находками в могильниках, можно отметить ряд новых явлений, не известных на Енисее в предшествующую эпоху.

Скотоводство в сочетании с земледелием получило в это время свое дальнейшее развитие, чему способствовали прекрасные земли по поймам рек. Так, например, наскальное изображение человека с мотыгой и самые мотыги, находимые при раскопках, свидетельствуют о земледельческой культуре, по всей вероятности, еще огородни-

ческого типа. Сохранились изображения всадника, верблюда и быка в упряжке. На одной писанице изображен бык, запряженный в двухколесную арбу. Наряду со скотоводством и земледелием в хозяйстве тагарцев большое место занимала охота. На «Боярской писанице» имеются изображения индивидуальной и коллективной облавной охоты загонами на оленя.

Для тагарского времени уже можно говорить о значительных успехах в развитии домашнего ремесла. Это подтверждается обилием украшений, орудий труда, относительно стандартными формами их, находками большого количества литейных форм с клеймами мастеров.

В тагарскую эпоху процесс имущественного расслоения общества заметно углубился. Для тагарской культуры характерными являются различные по форме могильные насыпи, а также неоднородный могильный инвентарь, что свидетельствует о различиях в социальном положении членов общества.

Тагарская культура делится археологами на три этапа. К ее концу—в III в. до н. э. курганы знати своими размерами, богатством погребального инвентаря уже сильно отличались от погребений рядовых членов племен. На этом последнем этапе тагарской культуры в могильниках обнаружены также ритуальные захоронения, свидетельствующие о явно выраженном культе предков. Здесь были найдены гипсовые маски, накладываемые на лица погребенных и передающие некоторые портретные черты. Этот обычай связан с попытками увековечить личность погребенного и обеспечить ее загробное существование. Тот факт, что маски имели лишь частичное распространение (археологи находят их только в богатых могилах), тоже свидетельствует о далеко зашедшем имущественном неравенстве в обществе тагарцев.

Характерно и наличие в поздне- тагарских могильниках большого количества миниатюрных вещей, которые заменяли собой подлинные вещи, принадлежавшие покойному. Отсюда следует, что личные сокровища умершего, очевидно, передавались уже по наследству. Для того, чтобы обычай сопровождать умершего в загробный мир необходимым инвентарем не был нарушен, в могилы клали эти миниатюрные, специально для погребения изготовленные вещи.

В области искусства для тагарской эпохи характерно развитие так называемого звериного стиля, к этому времени достигшего своего наибольшего расцвета. Стиль этот был связан с культом диких животных и с охотничьей магией, которые были характерны для предшествующей карасукской эпохи. Он представляет собой выдающееся явление в истории искусства древнего общества на Енисее. Более того, исследователями неоднократно и справедливо подчеркивалось, что благодаря своему реалистическому характеру образцы художественной бронзы минусинской культуры нередко представляют собой настоящие шедевры искусства степных племен Азии и Восточной Европы.

Есть основания полагать, что китайцы называли тагарцев динлинами. Они, по словам китайских летописей, были высокого роста, имели светлую окраску кожи, волос, глаз, узкое лицо и длинный череп с выступающим переносьем. Это подтверждается не только остатками скелетов человека той поры, но и масками-слепками, которые дошли до нас. На гипсовых масках, помимо отпечатка контуров лица покойного, сохранились и остатки орнаментальной раскраски, которая позволяет судить о татуировке тагарцев.

Богатства тагарцев не могли не привлечь внимания находившихся рядом кочевников Центральной Азии. Население Енисея все чаще и чаще к концу тагарской эпохи подвергалось их разрушительным набегам.

Таштыкская культура Тагарскую культуру сменила культура переходного типа, так называемая таштыкская (II в. до н. э. — II в. н. э.), на смену которой пришла культура ранних чаатасов (II—V вв. н. э.). В это время продолжало развиваться имущественное неравенство. Значительные успехи сделало земледелие. Уже с полной достоверностью можно говорить о возделывании проса и ячменя.

В то же самое время исследования памятников этой эпохи свидетельствуют о существенном отличии культуры II в. до н. э.—V в. н. э. от предшествующей культуры VII—III вв. до н. э. и о переменах в составе населения.

Большое значение в этих событиях, происходивших тогда на Енисее, а также в политической истории Средней Азии, имело возвышение гуннов в монгольских степях.

Поэтому прежде чем перейти к истории Средней Азии в конце первого тысячелетия до н. э., нужно познакомиться с гуннами.

Гунны

Гуннский племенной союз в древности кочевал к северу от р. Хуанхэ.

Военные силы, которыми обладал гуннский племенной союз в пору своего формирования (III в. до н. э.), с самого начала были направлены на завоевание обширных соседних пространств и захват богатств других народов. Это было связано с увеличением населения и умножением стад. Старые районы кочевий уже не могли удовлетворять потребностей хозяйства. Отсюда неизбежно выросло стремление захватить новые пастбища, в которых были заинтересованы не только родоплеменная знать, но и широкие массы кочевников-скотоводов.

Не только Китай, с которым гунны вели бесконечные войны, но и Восточный Туркестан, а также Минусинский край и Сибирь подвергались их нападениям. Активные военные действия и накопление огромного количества сокровищ способствовали развитию классовой дифференциации у гуннов.

Рабство в гуннском племенном союзе было не исключением, а правилом.

Развивались и усугублялись социальные противоречия. Верховный гуннский вождь, шаньюй, был тесно связан с китайским двором и получал от него богатую дань и личные подарки.

В то время, когда на Енисее жили поздние тагарцы и вслед за ними носители таштыкской культуры, а в Монголии гунны, на территории Киргизии обитали племена усуней.

Усуньский племенной союз

Племена усуней делились на две части: на усуней притяньшанских и усуней Восточного Туркестана, Ферганы и Алая. Объединение этих групп и создание к III в. до н. э. усуньского племенного союза обеспечило завоевание усунями господства на Тянь-Шане.

Наиболее подробные сведения об усуньском союзе сообщил китайский путешественник Чжан Цянь, посетивший страну усуней около 136 г. до н. э. Он рассказывает, что усуни граничили на востоке с гуннами, на западе с государством Давань (т. е. Ферганой), на юге с оседлым

населением Восточного Туркестана, на северо-западе с мощным кочевым союзом кангюй, занимавшим территорию от Ташкентского оазиса до Хорезма.

Объединенный усуньский союз делился на три орды, до 10. 000 войск в каждой, связанных между собой родством их предводителей. Так, кроме орды самого гуньмо (так назывался верховный вождь усуней), была вторая орда, которой руководил его сын Далу, и третья, во главе которой был его племянник (сын старшего брата) Сеньцзу.

Усуни были типичными кочевниками. По словам Чжан Цяня «...усуни не занимаются ни земледелием, ни скотоводством (имеется в виду стойловое скотоводство), а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по прихоти в траве и воде, в обычаях одинаковы с гуннами».

Усуни знали, отчасти, и оседлость. Поэтому наряду с войлочными кибитками в стране усуней были и деревянные жилища, срубленные из арчи и тяньшанской ели, которые ставились на местах зимовок.

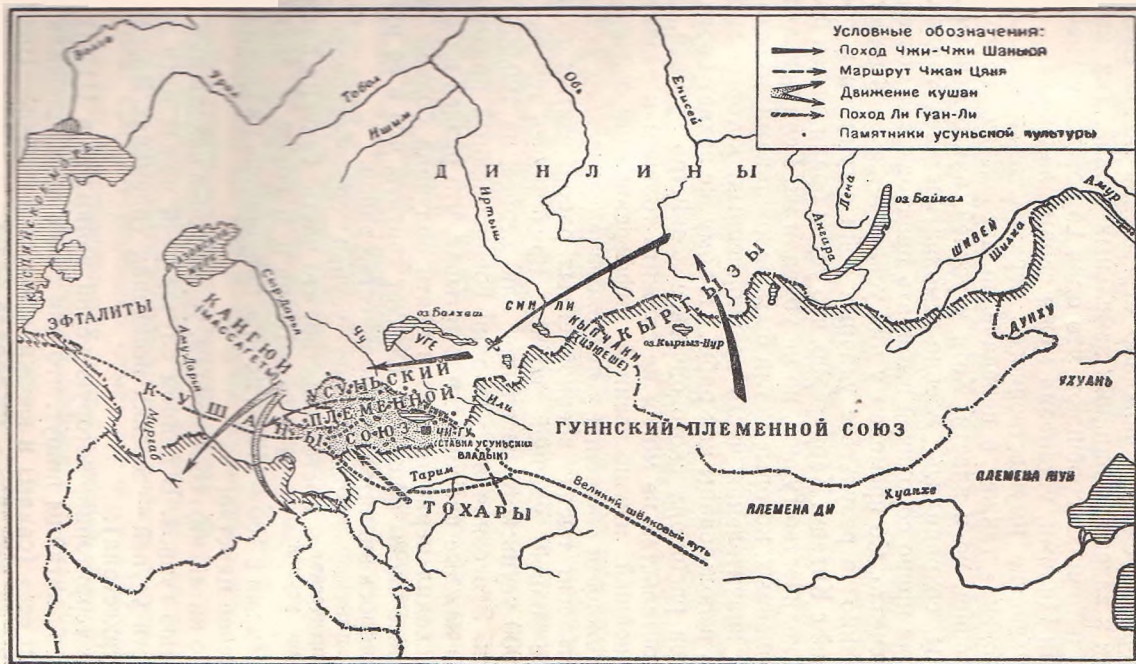
На берегу оз. Иссык-Куль, недалеко от современного Пржевальска (очевидно, в районе Чон-Кызылсу), находилась столица усуней, известная под китайским названием Чи Гу (буквально: «Красная долина»). Здесь было местопребывание усуньского владыки — гуньмо, а также его жен — китайских царевен и их многочисленной свиты, в состав которой входили не только личные слуги, но и ремесленники.

Усуни были воинственным кочевым народом.

На вооружении усуней находились тяжелые, покрытые костяными пластинками луки, так называемого «сарматского» типа, и стрелы с массивными железными наконечниками, укрепленными на длинных черенках. Бой на конях вызвал к жизни длинные мечи. Новое вооружение пришло на смену прежней военной технике, существовавшей двумя—тремя веками ранее, — легкому луку и стрелам с небольшими бронзовыми наконечниками.

Что касается хозяйства и социального строя усуней, то богатства усуней исчислялись прежде всего количеством лошадей. Это свидетельство указывает на далеко зашедшее имущественное неравенство в обществе усуней. Имущественное расслоение подтверждается также разнообразием могильных сооружений и инвентаря, находимого археологами в захоронениях усуней. Наличие большого

КИРГИЗСТАН в III в. до н. э. — VI в. н. э.

количества скота порождало стремление родоплеменной знати к захвату общинных земельных угодий. Так, китайские источники сообщают, что один из вождей усуней, по имени Цилими, установил межи своим владениям.

Развитие имущественного неравенства нашло свое выражение также в передаче по наследству не только сокровищ, но и власти. Хотя у усуней, как отмечали китайцы, сохранились военно-демократические традиции, все же право сородичей выбирать предводителя постепенно исчезло. Со временем у них усиливается роль рабства, особенно в результате удачных войн с гуннами и роста связей с Китаем. Характерно, что усунь брали в плен большое количество гуннов, но не убивали их. Если исключить тех пленных, которые могли быть заложниками, то оставалась значительная часть военнопленных, которые могли быть использованы как рабы. К тому же захват скота у гуннов расширял скотоводческое хозяйство усуней. Эти обстоятельства не могли не служить толчком к развитию дальнейшей имущественной дифференциации усуней и возможности сложения у них рабовладельческого уклада. Шестьдесят тысяч военнопленных рабов, взятых только после одной удачной войны, приходилось теперь на 630.000 усуньского населения, или, вернее, на 120.000 кибиток. Это означало, что один военнопленный приходился на каждые две кибитки. Учитывая, что раздел пленных происходил неравномерно и знать получала больше, чем рядовые члены общества, следует считать, что в ее руках скопилось значительное количество рабов.

Политическая история усуней Возвышению усуней способствовало то обстоятельство, что часть сакских племен ушла с Тянь-Шаня и в союзе с другими племенами в 160—140 гг. до н. э. обрушилась на греко-бактрийское царство.

По китайским сообщениям, усунь ранее находились под властью гуннов. В данном случае речь может идти лишь о части усуней — серских исседонах (племенах Восточного Туркестана).

О территории, которую усунь занимали в III—II вв. до н. э., китайцы пишут, что она ранее принадлежала народам «сэ» (сакам) и юечжи. «Большой юечжи, — говорит китайская летопись, — на западе разбил и выгнал сакского владетеля. Сакский владетель перешел на юг за Вися-

чий проход (через Гиндукуш); большой юечжи удалился на запад и покорил Дася (Греко-бактрию); усуньский гуньмо остался на его замлях, поэтому между усуньцами находятся части племен сэ и юечжи». Речь идет здесь о том, что саки, разбитые юечжами, частью ушли с Тянь-Шаня, а частью здесь остались. Выражение усунь «здесь остались» говорит о том, что они не принимали участия в походе на запад, что соответствует действительности.

Остатки саков и юечжей, жившие первые, видимо, на Тянь-Шане, а вторые — на юго-западе, в районе Ферганы, растворились впоследствии в массе усуней.

О связях усуньского союза со степями Средней Азии и Сибири свидетельствуют не только скудные данные письменных источников, но и археологический материал. Оставленные усунями памятники отличны от восточно-туркестанских археологических остатков этого времени, но зато весьма сходны со степными памятниками соседних стран.

Усуньская культура обнаруживает, например, ряд черт, сходных с культурой племен, живших на Алтае и в Минусинском крае, не говоря уже о Казахстане. Это позволяет думать, что существовала какая-то культурная общность между племенами Тянь-Шаня и Верхнего Енисея еще до возможного переселения части енисейских племен на Тянь-Шань на рубеже нашей эры.

Усунь были связаны и со своими западными соседями, прежде всего с греко-бактрийским царством.¹

Связи усуней с греко-бактрийским царством подтверждаются находками вещей греко-бактрийского происхождения на местах расселения усуней. Так, например, в курганах усуней около г. Фрунзе были найдены золотые бляшки с изображением Сатира и Медузы. Культурные связи усуней распространились и на племена Алтая, Ферганы и Ташкентского оазиса. Археологические памятники свидетельствуют о родственности культуры этих племен с культурой усуней. Следует особенно отметить, что наиболее ярко это родство обнаруживается с памятниками Ферганы, что говорит о чертах культурной общности племен, на-

¹ Греко-бактрийское царство образовалось в 250 г. до н. э. из среднеазиатских провинций государства Селевкидов, Согдианы и Бактрии.

селявших в древности северные и южные районы современной Киргизии. Памятники, близкие к усуньским, обнаружены и в Ташкентском оазисе, по Сыр-Дарье, и в горах Кара-Тау.

Важное значение для усуней со временем приобретают и их связи с Китаем.

Связи эти начаты были уже упоминавшимся выше китайским путешественником и послом Чжан Цянем. Вернувшись в Китай, Чжан Цянь сообщал китайскому императору об усунях: «...в пребывание мое у гуннов слышал я, что усуньский владетель титулуется гуньмо: отец этого гуньмо имел небольшое владение в западных гуннских пределах. Гунны убили отца его в сражении, а гуньмо, только что родившийся, брошен был в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить его своим молоком. Шаньюй удивился и счел его духом, поэтому взял его к себе и воспитал; когда же гуньмо подрос, то шаньюй сделал его предводителем войска. Гуньмо несколько раз отличался в походах, поэтому шаньюй возвратил ему владения отца его и препоручил надзор за караулами при Западной стене. Гуньмо приложил усилия для исправления состояния своего народа и подчинил окрестные небольшие поселения. Он имел несколько десятков тысяч войска, опытного в сражениях. По смерти шаньюя гуньмо со своим народом отделился и отказался от поездок в орду гуннов. Войско, открыто натравленное гуннами против него, не имело успеха, оно сочло гуньмо духом и удалилось, поэтому гунны, хотя имели влияние на него, но не нападали слишком часто. Теперь шаньюй опять приведен нами в стесненное положение, а прежние земли Хуньшо-князя остаются незаселенными. Кочевники обыкновенно падки на китайские вещи. Если в настоящее время богатыми подарками склонить гуньмо к переселению на восток на бывшие земли Хуньшо-князя и вступить в брачное родство с домом Хань, то можно надеяться на успех в этом, а если успеем (в этом), то этим самым отсечем правую руку у гуннов. Когда же присоединим к себе усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дася (Греко-бактрию) и другие владения на западе».

Таким образом, как сообщал Чжан Цянь, усунь и большие юечжи сначала кочевали где-то около Дунь-Хуана,

т. е. у Великой Китайской стены в Восточном Туркестане. Дальнейшее отмеченное Чжан Цяном передвижение усуней на запад произошло около 140 г. до н. э. К этому времени следует относить стабилизацию власти усуней на Тянь-Шане.

В середине II в. до н. э. усунь были известны Китаю, как племена, обитающие на западе от гуннов, т. е. на Тянь-Шане. Известно китайцам было и то, что они лишь сравнительно недавно привели под свою власть владения, находящиеся к западу от них. Ввиду того, что Давань (Фергана) и Кангюй (долины Сыр-Дарьи), с точки зрения китайской историографии, никогда не были под властью усуней, следует, что под западными владениями, или поселениями нужно понимать владения, находящиеся на территории современной Киргизии и, видимо, в прошлом принадлежавшие сакам.

Миссия Чжан Цяня связана была с общей политикой китайского двора, который стремился щедрыми подарками и выдачей замуж китайской царевны за усуньского гуньмо склонить усуней на свою сторону и тем самым противопоставить их гуннам. Кроме того, китайское правительство рассчитывало при помощи их наладить торговый путь через Среднюю Азию в Китай. Чжан Цянь добился некоторого успеха. Дары, привезенные усуньскому гуньмо, оказали на последнего свое действие и он принял протекторат Китая.

Главная цель переговоров состояла в том, чтобы заключить с усунями военный договор против гуннов, и китайское правительство предложило даже перевести кочевья усуней на их старые места. Предложение о таком переселении было, однако, отклонено советом усуньских старейшин.

Как писали китайские летописцы, сам гуньмо «...был в преклонных летах и по причине разделения земель (между тремя ордами) не мог полновластно управлять, поэтому отправил своего посланника препроводить Чжан Цяня и в благодарность послал Двору несколько десятков лошадей».

Этим, по сути, сношения Китая с усунями на этот раз и ограничились. Вероятно, отклоняя предложение о союзе с Китаем, усуньские старейшины опасались осложнений с гуннами. Тем не менее, даже и эти первые попытки

установления взаимодействия между усунями и Китаем вызвали озлобление гуннов. Враждебное отношение гуннов, господствовавших в Центральной Азии, к усуням заставило китайских послов и торговцев ездить в Давань (Фергану) не через Тянь-Шань, т. е. земли усуней, а южнее, чем наносился значительный ущерб хозяйству усуней. В связи с этим усунь настойчиво пытались укрепить связи с Китаем, добиваясь руки китайской царевны для своего гуньмо. Установление такого союза, именуемого китайцами союзом «на основе мира и родства», увеличило бы политическую силу усуньского союза. Их домогательства закончились успешно и китайский двор, по получении брачных подарков в виде 1000 лошадей, отправил еще в 107 г. до н. э. знатную китаянку Сигюнь, дочь китайского князя Гянь, в качестве царевны в супруги усуньскому гуньмо.

Прибытие китайской царевны на Тянь-Шань было обставлено весьма пышно. Ее сопровождало несколько сот чиновников, евнухов и слуг. С нею прибыли богатые подарки китайского императора, в том числе колесница, одеяния и многое другое. Брак усуньского гуньмо с китайской царевной укрепил положение усуней.

К тому же в это время усуням удалось наладить сносные взаимоотношения и с гуннами. Характерно, что выданная в то же время за усуньского гуньмо дочь гуннского шаньюя была сделана старшей женой гуньмо, а китайская царевна — младшей. Несмотря на это, китайская царевна Сигюнь была, видимо, окружена большим почетом, чем дочь гуннского шаньюя. Для китайской царевны был выстроен дворец, где она устраивала приемы. Богатые подарки (например, палатки и шелковые ткани), которые она получала от китайского двора, помогали ей вести среди усуней прокитайскую политику.

В начале I в. до н. э. китайский двор подготовил широкое наступление на гуннов и поэтому был весьма заинтересован в помощи усуней, которые могли выступить в тылу гуннов. Помощь Китая дала усуням возможность вмешаться в дела Восточного Туркестана. Уже в 90-х годах до н. э. сын усуньского гуньмо Унгуйми являлся владельцем Яркента, а старшая дочь того же гуньмо по имени Дишы была женой кучарского владельца Гяньбиня.

Такая активность усуней вызвала тревогу среди гуннов.

В 80-х годах они вступают на территорию племен Чешы, населявших северную часть Восточного Туркестана, заключают с ними военный союз и неоднократно нападают на усуней. В результате в 73 г. до н. э. они овладевают страной Чеяньвуши и уводят многих усуней в плен, требуя также разрыва дипломатических отношений усуней с Китаем.

Эти военные действия гуннов побудили Китай в союзе с усунями принять активные меры. В 71 г. до н. э. усунь выставили 50.000 конницы, а Китай 150.000, и все эти войска одновременно пятью дорогами выступили против гуннов. Руководство усуньскими войсками поручено было китайскому полководцу Чанхой.

Описание этой войны занимает значительное место в составленной китайцами истории гуннов. Война эта происходила при шаньюе Хуанди (85—86 гг. до н. э.). Оказывается, на первом этапе борьбы усунь должны были выступить вместе с китайскими войсками и напасть на гуннов у озера Баркуль (кит. Пулэп). Но взаимодействие усуней с китайскими войсками не было налажено и усунь ушли, фактически не вступив в сражение. Первую операцию с успехом провели только сами китайские войска, расположенные у Баркуля. В результате этой операции у гуннов была захвачена небольшая добыча. Другие китайские отряды выступили неудачно, их предводители были отданы под суд, но покончили жизнь самоубийством. После этого начинается второе выступление усуней. Они одержали победу над гуннами и получили огромную добычу (до 40000 человек пленных и 700.000 голов скота). Из гуннской знати они взяли в плен тестя шаньюя, невестку-гуйцы (сравните тюрк.—кунчуй), высшего князя Лули, дуой (дуой — титул), тысячник. Но это второе выступление не было последним в войне.

Зимой 71 года сильные бураны измотали войска гуннов, когда они шли обратно в свои ставки. Потери были настолько велики, что в летописи указывается: «от мороза столько погибло и людей, и скота, что и десятой части не возвратилось». Этим обстоятельством воспользовались теперь не только усунь, но и динлины, напавшие на гуннов с севера, а также ухуаньцы, напавшие на них с востока. Во время третьего выступления, видимо, происшедшего в начале 70 г., военный союз трех племен (усунь, динлины, ухуань) разгромил гуннов: «порубили несколько десятков

тысяч человек и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и целиком множество быков и овец. Сверх того, три десятых и людей, и скота от голода погибли. Гунны пришли в крайнее бессилие».

Успехами усуней воспользовались китайцы, довершившие разгром гуннов.

Гунны вскоре после этих событий раскололись на две части. Одна часть их под предводительством шаньюя Хуханье ушла в Китай и потеряла самостоятельность. Другая часть, во главе с братом Хуханье, Чжи Чжи-шаньюем, стремившимся противостоять Китаю, откочевала на север. Чжи Чжи должен был откочевать, так как кочевья его неоднократно подвергались нападению со стороны китайских войск, а сравнительно незначительные силы Чжи Чжи не позволяли ему начать активные действия против Китая. Откочевав, он утвердил свою ставку среди племен Енисея, в Минусинском крае.

В 49 г. до н. э. Чжи Чжи двинулся еще дальше на Запад, через Алтай и Семиречье на территорию Тянь-Шаня и в Таласскую долину, на территорию усуней.

Усиление гуннов на границе Восточного Туркестана вызвало, однако, серьезные опасения у Китайского двора.

Китайское правительство боялось, что Чжи Чжи может создать мощную коалицию, способную противостоять китайскому государству. Поэтому в 36 г. до н. э. против Чжи Чжи-шаньюя была отправлена сильная китайская военная экспедиция под руководством двух выдающихся военачальников. Эти полководцы выполнили возложенное на них поручение. В том же 36 г. голова Чжи Чжи-шаньюя была привезена в Китай.

**Роль гуннов в
тюркизации на-
селения долины
Енисея и Кир-
гизии**

Политические события в Азии, связанные с деятельностью гуннов, а затем сяньбийцев, не могли не иметь влияния и на этнический состав населения тех областей, которые так или иначе охвачены были этими бурными событиями.

На Енисее, где издавна жили европеоидные по их физическому типу динлины, в результате смешения динлинов с гуннами и сяньби появилась новая группа племен, известных в китайских источниках под именем гэ-гунь, или цзянь-гунь.

Поздние маски из чаатасов показывают, что Минусин-

ский край был в то время населен племенами, по своим антропологическим признакам напоминающими уже не европеоидные племена, а монгольские и тюркские. Эта новая группа племен вместе с тем явилась прямым наследником культуры древних племен Енисея. Новые племена впоследствии стали называться киргизами и образовали этническое ядро будущей киргизской народности.

Те же самые процессы происходили и на Тянь-Шане. И здесь произошло изменение расового облика населения, выразившееся в появлении монголоидных черт. Оно, нужно думать, сопровождалось в области речи победой тюркского языка.

Как образование новой этнической группы, так и победа тюркского языка происходила при этом, как мы видели, не путем идиллического слияния различных элементов, а путем поглощения более сильной группой менее сильной. Этот процесс, осуществлявшийся в ожесточенной борьбе, привел к подавлению местных элементов, в том числе и динлинских как в антропологическом, так и языковом отношении монголоидными элементами. Антропологический тип киргизов и киргизский язык оказались поэтому ближе к языку и антропологическому типу тюрков, чем европеоидных племен.

Падение усунь- ского племенного союза

С момента раскола гуннов начинается движение части гуннов на запад, положившее начало «Великому переселению народов». В подготовке этого всемирно-исторического по значению события немалую роль сыграли и усунь Тянь-Шаня, способствовавшие разгрому гуннов. Китай высоко оценил их роль. Через своего представителя китайский двор отправил подарки для особо отличившихся усуньских старейшин. Кроме того, гуньмо была обещана в жены китайская царица.

Ослабление гуннов в результате нанесенных в I в. до н. э. поражений, естественно, повело к значительному усилению усуньской орды. Но это не входило в интересы китайского двора. Вскоре представился удобный случай ослабить усуней.

После смерти гуньмо Унгуйми старейшины, т. е. родовая знать, объявляют гуньмо сына Сэньцзу, который начинает править под именем Куан Вана. Защищая интересы знати, возведшей его на престол, он всячески при-

теснял рядовые массы кочевников и потому «своим неистовством лишился народной любви». Об этом сообщила в Китай китайская резидентка — царица, говоря, что «Куан Ван притесняет подданных и легко истребить его». Китайский двор не прошел мимо этого благоприятного случая. Организован был пир, на котором китайский ратник пытался убить Куан Вана, но безуспешно. Последний, несмотря на ранение, скрылся. Китайская царица и находившиеся с ней чиновники вынуждены были в течение нескольких месяцев выдерживать осаду в городе Чигу, где были окружены войсками Куан Вана. Подарками, и также казнью заговорщиков китайский двор пытался обелить себя, не покидая все же мысли уничтожить Куан Вана. Весьма любопытно, что лекарь, посланный китайским императором для излечения Куан Вана, за то, что излечил последнего, а не воспользовался случаем окончательно его умертвить, был осужден на смерть.

Воспользовавшись смятениями в орде, один из потомков гуньмо Унгуйми, происходивший по матери от гуннов, по имени Уцзюту, с какой-то частью кочевников удалился в северные горы. Убив вскоре Куан Вана, он провозгласил себя верховным главой усуньской орды.

Но это не привело к усилению усуньского племенного союза, значительно ослабленного длительной междоусобной борьбой. Китайский двор тогда уже захватил Восточный Туркестан и китайские войска стояли непосредственно у границ усуньских владений. Китайцы поставили другое угодное им лицо на пост гуньмо, а Уцзюту должен был довольствоваться более скромным титулом. Но и этого китайскому правительству казалось недостаточным; чтобы еще более ослабить усуньский союз, земли усуней были поделены китайскими чиновниками между двумя правителями. С 60 до 50 года усуни жили уже целиком под китайским протекторатом. Китайский двор смещал и назначал гуньмо, одаривал титулами и полномочиями усуньских старейшин. Временное усиление усуней при гуньмо Цилими вызвало организованное китайцами новое убийство неугодного им усуньского вождя. Такое вмешательство Китая в дела усуней привело к тому, что значительная часть их откочевала из Тянь-Шаня в двух направлениях: через Ферганский хребет в Фергану и через Киргизский Ала-Тоо в Ташкентский оазис.

О перекочевке усуней в страну кангюйцев свидетельствуют не только археологические данные, но и сообщения китайской летописи, которая говорит, что в результате убийства гуньмо Цилими (1 в. н. э.) восемьдесят тысяч усуней выселились в страну Кангюй.

К первому веку н. э. политическая роль усуней сошла на нет и они представляли собой лишь группу разрозненных племен, занимавшихся мелкими набегами и фактически подчинившихся китайским наместникам.

Ослабление усуньского союза привело к крупным изменениям в общей обстановке на Тянь-Шане. С середины 1 в. до н. э. усунь теряют власть среди кочевых племен Тянь-Шаня и окружающих местностей. С этим совпало продвижение на Тянь-Шань, как отмечалось выше, северных гуннов под предводительством Чжи Чжи-шаньюя, что окончательно уничтожило политическую самостоятельность усуней.

Что касается дальнейшей судьбы усуньских племен, то шествия кочевых племен сяньби, а затем жужан вынудили остатки усуней постепенно уступить свои земли кочевникам-пришельцам. Частично они были вытеснены в горы, где их застали китайские путешественники еще в V в. н. э. Эти осколки усуньского племенного союза, по-видимому, вошли в состав позднейшего населения Казахстана, где под именем сары-уйшунь они составили одно из подразделений казахов Старшего жуза. Какая-то часть их впоследствии была ассимилирована киргизами и здесь сохранила память о своем происхождении в названии одного из киргизских племен — уйшун.

Проникновение
на Тянь-Шань
уйгуров

В середине IV в. господство в центрально-азиатских степях перешло к новым племенам жужанам.

Жужаны разгромили древних уйгуров, в результате чего одна их часть ушла вниз по р. Селенге к Байкалу, другая же была вытеснена на восток. Третья часть уйгуров к концу V в. (490 г.) проследовала через Алтай и казахстанские степи далеко на запад, в Восточную Европу. В процессе своих вынужденных передвижений часть уйгуров осела в северных районах Тянь-Шаня.

Здесь они укрепились не сразу, лишь после упорной борьбы с юебаниями.

Южные районы современной Киргизии на рубеже н. э. входили в состав царства Давань, образование которого было связано с деятельностью в Фергане юечжей. Известный нам уже Чжан Цянь впервые открыл для китайцев царство Давань. «Даваньцы,—писал он,—ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргамаков. Эти лошади имеют кровавый пот и происходят от породы небесных лошадей. Есть города и дома. В Давани находится до 70 больших и малых городов: народонаселение доходит до нескольких сот тысяч. Оружие состоит из луков со стрелами и копий. Искусны в конной стрельбе». К этому краткому сообщению можно добавить, что жители Давани говорили на языке, общем для оседлых среднеазиатских племен, равно как не отличались от них и своей внешностью. Всего вероятнее, что здесь жила часть иранского населения Средней Азии. Из других сообщений видно, что на территории Давани главным городом был Эрши (городище у нынешнего с. Мархамат), а на восточной окраине Давани, видимо, на территории современной Киргизской ССР, находился город Ю, который с большим трудом был взят китайцами после продолжительной осады.

Всего упоминаются 70 больших и малых городов Давани. Большие города имели по два ряда мощных стен. Малые города, очевидно, были поселениями, укрепленными всего лишь одним земляным валом.

Поселения даваньского времени в большом количестве представлены в Южной Киргизии. Таковы наиболее интересные поселения в районе Ак-Буры, на 12-ом км тракта Ош — Кашгар-Кишлак, на 4-ом км Памирского тракта и ряд других в районе Кашгар-Кишлака, в Джалал-Абадской области в районе Базар-Кургана и Наукента. Все эти тепе являлись укрепленными поселениями отдельных патриархальных семейств. К этому же времени, возможно, относятся и четырехугольные городища, примыкающие к тепе. Это и есть те «чэны», о которых упоминают китайцы. Впрочем, не исключена возможность принадлежности их к несколько более позднему времени—господства кушан в

Фергане. Остатки тепе имеют вид сферических и конусовидных тепе, содержащих среди прочих археологических остатков характерную грубую керамику со следами лощения и раскраски. Формы этой керамики зачастую находят себе аналогии в усуньской керамике северного притяньшанья, что свидетельствует об известной культурной общности племен, населявших в древности юг и север современной Киргизии. С этими тепе связаны уже древнейшие остатки крупных ирригационных сооружений, а ведущим направлением хозяйства их обитателей было земледелие. Известно было и скотоводство. Даваньцы разводили крупный рогатый скот, лошадей, коз, овец, причем среди археологических остатков преобладают кости мелкого рогатого скота. Имели, видимо, даваньцы и свиней.

Ко времени царства Давань относятся погребения под курганными насыпями, вскрытые в Южной Фергане в сравнительно большом количестве. К даваньскому времени следует отнести и многочисленные курганы в районе нижнего течения Хуршаба, а также около кишлаков Масы-Наукеит-Сакалы.

Китай и Давань. Открытие Давани сразу возбудило интерес к ней со стороны китайского двора, который с 121 г. до н. э. налаживает оживленные торговые связи с Даванью.

Китайцы заимствовали из Давани культуры винограда и травы му-су (люцерна). Китайские летописи отмечают, что Китай ознакомил даваньцев с приемами отливки металла для оружия, что, впрочем, мало вероятно. Больше всего интересовали китайцев прославленные кони Давани — аргамаки. Отказ даваньцев предоставить Китаю лошадей, необходимых ему для многочисленных войн, заставил последний предпринять специальный поход в Давань. Продиктовано это было, в частности, тем, что даваньцы наотрез отказались продавать лошадей посольству Че Лиана.

Конфликт с Че-Лином вызвал организацию первого похода китайцев в Давань. Руководство войсками было поручено известному китайскому полководцу Ли Гуан-ли. Поход начался летом 104 г. Однако он окончился для китайцев неудачно. Во-первых, выступило всего 8000 человек регулярного войска. Во-вторых, в Восточном Туркестане армия не получила от тамошних владений соответ-

ствующих припасов. Это привело к быстрой убыли войска, и когда китайские войска подошли к городу Узген, то их уже было очень немного и они были истощены. Несмотря на то, что этот город был взят, китайская армия все же вынуждена была вернуться обратно в Китай. Уже в Дунь-Хуан из каждых 10 человек китайской армии пришло только два воина.

В 103 г. китайцы организовали второй поход в Давань. На этот раз выступила армия в числе 60.000 человек, не считая обслуживающего персонала. Обоз состоял из 100 000 быков, 80. 000 лошадей и 10. 000 ослов, лошаков и верблюдов. Поход был организован тщательно. По пути следования находились продовольственные базы. Но, несмотря на все, к Давани подошло лишь 30.000 человек. Здесь китайцам пришлось 40 дней осаждать город Эрши (ныне Мархаматское городище).

После того, как китайцами была отведена вода от города, им удалось прорвать первую, внешнюю стену. После этого даваньцы предложили китайцам мир на условиях предоставления Китаю аргамаков и снабжения армии на обратный путь съестными припасами. Ли Гуан-ли принял условия мира и китайцы получили «несколько десятков аргамаков и 3.000 жеребцов и кобылиц второго и третьего сортов».

Не удовлетвоствовавшись контрибуцией, китайский двор приказал казнить правителя Давани и на его место назначил некоего Моцай, оказавшего услуги китайским войскам. Военные действия, однако, на этом не закончились и свободолюбивый город Ю долго еще не покорялся китайским властям. Следует отметить, что в борьбе с Даванью китайцы требовали помощи со стороны усуней. Последние, хотя и выставили 2.000 конницы, однако не оказали эффективной поддержки китайской армии.

Окончание похода на Давань относится, вероятно, к 100-му году до н. э. Однако Китаю не удалось распространить свою власть на Давань. После ухода китайских войск их ставленник Моцай был убит, и государем поставили Жишаня, младшего брата ранее убитого правителя Мугуя.

Дальнейшие судьбы Давани, особенно ее внутренняя жизнь, остаются пока до сих пор не выясненными. Известно лишь, что Фергану, называвшуюся в то время китай-

цами «Полона», посетили в V веке н. э. (после того, как побывали в стране усуней) китайские послы Тун Юань и Гао Мин.

Согдийская колонизация Тянь-Шаня

Ответвление «Великого шелкового пути» из Китая в Иран и далее на запад, который получил важное экономическое значение еще во II в. до н. э., проходило через Чуйскую долину и оазисы Восточного Туркестана. По трассам этого «шелкового пути» уже в IV в. н. э. возникли колонии предприимчивых купцов, жителей Согда, расположенного в междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, главным образом по течению р. Зеравшан.

Купцы строили по своим путям караван-сарай. Впоследствии здесь образовались военные поселения, охраняющие караванные пути. Постепенно из временных пришельцев согдийцы становились постоянным населением, а вокруг караван-сараев вырастали уже целые колонии, жители которых, кроме торговли, занимались земледелием и ремеслами.

Согдийцы принесли сюда с собой высокую культуру земледелия, в частности искусственное орошение.

Развитие земледелия и организация искусственного орошения на землях, доселе нетронутых земледельческой культурой, требовали широкого использования труда рабов. Эта рабочая сила производила гигантские работы, связанные с созданием оросительной системы.

Однако приток согдийских переселенцев в VI в. был еще незначительным. Он усилился в VII в., в связи с завоеванием Средней Азии арабами. Согдийцы, зороастрийцы по вероисповеданию, не желали подчиняться мусульманской культуре и гнету завоевателей. Поэтому они в массовом количестве переселились на территорию Семиречья и долины рек Талас и Чу, куда не проникали арабы. Здесь согдийцы получили приют среди местных тюркоязычных племен.

Итоги развития племен Киргизстана к середине VI в.

Значение бурных событий первой половины первого тысячелетия н. э. в историческом развитии Киргизстана заключалось прежде всего в том, что на Тянь-Шань проникали все новые и новые племенные группы, в том числе и киргизы.

Это усложнило этнический состав населения Тянь-

Шаня и придало ему большую пестроту, причем ни одна из этнических групп не получила, повидимому, здесь преобладания. Этому мешала быстрая смена завоевателей. В процессе совместной жизни различия между племенами сглаживались, что очень ярко проявилось в распространении джокающего наречия тюркского языка, который стал впоследствии языком сложившейся позднее киргизской народности.

Далеко пошло вперед и развитие хозяйства, ускоренное появлением на территории Киргизстана согдийских колонистов. В результате здесь возникли очаги земледельческой культуры, появились оседлые поселения, стали развиваться ремесла.

Существенные изменения произошли и в области социально-экономического строя. Углубился процесс классовой дифференциации племен Тянь-Шаня. Правда, этот процесс задерживался сменой одних завоевателей другими. К тому же завоеватели стояли приблизительно на той же ступени общественного развития, что и племена Тянь-Шаня. Но это не значит, что у племен, населявших Тянь-Шань и Семиречье, в области общественного развития не было движения вперед. Источники не позволяют с достаточной полнотой проследить это развитие, но его результат сказался в возникновении в VI в. первого государства кочевников—тюркского каганата.

ГЛАВА III

КИРГИЗСТАН В ЭПОХУ СЛОЖЕНИЯ РАННЕ-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

§ 1. КИРГИЗСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА И ТЮРГЕШЕЙ В VI — VIII вв.

Образование
тюркского кага-
ната

С середины VI века на территории Монголии складывается восточно-тюркский каганат. Политическое объединение тюркских племен началось с 545 г., когда основатель империи Тумынь, пользуясь восстанием алтайских тюрков против жужан, довершил разгром последних. Уже к 80-м годам VI века, при его сыне Яньду, империя достигла огромных размеров и включала в свой состав множество племен, разнообразных по своей этнической принадлежности. От Хингана до Черного моря, от северных границ Китая до Енисея раскинулась эта держава.

Если с именем Тумыня связано основание империи, то его сын Муюй каган (или Яньду) укрепил восточно-тюркский каганат своими успешными войнами. Он осуществил окончательный разгром жужан. На западе в 70-х гг. VI века были разгромлены эфталиты, а на севере покорены енисейские киргизы. Силу тюркского оружия испытал и Китай, где рушилась тогда династия Юань Вэй.

Набеги на Китай и торговля награбленными ценностями значительно укрепили могущество родоплеменной знати кочевников. Они захватывают торговые пути из Китая на Запад и с помощью согдийских купцов завязывают

тесные торговые связи с Византией. Сасанидский Иран, хотя и не на долгое время, но был в союзе с тюрками Согда.

Существенную роль в развитии торговли, а вместе с тем и ремесла сыграли колонии согдийцев. На основе общих интересов кочевой знати и согдийских дехкан происходило сращивание господствующей верхушки тюрков и среднеазиатских иранцев. Все эти события способствовали дальнейшему росту и укреплению рабовладельческих отношений.

Быстрое созревание этих форм общественного строя вызвало к жизни два течения в лагере кочевников. Первое было представлено аристократической верхушкой каганата. Второе выражало оппозиционные настроения массы рядовых кочевников. Если первое пользовалось поддержкой господствующей верхушки согдийских городов, то второе опиралось не только на рядовые массы кочевников, но и на городской плебс. Наиболее яркого выражения эти течения достигли в 80-х годах VI века.

Оппозицию аристократам тюркского каганата возглавил сын Муюй кагана, рожденный от рабыни, по имени Далобянь. Собранием старейшин он был исключен из числа наследников престола, поскольку мать его была «низкого происхождения».

После смерти Муюй кагана в 569 г. престол был передан его брату Тобо кагану вместо Далобяня. В целях усиления каганата Тобо каган решил принять в качестве официальной религии буддизм.

Тем не менее, к 80-м годам нарастание мощи каганата по существу закончилось. К этому времени складываются два условия, которые определили начало его кризиса. Первым условием было укрепление мощи Китая. Китайская династия Суй сумела сократить и ограничить успехи тюрков. Второе условие заключалось в том, что нарастающий подъем народных движений под руководством Далобяня приобретает определенные организационные формы.

При кагане Шаболио Ниету Далобянь под именем Або кагана был поставлен во главе ряда аймаков (родовых общин). В борьбе против династии Суй Або каган усилился настолько, что был в состоянии конкурировать с властью верховного тюркского кагана Шаболио. Шабо-

лио выступил против Або кагана, разбил его и вынудил бежать на запад, к его дяде Дату кагану. Здесь он возглавил движение городского плебса и в союзе с оппозиционными элементами в 581—584 гг. обрушился на Шаболио. Шаболио должен был призвать на помощь китайские войска династии Суй.

Положение Шаболио было чрезвычайно стесненным. Далобяню удалось к этому времени занять значительное количество земель каганата. Ему принадлежали не только среднеазиатские владения, но также оседлые поселения Восточного Туркестана вплоть до И-ву и Кучи. В них Далобянь нашел социальную опору. Центральной базой Далобяня был Бухарский оазис, в котором он, опираясь на силу «нищих и бедняков», вынудил к бегству «дехкан и богатых купцов». Отторжение Далобянем оседлых оазисов Восточного Туркестана значительно урезало силу Шаболио.

В этих условиях китайский двор решил оказать помощь Шаболио. Это решение было вызвано желанием получить его в качестве союзника, а вместе с тем проникнуть на территорию Средней Азии для восстановления непосредственных связей с западными землями. Оказанная китайцами помощь вынудила Шаболио принять вассалитет Китая. Между 584—587 гг. китайские войска взяли в плен Далобяня и разгромили возглавленное им движение. На всей территории каганата от северной границы Китая до Аму-Дарьи была восстановлена власть тюркской знати и согдийского дехканства. На территории Бухары, базы оппозиционного движения, дехкане снова превратили бывших участников движения в своих «слуг и кедиверов».

Победитель повстанцев Чулохэу, брат Шаболио, решил также восстановить экономическое могущество тюрков, подорванное не только политическим кризисом 80-х годов, но и голодом 583 г. С этой целью в союзе с хазарами и Византией Чулохэу организовал поход в Иран, но безуспешно. Разбитый иранскими войсками в 588 г., Чулохэу погиб в этой войне, и Иран освободился от угрозы нашествия тюрков.

На территории Балха и Тохаристана осталось, однако, значительная часть тюркских племен, участвовавших в этих походах; таковы были, например, из числа племен западно-тюркского каганата, карлуки. Их ос-

новные ставки в то время находились на территории Чу-Илийского междуречья. По языку они были одинаковы с восточно-тюркскими племенами, так как их язык принадлежал к так называемой «джокающей» группе тюркских диалектов.

Западно-тюркский каганат

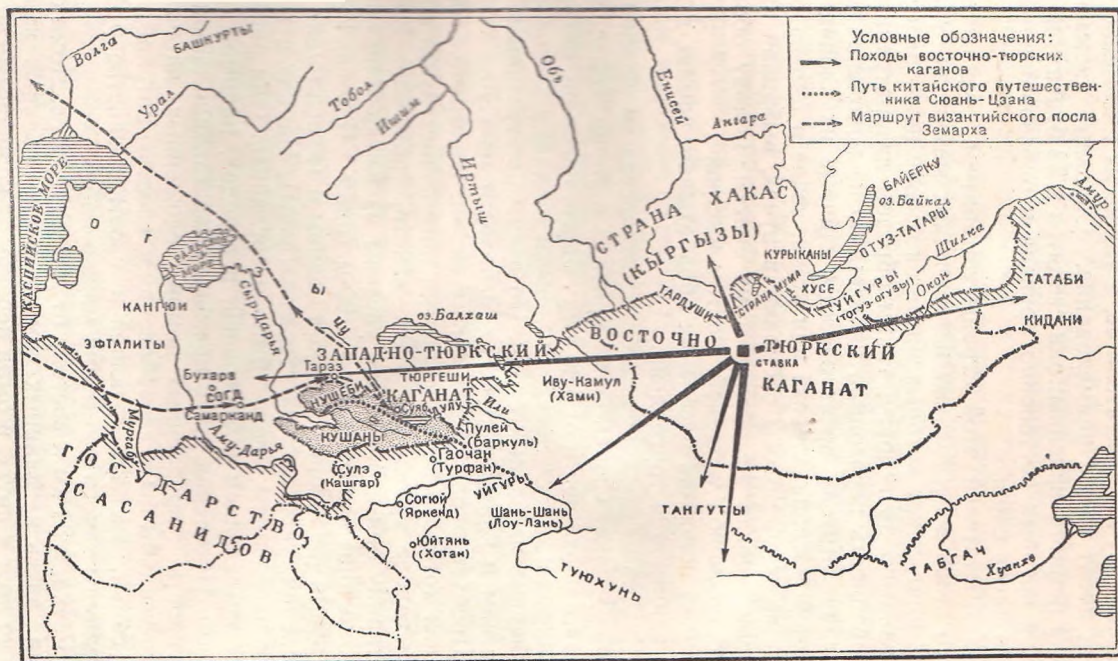
Политический кризис каганата имел следствием не только его падение и подчинение тюрков Китаю, но и распад каганата на две части: на западно-тюркский и восточно-тюркский.

Ближайшее отношение к истории Киргизстана имеет западно-тюркский каганат.

Фактически уже с именем Далобяня можно связать формирование западно-тюркского каганата, как самостоятельного политического образования. Обособленность западных тюрков объясняется не только их местоположением, но и своеобразным характером экономического развития и этническими различиями западных племен от восточных. По сообщению китайских источников, западные каганы имели свою ставку «в бывшей усуньской земле», т. е. на территории Тянь-Шаня. Тянь-Шань, Иссык-Куль и долины рек Чу и Таласа составляли центральные владения западных тюрков. На этой территории находилось также большое количество оседлых поселений, созданных еще в период первой согдийской колонизации. Значительные переселения согдийцев произошли ко времени Далобяня, когда они основали на р. Талас город Хамукат. Во времена посольства Сюань-Цзана в 630 г. владения западных тюрков описываются следующими словами: «Проехав, примерно 500 ли (250 км) на северо-запад от озера Иссык-Куля, он (Сюань Цзан) достигает города на р. Су-е (Чу). Этот город (Суяб) имеет в окружности от 6 до 7 ли, он является местом встречи купцов, приезжающих из отдельных государств. Почва пригодна для разведения красного проса, пшеницы; лесная растительность редкая. Так как климат здесь холодный и свирепствует леденящий ветер, жители носят одежду из валяной шерсти. К западу от Суяба расположено около десятка изолированных городов, находящихся под управлением начальников, друг от друга независимых, но подвластных тукиу (тюркам).

Страна, занимающая пространство между городом на реке Су-е и королевством Ки-шан-ни (Касанна), носит

КИРГИЗСТАН В VI - VIII в.в.

название Су-ли; обитатели ее, а также их письменность и язык носят то же наименование. Основные письменные знаки немногочисленны; они сводятся к 32 буквам, комбинация которых постепенно привела к образованию большого числа слов.

У обитателей этой страны литература заключается всего лишь в нескольких исторических мемуарах. Знание этих книг, текст которых читается сверху вниз, передается взаимно друг другу; таким образом литературная образованность переходила непрерывно из поколения в поколение. Жители носят одежды, сшитые из хлопчатобумажной материи, шерсти или кожи, узкие и плотно облегающие тело. Волосы собирают в пучок, выбривая их на темени, иногда же сбривают их совсем. Голову обвязывают шелковой материей. Ростом высоки.

Одна половина населения обрабатывает землю, а другая занимается торговлей».

Сделав от ста сорока до ста пятидесяти ли на запад от Мынг-Булака, Сюань-Цзан приехал в город Талас, имеющий в окружности от 8 до 9 ли¹. Здесь, писал он, останавливаются и торгуют всевозможными товарами купцы, приезжающие из разных стран. По своим естественным богатствам и климату страна эта походит на Су-е.

Проехав около десяти ли на юг, он повстречал город, вблизи которого не было других населенных пунктов. В этом городе проживало 300 семейств, уроженцев Китая. В старину они силою были увезены из Китая тюрками.

Описание это относится к 20-м годам VII века. Уже в это время территория Чуйской долины и Таласа имела ряд поселений, укрепленных стенами (чэны). Наряду с тюркским населением много было и согдийцев. Они занимались земледелием и торговлей, в городах, видимо, и ремеслом. Поселения этого времени представляли собой совокупность укрепленных домов, сложенных из пахсы. Дома-усадыбы были своеобразной крепостью патриархальной семьи, эксплуатирующей в своем хозяйстве рабов. Развалины такого поселения можно наблюдать у с. Красная Речка, в 34 км к востоку от города Фрунзе. Дома состояли здесь из длинных комнат, расположенных параллельно друг к другу, и были перекрыты коробовым сводом из сырцового кирпича. Аналогии таким комнатам извест-

¹ Ли — почти полкилометра.

ны не только в Средней Азии, но и в Афганистане и даже в Индокитае. Дом был обнесен стеной. Во дворе устраивалось кладбище. Согдийское население Чуйской долины исповедывало зороастризм и поэтому умерших не хоронили в земле, а кости после разложения трупа складывали в специально изготовленные глиняные гробики, называемые археологами оссуариями.

Интересно, что в культуре обитателей согдийских поселений Чуйской долины были ярко выражены исконные традиции местной земледельческой культуры. Так, во время строительства Большого Чуйского канала на левом берегу р. Сукулук трасса канала прорезала торгово-промышленное предместье древнего безымянного города. В предместье оказались отложения разных эпох: от V в. до XII века н. э. Сукулукское поселение издревле было центром широкого развитого ремесленного производства. Находки из нижних слоев Сукулукского городища показали, что уже с V в. н. э. мы можем здесь четко разграничить, во-первых, черты культуры местных племен и, во-вторых, ярко выраженное согдийское влияние.

Местная культурная традиция отражена, например, в шпильках из бронзы, украшениях с навершием в виде головки, а иногда и всего туловища птицы. Такого типа булавки известны уже по раскопкам усуньских курганов. Но вместе с такими вещами, свидетельствующими о традициях усуньской культуры, есть и другие, чисто согдийские. Это изображения животных, изготовленные из глины, грубые по оформлению. Как правило, такие статуэтки сильно обожжены спереди. Можно полагать поэтому, что эти предметы связаны были с культом огня. Сюда же относятся светильники на высоких подставках типа сасанидских аташданов, крышки для сосудов с ручкой в виде головы волка-собаки, барана, птицы и, реже, других животных, которые согласно текстам Авесты являются помощниками Сраоша в его борьбе с демонами ночи. Такие статуэтки, должно быть, поддерживали крышки, которые прикрывали пламя негаснущего огня в аташданах. Все эти предметы часто орнаментированы разными геометрического узора линиями. Помимо растительного и геометрического орнамента, на этих предметах имеются и геральдические изображения живых существ — фазанов и козлов; так, на одном предмете имеется парное изображе-

ние фазанов, расположенных симметрично по двум сторонам стоящего в центре дерева. Сюжет этого рисунка и его трактовка воспроизводят рисунки на сасанидских тканях VI—VII веков.

К предметам, свидетельствующим о согдийских, восточно-иранских традициях, относятся также статуэтки людей и животных. Характерно, что на статуэтках изображаются, в основном, представители восточно-иранского этнического типа. Часто скульптурные изображения воспроизводят мифические образы иранского востока. Таковы, например, изображения фазана.

Найден также замечательный штамп для оттиска человеческого лица в пышном головном уборе. Этот штамп воспроизводит портретное изображение сасанидского царя. Столь же интересен сосуд с изображением лица буддийского божества, найденный в Сукулукe. Лицо и головной убор божества имеют черты, характерные для североиндийских изображений такого рода. Глиняные сосуды такого типа известны по раскопкам сасанидских слоев VI—VII вв. на Кафыр-Кале под Самаркандом, а серебряный сосуд такой же формы был найден в кладе вещей у с. Покровское около г. Фрунзе и датируется тем же временем (VI—VII вв.).

К памятникам согдийской культуры относятся и образцы кибиткообразных оссуариев. Так, у с. Ивановское были найдены оссуарии, овальные в плане со сферическими крышками.

В процессе сложения и развития здесь городской культуры V—VI вв. существенную роль играли не только согдийцы, но также и Византия, а затем, несколько позднее, Китай. Что касается Византии, то в VI в. территория Семиречья, в том числе северная Киргизия, попадает в орбиту византийского влияния. На трассе Большого Чуйского канала в том же Сукулукe были найдены, например, два электроновых брактеата, являющиеся образцами варварского подражания византийским монетам. В Таразе был найден восточно-римский солид. Вместе с фресками Восточного Туркестана, особенно Кучарского оазиса (Кизил и Кум-Тура), эти находки подтверждают известия письменных источников о широких связях с Византией, имевших место в пору расцвета западно-тюркского каганата.

Успехи военно-политической деятельности каганата,

особенно в конце VI и до середины VII столетия, обеспечили политические, а затем и культурные связи Северной Киргизии с огромными районами от Енисея и Китая, до Византии и Ирана.

Среди кочевников господствующее место занимали тюрки, объединившие под своей властью все местные племена. В состав западно-тюркского каганата входили также и древние племена усунь, носившие, по мнению некоторых авторов, имя нушеби. Они занимали междуречье Таласа и Чу. В состав союза нушеби входили, видимо, и древние племена юебань, носившие теперь наименование чубань. Сюда же входили племена Чу-е, Чу-ми и др. Другие племена составляли союз дулу и жили в междуречье Чу-Или. С ними граничили с востока племена карлуков, а с севера — тюргеши. В целом, западные тюрки, составившие к концу VI века самостоятельное государственное образование с политическим центром в Чуйской долине, были этнически особой группой, отличной от восточных тюрков...

Тюрки-кочевники, долгое время сохранявшие свой древний быт, развивали своеобразную культуру, отличающуюся от культуры оседлых поселений.

Во время археологических наблюдений при строительстве трассы Большого Чуйского канала были изучены погребения тюркского времени. В инвентаре погребений обнаружены были части конской сбруи: удила, стремяна с узким подножьем и прямоугольной рамкой для ремня, большой набор всевозможных пряжек. Найдены также костяные пряжки для подпруги с подвижным язычком, мелкие бронзовые пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и фигурным основанием, украшенные геометрическим и растительным орнаментом. Есть также много наременных бляшек круглой, овальной, сердцевидной, полулунной и других форм, значительная часть которых также покрыта орнаментом. Как по форме, так и по орнаментации эти вещи имеют близкое сходство с предметами, находимыми на Алтае и Енисее, чем подчеркивается этническое родство кочевых насельников Северной Киргизии с населением указанных районов. Из вооружения уцелели характерные наконечники стрел, почти квадратные в сечении, а также костяные накладки на среднюю часть лука, иногда богато орнаментированные резным линейным

узором и кружками. Тюркская посуда этого времени представлена котлообразными сосудами. Орнаментации почти нет, за редким исключением (витой жгут). Возможно, что к этому времени относится грубая лепная керамика сложных форм с желтым лощением и керамика в виде стаканов с красным лощением, напоминающая собой керамику Ташкентского оазиса и кушанскую керамику Ферганы.

Тюрки Чуйской долины хоронили своих умерших по древним тюркским обычаям. Об этом свидетельствуют могилы с каменными изваяниями — балбалами. Одно такое изваяние, найденное у г. Сарыга, изображает мужчину; левой рукой он держит чашу, а на правой руке сидит сокол.

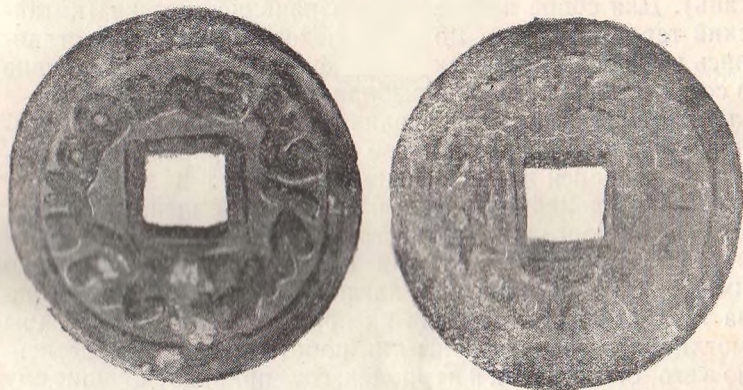
К западу от Суяба, в ущелье Чон-Кемина, расположено весьма интересное кладбище (VI—VIII вв.). Около невысоких каменных курганов и могил, совершенно незаметных на поверхности, здесь стоят врытые в землю каменные обелиски с грубо прочерченным на них изображением человеческого лица. Большинство этих изображений имеет ярко выраженные антропологические черты тюрков. Однако наряду с тюркским встречаются и иные расовые типы. Так, в одном изображении резчик по камню пытался передать черты, типичные для иранца. Такова густая широкая борода, переданная частыми прорезанными линиями.

Кроме балбалов, на могилах ставились и простые камни, которыми, по свидетельству китайских источников, кочевники отмечали количество врагов, убитых похороненными.

Влияние Китая на Северную Киргизию особо сильно сказывалось с середины VII в. Успешная миссия Сюань Цзана в 629—48 гг. содействовала росту китайского культурного влияния. Успешные походы китайцев в 654 г. еще более укрепили политическое и культурное влияние Китая на Семиречье. Не удивительно поэтому, что в инвентаре тюркских погребений обнаружены китайские монеты типа «кай-юань», имевшие хождение в «варварских» для Китая областях. Монеты эти чеканились в первой трети VIII в. Одновременно, в подражание китайским, местные правители выпускали бронзовые монеты такой же формы, но с именем тюркских правителей. Вместе с монетами широкое распространение получили китайские металлические

зеркала, в том числе изготовленные местными ремесленниками, подражавшими китайским образцам.

Наряду с тюркским и согдийским населением в этих районах жили китайцы и сирийцы. Китайцы, видимо, были здесь на положении рабов, о чем, в частности, говорит сообщаемый Сюань Цзаном факт о насильном приводе сюда военнопленных китайцев в целях развития земледелия. О рабстве говорит и другое сообщение китайского

Согдийские монеты.

источника, что по реке Чу имеется «несколько десятков тысяч тюркского войска, но под другим названием. Землепашцы вообще ходят в латах; захватывают друг друга в неволю; они принадлежат на западе городу Талас».

Наряду с поселениями в виде укрепленных домов на р. Чу и Таласе были укрепленные города-ставки тюркских каганов. Одним из таких городов являлся Суяб (ныне Новороссийское городище на р. Чон-Кемин) и Талас. В городах проживала господствующая верхушка каганата из тюрков и согдийских дехкан, объединенно управлявших государством. О тесных связях тюркской аристократии и знатных согдийцев неоднократно говорят письменные источники. Так, например, согдийский владетель Гюйлучжи был женат на дочери западно-тюркского кагана.

Во главе западных тюрков стоял хан, носивший обычно титул «джабгу-каган». Титулом джабгу, или ябгу выража-

лось его номинальное, а иногда и фактическое подчинение восточным тюркам.

Каган западных тюрков в отличие от остальных кочевников жил в шелковом шатре, носил шелковую одежду. Лоб он повязывал шелковой лентой, охватывавшей в несколько рядов голову, концы ленты ниспадали на спину. В торжественных случаях каган сидел на троне.

Ближайшими помощниками кагана были буюруки (выполнители его поручений) и тарханы (китайские дагань). Для сбора податей им назначались тутуки (китайский термин тутунь). Во главе покоренных племен ставились эльтеберы (китайские сылифа) и хуанду. Входявшие в союз каганата племена выбирали из числа своих бегов — управителей — сыгиней. Сюань Цзан отмечает еще у каганов тахуаней, возможно, это и есть тюркские буюруки. Каган опирался на свои личные богатства в виде сокровищ (драгоценности, шелка и проч.), накопленные во время войн и торговли. Кроме того, каган владел стадами и рабами, добытыми во время военных походов. Нередко имели место столкновения кагана с его подчиненными из-за того, что каган обделял их при дележе добычи. Рабы могли быть использованы для работы как непосредственно в его ставках, так и в городах, где принадлежавшие ему ремесленники изготавливали всевозможные предметы. Не случайно поэтому ряд тюркских владетелей были в то время правителями городов, а города являлись не только торговыми центрами, но и ремесленными очагами.

В политическом отношении власть кагана опиралась на знать племен — бегов, разделявших с каганом доходы от военных набегов. Основным богатством племен были стада лошадей, верблюдов и овец. Об этом говорят и сообщения Сюань Цзана, и археологические раскопки. Каган был не только владетелем городов, но ему же принадлежали охотничьи и пастбищные угодья. Так, древние авторы указывают на принадлежащую кагану местность Мынг Булак.

Скотоводческие племена тюрков поддерживали тесную связь с оседлыми земледельческими очагами Средней Азии.

Рядовые кочевники и их знать одевались в кожи, меха, шерстяные и шелковые ткани. Головной убор был кожаный в виде башлыка; одежду составляли облегающий те-

ло и перехваченный в поясе кафтан, широкие штаны, заправленные в мягкие бескаблучные сапоги.

На поясе они носили оружие: слева находились меч, нож; справа — футляр для чаши, сумочка, а в ней огниво, шило и т. п. мелочь; справа же висели лук и колчан со стрелами. Кроме того, в руке держали обычно копье и зна-

Меч (железо)

мена. Тюрки были все всадниками. Кроме коней, употребляли для верховой езды и верблюдов. Вооружение было железным. Из бронзы в это время делали украшения — пряжки, накладки.

Жилищем кочевника была кибитка, однако на зимовках и в таких ставках как Суяб возводились и небольшие постройки из сырцового кирпича. Кибитки изготовлялись из войлока, часто разукрашенного цветными аппликациями. Шелк, употребляемый для украшения жилища, видимо, был китайской работы.

Кочевники были искусными кузнецами. Помимо железного вооружения, они изготовляли сосуды и украшения из золота, серебра и бронзы. Сосуды обычно делались из листового серебра в виде больших чаш с сферическим дном и цилиндрических кубков с слабо выпуклым дном. Особый интерес представляют украшения из золота. Из Кочкорской долины известны пластины с ажурным орнаментом, где фантастические животные вплетены в растительную вязь.

Техника и сюжеты украшений находят себе полную аналогию в произведениях этого же времени на Енисее. Всего вероятней, что они и сделаны енисейскими киргизскими мастерами.

На Таласе сохранились и рунические надписи, начертанные киргизским руническим письмом. В этих надписях, поставленных на могилах покойных, говорится так же, как и в енисейских, о тех, от которых «ушел», «отделился» покойный. Это обычно «хатун»¹ и сыновья. В од-

¹ «Хатун» — жена.

ном случае сын назван наследником. Характерно, что в одной эпитафии упоминается «блестящее серебро» и «дары». Эти надписи высечены на камнях, которые стоят на могилах небольших владетелей. Последние передавали свою власть как над своими владениями, так и над дружинниками — огланами сыновьям. Вот, например, одна из надписей: «Имя его Чур. От Вас тридцати огланов, от вы-

Намогильный памятник с древне-киргизским руническим письмом
(долина р. Талас)

год и благ (мира) он отделился. Вам, договоренные мужи, оглан Чур, наследуя, остался. Жена его вдовой осталась». Оглан Чур здесь несомненно является сыном покойного Чура; именем оглан, буквально — сын, названы и его дружинники. О том, что такие князья имели свои владения, говорит и другая надпись: «устроив свои (владения?), мое геройское имя Удун; от вас... (я удалился). Жена его осталась вдовой. Его младшие братья Кара Барс и Огул Барс. В отношении своих товарищей (разлучился)». О деятельности этой знати достаточно ясно говорят слова одного памятника: «... я непрерывно ходил походом за границу и внутри государств. Я Бег Чур сын, от выгод и благ мира я отделился. Сын его, наследуя, остался. Печальная вдова осталась».

Из этих надписей видно, какое важное место занимала война в жизни этих владетелей. О военной деятельности кочевников свидетельствует и небольшая надпись в урочище Чиймташ (Таласская долина), выбитая на скале. О торговле говорит запись маршрута на деревянной палочке, найденной в урочище Нельды той же Таласской долины.

Религией кочевников являлся, видимо, шаманизм. Имеются сведения, что тюрки отправлялись на поклонение духам предков на Алтай. Сюань Цзан отмечает, что тюрки поклоняются огню. О культе огня сообщают и византийские авторы, отмечающие, что посол византийского правительства, Земарх, прежде чем был допущен к кагану, прошел «очистительную» процедуру между двумя ря-

Центральная часть буддийского храма (после раскопок)

дами костров. Покойников, главным образом знатного происхождения, предавали огню. Сюань Цзан сообщает, что тюрки приняли буддизм, но вряд ли в это время (VII в.) они были ревностными поклонниками Будды. Наиболее распространен буддизм был среди оседлого населения Чуйской долины.

Наряду с шаманизмом, как господствующим религиозным мировоззрением тюрков, у них, как мы выше отмечали, существовал зороастризм, принесенный согдийцами и слившийся, вероятно, с культом огня. В результате этого в Семиречье возник своеобразный шаманско-зороастрийский культ.

Древнее ислама было в Семиречье и христианство в его разнообразных вариантах, начиная с манихейства. Носителями христианства были сирийцы, наиболее раннее пребывание которых засвидетельствовано для Семиречья эпиграфическими памятниками в Таразе. Интересно также, что, когда Нарсес в 581 г. отправил пленных восточ-

ных тюрков к императору Маврикию, у них, якобы от чумы, были нарисованы на лбу кресты.

Епископ Тимофей (778—820 гг.) обратил в христианство тюрков каганата и ряд тюркских князей, судя по времени его жизни, скорее всего карлуков. А в списке митрополий IX века уже упоминается страна тюрков.

Политический расцвет западно-тюркского каганата последовал вскоре после отделения его от восточных тюрков — примерно в 600-х годах, во время правления Нигю Чуло Дамань кагана. В это время не только Согд, но и Восточный Туркестан были в его руках, но ненадолго.

Однако китайский двор добился раскола в орде и вынудил Нигю Даманя принять протекторат Китая. Только при Тун-ябгу (вступил на престол в 616 г.) покачавшееся господство западно-тюркского кагана восстанавливается. Тун-ябгу продолжал политику первых каганов. Он видел в организации грабежей соседних стран возможность уничтожения внутреннего политического кризиса, который к тому времени назревал. Подачки из богатой военной добычи могли временно успокоить нищающую родовую массу кочевников. С этой целью Тун-ябгу, известный у западных авторов под именем Синджибу, вступил в союз с византийским императором Ираклием и принял участие в борьбе его против сасанида Хосрова Парвеза. Военные отряды тюрков принимали активное участие в наступлении 626—28 гг. хазар на закавказские владения сасанидов и доходили до Тбилиси. Следствием этих взаимоотношений с Западом и явилось проникновение в долины Чу и Таласа вещей византийского происхождения. Западная ориентация войн Тун-ябгу вызвала необходимость в переносе его ставки из Восточного Туркестана в северный Тянь-Шань, в местность Мынг Булак («тысяча ключей»), в 75 км к востоку от города Таласа. Всего вероятнее, что ставка кагана в это время находилась в районе Кулана (современная станция Луговая). Тун-ябгу ввел ряд усовершенствований в систему государственного аппарата, обеспечивающих ему эксплуатацию населения. Местные владельцы получали от него титул «сылифа» (по-тюркски «эльтебер»), что выражало подчинение их власти кагана, а для выполнения его распоряжений и собирания податей был образован институт тутуков (мелких владельцев — князьков).

Мероприятия Тун-ябгу, конечно, не разрешили нарастающего кризиса. В организованных им войнах обогащалась лишь правящая верхушка. Не случайно китайская летопись говорит, что он, полагаясь на свое могущество, был не очень милостив к подчиненным. Народ роптал, и многие роды от него отделились.

Эти раздоры внутри тюрков объясняются разрывом, который развивался между богатеющей в бесчисленных войнах племенной аристократией, составляющей особую корпорацию — эль, и беднеющей массой рядовых кочевников, становившихся на положение кочевого плебса «кара будун», который во времена Тун-ябгу попал в зависимое положение от аристократов. Кочевая аристократия, мощь которой опиралась не только на захват военной добычи, но и на эксплуатацию рабов в своем хозяйстве, простирала свои жадные щупальцы и на свободную массу рядовых кочевников. Это вызывало как в восточном, так и в западном каганате восстания, которые привели восточный каганат к подчинению Китаю, а западный — к убийству Тун-ябгу его родственником — Мохэду.

Причины крушения власти рабовладельческой знати у кочевников раскрывает тюркский текст на могиле одного из знатных представителей каганского дома — у восточных тюрков, Кюль-Тегица. Текст этой стеллы гласит: «После того, так как младшие братья не были подобны старшему, а сыновья не были подобны отцам, то и сели на царство неразумные каганы, сели на царство трусливые каганы, все их буюруки были неразумны, были трусливы.

Вследствие неверности кагану бегов и народа, подстрекательства и шпионства китайского государства и его прельщений, а также вследствие того, что они ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и бегов, — турецкий народ привел в расстройство свой до того времени существовавший эль и навлек гибель на царствовавшего над ними (до того времени) кагана.

Китайскому государству стали они рабами со своими сильными сыновьями и со своими чистыми дочерьми. Тюркские беги сложили с себя свои тюркские титулы и, приняв, как китайские знатные беги, китайские титулы, подчинились китайскому кагану.

Пятьдесят лет отдавали они ему свои труды и силы».

Конец цитируемого отрывка из малой надписи Кюль-Тегина относится главным образом к истории восточно-тюркского каганата, к тому времени, когда Хели каган в 630 г. был вынужден признать протекторат Китая и когда тюрки действительно в течение пятидесяти лет (до 680 г.) были в подчинении у Китая. Но первая половина текста целиком может быть отнесена к обоим частям каганата. Правда, в тексте все зло приписано императорскому двору Китая, но совершенно ясно, что речь прежде всего идет о внутренних событиях, связанных с борьбой внутри тюркского общества. Цитированное выше сообщение китайского источника об убийстве Тун-ябгу показывает, что эта внутренняя борьба шла и у западных тюрков. Учитывая особенности экономического развития западных тюрков, следует принять во внимание и роль низов городского населения, значение восстаний которых было показано С. П. Толстовым на анализе событий во время правления тюркского кагана Далобяня. Не могла не сказаться в этих событиях и роль рабов.

Конец 30-х и начало 40-х годов в западном каганате явились временем междоусобных войн и смены правителей, ставленников племенной знати, сохранявших в своих руках чаще всего только номинальную власть.

Каган Мохэду, убивший Тун-ябгу, не смог удержать власти в своих руках. Племена уходили к западному наместнику Сы, господствовавшему, видимо, в Согде. Туда стекались все оппозиционно настроенные кочевники. Не только чужие племена, подвластные Мохэду, но даже люди и из собственного рода Мохэду «мало по малу уходили», что вынудило Мохэду бежать на Алтай, где он и был убит.

В свою очередь, сменивший Мохэду каган Сы «был недоверчив, упрям и невеликодушен в управлении подчиненными. Малый каган Или (управляющий Илийским краем) оказал государству большие услуги. Сы-ябгу по клевете казнил его со всем родом». Но после этого Сы-ябгу тоже не усидел на престоле и бежал в Согд. Старейшины возвели на престол Карашарского владетеля по имени Дулу Нишу кагана (умер в 634 г.).

О том, что западно-тюркский каганат находился в это время в состоянии крайнего упадка, говорит хотя бы тот факт, что в течение примерно 4-х лет сменилось 4 кагана.

Уже в 634 г. кагана Дулу Ниши сменяет его брат Шаболо Хилиши.

Перед рабовладельческой верхушкой каганата в это время встал во весь рост вопрос об упорядочении взаимоотношений внутри орд кочевников. С этой целью Шаболо Хилиши делит на основе уже существовавшего деления кочевую орду на 10 частей, называемых «стрелами», и во главе каждого деления у племен Дулу ставит правителей «чжо», а у племен Нушиби—«сигиней». Река Чу служила границей между племенами: дулу жили на востоке от Чу, нушиби — на западе. Эти племена известны в тюркских источниках под именем «онок будун», т. е. «десятистрельных»; также их называли и китайцы. Однако это административное устройство племен и разделение территории не разрешило тех неурядиц, которые были в орде. Наоборот, они способствовали известной автономизации племен и, в связи с этим, наряду с одним каганом выдвигались другие.

Так, при Шаболо Хилиши на 4-м году его правления выдвинулся Иби дулу Юйгуше каган (638 г.), вступивший немедленно в войну с Шаболо Хилиши. Договором на реке Или были размежеваны сферы влияния обоих каганов. К востоку были владения Шаболо Хилиши, на запад — Иби дулу. Таким образом, Чу и Северная Киргизия находились под владычеством Иби Дулу. Но это размежевание сохраняло силу недолго. Хилиши, в конце концов, бежал в Фергану, где и скончался в 639 году.

С этого времени политическая жизнь каганата заполняется борьбой двух властителей западно-тюркского каганата, борьбой между каганами Иби Дулу и Иби Шаболо, занявшим место Хилиши после его смерти и смерти его сына в 639 г. Силы обоих каганов несколько возросли после того, как Иби Дулу покорил на востоке киргизов и племя Бома, а к Иби Шаболо примкнули владения Восточного Туркестана (Куча, Лоу-Лань, Изюймо, Карашар), тохары (видимо, тохаристанские карлуки) и некоторые владения Сог (Ши, Шы, Хэ, Му и Кан). Владения Иби Дулу, расположенные по Тянь-Шаню и р. Чу, оказались в окружении орд Иби Шаболо, который даже свою ставку расположил в 641 г. по северную сторону р. Чу, к востоку от Или, где-то в районе Заилийского Алатау. Несмотря на это, Иби Дулу удалось разбить эту блокаду.

Один из тутунов Иби Дулу убил Иби Шаболо и овладел подвластными последнему территориями. Таласские племена Нушиби тем не менее не подчинялись ему. Иби Дулу сам стал во главе войск, овладел на западе Тохаристаном и произвел набег в Хами (Ичжоу). Во время этих походов Иби Дулу китайский наместник в Восточном Туркестане Госюокэ временно овладел Тянь-Шанем. Иби Дулу пытался вернуть себе Тянь-Шань, для чего организовал поход Чуйских племен (Чуюе и Чуми), но неудачно. Успехи Госюокэ вынудили Иби Дулу организовать поход на запад, в Согд, где он разгромил племена Даоми. Свои неудачи в борьбе с Госюокэ Иби Дулу пытался компенсировать захватом большего числа пленных согдийцев. Но из богатой добычи он всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным. Его полководец Нишу Чжо силой отнял свою часть. Повстанцы были казнены, но казнь не укрепила авторитета Иби Дулу, и он не смог возвратиться в свои владения, тем более, что последние находились под угрозой китайских войск. Переправившись через реку Е (Зеравшан), он дошел до владения Ши (одно из владений Согда — Кеш в долине Кашка-дарьи). Обороняясь от наступавших против него кочевников, он обосновался в городе Байшунху.

В Семиречье с согласия китайского двора племена возвели на престол в 642 г. Иби Шегуя. Племена Нушиби, по указанию нового кагана, начали осаду города Байшунху (где укрылся Иби Дулу). Эта операция кончилась, однако, для Нушиби неудачей—победил Иби Дулу. Но это не вернуло ему власти над кочевниками. Вожди племени Нушиби якобы заявили: «пусть убьют на войне всю тысячу человек, а останется один, и тогда не пойдем к нему». Не видя поддержки со стороны кочевников, Иби Дулу удалился в Тохаристан; он скончался в 653 г. Во время преследования Иби Дулу войсками Иби Шегуя в тылу последнего под предводительством Хэлу, владельца Таласа, восстали племена Чуе, Чума, Гэсу, Гэлолу и Нушиби. Хэлу получил поддержку Китая и овладел всеми землями, которые ранее принадлежали Иби Дулу.

Политическая обстановка, создавшаяся теперь, более всего способствовала успешному вмешательству Китая в дела кочевников западно-тюркского каганата.

В год смерти Дулу из Китая выступили китайские вой-

ска под предводительством Ченьчжицзе, передовым отрядом которой командовал Судинфан. В 654 г. были разбиты войска племен карлуков в Чуе. Вслед за этим пала ставка племен Чумугунь. В 654 г. Судинфан вторгся на Алтай, племена которого покорились без боя, и подошел к Или с западной стороны, где вскоре разбил племена Чумугунь.

Хэлу удалось собрать крупное войско из кочевых племен Таласа, Чу и Или и окружить войска Судинфана. Но Судинфан разбил войска Хэлу. Об огромных потерях Хэлу говорят цифры: убито и взято в плен 30.000 чел., а одних только старшин взято 200 человек. Пять племен Нушиби покорились Судинфану, а Дулу—отступили. Войска Судинфана дошли до Таласа. Кочевники с каганом Дулу отступили к р. Или и Судинфан вновь их преследовал от р. Или до Чу. Хэлу бежал в Согд (владение Ши, город Суду), но это не спасло его. Он был выдан китайским властям владельцем города Ине-дагань. Земли, прежде ему принадлежавшие, были разделены на профектуры. В Семиречье созданы были две профектуры — Гуньяинская и Хаочиская. В состав этих наместничеств были включены и тюргешские племена. Карлукские племена, видимо, оставались свободными.

Во главе наместничеств были поставлены представители тюркской знати, но это не обезопасило Китай от кочевников. В 660 г. Судинфану пришлось снова выступать против них.

Вскоре китайский двор казнил своих ставленников и начал полновластно распоряжаться судьбой тюркских племен в Семиречье. В это время, однако, выдвинулся назначенный Китаем наместник из тюрков по имени Дучжи, который в 676—678 гг. считал себя правителем всех десяти племен западных тюрков.

Дучжи в первый же год своего правления заключил договор с Тибетом и вторгся в провинцию Аньси. Выступление Дучжи хотя и остановило активность китайцев в Средней Азии, но больших последствий для нее не имело, так как Средняя Азия оказалась жертвой арабской агрессии: в 651 г. арабы взяли Мерв.

Средняя Азия не могла оказать арабам активного сопротивления, поскольку ее владения были истощены борьбой с кочевниками. Но активные действия Дучжи против

Китаю позволили восточным тюркам добиться независимости. На севере Центральной Азии произошло объединение тюркских племен и началось их успешное выступление против Китая. Восстание восточных тюрков окончилось их победой в 682 г. и созданием второго восточно-тюркского каганата.

В ходе всех этих бурных событий семиреченские тюркские племена, в том числе и племена Киргизии, были крайне истощены и обессилены войнами. Китайцы писали о них, что «с этого времени (679 г.) десять племен (Дулу и Нушиби) больше всего ослабели». В последующие пять лет существования западного каганата в нем сменилось шесть каганов. В 705 г. Китай завершает покорение кочевников Семиречья. На политическую арену с того времени начали выступать племена, менее всего в прошлом участвовавшие в племенных междоусобицах: племена туцзи, или тюргеши. В 704 г. тюргешский предводитель Бага Тархан убивает в городе Кулан (развалины его уцелели у ст. Луговая) последнего кагана западных тюрков Ашина-Синь. С этого времени власть в Семиречье, в том числе и на территории Киргизии, переходит в руки тюргешей.

Господство в
Семиречье тюр-
гешей

О тюргешах VIII века мы знаем главным образом из китайских источников; некоторые сведения содержат древнетюркские тексты, причем эти сведения обрываются во второй половине VIII века.

Тюргеши жили от р. Чу на северо-восток, вероятно, в Прибалхашье. Племя тюргешей было весьма многочисленным и состояло из двадцати делений по 7000 чел. в каждом. По китайским источникам, тюргеши делились на желтых и черных, по древнетюркским — на тюргешей и каратюргешей (западных). Тюргеши стали выступать на политическую сцену еще в 50-х годах VII в., а с 699 г. начинают активно действовать в южном направлении. В 90-годах VII в. тюргеши заняли Суяб и перенесли сюда ставку своей Большой орды; на р. Или оставалась Малая орда тюргешей. При кагане Согэ особую силу приобретали желтые тюргеши, из которых происходил каган всех тюргешских племен, но их господство было непродолжительным. Причиной этому явились сначала война с одним из родовитых князей, а после неудачная война с Мочжо, каганом восточных тюрков (693—716 гг.).

В тюркских источниках разгром тюргешей описан следующими словами: «В том же (711 г.) мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую Чернь (Алтай) и переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили и обратили в бегство... Их кагана мы там убили, его «эль» покорили. Но чернотюргешский народ весь откочевал в глубь страны». Слова древнетюркского текста подтверждаются сообщением китайского летописца. В китайской летописи по этому поводу говорится: «... Согэ разделился с Чжену, злобствуя, что ему мало дано народа, откочевал и предался Мочжо. Он просил Мочжо употребить его вожаком при нападении на старшего брата. Мочжо удержал Чжену, а сам с 20.000 войска ударил по Согэ и взял его в плен. Мочжо, по возвращении, сказал Чжену: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собой; можете ли с совершенной преданностью служить мне? И так обоих предал смерти».

Откочевавшие каратюргешские роды после поражения тюргешей в 711 году становятся полновластными хозяевами северного Притяньшанья. Во главе этих каратюргешских родов стал Сулу, объявивший себя каганом. При нем каратюргешские роды весьма умножились и достигли численности до 200.000 человек (вначале тюргеши насчитывали 140.000 чел.). В 717 году Сулу завязывает дружественные отношения с Китаем, но сам их нарушает, возобновив союз кочевников с Тибетом. В результате этого союза и похода против Китая (в частности, удачной осады города Аньсичэн) Сулу получил большую добычу в виде хлеба, скота и людей.

Биография Сулу повторяет судьбу многих каганов, его предшественников и современников. «Вначале, — говорит Таншу, — Сулу хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным; поэтому роды были довольны и служили ему всеми силами. Он имел связь с восточными тюрками и тибетцами и оба выдали за него своих дочерей; поэтому он дочерей трех царствующих домов сделал ханшами, сыновей произвел в ябгу. Расходы ежедневно увеличивались, а запасов не было. В последующие годы он почувствовал скудость; поэтому награбленные добычи начал мало-помалу удерживать, без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него». В одну из ночей 738 года Су-

лу был убит. В этой краткой биографии Сулу отражены противоречия между каганским родом и массой кочевников. Установление связи кагана с господствующими слоями других государств облегчало эксплуатацию подвластных им масс. Полученные в войне сокровища и военнопленные удерживаются в их руках и наряду с владением сокровищ каган и его приближенные становятся самыми богатыми рабовладельцами. Интересы рабовладельческой знати, естественно, расходились с интересами рядовых масс кочевников. Так нарастал общественный конфликт, выражением которого являлось убийство кагана, иногда истребление всего его рода и возвышение новых родов и их ставленников.

Осложняли положение дела также войны и вмешательство соседних государств, например, Китая. Используя интересы той или иной оппозиции, Китай оказывал поддержку своим ставленникам и, хотя бы временно, но все же достигал господства на их территориях.

Во время убийства Сулу такой поддержкой пользовался некий Мохэ Дагань (Бага Тархан). Против него выступал тюркешский каган Тухосянь Гучжо, живший в городе Суябе, и Живэй каган, владелец города Таласа. Их выступление против Даганя относится к середине VIII века. Мохэ Даганю удалось сколотить коалицию, в состав которой входили города западного края (Восточного Туркестана), некоторые племена тюркешей, Фергана, а также часть владений в Согде. Объединенные войска взяли город Суяб (р. Чон Кемин) и захватили в плен Тухосяня. В то же время армия кашгарцев совместно с ферганским владельцем выступила против Таласа и подвергла его разгрому. Каган Живэй был убит.

Все эти владения покорились Китаю. Ставленник Китая Бага Тархан в 740 г. получил управление тюркешскими родами.

Во избежание возможного усиления тюркешей, у которых все еще не прекращалась борьба за власть, китайский двор в 748 г. организовал поход в северный Тянь-Шань и полководец Ван Чжен-Сянь разорил до основания Суяб.

Частые междоусобия среди тюркешских племен привели, естественно, к их ослаблению. Положение тюркешей значительно осложнялось тем, что им в то же время пришлось выдержать борьбу с наступающими с юга арабами.

Всем этим воспользовался китайский двор. По китайским источникам, в 741 году тюргеши покорились китайскому императору.

Арабоязычные источники падение независимости тюргешей относят к 737 году, что, очевидно, связывалось со смертью Сулу. По данным Табари, последний тюркский каган жил в Невакате (современное с. Орловка, Быстровского района, Киргизской ССР). Этот каган причинил много вреда арабам, за что они прозвали его Абу Музахим— «толкающийся», «бодающийся». Арабы сообщают, что тюркский каган был убит неким Курсулем, которого затем убили арабы в 739 году.

В 50-х годах VIII в. в северном Тянь-Шане наступила почти полная анархия. Арабы дошли до Таласа, где встретили сопротивление китайских войск.

В 751 г. в битве на Таласе между городами Тараз (г. Джамбул) и Атлах (с. Солдатское) победили арабы и китайцы отступили. Ослаблением сил китайцев и тюргешей воспользовались карлуки.

**Фергана в
VI—VIII вв.
н. э.**

Бурные события господства западно-тюркского каганата и тюргешей протекали в основном на территории современной Северной Киргизии.

Фергану в это время китайцы называли Нинюань, но китайцам было известно и название Фергана, которое они транскрибировали как Боханьна. Если в предшествующую эпоху столицей края был Гуйшань (вероятно, Касан), то в VI—VIII вв. китайцы называют столицей город Сигянь (Ахсыкет), на реке Чжень-чжу (букв. Жемчужная река, современное название—Нарын). Фергана, по китайским источникам, имела 6 больших городов и около 100 малых. Наличие большого количества поселений свидетельствует об оседлости населения, занимавшегося земледелием, ремеслом и горнодобывающей промышленностью, которой славилась Фергана и позже. Имеются указания на богатство страны киноварью, золотом и железом.

До середины VII века Фергана находилась под властью потомков кушанских владетелей. Титул владетеля был алиги, или алици. Резиденция алици имела около 4 ли (2 км) в окружности. Символом власти был золотой трон алици в виде барана, а его супруга носила золотой венец.

К середине I-го тысячелетия н. э. к Южной Киргизии

относится значительная группа археологических памятников — городищ и тепе различного типа. Один тип представлен городищем Чач-тепе, которое находится примерно в 6 км от г. Ош по Куршабской дороге. Оно представляет собой четырехугольник, ориентированный углами по сторонам света. Длина валов колеблется от 120 до 210 м. В центре юго-восточного вала расположена цитадель высотой до 6 м. Цитадель имеет резко выраженную коническую форму, без всяких следов построек.

Другой тип укрепленных поселений представлен Кашгарским городищем. Оно находится между южной окраиной Кашгар-Кишлака и полотном железной дороги и представляет собой прямоугольник неправильных очертаний, ориентированный углами по странам света. Почти в центре находится цитадель. Возвышенная часть представляет собой руины древних зданий.

Следующий тип городищ представлен городищем Кургашин-тепе, расположенным к югу от 13-го км шоссе Ош—Карасу, на территории колхоза им. Фрунзе. Под городище и здесь был использован естественный лессовый холм, отрезанный от террасовидного уступа глубоким рвом. Центральная часть городища, шахристан, в основе имеет вид четырехугольника, огражденного стенами. В юго-западном углу находится цитадель. Она отгорожена от остальной части городища валом. Во дворе около цитадели находится бассейн — хаус. Другой бассейн, больший по размеру, расположен в центральной части городища.

Вокруг городища имеются следы второго вала.

Вообще, район расположения Кургашин-тепе весьма насыщен памятниками старины, причем основную массу здесь составляют тепе двух типов.

Большинство тепе представляет собой развалины отдельного укрепленного дома, расположенного в какой-либо одной стороне прямоугольного двора. Каждый такой дом стоит, обычно, на естественном холме — адыре. Укрепленные дома возвышаются над окружающей местностью, а главное — над оросительной системой. Таковы, например, Шалтакские тепе, расположенные на юге поселка Шалтак. К северу и к западу от него стоят конусовидные тепе без дворов. Судя по керамике с красным лощением, все эти тепе одновременны, причем центральное тепе с двором является замком, с которым связаны

были остальные постройки. Одинаковы по планировке группы тепе, расположенные в 4 км от памирского тракта.

Аналогичные поселения зафиксированы в большом количестве и в узбекистанской части Ферганы. Одно из таких городищ (в районе Кугая) принадлежало земледельцам, возделывавшим ячмень и пшеницу. Возможно, что им была известна и культура абрикоса.

Для этого времени характерно появление ручного гончарного круга и, в связи с этим, улучшение качества керамики. В быту широко применялась ручная зернотерка, но вращающегося жернова еще не было. Оросительная система строилась на использовании весенних потоков и мелких горных речек; устройство магистральных каналов из больших рек еще не было известно.

Такого рода поселения приходят на смену более древним тепе даваньского времени и появляются после завоевания Ферганы кушанами в первой и в начале второй половины I тысячелетия н. э. Они являлись укрепленными замками рабовладельческой аристократии кушано-тюркского периода. Вокруг замков концентрировались либо неукрепленные дома зависимых земледельцев, либо родовые поселки, обведенные валом, где прежде всего укрывались жители сельских мест со своим скотом во время набегов кочевников.

В процессе борьбы между западно-тюркским каганатом и кушанским владетелем Ферганы в 647—649 гг. большое число тюрков переселилось в Фергану. Распространение тюркских племен Тянь-Шаня привело к отюречиванию населения Ферганы. Между 649—656 гг. в Фергане одновременно властвовали последний представитель кушанских династий Аласошень в городе Хумынь и представитель тюркского рода Шуниши из конфедерации Дулу по имени Ебочжи, живший в городе Гесай (Касан), впоследствии переименованном в город Хюсюнь. Ебочжи завязал непосредственные связи с Китаем в 656 г. и был признан китайским императором в качестве единственного владетеля края. Это был конец кушанского господства в Фергане. Политическая власть переходит здесь в руки тюркских племен. В 739 г. ферганский владетель Арслан-тархан участвовал в военной коалиции против Тухосяня. Он величал себя владетелем Таласа, Яркента и других городов. Арслан тархан был манихейцем и происходил из

рода чигиль, жившего на Иссык-Куле. Отсюда видно, что Фергана и в VIII веке была еще под властью тяньшанских тюркских родов—чигилей. Арсан получил от китайского императора княжеский титул за успешную борьбу против Тухосяня. Последние владетели Ферганы получили титул Дай, сама Фергана переименовывается в область Нинюань, и ферганские владетели, путем брака с китайскими княжнами, укрепляют союз с Китаем. На этом обрываются сведения о Фергане VI—VIII вв., продолжение которых содержится уже не в китайских, а в мусульманских источниках.

Важнейшим событием этого периода истории Ферганы является постепенное отторжение населяемых ее племен тюркскими народностями Киргизии и Казахстана—конкретно племенами из конфедерации Дулу и чигилиями. Так в Фергане возникают тюркоязычные народности—предки ферганских узбеков. Фергана при этом оставалась сравнительно автономной областью и не играла в истории Киргизстана сколько-нибудь решающей роли, за исключением 40-х годов VIII века.

§ 2. КИРГИЗСТАН В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА КАРЛУКОВ

Население Киргизстана в IX—X вв.

В середине VIII в. в Семиречье на первое место в политической жизни выдвигаются тюрки-карлуки. Поэтому время со второй половины VIII в. (766 г.) и до появления караханидов в конце X в. (992 г.) можно назвать здесь *карлукским периодом*, в основной своей части соответствующим саманидскому периоду в Средней Азии.

Карлуки, по-китайски — гэлолу, обитали к северо-западу от Бешбалыка, к западу от Алтая. Они состояли из трех родов: Меули, Чжысы или Пофу и Ташили (последнее, вероятно, передача тюркского прилагательного «ташлык» — каменные). В середине VII в. они наряду с другими тюрками находились под властью Китая.

Китайцы высоко оценивали карлуков, говоря, что «войска их были сильны, и склонны к войне». Впоследствии карлуки признали над собою власть уйгур: «Гэлолу и девять родов (карлуки и токузогузы) опять поставили уйгурского ябгу, известного под наименованием Хуайженьхана». Но с 40-х годов VIII в. карлуки имели собственного ябгу.

Когда в 766 г. карлуки заняли Чуйскую долину и стали почти полновластными хозяевами страны—в ней было, как и раньше, многочисленное кочевое тюркское население и существовали согдийские колонии с восточно-иранским населением. Не исключено наличие китайцев. Несомненно попрежнему здесь было и сирийское (возможно, христианское-несторианское) население.

Карлуки населяли территорию Северной Киргизии — от Киргизского Ала-Тоо к северу. Из Ферганы карлуки были вытеснены арабами.

Чуйскую долину занимали тюргеши, разделившиеся на две ветки: тухчси и азы. Тухчси были не только скотоводами, но и земледельцами, во всяком случае, такие сведения имеются для X века. Племена аз в тюркских источниках VIII века упоминаются как северные соседи карлуков и западные енисейских киргизов. Проникновение азов в Семиречье связано, видимо, с движением енисейских киргизов на Тянь-Шань.

По всей видимости, центральной областью распространения тюргешей являлась долина Чон Кемина, где был расположен г. Суяб, и селения в районе современного с. Новороссийское. Эти города-ставки, принадлежавшие кочевникам, имеют вид четырехугольных поселений, огороженных мощным валом (длина стен 500—600 м). Внутри стен почти нет остатков строительных сооружений, т. к. основным жилищем здесь были войлочные кибитки. В связи с этим мало и культурных остатков. Среди них можно встретить лишь обломки глиняных сосудов — типичных кочевнических котлов со сферическим дном. Изредка попадает глазурованная привозная посуда.

Тюргеши, видимо, жили и на северном берегу Иссык-Куля, так как сообщается, что, если перейти через перевал, то по левую сторону находится область тюргешей и лишь только после перехода через реку (Тюп или Джергалан) начинается область джикилей. В Иссык-Кульской котловине находились селения тюргешей, выставившие 1000 вооруженных воинов. Правитель этой области жил в селении Биклинг, и там жил брат джубгуя (правителя). Вероятно, этими селениями являются городища у устья Тюпа и Джергалана на восточном берегу у оз. Иссык-Куль. Возле Тюпского городища около селений Уйтал имеются тюркские могильники с каменными балбалами.

По аналогии с алтайскими памятниками можно предполагать, что эти изваяния изображали самих похороненных. Мужские изображения, обнаруженные около Уйтала, имеют ряд деталей, позволяющих восстановить образ кочевника-воина. Голова его была выбрита, оставалась, как сообщал еще Сюань Цзан, видимо, лишь часть волос на темени. Иногда голова бывает покрыта шлемом с поперечным валиком, который предохранял от удара мечом. В ушах мужчин видны серьги в виде колпачка. Одеты воины были в короткий кафтан, подпоясанный в талии, причем на поясе висели меч, короткий кинжал, иногда точильный брусок и футляр для пиалы. Статуи женщин отличались тем, что на них обозначалась грудь, а в одном случае удалось наблюдать несколько заплетенных кос.

Основным занятием тюргешей было скотоводство. Упоминания о земледелии у части племени тухси заставляют предполагать, что тюргеша занимались им либо в районе Иссык-Куля, либо в Чуйской долине, так как в долине Чоң Кемина, при примитивной в ту пору агротехнике, заниматься земледелием было трудно.

Второй значительной группой кочевых племен были джикили (чигили). На территории Киргизстана джикили жили в районе Иссык-Куля. По описаниям древних авторов, их кочевья находились, примерно, у западного берега Иссык-Куля и вдоль южного—до рек Джергалана и Тюп, которые являлись границей между их областью и областью тюргешей.

Владения джикилей начинались сразу по выходе из Боомского ущелья к Иссык-Кулю, где находилось их селение Яр (буквально—«обрыв»), выставившее до 3000 воинов. Речь здесь идёт, должно быть, о кочевых стойбищах, от которых ныне не осталось следов. В Яре находилась ставка их правителя — джикильского тегина. Далее их владения шли вдоль южного берега Иссык-Куля, о чем Гардизи сообщает: «...по дороге встречаются только шатры джикилей... Все окрестности Иссык-Куля заняты джикилями». Несмотря на то, что джикили были кочевниками, на их территории находились поселения — пять больших и четыре малых — под названием Верхний Барсхан. Название области тюркское и, судя по нему, можно предполагать, что область эта когда-то находилась под властью какого-то тюркского кагана (хана) Барса, — имя, часто

встречаемое в древнетюркских текстах. Дихкан селения Барсхан назван титулом ванак. В. В. Бартольд сравнивал этот титул с именем согдийца, посла тюркского кагана в Византию—Маниаха, но, учитывая неточность в расстановке диакритических точек, можно читать и «манап»—титул, бытовавший у киргизов Тянь-Шаня. Впрочем это не более как предположение. В последующих памятниках титул манап не встречается вплоть до начала XIX в., когда манапами стали называть наследственную знать киргизских племен.

Область Верхнего Барсхана, как показало археологическое обследование Иссык-Куля, шла по южному берегу озера, огибая восточный берег до Тюпского залива. Здесь, по самому берегу, были расположены поселения, часть которых теперь уже находится под водой. Область отделялась от прилегающих местностей, занятых кочевниками, мощной стеной, у которой зафиксировано первое поселение Верхнего Барсхана. Второе поселение было расположено в 19 км к востоку от современного с. Куньчигиш (Боконбаевское), на самом берегу озера. Третье находилось на правом берегу р. Тосор. Остатки четвертого подмываются озером, ибо находятся на самом берегу между рек Тамга и Барскаун. В последнем названии, очевидно, сохранилось старое наименование области—Барсхан. Остальная группа селений смыта озером; их развалины известны под водой у Койсары. Наконец, последние два поселения расположены были у устья рек Джергалан и Тюп. Наиболее крупные поселения примыкали к восточному берегу озера, так как здесь проходила основная трасса караванного пути. Характер этих строительных сооружений, сделанных из глины, свидетельствует о среднеазиатских приёмах кладки стен и структуре укреплений. Особенно характерны в этом отношении башни по стенам и укрепления ворот, типичные для поселений саманидского времени. Находки тюркешских монет в развалинах на Иссык-Куле свидетельствуют о том, что здесь, во всяком случае с VIII века, шла уже оседлая жизнь.

Восточный Тянь-Шань занимали киргизы. Весьма вероятно их проникновение в это время и на Верхний Талас, где были найдены надгробия с типично древнекиргизскими эпитафиями. О жизни киргизов в это время подробно будет рассказано ниже.

Соседями племен Киргизстана с юга были тогуз-огузы Восточного Туркестана (они же и уйгуры), часть которых жила в районе Иссык-Куля, а также племена ягма, сыгравшие позднее, в X веке, крупную историческую роль в истории Средней Азии. Северными и северо-восточными соседями Киргизии были кимаки, ветвь которых, кипчаки, составили ядро казахского народа. Таким образом, основными насельниками Киргизстана в VIII—X вв. следует считать тюркешей, джикилей и карлуков.

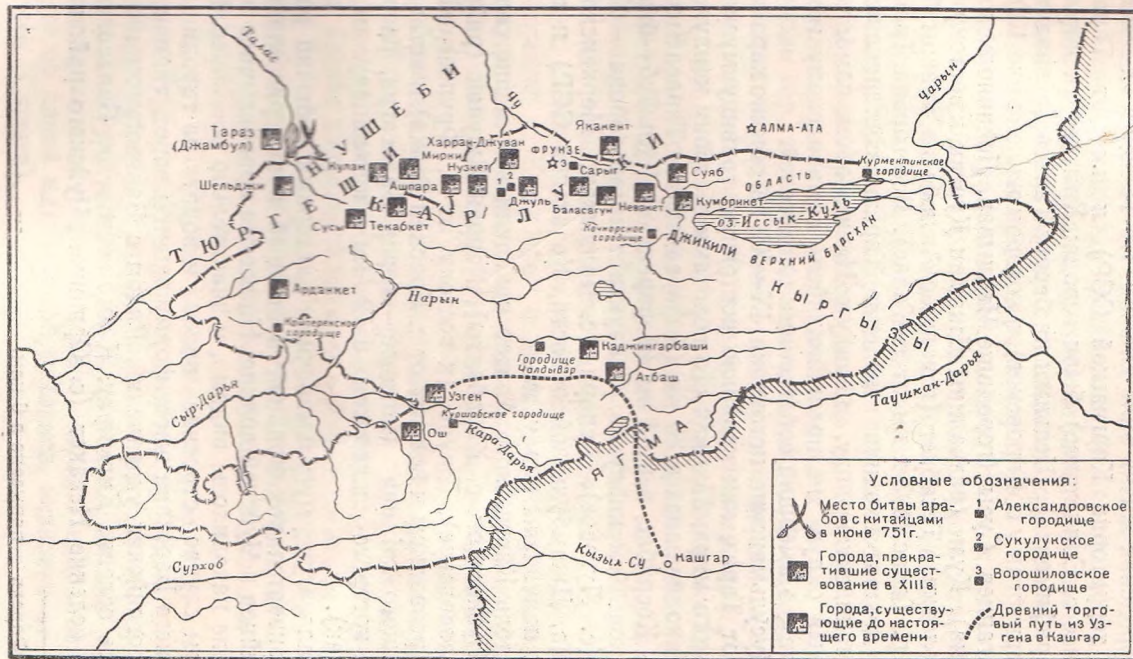
Помимо следов ставок кочевников, на территории Семиречья и Тянь-Шаня сохранилось немало и других следов. С IX—X вв. складывается новый тип поселения, получивший свое особенное развитие в караханидское время. На местах старых согдийских колоний вырастают города в собственном смысле этого слова. Рост городов вызывался развитием феодальных отношений, а также торговли и ремесла и был связан с массовым переселением в Семиречье согдийцев.

Это была так называемая вторая согдийская колонизация. Проникновение согдийского, в том числе и иранского населения в Семиречье в IX в., ускорено было арабскими завоеваниями, а затем походами двух саманидов: Нуха-ибн-Асад в 840 г., дошедшего до Испиджаба (кишлак Сайран у г. Чимкента), и Исмаил-ибн-Ахмеда в 893—94 гг., дошедшего до Тараза (г. Джамбул). Исмаил-ибн-Ахмед разрушил целый ряд селений по Таласу и перестроил христианскую церковь Тараза в мечеть.

Развитие ремесла и торговли, которому способствовали переселенцы из Мавераннахра, резко изменило физиономию городов Чуйской долины. Из центров рабовладельческой аристократии они превращались в резиденции феодалов, извлекавших прибыль из торговых сделок и эксплуатации ремесленников. Расположенные среди массы кочевых племен города нуждались в защите от внезапных нападений. Появляются окруженные стенами большие города, укрепленные мощными стенами с башнями, военные поселения—рабады и иногда не менее мощные каравансарай на торговых путях.

Города, как правило, образовались на территории старых поселений, вырастая вокруг жилища—замка крупного владельца, и включали в свои стены старые жилища.

КИРГИЗСТАН В VIII-X вв.

Складывается новая планировка городов, соответствующая новым феодальным отношениям; арк, шахристан и рабад.

Городская жизнь была ключом. По Таласу в IX—X вв. (на территории Киргизской ССР) к югу от Тараза (южнее с. Солдатское) были города: Хамукат (к югу от с. Серафимовка), Шельджи на берегу Таласа (развалины Садыркурган у с. Кировское), в котором жило около 10000 исфаганцев, Сусы (городище Чалдывар, Ленинпольского района), Куль (развалины Джаман Курган, к востоку от с. Орловка), Текабкет (городище Актюбе на правом берегу р. Талас, в 3-х км от г. Талас). Все города Таласской долины входили в ведение Тараза, составлявшего в саманидскую эпоху, наряду с Испиджабом, самостоятельный округ, не подчинявшийся саманидскому государству, а имевший собственных владетелей.

Мусульманские источники IX—XI вв. обычно характеризуют Тараз, как крайнюю восточную границу мусульманского мира, называя его воротами в страну карлуков.

Находившаяся в 30 км (5 фарсах) от Тараза местность Касрибас, а в 57 км (9 фарсах) Кульжуб—были уже кочевьем карлуков. Следующие затем города — Кулан (с. Луговое), Аспара (с. Чалдывар, Меркенского района, Джамбульской области, Казахской ССР) и др. были подчинены карлукам.

Вдоль Киргизского Алатау находились большие селения Нузкет (ок. с. Карабалты), Харран Джуван (район с. Беловодское), Джуль (к востоку от г. Фрунзе), Сарыг (развалины к востоку от с. Красная Речка) и «ставка тюркского кагана» (позднее — город Баласагун, развалины которого находятся в 12 км к юго-западу от г. Токмак).

Баласагун мусульманскими авторами обычно рассматривается как крайний восточный пункт расселения согдийцев в Чуйской долине. Но все же ираноязычное население находилось, видимо, и значительно восточнее. Во всяком случае, строение валов и ворот на городищах Верхнего Барсхана имеет форму защиты ворот, типичную для согдийских укреплений. Рядом с Баласагуном находилось селение Кирмирау. К юго-востоку от Баласагуна были селение Невакет (с. Орловка, Чуйского района),

Фарсах — примерно в 6 км.

Керминкет, Суяб и окружающие его поселения и области Верхнего Барсхана, о которых речь уже была выше.

Через эти города проходили благоустроенные караванные пути. Охранялись они не только военными гарнизонами городов, но и специальными крепостями — рабадами и обслуживались каравансараями.

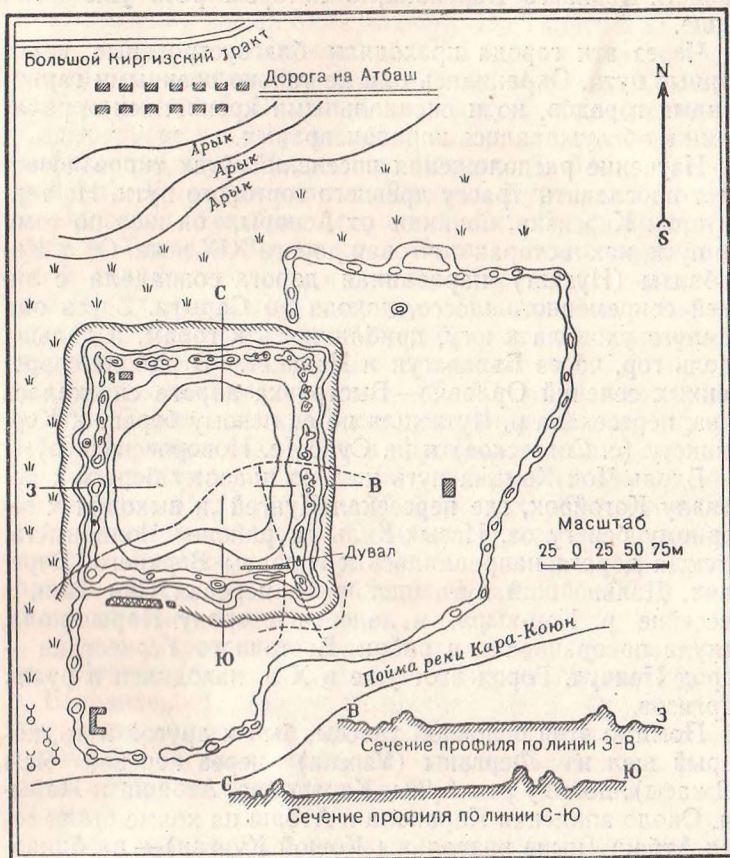
Изучение расположения поселений этих типов позволяет проследить трассу древнего торгового пути. На территории Киргизии, начиная от Аспары, он шел по тому же пути, как и старая почтовая дорога XIX века. От с. Карабалты (Нузкет) караванная дорога совпадала с линией современного шоссе, доходя до Сарыга. Здесь она немного уходила к югу, приближаясь к горам, и дальше вдоль гор, через Баласагун и Невакет. В районе современных селений Орловка—Быстровка дорога спускалась вниз, пересекала р. Чу и шла по ее левому берегу к Керминкету (с. Советское) и на Суяб (с. Новороссийское).

Вдоль Чон Кемина путь шел по правому берегу к перевалу Когойрок, где пересекал Кунгей, и выходил к северному берегу оз. Иссык-Куль в районе Чолпон-Ата. Отсюда дорога направлялась к городам Верхнего Барсхана. Дальнейший путь шел через перевал Сан Таш, в бассейне р. Кар-кыра, и далее в сторону Нарын-кола, откуда поворачивал в район Восточного Туркестана — город Пенчул. Город этот уже в X в. находился в руках киргизов.

Помимо этой основной трассы, был и другой путь, который шел из Ферганы (Узгена) через перевал Ясы (Джасы), долину рек Арпы, Каракоина, Атбаша и Нарына. Около впадения Каракола в Атбаш на холме стоял город Атбаш (ныне развалины Кошой Курган) — на одинаковом расстоянии (6 дней пути) от Ферганы, от Барсхана и от границы тибетских владений в Восточном Туркестане.

Дорога в тибетские владения, вероятно, шла через перевал Тургарт. Несколько в стороне от Чуйских городов был расположен город на правом берегу р. Чу (где ныне колхоз «Трудовик»), который, вероятно, можно увязать со старым названием Якакента, города, находившегося, судя по одной манихейской рукописи, недалеко от Орду-кента (Сарыга).

ПЛАН ДРЕВНЕГО ГОРОДА АТБАШ

План древнего города Атбаша

**Культура Семи-
речья и Тянь-
Шаня в карлук-
ское время**

Кочевники долгое время, целое столетие, устойчиво сохраняли свой древний образ жизни и культуру, в том числе — верования. Они упорно сопротивлялись исламу даже и после победы арабских войск над китайскими в 751 г.

Имеются, правда, сведения, что при халифе Махди (775—785 гг.) карлукский джабгу принял ислам. Однако

дальнейших известий об исламизации карлуков нет. Сами арабы тогда еще не укрепились в Средней Азии, и окончательное покорение ее относится лишь к периоду господства халифа Мутасима (833—842 гг.). О безуспешности попыток арабов обратить тюрок (карлуков) в ислам говорит сообщаемый Якутом следующий факт. Когда халиф Гишам ибн Абдуль малик (724—743 гг.) предлагал тюркам принять ислам, то царь тюрок ответил: «Скажи этому послу, чтобы он передал своему господину, что нет среди этих ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни?» Таким образом, для VIII века у нас нет сколько-нибудь ясных и определенных сведений о принятии кочевниками ислама и об активном влиянии мусульманской культуры на народы Киргизстана. Положение меняется только лишь со второй половины IX века, особенно с возникновением в Мавераннахре династии таджикского происхождения — саманидов (874—999 гг.). Но заметного влияния ислам не оказывал и в городах Чуйской долины. Судя по находкам в этих городищах, на территории Семиречья и в карлукское время в жизни земледельческого населения продолжали существовать традиции старой согдийской культуры V—VII веков. Это объясняется тем, что кочевья карлуков были своеобразным заслоном, отгораживавшим чуйские города от таласских, в культуре которых влияние ислама в карлукское время сказывалось весьма сильно.

Наряду с древними согдийскими культурными традициями в чуйских городах со все возрастающей силой сказываются в это время и другие традиции: Китая и Восточного Туркестана. Росту восточного влияния способствовало то обстоятельство, что в VIII в., а особенно в IX—X вв., политические события в Восточном Туркестане способствовали проникновению в Северную Киргизию значительного количества уйгуров, бежавших из Восточного Туркестана.

Переселенцы из Восточного Туркестана явились в Чуйской долине активными распространителями буддизма.

О расцвете буддизма в Чуйской долине выразительно свидетельствуют археологические памятники этого времени. Таково, например, небольшое здание, вскрытое во

время земляных работ на Большом Чуйском канале около древнего города Джуля (район с. Ключевое). В сильно разрушенном помещении здесь удалось собрать фрагменты сырцовых статуй и лепных украшений, в том числе часть лица глиняной статуи—божества. В храме стояли когда-то и скульптуры буддийских рыцарей «шахья», от которых сохранились фрагменты одежды, панцирных портупей с характерными пряжками на перекрестьях. Статуи были раскрашены сухой росписью — альсекко, с яркой и разнообразной гаммой красок. В той же технике альсекко выполнены были фризy и панели, характеризующиеся богатым растительным и геометрическим орнаментом. Образцы культового буддийского искусства представлены и случайными находками. Сюда относится один кувшин из Александровского городища, украшенный буддийскими культовыми изображениями и цветками лотоса.

О восточном, т. е. китайском, влиянии в архитектуре можно судить по находкам в Сарыге, где были обнаружены остатки здания, расписанного белой, черной, красной и синей краской. Росписи эти представляют собой геометризированный растительный орнамент, сочетающийся с резьбой. В другом здании того же города, в одной из комнат, была найдена характерная китайская роспись в виде букетов цветов астры и портретных изображений человека. Замечательным памятником этого рода является обширный храм, раскопанный в Баласагуне в 1953 году. Храм делился на три части. С востока располагался вход, а также служебные и жилые помещения, за входом был длинный открытый двор, а далее огромный зал, где и происходило богослужение. Внутри зала стояло восемь колонн, на которые и опирались балки крыши.

Первоначально весь этот центральный зал имел торжественное и парадное убранство. Стены его были покрыты, поверх обмазки, тонкой алебастровой подгрунтовкой, на которую наносились росписи. Реже росписи нанесены на хорошо заглаженную поверхность глиняной штукатурки. Эти росписи, очевидно, располагались, главным образом, на потолке между колонн и вокруг имевшегося между центральными 4-мя колоннами светового люка.

Кроме настенных росписей, стены украшались также глиняными лепными барельефными украшениями, примером чего может служить единственно сохранившееся

в нижней части декоративное дерево — «пальма», столь обычное для буддийских храмов Восточного Туркестана. Это — витая глиняная прилепная колонка, с двумя широкими, расходящимися в разные стороны листьями.

Кроме того, зал был украшен сидящими на 4-х высоких пьедесталах глиняными статуями будд, от которых сохранились лишь обломки. Размещались они по западной стене зала, противоположной входу в него. Западная стена зала имела три двери. Центральная дверь со ступенчатым входом вела в святилище, а две крайних — в обходную галерею, которая проходила вокруг святилища. В двух промежутках между этими дверями обнаружены высокие хорошо сохранившиеся, оформленные ступеньками пьедесталы.

На северном пьедестале некогда фронтально сидела с опущенными ногами огромная глиняная статуя Будды, имевшая высоту около 4-х м. От нее сохранились куски торса и ноги ниже колен, которые стояли на низких лотосовидных возвышениях. Ступни имеют 80 см в длину и 40 — в ширину. Ноги были покрыты сверху тонким слоем алебаstra и расписаны, а кругом ступни и вокруг шиколоток шли глиняные наклепные рельефные ленты. На полу перед ступнями статуи оказался чуть возвышающийся над уровнем пола глинобитный круг для коленопреклонений богомольцев, покрытый сверху алебастром.

Южный пьедестал архитектурно был оформлен иначе, чем северный. Прямо посередине перед ним на полу также имелся круг для коленопреклонений. Судя по тому, что он помещен был вплотную к пьедесталу, на последнем первоначально статуя Будды сидела, поджав под себя ноги. От нее сохранились сброшенные на пол куски торса, покрытые наклепными глиняными спиралями, окрашенными синей краской.

Два других пьедестала были размещены возле обоих входов в обходную галерею. На них ничего не найдено, но, несомненно, и здесь в свое время стояли глиняные статуи.

Святилище было квадратным, площадью около 40 м². Посреди пола этого помещения оказалось прямоугольное углубление, стенки которого выложены были из сырцовых кирпичей. Вероятно, у задней восточной стенки этого углубления некогда стояла статуя Будды, но не глиняная, а

сделанная из бронзы. От нее осталось лишь несколько кусочков бронзы, сорванных в момент ее извлечения из храма грабителями. Среди этих кусочков особенно интересна бляшка, изображающая завиток бороды или усов, совершенно аналогичная по форме таким же завиткам бороды глиняных статуй из храмов Восточного Туркестана.

Вокруг квадратного святилища, с трех сторон, проходила обходная галерея, которая двумя проемами выходила в центральный зал.

Таким образом, сохранившиеся остатки позволяют полагать, что наряду с хорошими архитекторами в оформлении храма принимали участие высокоодаренные скульпторы и живописцы. При раскопках обнаружены отдельные ноги, кулаки, обломки голов (лица, уши и т. д.), части торсов со следами складок одежд и рельефных лепных украшений статуй, куски туловища дракона и т. д.

Статуи божеств и другие скульптуры изготовлялись из глины, с применением камышовых и деревянных каркасов, подобно пянджикентским и восточно-туркестанским скульптурам. Все они, как и небольшие лепные украшения, покрывались сверху тонким слоем алебаstra, по которому расписывались синей, желтой, красной и черной красками чистых тонов. Из переходных цветов встречались оранжевый, краснокоричневый и светложелтый. Эта же гамма красок применялась и при росписях стен и потолков. Преобладали орнаментальные росписи двух типов: геометрического и растительного. В храме были также и росписи с изображением сцен из жизни Будды: у восточной стены галереи обнаружен фрагмент фрески с миниатюрной, очень тонко и смело изображенной головой Будды. Храм был щедро украшен также и художественным бронзовым литьем. Это были бронзовый амулет в виде фигурки мчащегося коня, а также уникальные ажурные бляхи с изображениями Будды, найденные в разных помещениях храма в количестве 17-ти экземпляров, многие из которых имеют богатый пальметообразный орнамент.

Среди разнообразных находок, обнаруженных в этом замечательном здании, большой интерес представляет деревянная соха VIII в., повидимому, согдийского происхождения. Это была старая использованная соха, типа киргизской сохи «буурсун». Кроме того, под дверными

..одпятниками святилища были найдены два куска одного и того же большого (диам. до 1,5 м) нижнего жернова. Целый верхний жернов таких же размеров оказался у входа в храм. Такие большие жернова применялись, видимо, на крупных, если не водяных, что весьма вероятно, на мельницах, приводившихся в действие силой животных. Эти находки подтверждают факт наличия развитого земледелия в Чуйской долине того времени. Находки косточек урюка, семян дынь и арбузов являются доказательством наличия существовавших тогда садов и бахчей.

Для характеристики жилища того времени интересна небольшая комната, названная археологами «комнатой привратника», расположенная сразу же справа при входе в храм. Стены ее были тщательно покрыты обмазкой и побелены алебастром. Вдоль восточной и северной стены идет низкая суфа. На южной стене имеются две ниши хозяйственного назначения и высокий камин без дымохода. Дым, очевидно, выходил в отверстие потолка. Здесь же, у очага, расположен был маленький тондыр для выпечки лепешек. В западной стене имелась дверь с арочным перекрытием, две небольшие ниши и пристроенная к стене узкая лежанка с круглой головкой, сделанная из сырцовых кирпичей и глины.

**Кочевники и
земледельцы в
IX—X вв.**

Характерной чертой политической жизни Киргизии карлукского времени была тесная связь городов с кочевниками и прямая зависимость городов от феодализирующейся знати кочевых племен.

Часто правителями городов были кочевники. Так, владелец Чонкиминских городов, например Суяба, был кочевник, по имени Пейгу, сам живший в степи со своими стадами. Владение Керминкет (вероятно, развалины у с. Советское) принадлежало одному из карлукских родов Лабан. Владелец этого селения носил титул Кур тегин Лабан. По некоторым сведениям, владелец Барсхана происходил из карлуков и носил титул тегин-барсхана. Тюрком-кочевником были и владелец города Беглила, по происхождению тюргеш, носивший титулы Бадан Сангу и Янал тегин.

В число владений кочевников тогда входили также и города Чуйской долины и Таласа, о чем достаточно ясно

говорят тюркские названия этих городов, особенно чуйских.

О том, что отношения между тюрками-кочевниками не всегда складывались мирно и благополучно для оседлого земледельческого поселения, свидетельствуют факты, рисующие обстоятельства гибели описанного выше Баласагунского храма.

Храм этот был разрушен кочевниками, захватившими, видимо, весь город. Первоначально он был сожжен, так как и в зале, и в других помещениях имеются явные следы пожара: камышовые обугленные перекрытия с остатками балок, упавшие на пол; выгорели даже опорные стойки стен. Что разрушения были произведены кочевниками тюркского происхождения, видно из многочисленных предметов кочевнического обихода: пряжек, бляшек от наборных поясов и наконечников к ним, а также наконечников стрел. Важной датирующей находкой является клад кочевнических удилов и псалий. Клад этот оказался в ямке, близ разрушенной восточной стены храма. В ней обнаружено несколько двусоставных удилов с двумя перевитыми неподвижными кольцами и третьим подвижным кольцом, датируемым первой половиной IX в. Такую дату подтверждают и эсвидные псалии, оканчивающиеся «сапожкой». Такие удила и псалии в Киргизии найдены впервые. Особенно оригинален эсвидный псалий, завершающийся головкой горного козла — теке, также сделанный из железа.

Впоследствии, в конце IX и в X вв., кочевники сами осели здесь и попытались приспособить полуразрушенные строения храма для своего жилья. Какое-то время они пользовались высокими стенами и сохранившимися сводами, как укрытием. За то, что они жили в храме, говорят грубые очаги для котлов, вырезанные в стенах, некогда роскошного центрального зала. В особенности интересен один — очаг для вставления большого круглого казана. Глинобитные полы галерей и зала оказались изрытыми круглыми бочкообразными ямами, в которых кочевники хранили мясо. В них найдены только кости домашних животных. Затем они устроили в храме свои зимние жилые помещения. Всего раскопано пять таких помещений. Стены их, в противоположность стенам храма, сложены очень небрежно из длинномерных кирпичей, вынутых из разру-

шающихся стен храма. В помещениях имелись суфы, большие вертикальные тондыры, многочисленные каминнообразные очаги для котелков. Переход этих кочевников к оседлому образу жизни сопровождался развитием земледелия. О земледельческом характере занятий обитателей этих жилищ свидетельствуют находки парных небольших каменных ручных мельниц, обломок железного серпа, железная мотыжка типа чота. Найдены также многочисленные ножи и оселки для их точки, замок средневекового типа, обломки сосудов.

Эта яркая страница из истории Баласагуна показывает, что кочевники даже и в тех случаях, когда они выступали по отношению к городам и земледельческим поселениям как разрушительная сила, со временем, нередко, сами подчинялись влиянию земледельческой культуры и переходили на оседлую жизнь.

§ 3. ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ЕНИСЕЕ

Енисейские
киргизы и их
соседи

Если исторические источники молчат о жизни тяньшанской ветви киргизских племен VI—VIII вв., то история енисейских племен этого времени нашла в них достаточно полное отражение. Это был период политического и культурного подъема в жизни киргизских племен. Но этот период подъема во второй половине IX в. закончился резким падением политической роли киргизов на Енисее.

Для VI—IX вв. общеупотребительно в китайской историографии название киргизов в форме «хакасы». Надо сказать, что китайцы употребляли это название не только в качестве имени народа, но и в качестве названия страны.

В конце VI в. страна киргизов считалась еще владением восточно-тюркского каганата. Но степень зависимости киргизов от восточно-тюркских каганов, равно как и от западных тюрков, остается неясной. В середине VII в., в период максимального расширения экспансии тардушей, живших в северно-западной Монголии, эти племена распространили свою власть и на енисейских киргизов. Во всяком случае, об этом совершенно определенно гово-

рят китайцы, отмечая, что тардуши управляли киргизами через своего наместника под титулом «сылифа». Тардушские сылифы опирались в управлении киргизами на их местных правителей, бегов.

В 645—646 гг. тардуши были разбиты китайцами, и киргизы получили свободный доступ в Китай. Свое первое посольство к китайскому правительству они отправили в 648 г. Это посольство, видимо, имело в истории киргизов настолько большое значение, что оно упоминается в древнекиргизской надписи из урочища Бегре.

Первым установил личную связь с Китаем старейшина киргизов Шибокуй Ачжань, которого китайский император пожаловал титулом китайского военного чиновника, но с подчинением китайскому наместнику над северными областями, носившими название яньчжаньского наместничества. Китайские императоры высоко ценили киргизов. Например, император Чжун Цзун сказал киргизскому посланнику: «Ваш царствующий дом происходит из одного с нами рода, и я отмечаю его от прочих вассалов». Но все же киргизы редко появлялись в Китае, что объясняется и сравнительно большой отдаленностью и тем, что не совсем было безопасно посольским караванам пересекать пустыню Гоби.

Не без активного участия киргизов уйгурами в 745 г. был нанесен решающий удар восточным тюркам. На территории восточно-тюркского каганата создается уйгурское государство. С его возникновением доступ в Китай киргизам был закрыт, и с 758 г. киргизы уже больше не появлялись в Китае. Китайцы об этом говорили: «Уйгуры завоевали это государство, и после этого киргизское посольство уже не могло проникнуть в Срединное государство».

Уйгуры не ограничились только тем, что изолировали киргизов от Китая, но и нанесли киргизам тяжелое поражение на их собственной территории.

Киргизы должны были признать верховную власть над собой уйгурского хана, сохранив впрочем какую-то форму самоуправления. Но очень скоро, в половине VIII в., владетель киргизов сам объявил себя ажо, т. е. каганом и начал активную борьбу с уйгурами. Эта борьба составляет особенно знаменательный период в истории киргизского народа.

В VI—IX вв. н. э. киргизские племена состояли из относительно самостоятельных в экономическом смысле общин скотоводов и земледельцев. В стадах, которыми владели киргизы, большое место занимали крупный рогатый скот, овцы, но особенно ценились лошади, как необходимая принадлежность воинов. Скот составлял основу богатства киргизов. В целях завоевания пастбищ и увода скота организовывались походы, о чем говорят многочисленные киргизские тексты.

О скотоводстве киргизов китайцы пишут следующее:

«Лошади, плотные и рослые, лучшими считаются те, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы, но более коров и овец. Богатые землепашцы водят их по несколько тысяч голов».

Последнее указание ясно говорит об имущественном неравенстве среди киргизов. То же подтверждается одной киргизской надписью, посвященной погибшему вождю, в которой сообщается, что умерший владел шестью тысячами лошадей. Скот был собственностью семьи и носил тамгу — клеймо семейной собственности.

Киргизы жили в войлочных юртах, употребляли в качестве материала для одежды овчины, питались мясом и кумысом, — всё это говорит о большом значении скотоводства в хозяйстве киргизов.

Значительное место в хозяйстве киргизов занимало также земледелие. В киргизском языке того времени имелся специальный термин «тарлык» — «пашня», а китайцы подтверждают наличие земледелия у киргизов следующими словами: «Сеют просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень; муку мелют ручными мельницами. Хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне (т. е. полевые работы продолжались с апреля до октября). Вино квасят из каши. Нет ни плодов древесных, ни овощей огородных».

Среди археологических находок встречаются примитивные сохи с железным сошником, которые пришли на смену ручным мотыгам. Наряду с зернотерками имелись ручные жернова. Серпы были из железа. Район распространения земледельческих орудий показывает, что киргизы начали осваивать и относительно засушливые площади путем строительства оросительных систем.

Наряду с этими основными занятиями в деятельности киргизов следует отметить относительно высокоразвитые домашние промыслы, в частности, кузнечное. Не случайно китайцы отмечают особые достоинства киргизских клинков, оценивая их высокие качества такими словами: «Киргизский клинок способен пробить щит из шкуры носорога».

Находки предметов искусства, в частности богатейшее собрание золотых сосудов и бронзовых блях в курганах Копенского Чаатаса, свидетельствуют о высоком мастерстве киргизов, знакомых и с литьем, и с чеканкой, и с гравировкой. Торговые взаимоотношения связывали страну киргизов со многими странами. Но связи эти не были регулярными. Так, в одном китайском источнике говорится, что «из Даши (по-китайски Средняя Азия) не более 20 верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на 24 верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года». В обмен на эти вещи киргизы вывозили пушнину, железные изделия, золото, поделочную кость и мускус.

Торговля усугубила имущественное неравенство внутри киргизского общества. Об этом неоднократно говорится как в китайских источниках, которые, например, сообщают, что во время свадьбы богатый киргиз давал калым в сто или тысячу голов лошадей или овец, так и в сообщениях древнекиргизских надписей, раскрывающих социальные взаимоотношения киргизов того времени.

**Социальная
дифферен-
циация и по-
литический
аппарат**

Киргизское общество делилось на роды, которые назывались «теги». Племенная организация называлась так же, как и у восточных тюрков, — «будун».

Пережитки родового строя у киргизов неоднократно проскальзывают в сообщениях письменных источников.

Характерно, что терминология мужского родства была разработана гораздо детальнее, чем женского, что является специфичным для патриархального характера семейно-брачных отношений.

Однако в рассматриваемом периоде VI—IX вв. родоплеменная организация киргизов уже подверглась значительному разложению. Общественной единицей был уже

не род, теги, а так называемый «баг». В состав багов входили аулы различных киргизских родов. Во главе такого бага стоял полновластный владыка — бег. Социальный состав бага был неоднородной.

Основу киргизского общества того времени составляли свободные, но попадающие уже в зависимость от родоплеменной знати рядовые кочевники, «кара-будун». Равные бегу носили почетный титул «мужа», «героя», «богатого». Как сообщают надписи, некоторые беги имели до 6000 голов лошадей. Беги так же, как и все члены их семей (сыновья, зятья и невестки), противопоставляются «черному народу». Разложение первобытно-общинного строя наиболее четко проявилось в появлении из числа свободных общинников лично зависимых людей, которые несколько презрительно назывались термином «киши» (буквально «человек»). Появляются и клиенты, которых называли «приобретенные сыновья». Внизу общественной лестницы стояли бесправные, лишенные имущества, рабы.

Термин «эль» употреблялся для обозначения той аристократии, которая была характерна и для государства восточных тюрков, т. е. для членов ханского рода и бегов. Знать так же, как и ажо, отличала себя от остальных одеяниями из соболя и рыси, а особенно собольими шапками, в отличие от прочих, носивших шапки из войлока.

Как правило, киргизы не употребляют для обозначения своего верховного владыки термина «каган». Китайцы говорят, что киргизы называли своего предводителя «ажо».

Владыка киргизов имел свою укрепленную ставку. Около его жилища было водружено знамя.

В изложении китайских источников государственная структура киргизов вырисовывается следующим образом: во главе государства стоял ажо, затем шесть разрядов представителей знати, возглавляемых семью «министрами», главных военных начальников было три и, кроме того, десять управителей, которые также ведали войсками. Делоправителей было пятнадцать.

Эти показания, не совсем ясные, всё же позволяют говорить о наличии государственного аппарата у киргизов, хотя, быть может, китайцы, соответственно со своими представлениями, несколько и преувеличивают развет-

вленность органов государственной власти. Возможно, что её структура была более простой.

Военно-демократические традиции продолжали сохраняться в неписаном законе, который требовал, чтобы каждый свободный был воином. Китайцы называют киргизов гордыми и стойкими воинами, очень искусными на войне: «Они употребляют луки со стрелами и знамя. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитками, еще на плечи накладывают круглые щитки, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель». Законы киргизов были суровы: воин, испугавшийся перед сражением, и посол, не выполнивший поручения, подвергались отсечению головы.

**Идеологические
воззрения кир-
гизов**

Наиболее полно и ярко родовые пережитки сохранились в идеологических воззрениях киргизов. Еще сохранились пережитки тотемистического мировоззрения, причем наиболее распространенным тотемом киргизов, тотемом, быть может, знатного рода, был барс. В древнекиргизских текстах слово «барс» всегда ассоциируется с эпитетом «сильный», «именитый».

Пережитки матриархата сохранялись в культе хранительницы домашнего очага Умай, а также в явлениях, характерных для группового брака, о которых китайская летопись сообщала: «Оба пола живут нераздельно, а потому много распутства». Киргизы приносили жертвы духам, а своих шаманов, по свидетельству китайцев, называли «кам».

Киргизы клали в могилы вместе с покойником бытовой инвентарь и оружие, которые, по анимистическим верованиям, были необходимы в загробной жизни. Обычно вместе с воином погребался и его конь, а иногда и раб.

Богатый инвентарь, обнаруженный в могилах, свидетельствует о высокой культуре и, в частности, искусстве древних киргизов. Особенно интересны археологические находки в Копенском Чаатасе. Там были обнаружены литые из бронзы барельефные украшения чепрака, седла, изображающие всадника на полном скаку, стреляющего в нападающего на него барса. Впереди всадника испуганно бегут олень, козерог и другие животные. Сверху всадник обрамлен китайскими изображениями облаков, снизу изображения гор, поросших лесом, исполненных в китай-

ском стиле. Динамичность и реалистическая трактовка всех составных частей изображения говорит о сохранении киргизами пережитков скифского реалистического звериного стиля. Вообще искусство киргизов того времени очень тесно связано по своему внутреннему содержанию с идеями «скифского» искусства, где явно выступает наряду с пережитками древнего мировоззрения, в частности тотемизма, идея культа воина, его силы и ловкости.

**Политический
подъем енисей-
ских киргизов**

В IX в. возросло политическое могущество енисейских киргизов. Укрепление киргизского государства на Енисее в середине IX в. протекало в условиях ожесточенной борьбы с Уйгурским каганатом, владевшим Монголией и Восточным Туркестаном. Эта феодальная борьба между двумя раннефеодальными государствами носила длительный и ожесточенный характер. Она вспыхнула около 745 г. и преследовала взаимное стремление обоих государств к захвату пастбищ, скота и пленных. Вначале борьба с Уйгурским каганатом была неудачна для киргизов: они были разгромлены на их собственной территории. В одной из китайских надписей, относящейся к 808—820 гг., говорится о Киргизском каганате на этом первом этапе борьбы: «коровы, лошади, хлеб и оружие (киргизов) были навалены горами, государственные дела прекратились, на земле их не стало живых людей». Положение изменилось на втором этапе борьбы, который протекал с 820 по 847 г. Во главе киргизских ополчений встал энергичный и способный каган (ажо), имя которого исторические источники не сохранили, но относительно которого известно, что он был тесно связан с карлуками и тюркешами: его жена происходила из тюркешей, а мать являлась дочерью карлукского племенного вождя. Решительный перелом в борьбе с Уйгурским каганатом произошел в 840 г., когда уйгуры потерпели крупное военное поражение.

Часть уйгуров ушла к карлукам, т. е. в Семиречье, часть, преследуемая киргизскими отрядами, бежала в Тибет и Китай. Оставшиеся 13 родов уйгуров в марте 841 г. объявили каганом принца Уге. Он продолжал борьбу с киргизами до самой своей смерти — до августа 846 г.

Временный успех уйгуров, который наметился в 843 г., не был продолжительным.

Победа киргизского кагана над уйгурами позволила ему вынести свою ставку поближе к Селенге, в Монголию, и установить непосредственные дипломатические и торговые отношения с Китаем. Китайский император Уцзун с исключительным почетом принял посольство киргизского кагана: его послы были посажены выше представителей царства Чаосянь (Корея). Китайский император дал распоряжение отправить ответное посольство с дарами в страну киргизов, составить подробное описание их страны, написать портрет киргизского государя и его имя, якобы происходящее от Ли-Лина из рода Танской династии, внести в царскую родословную.

Часть уйгуров под ударами киргизского кагана бежала в сторону Амура, где разыгралась в 841 г. новая борьба киргизов с уйгурами. В этой борьбе киргизов поддерживал и Китай.

Киргизский каган действовал весьма активно. В Маньчжурию он проник, видимо, в 843 г., в связи с преследованием уйгурского кагана Уге, а в Китае он помогал китайскому императору Уцзуну в борьбе против уйгуров, заполнивших в результате разгрома в Монголии 18 пограничных округов Китая. За оказанную помощь киргизский каган получил грамоту и почетный китайский титул Цзун-ин-сюн у чен-мин-каган.

Однако после смерти Уцзуна (846 г.) на совете министров было решено не оказывать слишком больших почестей киргизам, ибо китайский двор стал опасаться, что слишком большие почести и льготы могут усилить киргизов и тем самым создать угрозу для самого Китая. Когда в августе 847 г. скончался киргизский каган, то новому кагану был дан менее почетный титул Ин-учен-мин-хан.

После смерти киргизского кагана — победителя уйгуров — связи киргизов с Китаем стали ослабевать. Это находилось в связи с общим упадком могущества киргизов на территории Центральной Азии. Возрождение могущества уйгуров, после того, как их главный старейшина Цзунь из племени угу (живший в Бешбалыке) завоевал в 874 г. города Карашар и Бюгур в Восточном Туркестане и получил от китайского императора тогда же титул хана, и появление в Монголии кара-китаев, или киданей, завоевавших Монголию в 924 г., окончательно решило политиче-

скую судьбу киргизов на территории Центральной Азии. Они были оттеснены обратно в Минусинский край. Упадок могущества енисейских киргизов мало отразился на жизни тех киргизских племен, которые проникли на запад, в частности, в Семиречье во время победоносной борьбы с уйгурами.

Эти киргизы продолжали поддерживать широкие международные связи. Например, в одной древнекиргизской надписи упоминается тибетский хан, к которому явился в качестве посла знатный киргиз.

Киргизское государство, сложившееся на втором этапе борьбы с Уйгурским государством, явилось высшей точкой политического могущества енисейских киргизов. Государство киргизов простиралось от Маньчжурии до Тянь-Шаня. По своей классовой структуре оно являлось организацией господства «эля», т. е. ханской фамилии, опиравшейся на бегов, над трудящимися киргизами, будущем, многие из которых уже превратились в феодально зависимых людей, и над многочисленными рабами. Но между различными частями каганата не было сколько-нибудь прочных экономических и культурных связей.

Киргизский каганат середины IX в. распался на составные части так же быстро, как и возник.

Второе проникновение киргизов на Тянь-Шань

Проникновение киргизов в Семиречье во время их успехов в борьбе с Уйгурским каганатом подтверждается сходством енисейских надписей и надгробных надписей Таласа. Существование киргизов на Тянь-Шане начинает отмечаться и мусульманскими источниками, в частности, автором X в. Истахри и персидским географическим сочинением «Худуд-ал-Алам» («Граница мира»). Широкое проникновение киргизов на Тянь-Шань в ту эпоху было связано с появлением среди племен нушеби, живших на Тянь-Шане, киргизских родов ассиге и гешу, которые существуют среди киргизов и сейчас под именем ассык и кушу, или кушук. В Семиречье был даже город с именем «Кыргызхан».

Киргизы на Енисее в X в. находились в стадии упадка, чему способствовали военные неудачи в последней четверти IX в., когда киргизские племена, рассеянные по многим странам, не могли оказать необходимого сопротивления кара-китаям.

Политический упадок Киргизского каганата сопровождался и экономическим его упадком. Страна киргизов в IX в. снабжала кочевников целым рядом важнейших произведений того времени, особенно средствами войны. Но в X в. возросло ремесленное производство городов Семиречья. Эта страна становится центром ремесленного производства, и значение страны хакасов в этом отношении снижается. Киргизы Енисея стали поставлять на рынок не ремесленные изделия, а сырье, которым была богата Южная Сибирь. Увеличилось значение охоты, как средства добычи того сырья, которого требовал новый рынок. Это свидетельствует об упадке производительных сил киргизского общества, что вело, в свою очередь, к неизбежному застою общественных отношений.

В сообщениях мусульманских авторов X в. при характеристике страны киргизов в гораздо большей степени подчеркивается наличие родоплеменных отношений, чем элементы государственной организации.

Руководящая роль в политической жизни перешла из Минусинского края в Семиречье. Это совпало с победой в Семиречье караханидской династии.

§ 4. КИРГИЗСТАН В КАРАХАНИДСКОЕ ВРЕМЯ (XI—XII вв.)

Образование династии караханидов

В конце X века на территории Киргизстана появляется новая, караханидская, династия, распространившая свою власть на обширные территории Средней Азии. В источниках нет точных данных о происхождении этой династии и даже о границах караханидского государства. Единственное, что можно определенно утверждать, это то, что кочевые племена Семиречья составили ядро новых завоевателей Средней Азии и что новая династия происходила из племен ягма.

Мавераннахр не оказал караханидам почти никакого сопротивления. Более того, среди саманидов и, прежде всего, из самой знати были лица, оказавшие помощь караханидам.

Караханиды своей столицей сделали Баласагун, бывшую ставку тюркешского кагана, откуда Абдул-керим Харун, с титулом Богра Карахана (умер в 992 г.), и илек

Наср вели походы против Мавераннахра. В 999 г. Илек Наср завоевывает Бухару, и с этого времени заканчивается существование иранской династии саманидов.

Район Бухары остался крайним западным центром владений караханидов, так как их движение было приостановлено за Аму-Дарьей сельджуками и хорезмшахами.

Наср носил титул Арслан илека и стал удельным правителем Мавераннахра со столицей в г. Узгене. Из Узгена он направляется на борьбу с восставшим саманидом Абу Ибрагимом Исмаилом по прозвищу Мунтасир, вытеснившим из Бухары караханидского наместника и разбившего их самаркандского наместника. В 1005 г. последний представитель саманидов был убит, и караханиды вновь утвердили власть в Мавераннахре; приверженцы Мунтасира были взяты в плен и отправлены в Узген, столицу мавераннахрских караханидов. Важным событием для укрепления государства караханидов явилось установление границ между ними и государством газневидов. Такое соглашение было заключено между караханидом Насиром и газневидом Махмудом в 1001 г. в гор. Узгене. Договор был укреплен обменом подарков, и Махмуд взял в жены дочь Насира. Границей владений признали Аму-Дарью.

Впоследствии, однако, караханиды изменили договору и в тот момент, когда Махмуд отправился в поход на Индию, послали в Хорасан отряды. Но в январе 1008 г. Махмуду удалось разбить войска караханидов на берегах Аму-Дарьи около моста Шахрхиль. Описывающий эти события историк Утби дает следующую характеристику тюркским войскам: «... с широкими лицами, маленькими глазами, малым количеством волос (на бороде), с железными мечами, в черной одежде, тюрки пели песни по хотанской мелодии».

Караханидское государство состояло из двух больших частей, восточной и западной, граница между которыми проходила по Сыр-Дарье.

Восточный удел в свою очередь делился также на две части. Восточный Туркестан представлял одну часть, Семиречье — вторую. Когда хотели подчеркнуть принадлежность обеих частей одному правителю, то говорили, что он владеет Кашгаром (Восточный Туркестан) и Баласагуном (Семиречье). Не случайно поэтому в титулах

караханидов появляется и термин «табгач», который после открытия орхонских текстов разъясняется как тюркское название Китая и китайского императора. Этот термин, засвидетельствованный орхонскими руническими памятниками VIII века, жил до XIII века, превратившись в собственное имя, о чем свидетельствуют данные несторианских надписей.

О внутреннем устройстве государства караханидов В. Бартольд писал: «Государство считалось собственно стью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами. Удельная система, как всегда, была причиной частых междоусобий и постоянной смены правителей». Эта удельная система окончательно оформилась в начале XI века, когда, по словам историка XIII в. Ибн ал Асира: «...владельцем Баласагуна и страны тюрок был Шерешад Даула, в нем была религиозность и он удовлетворялся от своих братьев и родичей подчинением. Он разделил между ними города и дал брату своему Арслан-тегину много городов тюрок, дал Бограхану Тараз и Испиджаб, дал дяде своему Тогахану Фергану целиком, дал сыну Ала-тегину Бухару, Самарканд и прочее и удовлетворился сам Баласагуном и Кашгаром».

Но в зачатке эта система существовала и раньше, причем обычным явлением истари были жестокие междоусобные распри и усобицы между владельцами уделов. Так, известно, что упомянутый выше илек, во владения которого входил и Киргизстан, воевал со своим братом Туганом, который правил Кашгаром. После смерти илека его брат Туган распространил свою власть на Семиречье, но потерял Восточный Туркестан, который перешел к сыну Харуна Кадыр хан Юсуфу (умер в 1031—32 гг.). В 1025 г., видимо, после смерти Туган хана, к Кадыр хан Юсуфу переходят все владения караханидов. После его смерти Киргизстан входит в систему удела старшего сына Богра тегина, Сулеймана, принявшего титул Арслан хана. Его брат Йиган тегин Мухаммед (с титулом Богра хан) правил западными областями. Йиган тегин в 1056 г. захватил удел Арслана в свои руки, и ему подчинялся Киргизстан до 1057 — 58 гг., когда Йиган тегин был убит.

Наиболее крупными были войны между восточными и западными уделами.

С середины XI века Киргизстан входит в удел Бограхана Юсуфа, который правил в течение 44 лет, начиная с 1059 г. Первые 16 лет он разделял свою власть с братом Тогрул Караханом Юсуфом, а после 1079 г. правил один.

Вторая половина правления Бограхан Юсуфа прошла менее спокойно, чем первая. В 1089 г. Бограхан Юсуф был вынужден признать себя вассалом сельджукского султана Мелик-шаха, занявшего, правда, временно одну из столиц караханидских властей — Узген.

Города караханидского периода

Караханидское время на территории Киргизстана отмечено было значительным подъемом культуры и ростом городской жизни.

Раскопки средневековых городов времени правления караханидов, осуществленные за последние десятилетия, показали, что городская жизнь в X—XI вв. получила дальнейшее развитие. В результате существенно изменилось лицо Чуйской долины. В эту пору города обрастали сельскими поселениями — рустакми, возникали феодальные замки, возводились мощные стены и крепости-цитадели феодалов, охранявшие владения городов и границы мелких оазисов. Внутри самих городов наряду с шахристаном, характерным для саманидского города, теперь развивались торговопромышленные предместья, рабады.

Увеличивается в этот период и количество поселений городского типа в тех районах, которые ранее заселены были только кочевниками. В Илийской долине появляется, например, целая серия городов, относящихся к XI—XII вв. По всей вероятности, эти города были созданы карлуками, вытесненными из Чуйской долины караханидами. Центром расселения карлуков этого времени были города Койлак, или Койлык в бассейне рек Коксу и Кара-Тале (развалины последнего сохранились у Талды-Курганского сахарного завода).

Впервые появляются города в Тянь-Шане. Так если для саманидской поры не были известны оседлые поселения между Атбашем и Барсханом, то для XI—XII вв. на Кочкорке возникает уже значительное поселение, огороженное валом.

Одновременно происходил и другой процесс. Сокращалось количество мелких городов. Взамен увеличивались размеры больших городских центров, растущих за счет их торгово-промышленных предместий. Особенно ярко этот процесс прослеживается в Таласской долине. Что касается ремесла, то изучение рабада города Сарыга показало, что рабад здесь появился с XI века. Одно раскопанное здание принадлежало ремесленнику, жившему за пределами городских стен. В его постройке, сложенной из сырцовых кирпичей, были найдены остатки хозяйственных сооружений — закромов для зерна, а также стан для изготовления вина. Стан состоял из тарапана — пресса, которым давили ягоды винограда, слива для сусла и большого сосуда — хума, закопанного в землю ниже уровня пресса, куда стекало сусло. Раскопаны и другие дома ремесленников. Обитавшие в этих жилищах ремесленники занимались изготовлением металлических изделий, глиняной посуды. Они строили и украшали городские здания и выполняли множество других работ.

В так называемом Сукулукском городище, этом древнем центре Чуйской долины, при раскопках рабада были обнаружены три гончарные печи, забитые посудой, не получившей еще полного обжига, и брошенные, видимо, в момент монгольского завоевания. Следует отметить в связи с этим высокий технический уровень керамического производства. Стены чашек тонкие, обжиг высокий, посуда почти вся сделана на гончарном круге. Если в предшествующую эпоху поливной посуды было мало, то теперь её стало больше.

В Александровском городище оказались точно датированные железные предметы XI—XII веков. Среди находок следует отметить топоры, слегка изогнутые в месте стыка лезвия и обуха; лезвие в свою очередь также несколько изогнуто. Там же найдены серпы, скребла для снятия мездры со шкур. Большой интерес представляет конический шлем с кольчужой, прикрывающий шею и плечи. Внутренняя часть шлема была подбита шерстяной материей.

Значительно улучшается строительная техника и вообще резко прогрессирует строительство городов. В бытовых постройках все чаще и чаще встречался обожженный кирпич, который иногда употребляли для кладки стен, а чаще

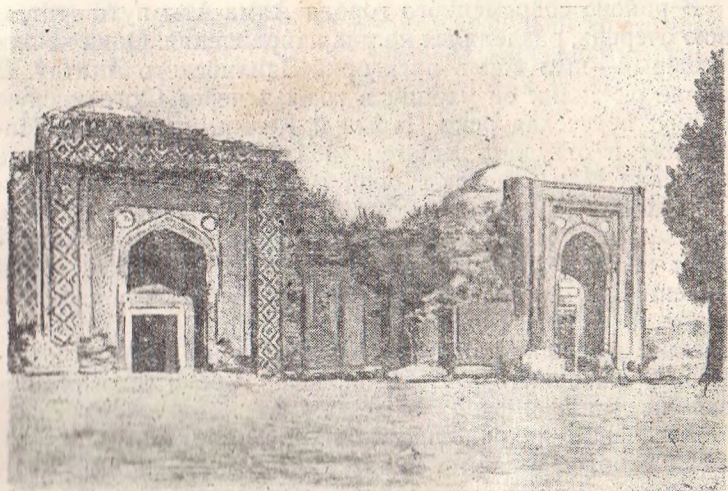

Минарет в г. Узген

всего для вымостки полов в зданиях. Широко применяется штукатурка, которая в светских зданиях дополнялась резьбой и раскраской.

О значительном подъеме строительного искусства говорят такие первоклассные памятники архитектуры, как дошедшие до нас минареты около двух столиц караханидов, расположенные на территории Киргизстана. Это, во-первых, минарет мечети возле Баласагуна, построенный

в начале XI века; во-вторых, минарет XI в. в Узгене. К этим же памятникам относится и группа узгенских мавзолеев: Насра бен Али 1012—13 гг., Джалал-ад-дина-ал-Хусейна 1152 г. и Безымянный мавзолей 1186—87 гг. Для характеристики внутренней жизни городов важно, что теперь в города вливается большое количество тюркского населения. Последнее являлось и ремесленниками и земледельцами.

Мавзолей в г. Узген

О разнообразии этнического состава городского населения Киргизстана очень ясно говорит антропологический материал, собранный на кладбищах XI—XII вв. Здесь хоронили представителей иранской, тюркской и тунгусо-маньчжурской (кара-китаи) этнических групп.

О развитии торговли выразительно свидетельствует такой обычный и массовый материал из развалин древних городских поселений, каким является керамика.

Наряду с местной поливной посудой в Чуйской долине употреблялась и дорогая привозная; здесь найдена была, например, часть сосуда, покрытого люстром (особый вид

глазури) с металлическим блеском, возможно, из г. Рея в Иране. С развитием торговли был связан рост торговых путей.

От основной трассы торгового пути, которая была при саманидах в районе города Харран Джувана, теперь отделилась новая дорога в Илийскую долину, через р. Чу, в районе поныне известного брода Тай Кичу. По этой дороге возникли поселения, расположенные в сторону Илийской долины.

В районе современного города Алма-Аты путь этот, в свою очередь, разделялся на два направления. Один из них — южный — шел вдоль предгорий Заилийского Алатау. В районе р. Чилик он уходил в горы и через Сюгутинскую долину, пересекая реки Чарын и Кегень, выходил к Нарынколу и оттуда в Восточный Туркестан. Другой путь пересекал Или и через города Эквиус (с. Чингильды) и Койлык шел по Джунгарскому Алатау, где проходил около Чугучака и далее, видимо, шел в Монголию. При караханидах не только развиваются поселения торговцев и ремесленников, но создаются и многочисленные земледельческие поселения. Сюда относятся, например, сельские поселения, стоявшие на торговом пути, между Джулем и Сарыгом у нынешнего с. Лебединовское. Среди сельских поселений стояли и феодальные замки.

Поселения, находившиеся ближе к городским центрам, имели и более высокую культуру. Таковы, например, поселения около Нузкета. Область Нузкетских сельских поселений была обнесена большим валом, защищавшим её от нападений и отводившим вместе с тем воды речки Карабалты в район г. Нузкета.

В то время, как на Нижнем Таласе и вдоль реки Чу развивалась земледельческая жизнь и росли города, в горных долинах попрежнему жили кочевники.

О близости кочевников всегда приходилось помнить, оседлые населения постоянно находились под угрозой нападения кочевников.

Самым ярким памятником культуры, сохранившимся от этого времени, является первое литературное произведение на тюркском языке — дидактическая поэма, «Кудатгу Билик» (Книга наставлений). Она была написана в 1069 г. в городе Баласагуне.

Культура вре-
мени кара-
ханидов

В. Бартольд установил, что текст «Кудатгу Билик» написан был не для Бограхан Хорука, сына Юсуфа, как думали раньше, а для Табгач Кара Хакана Абу Али Хасана, сына Сулеймана Арслан Кара Хакана.

Это замечательное произведение, по мнению некоторых исследователей, исходит из традиций персидской лирики, но вместе с тем имеет признаки влияния китайской литературы. Но поэма «Кудатгу Билик» не только поэтическое произведение. Автор «Кудатгу Билика» выступает как идеолог господствующего в государстве класса феодалов. Его поэма — свод феодальной морали и в то же время норм политической деятельности. Она и задумана как своеобразное руководство для феодального владыки. В «Кудатгу Билике» имеются очень интересные высказывания, относящиеся к политике караханидов, по отношению к различным социальным группам — земледельцам, купцам, ремесленникам, а также кочевникам.

О ремесленниках здесь говорится:

«Еще один род людей составляют ремесленники,
Которые создают руками искусство, чтобы
заработать себе на жизнь.
Все они необходимые для тебя люди,
Приблизь их к себе, они принесут тебе
пользу, о великий!

Кузнец, ткач, сапожник и
Седельник, камнетес, мастер стрел и луков.
Много имеется различных ремесленников, я
не могу их всех перечислить.
От них идут все работы мира,
Как много удивительных вещей они делают,
С ними общайся и обходись хорошо.
Радуй ты их и живи сам в радости.
Работает он для тебя, непременно одари его,
Давай им есть и пить! Давай им обильную пищу!»

Что касается кочевников, то автор «Кудатгу Билика» рекомендует относиться к ним осторожно, так как видит в них опасную силу, которая может угрожать верхушке караханидского государства.

Вот что говорит, например, «Книга наставлений» об отношении верховного владыки к кочевникам:

«...Существуют еще скотоводы,
Они надзирают за табунами лошадей.
Это очень правдивый род людей, но мудрости
они не имеют,

Их ноша не падает на других людей.

Для еды, питья и верховой езды лошади,
жеребцы и кобылы
Прибывают от них, и также лошади для груза.
Кумыс, молоко, шерсть, жир, творог и сыр
Употребляя как пищу, одежду и убранство
для дома

Очень полезен этот род людей,
Обходись с ними хорошо.
Общайся с ними, води знакомство, кушай

и пей с ними,
Допускай их жить, как это подобает человеку,
Что они попросят, то дай, возьми то, в чем
нуждаешься;

Я убеждаюсь, что эти люди не знают государства,
Не требуй от них законов и знаний,
Их поступки превратны, а ты чистый,
Если ты обращаешься с ними, то сдерживай
себя,

Так как они постоянно без законов и направляю-
щей нити.

Говори им хорошие слова, но не называй их
друзьями».

Важнейшей особенностью XI—XII вв. в области культуры является внедрение караханидами ислама, и в связи с этим дальнейшее ускоренное приобщение городов Чуйской долины к культуре Мавераннахра. Большое значение для распространения новой религии имело то обстоятельство, что караханидская знать, представители которой были самыми ревностными покровителями ислама, тоже оседала в городах и способствовала их развитию. Под влиянием знати принимали ислам и рядовые кочевники.

Имеются свидетельства, что еще в 960 г. приняли ислам 200.000 кибиток.

В 1043 г. ислам приняли 10.000 кибиток тюрок, кочевавших около Баласагуна. Многие из принявших ислам тюрок оседали на землю и переходили в города. Прямым выражением успехов ислама была чеканка местной монеты по типу арабских дирхем, а также широкое употребление на монетах изречений, заимствованных из корана.

Мусульманским духом проникнута и рукопись «Кудатгу Билика». Одновременно начинается вытеснение старого зороастрийского погребального обряда новым, мусульманским.

Тем не менее местами всё ещё сохранялись и старые обычаи. Так, на окраине предместья г. Сарыга располагалось древнее кладбище, возникшее, видимо, еще в VII в. и

занимавшее берега древней трассы Чу в районе западной оконечности современного с. Ивановское и на обрыве, где ныне стоит Кенбулуньский кирпичный завод. Для этого кладбища в караханидское время характерны не мусульманские могилы, а захоронения старого зороастрийского типа, в глиняных сосудах-хумах.

Монеты
эпохи караханидов

Официальной мусульманской идеологии в караханидское время ещё противостояли древние народные традиции согдийцев, находившие свое выражение, в частности, в орнаментике поливной глиняной посуды.

Как караханидская керамика вообще, так и найденная в Чуйских поселениях глазурованная посуда насыщена формулами благопожеланий, и это понятно: известно, что комментарии к корану запрещают изображение живых существ. Но в Семиречье были ещё живыми традиции согдийской культуры, а тюрки-кочевники отличались веротерпимостью и вовсе не были склонны строго оберегать догматы корана. Поэтому здесь широко распространились глазурованные кесы, бордюр которых был заполнен разными изречениями, а в центре располагались красочные, довольно реалистически выполненные рисунки фазана, лягушки, медведя и других животных.

Нельзя также пройти и мимо культурных связей киргизов караханидского времени с востоком, с уйгурским Восточным Туркестаном, а через него — с Китаем.

О том, что уйгурская культура имела на территории Киргизии значительное влияние, говорит уже тот факт, что один из списков «Кудатгу Билик» был написан уйгурским шрифтом. Употребление здесь уйгурского шрифта для письма отмечает и Махмуд Кашгарский. Это станет ясным, если учесть принадлежность Восточного Туркестана к караханидским уделам.

Фергана в Караханидское время

События, происходившие в IX—XII веках на юге Киргизии, к сожалению, выявлены очень слабо из-за отсутствия сколько-нибудь полноизученных письменных и археологических данных.

По границе, проходящей ныне между Ферганой и Киргизией, в древности проходила граница между кочевниками Тянь-Шаня и земледельцами Ферганы. Благодаря оживленным торговым отношениям с кочевниками именно здесь, у предгорий Тянь-Шаня, и выросли большие поселения, в том числе крупные города, как правило, находившиеся в руках тюркской знати, позднее бывшие даже столицами.

Прежде всего здесь должна быть отмечена область Миян Рудан, находившаяся между реками Кара-Дарья и Нарын, в пределах современной Джалал-Абадской области. Область эта, ныне называемая «Эки су арасы», т. е. буквально «между двумя реками», состояла из большого количества поселений. Центром её был город Хайлама на

реке того же названия, т. е. на Нарыне. Возможно, что этот город был расположен западнее современного Таш-Кумыра, где находятся развалины древнего поселения. Здесь же находилась местность семи деревень Хефтедех и два пограничных с тюрками поселения — Бискет и Селат, вероятно, простиравшиеся к северо-западу от Узгена в районе Наукента и Избаскента. Первое селение Миян Рудана, Шикит, находилось скорее всего на территории Узбекской ССР. Главными городами Южной Киргизии были Узген и Ош. Оба рассматриваются древними авторами как пограничные с тюрками города.

Ош считался по величине третьим городом Ферганы. «Он состоял из шахристана, цитадели и рабада; дворец и тюрьма находились в цитадели. Город имел трое ворот: Горные, Речные и Мугкедсе. Соборная мечеть находилась среди базаров. В окрестностях города был большой рабад». Точное местоположение рабада неизвестно. По Ибн-Хаукалю, рядом с Ошем, на горе, был сторожевой пункт тюрков, откуда они наблюдали за приготовлением жителей к очередному походу. В. Бартольд, однако, справедливо сомневается в том, что саманиды, которые владели Ошем, могли допустить столь близкое пребывание тюрков у города Оша.

Вторым крупным городом был Узген. Он был меньше Оша, хотя при караханидах имел несравненно большее политическое значение. Город уже в X в. во времена Макдиси, состоял из цитадели, шахристана и рабада. Он хорошо снабжался водою из р. Кара-Дарья. В Узгене было четверо ворот. Наибольшего расцвета город достиг при первых караханидах, когда он стал столицей мавераннахрского удела.

В Узгене происходила торговля с тюрками. Отсюда вел торговый путь в Семиречье, который шел через перевал Яссы в Атбаш. При кара-китаях и при первых чагатайских ханах в Узгене хранилась государственная казна. От средневекового Узгена сохранились величественные памятники его прошлого. Это не только первоклассные архитектурные памятники Узгенского комплекса — минарет и три мавзолея, но и само Узгенское городище.

С юга городище омывается Кара-Дарьей, с востока к нему примыкает Нижний Узген, с севера оно отделяется от Верхнего Узгена узким, но глубоким логом, где сейчас

стоит кирпичный завод и по которому проходит улица Ак-Базар. С запада также виден глубокий лог, по которому ныне проходит шоссе Узген-Карасу. Городище расположено на огромном холме. Издали оно выглядит как усеченная четырехгранная пирамида.

Со всех сторон городище имеет крутые (с наклоном примерно в 60°) стены, местами возвышающиеся до 30 м над уровнем Кара-Дарьи. Как показал срез, сделанный по северной стене городища, они сделаны из пахсы и сырцового кирпича. Четко различаются в северной стене следы ворот, срезом обнаружена также калитка оригинальной конструкции.

Калитка имеет сравнительно небольшие размеры (2×3 м). Свод выложен сырцовым кирпичом. В своде калитки был проделан колодец. Из этого колодца обороняющиеся могли сверху поражать врага, пытающегося прорваться в калитку.

В плане городище имеет в верхней части вид неправильного четырехугольника, со сторонами 400×280 м. Городище делится на три разные ярко выраженные части двумя стенами, идущими с востока на запад. Внутри этих «кварталов» различаются впадины дворов и бугры построек. Всего менее было построек с северной части городища. Средний и южный кварталы были очень густо застроены и населены, о чём свидетельствует не только топография развалин, но и обилие подъемного материала. В юго-восточной части городища хорошо видно устройство стен и башен, сложенных из блоков набивного дувала и продолговатого, больших размеров, кирпича. Встречается в кладке и обожженный кирпич.

Кроме развалин Узгена, на юге Киргизии выделяется также своими размерами городище Мады-Курган, оно находится в самом поселке Мады и расположено по обеим сторонам памирского тракта. Бугры городища протянулись на сравнительно большое расстояние, свыше полукилометра. В юго-западном углу городища находится цитадель. Цитадель имеет до 12 метров высоты. План городища и подъемный мусульманский материал не оставляют сомнения в том, что развалины относятся к средневековому городу, хотя и стоявшему в отдельных частях на более древних поселениях. Эти развалины можно отождествить с средневековым городом Медва, который, по сообщению

Макдиси, находился недалеко от города Ош, одного из крупнейших городов Ферганы. Множество развалин более мелких средневековых городищ имеется и в других местах. Так, например, городища мусульманского времени известны к востоку от кишлака Наукент, на правом берегу р. Ун-Уйгур, в районе Базар-Кургана.

Особенно много тепе такого типа, равно как и более ранних, сосредоточено в трех местах: к югу и востоку от Базар-Кургана, к северу от с. Советское и в районе Наукента. Такое обилие городищ соответствует показаниям письменных источников.

В X веке, по Макдиси, здесь было 40 городов и селений с соборной мечетью. Макдиси делит эти города на три группы. Первую группу составляли поселения Миян Руданские, куда входили города Южной Киргизии, находившиеся между Нарыном и Кара-Дарьей. Вторую группу составляли несайские города (южно-ферганские), куда из числа городов, расположенных на территории современной Киргизии, входили города Ош, Медва, Хуршаб, Некад, а главным образом города, расположенные в Узбекской ССР. К третьей группе относились города к северу от Сыр-Дарьи под названием Вагизийских; к ним должна быть отнесена область Джидгиль по р. Чаткал, а также, возможно, селение Неджи-Керван.

Близко к Южной Киргизии был расположен город Касан, имевший большое значение в VIII—IX вв., когда он был столицей ферганских царей.

Все восточные города Ферганы почти всегда находились в руках тюрков. Достаточно указать, что такой важный центр, как Узген, в IX в. принадлежал дикхану Чур-Тегину, тюркскому князю. Его именем называлась вся местность к востоку от Узгена в сторону Атбаша.

Экономическое значение южно-киргизских городов было основано на торговле с тюрками, а также на добывающей промышленности.

В Фергане в мусульманскую эпоху широко была развита горная промышленность. Золото и серебро добывались у Ахсыкета и Некада, ртуть около Соха (южнее Коканда), в Верхней Несчье (северная Фергана)—смола, асбест, золото, серебро, бирюза, железо, медь и свинец; около Узгена добывали нашатырь.

Горная промышленность давала сырье для ремесла, а

продукты последнего шли на обмен с кочевниками. Кочевники доставляли скот, мясо, шерсть, кожи и рабов.

В известном отношении характер торговли отражают те подарки, которые приносили тюрки своим союзникам. Очень показательен в этом отношении список подарков, которые дал в Узгене илек Наср послам газневида Махмуда. Они получили: «...произведения рудников, мускус, коней и верблюдов, рабов и рабынь, белых соколов, черные меха, рог хуту, куски нефрита и китайские драгоценности». Гардизи, в свою очередь, говорит о подарках караханида Июдыра: «Он (Июды) велел казначею открыть двери казны, вынул оттуда много денег и послал к эмиру Махмуду, вместе с произведениями Туркестана, именно хорошими конями с золотой сбруей, тюркскими рабами с золотыми поясами и колчанами, соколами и кречетами, мехами соболей, белок, горностаев, черных лисиц и ласок, сосудами (бурдюками) из шерсти, двух баранов с рогами хуту, китайской парчой...».

§ 5. ГОСУДАРСТВО КАРА-КИТАЕВ

Завоевание Киргизии кара- китаями

В XII в. на государство караханидов обрушивается грозный враг в лице каракиданей, или, иначе, кара-китаев. Они были народом тунгусо-маньчжурского происхождения. Кара-китай появились вблизи территории Киргизстана еще в 1017—1018 гг., но были отогнаны караханидским государем Туганханом. В начале XII века (1125 г.) они вновь появились в Киргизстане, где образовали новую династию так называемых западных Ляо (Си ляо) с центром в городе Баласагуна.

Второй поход кара-китаев был вызван тем, что их государство в Монголии и Северном Китае было в 1125 г. разбито чжурчженями. Кара-китай двинулись в область енисейских киргизов и оттуда вышли на запад. В районе Чугучака на р. Эмил, где они построили свой город, их число достигало 40.000 кибиток. Захват Баласагуна был первым грозным ударом по владениям караханидов. После захвата Баласагуна от Енисея до Таласа раскинулась новая, каракитайская, империя. По Джувеини, захват Баласагуна произошел следующим образом. Они «...пришли к пределам Баласагуна, который теперь монголы называют Гобалыг. Эмиром этих народов был некто, возводивший свое

КИРГИЗСТАН В XII-XIII в.в.

происхождение к Афросиабу. Он не имел силы и мощи, и племена тюрков, карлуков и канглов, которые были в тех пределах, вышли у него из подчинения и повиновения, притесняли и нападали на его людей и скот и грабили, как волки. Этот человек был царем, но не мог удержать и отразить их, когда он услышал весть о пребывании в многочисленности людей гурхана и его сторонников. Он послал к гурхану послов с признанием своей слабости и бессилия, жаловался на самовластие и безобразное поведение канглов и карлуков и просил гурхана вступить в столицу, дабы передать ему во власть округа своего государства и освободить себя от забот. Гурхан отправился в Баласагун, сел на трон подобранного на дороге царства, лишил потомков Афросиаба звания хана... когда прошло некоторое время, слуги его отдохнули и скот стал жирным, он овладел канглами...».

Завоевав Баласагун, каракитайский гурхан в 1141 г. выступил в защиту карлуков, своих недавних врагов, против сельджукского султана Санджара. 9-го сентября 1141 г. в Катаванской степи сельджуки были разбиты, и вскоре кара-китаи взяли Бухару (1141—42 гг.).

Легкость, с которой кара-китаи завоевали караханидское государство, объясняется, в частности, тем, что во владениях караханидов жила значительная часть кара-китаев, проникшая сюда, видимо, во время первого движения на запад. Во всяком случае, имеются сообщения, что еще в 1041 г. часть кара-китаев переселилась во владения Арслан-хана и, хотя отказалась принять ислам, но все же выразила полное подчинение и повиновение караханидам.

Восстание семиреченских кара-китаев во время нашего нашествия их соплеменников в 1141 г., вероятно, и повлияло на успех каракитайского завоевания XII в.

К 70-м годам XII века кочевое население (возможно, одних кара-китаев) составляло 84500 кибиток.

Вскоре кара-китаи захватили владения хорезмшаха и хорезмшах должен был платить им не только подати натурой, но и 30.000 динаров золотом. Неповиновение хорезмшахов кара-китаям вызывало их неоднократные походы, например, 1171—72 гг.

Выступали кара-китаи против Хорезма и по просьбе владетеля Дженда Текеша, который отказался подчиниться своему младшему брату Султан-шаху, возведенному

на престол после смерти Иль Арслана своею матерью Турхан. Текеш обратился за помощью к каракитайской царице, дочери первого гурхана, и к её мужу Фума. Фума привел Текеша в Хорезм. Султан-шах был вынужден передать престол в декабре 1172 г. своему брату. Первая наследница гурхана скоро умерла, и престол перешел к ее матери, «вдове гурхана и его сыну Мухаммеду», по имени Е-люй-и-ле.

После смерти первого гурхана каракитайский престол часто занимали жены и дочери гурханов или регентовала мать малолетних наследников.

Вскоре Текеш разорвал свои отношения с кара-китаем, и кара-китай на сей раз вступили в союз со своим бывшим врагом Султан-шахом, но без особых результатов.

Каракитайские войска участвовали в борьбе против Хорасана и Мерва и в это время захватили, вероятно, Балх, где владетелем после них остался один тюркский князь, впоследствии вассал кара-китаев.

В 1198 г. кара-китай в союзе с хорезмшахом вели борьбу с владетелем Самарканда и гуридами, но потерпели поражение от гуридов и вынуждены были отступить. Все же борьба с гуридами в 1204 г. завершилась победой кара-китаев.

Организация и
культура го-
сударств кара-
китаев

Господство кара-китаев в Киргизстане оставило значительные следы. Верховным владыкой кара-китаев был гурхан. Значение этого слова неясно. Толкуют его как синоним «хан ханов». Кара-китай с покоренного населения взимали подворную подать. Это была форма взимания дани, перенесенная ими из Китая.

Империю караханидов, которой овладели кара-китай, они не делили на уделы, а расставили в разных городах своих сборщиков податей. Разумеется, от этого положение поработанного завоевателями населения было не легче или немногим легче, чем прежде. Не удивительно поэтому, что обычным явлением были возмущения и восстания местного населения, беспощадно угнетавшегося сборщиками податей и хищной феодальной знатью кара-китаев.

При всём том кара-китаи Киргизстан был обязан новой волной высокой китайской культуры.

Кара-китай не строили новых городов. Они использовали, например, для своей столицы Баласагун, где они при-

строили к юго-восточному углу шахристана старого города только свой «квартал». Ставка их называлась Хосун-орду.

Кроме Баласагуна, остатки каракитайских поселений найдены у с. Сретенки, в районе с. Лебединовки и на Александровском городище. В архитектурном оформлении этих последних широко проявлялось влияние китайского искусства и китайской культуры вообще, которая скрестилась здесь со среднеазиатской. Как китайские мастера, так и местные строители широко использовали, прежде всего, китайскую строительную технику и материалы — черепицу, налепы, отопительную систему в виде канов (заложённых внутри стен каналов для прохождения нагретого воздуха).

В Александровском городище найдены, например, характерные образцы дальневосточных строительных материалов: квадратный кирпич, полуциркульная черепица серо-синего теста, сделанная на матерчатом шаблоне. Здесь оказались также коньки на черепицу в виде плоской дуги с козырьками, на которых изображены, повидимому, Будда, сидящий в центре, и бодисатвы, находящиеся по сторонам.

Построенные кара-китаями храмы были украшены росписями в китайском стиле и великолепными статуями. В Баласагуне обнаружены, например, обломки каменной статуи Будды размером несколько более человеческого роста, а также статуя, где Будда стоит на пьедестале из лотоса, сзади же находится каменная плита с нимбом и бодисатвами. Кроме обломков каменных статуй, уцелело также много обломков сырцовых глиняных статуй, торсы со складками одежды, характерно трактованные волосы. Общий облик как божеств, так и окружающих деталей — мифологических зверей, охраняющих Будду, лягушек, лотосов, показывает, что эти статуи восходят в истоке не только к китайским прототипам, но и к прекрасным образцам классического искусства древней Индии.

Буддийский храм, где стояли эти статуи, был богато украшен лепными украшениями, в том числе искусно сделанными из глины ветками священного буддийского дерева. Из района современного с. Лебединовки происходит бронзовая статуэтка Будды, явно подражающая гандхарским (североиндийским) образцам. Особенно характерны головной убор и античная трактовка одежды Будды. На пьедестале, на котором сидит Будда, имеются изображе-

ния мифических собакоподобных существ «фо», его охраняющих; у левого угла изображен человек с косой на голове, стоящий в смиренной позе на коленях.

Кроме храмов верования, кара-китаев характеризует их кладбище, найденное у с. Александровское. Эти могилы представляли собой грунтовые ямы, обложенные сырцовым кирпичом. Костяки лежали головой на север. Погребальный инвентарь беден, но характерен. Это, в основном, нефритовые украшения в виде пластинок с ажурными краями. Часть из них, с круглым отверстием в верхней части, служила подвесками к металлическим серьгам. Другие бляшки такой же формы, но с отверстием в виде замочной скважины, служили пряжками для пояса. В одной могиле найден скелет человека в сидячем положении, лицом на юг, рядом с ним находился костяк лошади, а также кувшин сунского типа и белонефритовая чашечка.

Будучи сами буддистами, кара-китай, однако, покровительствовали христианству, а также не стеснялись деятельности проповедников ислама. По словам В. В. Бартольда: «...кидане, подобно китайцам, одинаково покровительствовали всем религиям, между прочим и исламу; мусульманские историки хвалят справедливость гурханов (это, как нам кажется, лучше всего показывает, что гурханы не были несторианами). Все-таки мусульмане должны были лишиться своего господствующего положения и последователи других религий были вне опасности от мусульманского фанатизма; поэтому и христианство могло распространяться свободнее, чем при караханидах. Патриарх Илья III (1176—1190 гг.) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре, одной из столиц гурханов (другой был Баласагун). В каталоге Амра кашгарский митрополит назван митрополитом Кашгара и Невакета; следовательно, в состав Кашгарской митрополии входило и Семиречье».

При кара-китаях упрочились и расширились экономические и культурные связи с Дальним Востоком, в первую очередь, с Китаем.

Широкие торговые связи кара-китаев документируются археологическими находками, например, керамикой китайского и тонгутского типа. Обычными являются для их времени, например, обломки селадоновых китайских чаш, в том числе, иногда с китайскими иероглифами.

Каракитайское государство просуществовало недолго. Падение каракитайского государства произошло в начале XIII века.

Важную роль при этом сыграли найманские племена под предводительством Кучлука, которые под давлением Чингис-хана двинулись на запад.

Движение найманов в Семиречье совпало с перекочевкой меркитов, также разбитых Чингис-ханом, в Уйгурию к уйгурскому идикуту, вассалу кара-китаев. Усиление идикута дало ему возможность выступить против гурхана и заключить договор с Чингис-ханом. В результате этого восстания наместник гурхана в Уйгурии был убит. Потеря Уйгурии значительно ослабила силы кара-китаев. Вскоре меркиты бежали в северную Киргизию, присоединившись здесь к Кучлуку.

Усиление Кучлука позволило ему в союзе с карлукским Мамду-ханом выступить против кара-китаев. В то же время начали борьбу с кара-китаями хорезмшах Мухаммед и самаркандский хан. Описание этих бурных событий имеется в трудах историка XIII века Джувейни, рассказывающего о столкновении кара-китаев с войсками Мухаммеда и начавшемся распаде каракитайского государства.

Когда известие о нападении врагов дошло до гурхана, он направил против них свои войска под командованием Таянгу, приказав действовать энергично. Встреча войск произошла в августе-сентябре 1210 г. близ Тараза. Результат сражения оказался неопределенным, но начальник армии кара-китаев Таянгу попал в плен. «Войско китаев во время возвращения, — по словам Джувейни, — начало громить, грабить, убивать и бесчинствовать в своих местах, округах... Когда оно дошло до Баласагуна, жители последнего решили, что султан (речь идет о хорезмшахе Мухаммеде) завладеет этими местами, и защищали ворота. Когда войско кара-китаев пришло туда, они не допустили его, завязался бой и сильно сражались 16 дней, думая, что султан идет вслед за ними (кара-китаями). Эмиры гурхана устраивали соглашение с ними и давали им советы, они не доверяли. Наконец, войска китаев... вошли в город, пустили в ход мечи и никому не давали пощады. Трое суток они убивали. В числе убитых было 7000 уважаемых именитых (людей), войско гурхана сильно разбогатело от обилия добычи...»

Таким образом, войска кара-китаев начали опустошать и грабить владения собственных правителей, где жили коренные обитатели страны—земледельцы, ремесленники и купцы. В результате этого погрома была опустошена и столица гурхана Баласагун, а государство кара-китаев получило смертельный удар.

Ослаблением каракитайского государства воспользовался Кучлук, который и захватил власть в свои руки. На первых порах Кучлук, правда, для вида оставил на престоле гурхана, а сам довольствовался титулом хаджиба.

Положение Кучлука, которого местное население рассматривало как захватчика, было непрочным. На западных границах его владений усиливался хорезмшах, который предъявил даже притязания на часть земель, находившихся под властью Кучлука.

Население Восточного Туркестана подняло восстание против Кучлука. Кучлук четыре года подряд с 1211 по 1214 гг. вторгался во время жатвы в Восточный Туркестан и истреблял посевы. В результате голодовок население края было вынуждено покориться Кучлуку.

Не ограничиваясь этим, Кучлук развернул военные действия также и против своих соседей на юге. Опасаясь Кучлука, самаркандский владетель приказал жителям Испиджаба, Шаша, Ферганы и Касана выселиться и разрушить свои поселения.

Все эти события совпали с завоеванием Семиречья и Средней Азии монголами.

Значение событий VI—XII вв. в истории киргизского народа

Источники, относящиеся ко времени VI—XII вв., почти не упоминают о киргизских племенах в Семиречье. Авторы исторических хроник интересовали главным образом бурные политические события XI—начала XIII вв., в которых киргизские племена Тянь-Шаня не играли решающей роли. Тем не менее время господства в Средней Азии тюркского каганата, тюркшей, карлуков, а затем караханидов и кара-китаев имеет важное значение в истории киргизского народа. Утрата карлуками политического господства, разгром караханидов кара-китаями, последующее падение господства кара-китаев под ударами грозных монгольских завоевателей и борьба между владетелями Средней Азии вызвали новую волну передвижения разбитых племен в горные районы Тянь-Шаня. Материаль-

ная и духовная культура, верования, хозяйственные навыки усложнялись в связи с появлением новых пришельцев. Всё это обогащало те материальные и духовные ценности, которые впоследствии были использованы киргизскими племенами и вошли органической частью в культуру и быт киргизского народа.

Рассматриваемый период был важен в истории киргизского народа и потому, что в это время в основном был завершен процесс отюречивания племен, населявших Южную Киргизию (Фергана). Тем самым была обеспечена относительная этническая однородность племен, населявших современную Северную и Южную Киргизию, что явилось важным моментом в образовании единой киргизской народности. Создавалась языковая общность. Языком племен Семиречья и Тянь-Шаня явилась джокающая ветвь тюркского языка.

Весьма существенным событием в жизни киргизского народа явилось оформление у кочевых племен Семиречья и Тянь-Шаня однородных социально-экономических отношений. Ещё в период тюркского каганата классовое строение племен как Енисея, так Семиречья и Тянь-Шаня выступало совершенно явственно. Но основным делением общества на классы явилось деление на свободных и рабов. Масса общинников-скотоводов, как и земледельческого населения, оставалась еще свободной. Эта масса стала попадать в зависимость от степной аристократии и знати городов в карлукский период и особенно во время господства караханидской династии. Новые классовые отношения являлись феодальными, но складывались в условиях сохранения патриархального родового быта. Эта надстройка, унаследованная кочевым обществом от предшествующего времени господства первобытно-общинного строя, не соответствовала новым феодальным отношениям, но являлась выгодной для аристократов, порождая в массах кочевников-скотоводов иллюзии о сохранении в их обществе прежнего равенства. Естественно, что патриархально-родовой быт ревностно охранялся кочевой аристократией, как могучее средство поддержания классового «мира». Такая особенность феодальных отношений в кочевом обществе придавала им патриархально-феодальный характер. В оседлых районах и особенно в городах феодальные общественные отношения выступали гораздо явственнее, так как там пат-

риархально-родовой быт подвергся гораздо более глубокому разложению, чем это было у кочевников. Но существо, содержание общественных отношений у тех и других было одинаково. Эти отношения являлись феодальными.

Тем самым была создана основа, на которой могло произойти слияние многочисленных племен в единую народность в XV—XVI веках. Упрочение феодальных отношений позволяло конгломерату, хотя бы и однородных в этническом отношении племен, в ближайшие столетия превратиться в новое этническое целое — народность.

Племенами, которые возглавляли этот сложный и длительный процесс в силу ряда исторических условий, явились киргизские племена, которые и дали затем новой народности свое название.

ГЛАВА IV

КИРГИЗЫ И КИРГИЗСТАН ПОД ИГОМ МОНГОЛЬСКИХ, ДЖУНГАРСКИХ И КОКАНДСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

§ 1. КИРГИЗЫ И КИРГИЗСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ ЧИНГИС-ХАНА

Завоевание мон-
голами страны
енисейских кир-
гизов

Начало деятельности основателя монгольского государства Темучина было связано с борьбой прежде всего с кераитами (1203 г.) и несколько позже с найманами, окончательно покоренными в 1206 г., когда борьба за верховную власть в Монголии закончилась. На курултае, съезде всей монгольской знати, верховным повелителем вновь возникшего государства был избран Темучин, который отныне стал называться Чингис-ханом.

Для упрочения могущества нового государства и обогащения монгольских феодалов Чингис-хан, опираясь на свою армию, вскоре организует дальние грабительские походы (в Китай и Среднюю Азию), сыгравшие реакционную роль в истории Европы и Восточной Азии.

В 1207 г. предводитель меркитов, потерпевших перед тем поражение от Чингис-хана, Тухта-Беги дошел до реки Кем (Енисей) и вступил в страну киргизов. Но пришедший в том же 1207 г. вслед за меркитами Чингис-хан потребовал у киргизов покорности и признания его власти. Киргизские правители отправили к Чингис-хану посольство и покорились завоевателю.

Как рассказывает историк монгольской эпохи Рашид-ад-дин, хотя киргизы первоначально и покорились монголам без сопротивления, но в 1218 г. дело дошло до войны.

В это время против монголов вспыхнуло восстание прибайкальских народов: туметов и баргутов. Чингис-хан потребовал, чтобы киргизы дали войско для подавления восстания. Те отказались. Джучи, старший сын Чингиса, посланный для приведения киргизов к покорности, выслал вперед авангард под предводительством некоего Буки, но тот ограничился только тем, что оттеснил киргизов в глубь их страны. Препятствием для дальнейшего продвижения в страну киргизов, как следует из рассказа Рашид-ад-дина, были естественные преграды в их стране, леса и горы. Джучи, однако, не удовольствовался действиями Буки и, воспользовавшись замерзшей р. Кемь, вторгся в страну киргизов и покорил их. В дальнейшем отряды Джучи дошли до Тянь-Шаня. Тот факт, что предания тяньшанских киргизов сохранили воспоминание о Джучи хане, даёт основание полагать, что киргизы не только на Енисее, но и на Тянь-Шане действительно имели непосредственные отношения с этим завоевателем. Какая-то часть их, должно быть, пришла на Тянь-Шань вместе с Джучи точно так же, как их предки переселились сюда в период завоеваний кара-китаев. Это подтверждается китайской летописью монгольской (юаньской) династии — Юаньши, которая отмечает, что киргизы на Енисее в то время были весьма немногочисленны. Если цифра в 9 тысяч семейств киргизов возможно и преуменьшена, то всё же, считаясь с малонаселенностью Минусинского края, можно сделать вывод, что в XIII в. какая-то часть киргизов ушла с полчищами Джучи.

Рашид-ад-дин и Юаньши сообщают, что в стране киргизов, ко времени завоевания монголами, существовали еще города и земледелие. А знаменитый путешественник, буддийский паломник Чань-чунь, добавляет, что в области киргизов «...добывают доброе железо и водится много белок, там также сеют пшеницу. Китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковой материи, флёра, парчи и цветной материи». Это сообщение Чань-чуя подтверждается и данными археологии. На Енисее при раскопках были обнаружены предметы китайского ремесленного производства этого времени.

Чингис-хан, покорив киргизов, в отличие от обычных его завоеваний, обеспечил относительную сохранность их страны и даже способствовал дальнейшему развитию здесь

земледелия. Он отправил в страну киргизов уйгура Чингая, который принял меры к расширению земледелия и строительству хлебных складов. Тем самым Чингис-хан обеспечил себе новый источник хлеба. Это было необходимо для готовившегося им похода в Среднюю Азию. Он имел теперь в своем тылу хлебные запасы, обеспечивающие питание войска. В 1214 г. Чингис-хан взял Пекин и обеспечил тыл на Востоке, а в 1218 г. Чингис-хан стал готовиться к большому походу на Запад.

Чингис-хан в Семиречье В 1219 г. войска Чингис-хана вторглись в Семиречье. Город Баласагун до этого был разгромлен кара-китаями и обессилен, а потому сдался монголам без боя. Он был пощажен и назван — Гобалык, т. е. счастливый, хороший город. Но города, стоявшие дальше на запад, оказали завоевателю сопротивление и подверглись страшному разгрому.

Следует заметить, что высказанное в литературе мнение о том, что Семиречье и Восточный Туркестан, в силу добровольного подчинения монголам, нисколько не пострадали от монгольского нашествия, не соответствует действительности. Археологические раскопки на территории Семиречья показывают, что, как правило, верхние культурные слои городищ относятся в основном к караханидской эпохе. Монголами эти города были разрушены и более не восстанавливались. Письменные источники после монгольского завоевания также не говорят о том множестве городов, о которых свидетельствовали авторы X—XII вв. Повторяется лишь упоминание о городе Баласагуне в Чуйской долине и городе Яны (Тараз) на р. Таласе.

В первые годы монгольского завоевания ещё сохранились также некоторые поселения Илийской долины, в частности, город Койлык и безымянное городище на р. Талгар около современного города Алма-Аты. Но монгольский удар привел к резкому сокращению числа городов и их опустению и в этом районе. Правда, некоторые свидетельства послов первых годов завоевания говорят о Семиречье, как о крае, мало пострадавшем от нашествия. Елючунцай, бывший министром у Чингиса, упоминает о городе Алмалыке, которому были подчинены 7 городов. Илийская долина была земледельческим центром, где жители возделывали пять родов злаков. Отмечаются города и в Чуйской долине. Характеристика Семиречья, данная проезжавшим

в 1221 г. через эти места китайским паломником Чан-чу-нем, мало чем отличается от характеристики его предшественников. Он описывает этот край как изобилующий плодами земледелия. Здесь, кроме возделывания хлеба, занимались виноградарством и шелководством. Существовала богатая оросительная система, для полива полей пользовались чигирами.

Так же, как и его предшественникам, Чан-чуню бросилось в глаза прежде всего обилие и преобладание сельских поселений над городами.

Однако это была лишь агония земледельческой культуры в Семиречье, так как здесь от руки монголов погибло большое количество населения. Много кара-китаев было уничтожено завоевателями. Многие из них бежали в высокогорные районы Тянь-Шаня, а оставшиеся, по свидетельству посла китайского императора Вугусуня, «приняли одежду и обычаи хойху», т. е. мусульман.

Очень скоро, на протяжении лишь 32 лет, т. е. к 1253 г., произошло резкое изменение экономического облика Семиречья, в том числе и Киргизстана.

Уже для 1246 г. в описании Плано Карпини, который посетил ставку старшего сына Джучи у оз. Алакуль, отсутствуют прямые указания на городскую жизнь в Семиречье, а сообщение Рубрука, посетившего этот край в 1253 г., не только красноречиво говорит о небольшом количестве городов Семиречья, но даёт очень красочное описание того, как пришли к запустению многолюдные города прошлого, как упала здесь земледельческая культура, и пашни превратились в пастбища. Слова Рубрука в отношении Илийского края, в частности, города Койлыка, весьма характерны.

«На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища».

К. Маркс объяснял разрушительную деятельность монголов тем, что действовали они «...соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием.»¹ Действительно, Семиречье являлось выгодным местом для паст-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Введение к критике политической экономии. Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

бищ кочевников, поэтому цветущие города и селения были превращены монголами в развалины и пепелища и тем самым был положен конец оживленной городской жизни Семиречья.

Была и другая важная причина. Продвигаясь на Запад, монголы стремились обеспечить себе тыл, разрушая города, как основные очаги сопротивления, и уничтожая их население. Поэтому население городов было большей частью вырезано и только ремесленники уведены в плен в ставку монгольских ханов.

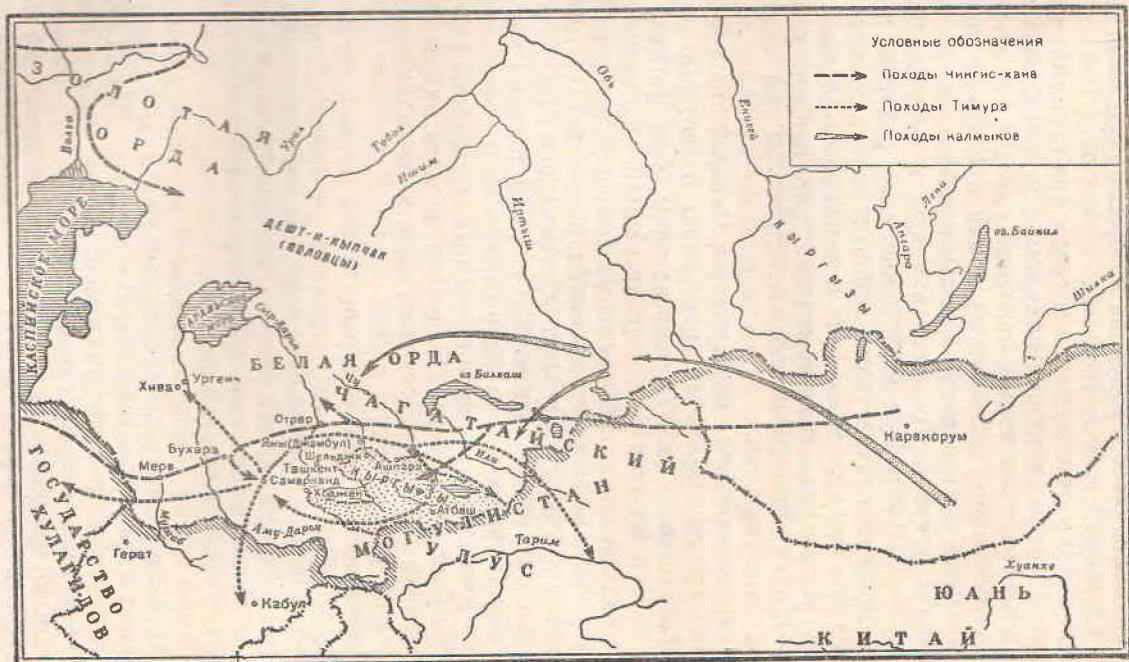
После монгольского разгрома Семиречье становится снова, как и до согдийской колонизации, областью почти исключительного господства культуры кочевников. Значительно пострадали не только города и земледельческие поселения, но и скотоводческие районы. Много скота было уничтожено и угнано завоевателями, население мобилизовывалось на принудительные работы.

С течением времени местная знать постепенно сближалась с завоевателями. Но, в отличие от северных областей Семиречья, прослойка монгольской знати в Киргизстане отсутствовала. Здесь не сложилась, как в Казахстане, степная аристократия — султаны, причислявшие себя к потомкам Чингис-хана. Повидимому, монголы оставили управление киргизскими племенами в руках родовых старейшин и ограничивались взиманием дани и мобилизацией населения на трудовые повинности (строительство дорог, облавные охоты и т. д.), а также в свои вооруженные отряды.

Если до великого хана Угедея (1229—1241 гг.) единство монгольской империи в какой-то мере сохранялось, то после него монгольское государство распалось на ряд по существу самостоятельных государств. Ещё при жизни Чингис-хана (он умер в 1227 г.) его четверем сыновьям — Тулуу, Джучи, Чагатаю и Угэдею — были выделены уделы, «инджу». Киргизстан входил в удел Чагатая, занимавший Восточный Туркестан и Среднюю Азию. Чагатай не жил в Мавераннахре. Он кочевал в Семиречье, и его резиденция находилась в бассейне реки Или. Эти уделы при жизни Чингис-хана не представляли собой самостоятельных государств, его сыновья были там только наместниками. Важным источником дохода этих монгольских царе-

Семиречье при
потомках Чин-
гиса. Чагатай

КИРГИЗСТАН В XIII - XV в.в

вичей были ремесла, продукция которых по существу являлась их личной собственностью.

Вот почему ремесленники и среди них огромное количество христиан-несториан получили в условиях монгольской империи мало-мальски сносные условия существования. О большом количестве христиан в Чуйской долине и на Иссык-Куле говорят найденные в районе современных городов Фрунзе и Токмака, а также в ущелье Зауке (Джууке на Иссык-Куле) большие несторианские кладбища. Рубрук отмечает около Койлыка селение, в котором все жители были несторианами и имели свою церковь. На берегу Иссык-Куля был армянский христианский монастырь. Марко Поло даже говорит, что якобы сам Чагатай принял христианство.

Покровительствуя несторианам, Чагатай не доверял местному мусульманскому населению, в котором видел людей, затаивших злобу к завоевателям. Хотя Чагатай веротерпимо относился к религии мусульман, но в то же время он содействовал подрыву их экономической силы. Казни мусульман не были исключением, и даже известный мусульманский ученый Абу Якуб-Юсуф-Секаки был, по приказанию Чагатая, казнен в 1229 г. Лишь богатые купцы-мусульмане пользовались покровительством Чагатая. Одним из влиятельных лиц при нем был мусульманский купец Кутб-ад-Дин. Монголы выдали за него замуж дочь хорезмшаха Мухаммеда, вторая дочь хорезмшаха досталась самому Чагатаю.

Политические трения на религиозной почве, возникшие между христианами и мусульманами, при явном покровительстве Чагатая христианам, дополнялись еще и соперничеством с мусульманами уйгуров, которые в большинстве случаев были буддистами, а некоторые христианами, и в обоих случаях врагами мусульман.

Уйгуры имели большое влияние на монгольских ханов. Известно, что культура уйгуров оказала решающее влияние на культуру монголов. В частности, уйгуры передали монголам свое письмо, и монгольское письмо является не чем иным, как уйгурским письмом с весьма незначительными изменениями. Уйгуры вели всю переписку монгольского двора и занимали ряд важных административных должностей при дворе Чингиса и его преемников.

Источники, относящиеся к монгольскому периоду,

очень ясно характеризуют паразитический характер ставок первых монгольских ханов. Для них отбирались лучшие мастера из огромного количества завоеванных городов, попавших под монгольское владычество. Ремесло монгольских ставок вырастало на основе разрушения старых городских центров, а не являлось результатом органического роста производительных сил самого монгольского общества. А так как ремесленники свозились из различных областей с далеко неоднородной культурой, то, естественно, искусство здесь получило смешанный характер, в котором переплетались элементы как Запада, так и Востока.

Покровительство торговле, которое оказывали первые монгольские владыки, в частности Чагатай, безупречная организация почты, которая могла в течение суток пройти до 150 км, однако, не содействовали экономическому благополучию завоеванных областей, т. к. торговля велась главным образом предметами роскоши, а почта обслуживала государственный аппарат завоевателей.

Сильное обнищание населения, с которого взимали очень высокие подати, произвольно увеличиваемые штатом чиновников и сборщиков податей — дарукчи, натуральные повинности (поставка людей в военные отряды, наблюдение за дорогами, обслуживание почты и др.), — всё это было очень тяжелым игом для местного населения. Киргизы на Тянь-Шане в этот период были настолько придавлены и экономически разорены, что не могли играть заметной политической роли в жизни страны. Поэтому исторические источники нигде не сохранили о них сведений вплоть до XVI в.

Экономический упадок особенно усилился после смерти наиболее сильных правителей, наследников Чингис-хана, Угедея и Чагатая, в связи с началом междоусобной разорительной борьбы различных претендентов на верховную и местную власть.

Межфеодаль-
ные войны
XIII в.

В 1241 г. умерли Угедей и Чагатай. На курултае монгольской знати сын Угедея Гуюк был провозглашен великим ханом, т. е. верховным владыкой монголов. Гуюк продолжал проводить антиисламскую политику Чагатая. В Киргизстане в это время фактически управляла некая Тугаши, жена личного друга Гуюка Есу-Мунке, сына Чагатая.

Но не все монгольские ханы признали верховную власть

Гуюка. Уклонился правитель улуса Джучи—Батый. В борьбе с Гуюком Батый опирался также и на племена южного Семиречья, т. е. на киргизов. В горах Ала-Тоо, в местечке Алмалык, постепенно накапливались силы для борьбы с великим ханом. Батый умело использовал недовольство мусульманского населения политикой Гуюка. Однако военного столкновения между Батыем и Гуюком не произошло вследствие смерти в 1248 г. великого хана. Курултай для выбора нового хана был созван в Кара-Коруме (Монголия), где под давлением Батые был выбран Мунке, правитель Чагатайского улуса. Мунке и Батый поделили власть между собой. Сам Мунке (внук Тулуя) говорил Рубруку: «Как солнце распускает свои лучи, так власть моя и Батыева простирается на все страны».

Наместником в бывших землях Чагатайского улуса, в том числе и на территории Киргизстана, фактически была Эргене, вдова Хара-Хулагу (внука Чагатая). Поскольку она была ставленницей Мунке и тем самым Батые, она покровительствовала исламу.

Во времена Мунке и Батые произошло оживление культурно-политических связей Семиречья с западом и с Китаем. В это время Семиречье посетил также Рубрук (1253 г.), а в 1255 г. проезжал армянский царь Гайтон. Семиречье описывает также китаец Чжандэ (посол монгольского хана), приезжавший сюда в 1259 г. Ранее приведенные слова Рубрука относительно состояния Илийского края и Семиречья в целом подтверждаются Гайтоном и Чжандэ, свидетельствующими об исчезновении земледельческой культуры и о бесчисленном количестве развалин древних городов.

Со смертью Мунке в 1259 г. вновь началась междоусобная борьба между двумя претендентами на монгольский престол. Борьба происходила между Хубилаем и его младшим братом Арик-буга, во владения которого входило и Семиречье. В частности, ставки многих влиятельных лиц его лагеря, например, уже упоминавшейся Эргене, были в долине Атбаш. Борьба осложнилась выступлением внука Чагатая — Алгу, опиравшегося на монгольские войска в Семиречье. Стремясь ослабить Алгу, Арик-буга в 1262 г. подверг страшному опустошению северное Семиречье. Однако после нескольких поражений Арик-буга вынужден был в 1264 г. подчиниться Хубилаю.

Хубилай стал великим ханом, но его власть, как великого хана всей монгольской империи, была номинальной. Фактически Хулагу в Иране, Алгу, а затем Хайду — в Средней Азии, Берке (брат Батые) — в Золотой Орде были самостоятельными государями. Союзником Берке в Средней Азии был внук Угедея — Хайду.

Во времена войны Хубилая с Арик-буга Хайду был вначале на стороне последнего, но затем занял самостоятельную по отношению соперников позицию, полагая, что он, как внук Угедея, имеет больше прав, чем Хубилай или Арик-буга, на первенство в империи. Притязания Хайду основывались на предании, что, по завещанию Чингис-хана, его престол не должен переходить в другие руки, пока в живых будет хотя бы один потомок Угедея.

Воспользовавшись ожесточенной междоусобной борьбой феодальных группировок, Хайду утвердил свою власть первоначально в Семиречье и восточной части Сыр-Дарьинской области. В 1258 г. он одержал победу над наместником Хубилая в Средней Азии и Восточном Туркестане — Бораком. Война между Хайду и Бораком закончилась договором о дружбе между обоими ханами, заключенном на курултае, который собрался на р. Талас в 1262 г.

В положениях этого курултая очень ясно отразились основные принципы политики Хайду. Согласно этим положениям, монгольские ханы были обязаны жить или в городах, или в степях, но не выпускать свои стада на пашни, принадлежавшие городам, не брать с жителей ничего, кроме узаконенных податей, а также доходов с принадлежащих им ремесленников.

Такая политика Хайду была вызвана угрозой полного экономического упадка его владений, в том числе и Киргизстана. Надо было обуздать произвол сборщиков податей и отдельных феодалов, чтобы восстановить экономическую жизнь страны, а тем самым сохранить политическое могущество империи. Той же причиной объясняется и относительно мирная политика Хайду. Располагая прекрасно организованным войском, он занимался только обороной своих владений, не предпринимая завоевательных походов. Этим он приобрел себе высокую оценку в сочинениях мусульманских авторов и, несомненно, симпатии со стороны оседлого городского населения, которое при его правлении достигло известного подъема. Поддержи-

вать мир Хайду удавалось, однако, с большим трудом. Особенно трудно было совладеть с многочисленными царевичами из дома Джучи, неоднократно пытавшимися отойти, как от Хайду, так и от Золотой Орды.

Хайду умер осенью 1307 г. Наследником стал его старший сын Чапар, ближайшим помощником которого, как и в последние годы правления Хайду, явился Тува, сын Борака. Чапар и Тува пытались продолжать политику Хайду, направленную на ликвидацию междоусобных войн и особенно борьбы между кочевниками и земледельцами. Но поскольку последняя задача была связана с необходимостью восстановить единство государства, это не могло не вызвать продолжения междоусобиц. Вся последующая история, особенно после смерти Тувы в 1307 г., связана с бесконечной борьбой отдельных монгольских ханов за власть, причем территорией этой борьбы была область от берегов Таласа до Иртыша. Эта борьба крайне пагубно отразилась и на жизни племен Киргизстана. Попытки отдельных правителей продолжать политику Хайду не увенчались реальными результатами. В итоге этих бесконечных войн сильно пострадали земледелие и торговля.

Писатель первой половины XIV в. Аль-Омари имел все основания сказать: «В пустыне теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенные селения, окрестности которых покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к ним в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и несколько не занимаются земледелием».

В конце 30-х годов XIV в. в Семиречье сложилось исключительно тяжелое внутреннее положение. Чума 1338 — 1339 гг. унесла в могилу много человеческих жизней. Усугубилась междоусобная борьба между мусульманами и сторонниками христианства, которые находили поддержку у чагатайских ханов. Борьба эта в 1339 г. завершилась гонениями против христиан, большинство их было перебито. Все это привело к дальнейшему опустошению страны и подорвало власть монгольской знати. Чагатайские ханы в Мавераннахре становятся лишь подставными лицами. Реальная власть перешла в руки тюркских эмиров. Власть монгольских ханов в какой-то степени продолжала сохраняться лишь в Семиречье.

С этой поры, т. е. с середины XIV в., Семиречье вошло в состав нового феодального государства Могулистана.

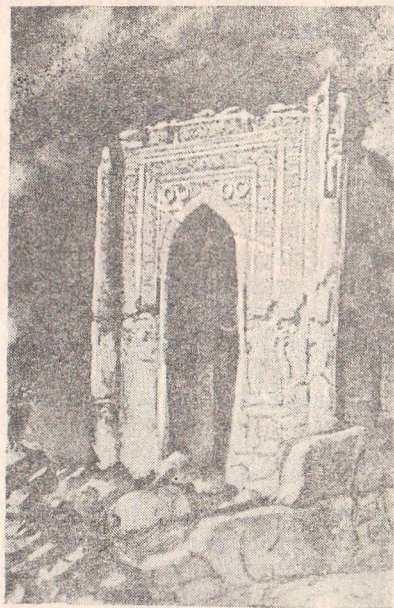
Могулистан Фактическим основателем Могулистана был монгольский эмир Пулатчи. Не будучи знатного происхождения, он вынужден был возвести на престол чингизида Токлук-Тимура (1343 — 1362 гг.). Новое государство, носившее название Монголай-Субэ, при его основании включало часть Восточного Туркестана от Кашгара до Кучи и часть Семиречья к югу от озера Иссык-Куль. Но при Токлук-Тимуре границы Могулистана были значительно расширены. В него вошли также земли от Иртыша и Эмиля до Тянь-Шаня и от Баркуля до Ферганы и Балхаша. В состав Могулистана входили и тяньшанские киргизы.

Несмотря на временный захват Мавераннахра, Токлук-Тимуру не удалось восстановить единство чагатайского государства. Не удалось ему преодолеть и вражду оседлого населения Средней Азии к кочевникам Семиречья. В глазах мусульманского оседлого населения страна, занятая кочевниками, именовалась страной разбойников — джете. Правившие после Токлук-Тимура ханы Могулистана сохранили власть лишь над кочевыми районами. Могулистан выступал как патриархально-феодальное государство, в котором преобладали интересы знати кочевых племен. Его составляли постоянно враждовавшие и экономически мало связанные между собой племена, в том числе и киргизские. Могулистан, достигший при Токлук-Тимуре наивысшего расцвета, после его смерти в 1362 г., как и все феодальные государства кочевников, был объят междоусобицей.

С 70-х годов XIV в. в Могулистане начался период бесконечных войн, которыми воспользовался Тимур (Тамерлан), к 1370 году ставший уже полновластным хозяином Мавераннахра. Государство Тимура строилось на грабительских походах в соседние страны, без чего оно вообще не могло существовать.

§ 2. КИРГИЗСТАН ПРИ ТИМУРЕ И ТИМУРИДАХ

Тимур в Семиречье Походы Тимура в Семиречье начались в 1370—1371 гг., когда он дошел до Кочкора. Для Тимура Семиречье было важно, во-первых, как объект военного грабежа, во-вторых, это

Кунбез Манаса

был плацдарм для задуманного им похода в Китай. Имело значение и то, что покорение кочевников обещало обеспечить безопасность оседлых земледельческих оазисов Мавераннахра. Закрепления своей власти среди кочевников он стремился достигнуть не только путем военных походов и создания военных лагерей и крепостей, но и путем строительства мечетей и мазаров в их стране в целях пропаганды ислама, в котором он справедливо видел хорошее оружие порабощения народных масс.

Общий рост производительных сил и некоторый экономический подъем в конце XIV в. привел к росту оседлых поселений в Семиречье. Многие города, разрушенные монголами, были частично восстановлены. Некоторые из них Тимур превратил в неприступные крепости, опору своей власти в завоеванной стране. Таковы были город Шельджи у Капкинского ущелья, на левом берегу Таласа, и город Ашпара, около современного селения Чалдовар, против ущелья того же названия. К архитектурным памятни-

кам тимуридского времени в Киргизстане относится кумбез Кенизек-Хатун, приписываемый легендарному ба-тыру Манасу.

Крепостное строительство Тимура в Семиречье отличалось исключительной монументальностью. Так, например, стены выстроенной Тимуром цитадели города Ашпара имели высоту до 18 м, а стены шахристана до 6—8 м.

В 1375 г. Тимур из Сайрама дошел до Чарына (левый приток реки Или) и, завоевав племена, расположенные по берегу Или, через Кастек прошел в Атбаши, где восстановил цитадель древнего города того же названия (развалины, именуемые ныне Кошойкурбан) и затем через перевал Яссы вернулся в Узген.

В 1376 г., пользуясь походом Тимура в Хорезм, хан Могулистана Камар-ад-Дин (брат Пулатчи) вторгся в Фергану, но скоро, как только узнал о возвращении Тимура, вынужден был отступить в Атбаши. В последующем, 1377 г., Камар-ад-Дин был разбит Тимуром. На этот раз Тимур дошел до Кочкора. После этого в течение нескольких лет он не вторгся в Семиречье. Только в 1386 г. войска Тимура, легко разбив могулистанцев, прошли мимо Иссык-Куля в горы Кок-Тепе и, не найдя там Камар-ад-Дина, вернулись в Самарканд. Власть Камар-ад-Дина в борьбе с Тимуром была значительно поколеблена. С 1388 г. среди могулистанских племен стало заметно возрастать влияние Хызр-Ходжи, сына Токлук-Тимура, тайно воспитанного в горах.

К концу 80-х годов в Могулистане одновременно царствовали уже два хана, Камар-ад-Дин и Хызр-Ходжа. В 1389 г. Тимур снова предпринял поход в Могулистан и вторгся в пределы Северного Семиречья. Во время этого похода Тимур дошел до Аягуза и оттуда повернул в Восточный Туркестан, где дошел до Карашара. В 1390 г. Тимур отправил войска для преследования Камар-ад-Дина, бежавшего на Балхаш. Его войска прошли из Ташкента на Иссык-Куль, через горы Кок-Тепе, затем через урочища Алматы и реки Или и Каратал, дошли, видимо, до самого Алтая, носившего в то время древнее название Толес. Во время этого похода Камар-ад-Дин, убегая от войск Тимура, пропал без вести. В Могулистане утвердилась власть Хызр-Ходжи.

Хызр-Ходжа добился в 1397 г. мира с Тимуром, за-

крепленного выдачей за Тимура замуж его сестры, получившей при дворе Тимура титул «малой госпожи».

Многочисленные военные походы Тимура стоили жизни сотням тысяч человек. Жестокость Тимура не уступала жесткости Чингис-хана. Население побежденных стран беспощадно уничтожалось, их хозяйство разорялось, ремесленники уводились в столицу Тимура Самарканд. Тимур и его военачальники смотрели на эти походы как на основной источник обогащения и наживы. Та же участь постигла и племена Могулистана, в том числе и киргизские племена. Они, придавленные господством могулистанских ханов, были окончательно разорены полчищами Тимура, уничтожившими и их стада.

Последние годы относительного спокойствия правления Хызр-Ходжи (умер в 1399 г.) сменились после его смерти распрями между его 4 сыновьями. Большая часть Могулистана подчинилась Тимуру.

Тимуриды в борьбе с Могу- листаном

После смерти Тимура (1405 г.) наследники Хызр-Ходжи неоднократно пытались активно вмешиваться в дела Мавераннахра. Они часто оказывали поддержку мятежным эмирам и этим путем, порой, добивались значительного влияния на восточные окраины государства, оставленного Тимуром. В частности, больших успехов добился в этом отношении Мухамед-хан, сын Хызр-Ходжи, прославившийся как ревностный защитник ислама. С его именем связано строительство на северном берегу озера Чатыр-Куль знаменитого здания каравансарая Таш-Рабат. Несмотря на то, что междоусобная борьба продолжалась не только между сыновьями Хызр-Ходжи, но и его внуками, могулистанские правители добились восстановления самостоятельности Могулистана. В 1421 г. полномочным хозяином Могулистана стал Шир-Мухамед, сын Хызр-Ходжи. При его правлении Могулистан начал представлять определенную опасность для Мавераннахра. Это вызвало в 1425 г. поход Улуг-бека, внука Тимура. Улугбек перешел через Чу и Нарын, но был разбит Шир-Мухамедом, который его преследовал до Или. Со смертью Шир-Мухамеда Могулистаном правил другой сын Хызр-Ходжи — Вейс-хан.

Китайские источники сообщают, что и в XV в. Могулистан продолжал оставаться страной, заселенной почти

исключительно кочевниками, жившими в войлочных шатрах, питавшимися мясом и кумысом, а по одежде походившими на монголов. В этих источниках очень мало говорится о городах и цветущих поселениях, о которых упоминали путешественники начала XIII в. На территории, которая была подчинена могулистанским владетелям, господство кочевников продолжалось вплоть до начала XIX в.

§ 3. КИРГИЗСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ ДЖУНГАРСКИХ ХАНОВ

Джунгары В самом конце XIV в. (1399 г.) в Западной Монголии возникло феодальное государство, образованное ойратами, которых мусульмане называли калмыками. Это государство называлось Джунгарией.¹

На территории Киргизстана ойраты появились во время правления в Могулистане Вейс-хана. Вейс-хан был вынужден перевести свою ставку из Восточного Туркестана в бассейн реки Или в город Илибалык.

Непосредственное завоевание Семиречья было произведено ойратским тайшой по имени Эсен, с которым Вейс-хан имел 61 сражение.

В 1428 г. Вейс-хан был убит на берегу Иссык-Куля в сражении с ханом Самарканда. После смерти Вейс-хана в Могулистане усилилась междоусобная феодальная борьба. Эмиры принадлежали к различным группировкам, из которых одна пыталась возвести на престол старшего сына Вейс-хана Юнуса, другая же — второго сына Эсен-Бука. Усиление междоусобной борьбы в Могулистане позволило ойратам дойти до Иссык-Куля и вторгнуться в Сыр-Дарьинскую область. Однако положение скоро изменилось.

В Могулистане в 1434 г. победила партия Эсен-Бука, Юнус должен был удалиться в Мавераннахр. В 40-х годах власть Эсен-Бука значительно укрепилась. Он привлек на свою сторону значительную часть эмиров поддержкой традиций кочевого быта, в то время как Юнус, получивший образование в Персии, был известен своими сим-

¹ Слова «Джунгария» и «джунгары» происходят от термина дзунгар — левое крыло. На левое (дзунгар) и правое (барунгар) крыло делились монгольские племена.

патиями к оседлой жизни. Эсен-Бука не обострял отношений с эмирами и при всех важных государственных мероприятиях привлекал их к совету.

Укреплению Могулистана способствовала и внешняя обстановка. В середине XV в. на западных границах Могулистана возникло новое государственное образование. Это было Казахское ханство. История его возникновения такова.

На западе Могулистан граничил с обширными владениями Узбекского ханства, возникшего на развалинах империи Тимура. Оно было расположено к северу от Сыр-Дарьи и объединяло многие тюркские племена, кочевавшие в степях Дешти Кипчака. Сюда входили и бывшие владения Белой Орды (Ак-Орды), отколовшейся от Золотой Орды еще в XIV в. В 20-х годах власть в узбекском ханстве захватил султан Абулхайр, отстранив от управления страной султанов, ранее господствовавших в Белой Орде. Это повело к обострению междоусобной феодальной борьбы между султанскими группировками. Часть султанов с подчиненными им аулами, во главе с Жанибеком и Гиреем, недовольная ханом Абулхайром, откочевала на восток и отдалась под покровительство могулистанского хана. Эсен-Бука принял их милостиво и отвел для кочевий земли в районе р. Чу. Этим и было положено основание Казахскому ханству. Первые казахские ханы выступали как союзники Могулистана. Их владения насчитывали до 200 тыс. человек. Понятно, что это усиливало положение могулистанских ханов.

Одновременно на востоке, в Китае, была восстановлена национальная династия Мин. Китайские войска нанесли ряд жестоких поражений ойратам. К довершению всего в 1455 г. умер энергичный предводитель джунгар Эсен и его смерть сильно ослабила сплоченность ойратских племен.

В результате они должны были покинуть Тянь-Шань и другие области, завоеванные на западе. Временно опасность порабощения со стороны Джунгарии была устранена. Это повело к временному укреплению ханской власти, но созданию прочной государственности мешала центробежная сила патриархально-феодалного общества, сепаратизм султанов и эмиров, межплеменные столкновения, антагонизм между оседлым и кочевым населением.

Эсен-Бука умер в 1462 г. После его смерти власть в западных районах Могулистана перешла в руки Юнуса, а в

1472 г. Юнус объединил под своей властью весь Могулистан. Он пытался склонить к оседлости часть своих подданных и распространить среди них ислам, но безуспешно. В 1472 г. Семиречье еще раз подвергалось набегу ойратов под предводительством Аман-Санджи. Юнус был разбит на берегу Или, но ойраты не удержались в Семиречье, и в том же году Юнус восстановил свою власть. Это была последняя военная операция джунгаров в период их первого появления на Тянь-Шане.

Юнуса весьма привлекала Фергана, которую он хотел присоединить к своим владениям, но из оседлых районов ему удалось завоевать в 1482 г. лишь Сайрам и в 1485 г. Ташкент.

Отрыв Юнуса от степей и жизнь его за последние годы в городах привели к тому, что большей властью среди кочевников пользовался его второй сын Ахмед, а Восточный Туркестан по существу отделился, признав власть эмира Абу-Бекра. Ахмед был типичным представителем кочевников и свято соблюдал народные обычаи, поэтому он сразу завоевал себе признание родовой знати, особенно после успешных сражений с джунгарским предводителем Эсеном, за что ойраты называли его Алага (убийца). Юнус умер в 1487 г. Ему наследовал Махмуд. Но власть последнего была номинальной. В военном отношении он был человеком бесталантным и, по существу, не вмешивался во внутренние дела Могулистана. В конце своей жизни он, как и Юнус, поселился в Джетыкенде. Восточный Туркестан принял Мансур-хан, сын Ахмеда, а его брат Халиль-Султан удалился в Семиречье к киргизам и стал во главе их.

**Образование
киргизской
народности**

Тяжелое для киргизов время господства монголов, бедствия, связанные с монгольским завоеванием и последующей угрозой порабощения в государственных образованиях монголов—ханствах Тулуя и Чагатая, затем Могулистана, бесконечные феодальные смуты и нашествие иноплеменных захватчиков, как это было в период господства Тимура в Средней Азии, а затем первого завоевания Тянь-Шаня джунгарами,— всё это разоряло хозяйство киргизов, повело к падению их политической роли, но не остановило процесса формирования самой народности. Более того, в основном процесс образования киргизской народности протекал именно в это время—XIII—XV вв.,

в условиях сложившегося классового патриархально-феодального общества. Но образование киргизской народности шло сложными путями. Тесное общение монголов с тюркскими племенами Семиречья и Тянь-Шаня, культура и язык тюркских племен, преобладающие в этих районах, — всё это повело к быстрому отюречиванию пришедших сюда монголов. Могулистан был населен племенами в основном тюркскими, и сами монголы, которые составляли здесь господствующую прослойку населения, очень быстро восприняли язык и культуру местного населения. Однако наличие монголов тоже отразилось на формировании киргизской народности. Это сказалось в усилении монголоидных черт антропологического типа киргизов, в их языке, в состав которого вошло много монгольских слов. Среди киргизских племен появились племена с монгольскими именами, например, монголдор.

Некоторые современники, как например, могулистанский автор XVI в. Мухаммед Хайдер, даже считали киргизов одной из ветвей монголов, хотя на деле это было совсем не так. Киргизы не растворились среди монгольских племен, они остались тюрками и по языку и по культуре.

Усилившись в районе Тянь-Шаня во время движения на запад монгольских племен в XIII в., киргизы составили теперь здесь одну из наиболее многочисленных групп тюркских племен. Однородность форм быта и хозяйственного уклада, безраздельное господство на Тянь-Шане после монгольского завоевания кочевого скотоводства и, что особенно важно отметить, однородность классовых патриархально-феодальных отношений, — всё это способствовало ассимиляции киргизами ранее населявших эти районы племен: потомков древних саков и усуней, осколков тюркешей, карлуков и отчасти кара-китаев и других племен. Следы племенных групп сохранились в самоназваниях отдельных племен: усунь, канглы, найман, кыпчак, кытай, монголдор и др., они сохранились также в некоторых особенностях языка различных племен современной киргизской народности.

Как происходил этот процесс ассимиляции, источники молчат, но к XVI в. уже исчезает обособленность населявших южное Семиречье и Тянь-Шань тюркских племен. Эти племена к XVI в. в исторических источниках совершенно явственно выступают как части единой киргизской народ-

ности, а племенные различия в языке — как диалекты единого киргизского языка. Образование такой народности, внутри которой не исчезают деления на племена, является характерным для кочевого, патриархально-феодального общества. Те же особенности мы наблюдаем у казахов, монголов и других кочевых народов.

Осознание киргизскими племенами себя как единой народности с наибольшей яркостью проявилось в грандиозном героическом эпосе киргизов «Манас». Отдельные элементы этой обширной поэмы создавались ещё в период господства военно-демократического строя у киргизских племен. Но основные эпизоды этой поэмы сложились позже, когда оформилась классовая патриархально-феодальная структура киргизского общества.

Большинство глав этой поэмы отражает исторические воспоминания XV—XVII и XVIII вв. В поэме немало мотивов, характерных для идеологии господствующего класса киргизского общества: богатые пиры, захватнические войны, как, например, «Чонказат» (Великий поход), набеги, преследующие захват скота, пленных и добычи. Но древняя основа этой поэмы народна, она отражает демократические чаяния трудящихся масс киргизского народа. Поэма складывалась в условиях патриархально-феодального общества и поэтому, естественно, что в ней нашла отражение идеология как эксплуататорских слоев, так и трудящихся масс киргизского народа. Но это были классы единой киргизской народности, и поэма в сознании киргизов выступает не как принадлежность какого-либо племени или отдельного класса, а как эпос всей киргизской народности. И самое главное, центральной идеей эпоса «Манас» была идея борьбы за независимость, борьбы против чужеземного ига.

§ 4. КИРГИЗЫ И КИРГИЗСТАН В XVI—XVII вв.

Усиление политической роли киргизов на Тянь-Шане в XVI в.

В начале XVI в. международная обстановка на границах Киргизстана значительно изменилась. Возникшее в середине XV века на западных окраинах Могулистана Казахское государство превратилось при хане Касыме (1511—1518 гг.) в обширное, хотя и слабо спаянное, политическое объединение, границей которого на

западе являлся Урал, а на юго-востоке оз. Балхаш. В то же время в первом десятилетии XVI в. окончательно пала власть тимуридов в Средней Азии. Энергичный завоеватель узбекский хан Мухамед Шейбани покорил Мавераннахр и установил здесь узбекское владычество. Казахский хан Касым, враждовавший с Мухамедом, естественно, искал поддержку у Могулистана. В этом союзе был заинтересован и хан Могулистана Махмуд, поскольку он попрежнему не отказывался от притязаний на среднеазиатские владения. Если в начале он и поддерживал Мухамеда Шейбани, то теперь это не входило в его расчеты. В 1503 г. Шейбани хан при Асикете разбил Махмуда могулистанского и отнял у него Ташкент и Сайрам. Власть могулистанского хана сохранилась в Семиречье и частично в Восточном Туркестане, где, однако, Кашгар оставался под властью враждебного Могулистану Абу-Бекра. Но и в Могулистане Махмуд сохранял лишь верховное господство, а отдельными частями ханства владели члены ханского рода.

Киргизстан находился под властью Халиля, сына Ахмеда и племянника Махмуда. Между членами ханского рода вражда не прекращалась, и вскоре, в 1508 г. Махмуд вынужден был бежать в Мавераннахр, где был убит в том же году по приказанию Мухамеда Шейбани. Власть в Могулистане захватил Мансур, сын Ахмеда. Оба его брата Халиль и Сеид должны были бежать от его преследования. Халиль вскоре был убит в Фергане, где он искал убежище. Сеид долгое время скрывался в лесах, а затем в Фергане. Но Мансур встретил сильного соперника в лице Абу-Бекра Кашгарского, войска которого вторглись в Семиречье; Мансур должен был бежать в Чалыш. Он увел с собой часть киргизов. Некоторые из них погибли в пути, другой части удалось вернуться на родину. Абу-Бекр, под властью которого находился теперь Киргизстан, отвел им кочевья по южному берегу Иссык-Куля. Но власть Абу-Бекра не распространялась на северное Семиречье. Там господствовал казахский хан Касым, ставка которого находилась в Каратале. Он поддерживал тесную дружбу с Сеидом. В 1514 г. Сеид с кучкой храбрецов — в его войске находилось только 4700 человек — напал на Абу-Бекра и завоевал Кашгар и Яркенд. Он помирился со своим братом Мансуром. Владения Могулистана были поделены между братьями. Ненадолго мир установился от Восточного Туркеста-

на до Ферганы, что содействовало экономическому возрождению края, в частности развитию широких торговых связей. Караваны из Китая беспрепятственно проходили в Фергану. С купцов не взыскивалась пошлина. Сеид, который владел Кашгаром, поручил управление Киргизстаном киргизу Мухамеду, который оказал ему большую помощь в борьбе с Абу-Бекром Кашгарским. Но Мухамед не мирился со своим вассальным положением и стремился отделиться от Могулистана. Он надеялся найти союзников среди узбеков и с этой целью освободил из плена брата Шейбани-хана, старого врага Могулистана. Это послужило поводом к войне между Сеидом и Мухамедом, которая началась в 1517 году. Мухамед не получил ожидаемой помощи от узбекского хана, он потерпел поражение и попал в плен. Несмотря на пленение Мухамеда, киргизы продолжали не признавать власть Сеида.

В 1522 г. Сеид предпринял новый поход против киргизов, теперь под предлогом наказания язычников, якобы притеснявших мусульман. Действительной причиной похода было стремление захватить богатые тяньшанские пастбища, так как пастбища Восточного Туркестана по мере восстановления экономической жизни и роста оседлого населения уже не удовлетворяли потребностей кочевников. Над киргизами снова был поставлен Мухамед, как ставленник Сеида, но киргизы не подчинились ему: многие бежали в горные, труднодоступные районы Киргизстана. Правда, Мухамеду вскоре удалось вернуть на старые кочевья рассеянные аулы киргизов. Но положение власти Сеида в Киргизстане и его ставленника Мухамеда было неустойчиво. Сеид каждый год для поддержания своей власти должен был прикочевывать в Кочкор. Наконец, в 1524 г. Мухамед, как не обеспечивший покорности края и снова обвиненный в сношениях с узбекским ханом, был удален в Кашгар.

Между тем, к границам Киргизстана прикочевал казахский хан Тахыр, преемник Касыма. Он искал сближения с могулистанским ханом, так как казахские султаны его ненавидели за стремление ограничить их самостоятельность, не останавливаясь ни перед жестокостью, ни перед коварством. Сеид-хан принял его очень приветливо. Однако вскоре между Тахыром и Сеидом начались столкновения, и только что возникший между ханами мир окончился

враждой. Этого было достаточно, чтобы киргизы, стремившиеся освободиться от власти могулистанского хана, который захватывал их пастбища, стали массами присоединяться к Тахыру. Сеид поспешно двинулся с войском к Киргизстану, но смог только увести на Атбаш тех киргизов, которые еще не успели присоединиться к Тахыру. Вскоре Сеид выступил против Тахыра, но успел только отогнать у киргизов 100 тыс. баранов. После этого неудачного похода могулистанские войска были вынуждены покинуть Семиречье. Тахыр двинулся к Атбашу и вернул оттуда уведенных Сеид-ханом киргизов. Семиречье теперь принадлежало казахам и киргизам.

В 1526 г. ряд казахских султанов подняли восстание против Тахыра. Хан со своими аулами был вынужден откочевать к киргизам и стал ещё больше укреплять союз с ними. Около 1533 г. Тахыр умер среди киргизских кочевий. Киргизы оставались ему верными до конца, видя в нем союзника в борьбе с могулистанским ханом. Упадок Казахского ханства в результате междоусобной феодальной борьбы между султанами при Тахыре и его брате Буйдаше помог преемнику Сеид-хана, его сыну Рашиду, на короткий срок восстановить власть Могулистана над киргизами. Но в 60-х годах при сыне Касыма, хане Хакк-Назаре, началось быстрое возрождение Казахского ханства и усиление киргизов, поддерживавших Хакк-Назара. Могулистанские войска были разбиты Хакк-Назаром, и он стал ханом казахским и киргизским. Однако надолго удержать власть над киргизами ему не удалось. Вскоре он потерпел поражение от Рашида и должен был откочевать на запад в сторону Сары-су. Но киргизы сохранили свои кочевья на Тянь-Шане, откуда они предпринимали походы на юг, в сторону Кашгара, и на запад, в сторону Ферганы.

Во время царствования в Бухаре Абдулла-хана киргизы вели с ним непрерывную борьбу и активно оперировали на территории Ферганы в районе Оша и Андижана. Попытки Абдулла-хана истребить киргизов, поднявших восстание на территории Ферганы, и избиение им 10 тыс. человек, о чем сообщают источники, не ослабили их.

Характерно, что, сталкиваясь с оседлым мусульманским населением, киргизы проявляли полную веротерпимость. Жители Ферганы, испытавшие на себе их набеги, заявили, что киргизы проявляли определенное почтение к

«божьим людям», т. е. шейхам, не меньше, чем сами ферганские мусульмане. Ферганские шейхи посылали дервишей в страну киргизов. Действия этих дервишей не привели всё же народные массы киргизов к признанию ислама, хотя часть их племенной знати и была мусульманами. В сочинениях Сейфи—османского турка, писавшего о Средней Азии в XVI в., сообщается, что киргизы не были ни кафирами, ни мусульманами. Очевидно, среди них, как и среди казахов, держалось двоеверие, в котором элементы старых языческих верований своеобразно переплетались с исламом.

В XVII в. киргизы совершили несколько походов на территории Восточного Туркестана. Действия киргизов в основном по южную сторону Тянь-Шаня говорят о том, что они уже давно прочно закрепились в Тянь-Шане и представляли собой силу, с которой принуждены были считаться соседи. Недаром они называли киргизов «дикими львами» Могулистана.

Киргизам даже удалось захватить в 1680 г. Кашгар и Яркент. Но это был последний значительный успех в политической жизни киргизов в XVII в. Многолетняя борьба, которую киргизы вели против господства могулистанских ханов, принудительный увод киргизских племен в пределы Могулистана, переселение 12 тысяч киргизских семей в Гиссар—всё это ослабило силы киргизов, остававшихся на Тянь-Шане. Между тем на востоке происходило новое усиление джунгарского государства, над киргизами нависла новая угроза завоевания.

**Международное
и внутреннее
положение кир-
гизов на Енисее
в XVIII в.**

После подчинения монголам в XIII в. никаких сведений об енисейских киргизах вплоть до XVII в. в письменных источниках не содержится.

Благодаря завоеванию в XVII в. русскими Сибири, в том числе и страны енисейских киргизов, и отражению этого завоевания в многочисленных документах история енисейских киргизов XVII в., вплоть до их исчезновения с Енисея, может быть представлена с относительной полнотой.

Киргизы Енисея не составляли в это время единого государства, они делились на четыре княжества. Первое княжество — Тубинское — было расположено по реке Туба (в современном Красноярском крае), по левой стороне Енисея до реки Абакан. Второе княжество — Езерское —

также было расположено по левой стороне Енисея от Абакана к северу до Батеевского горного края. Алтырское княжество находилось к юго-западу от Езерского и, наконец, Алтысарское княжество — к северу и северо-востоку от Езерского.

Первыми свидетельствами о киргизской земле были повествование Василия Тюменца и Ивана Петрова в 1616 г. и подробное описание, относящееся к 1618 г., Ивана Петлина, который сообщил, что киргизская земля находится от Омска «в десяти днях хода скорым обычаем». Далее Петлин писал, что главой киргизской земли считался князь Мемед, у которого в подчинении находились Номчи и Кора, и что соседят киргизы на юго-западе с владениями Алтын-хана Тумецкого, которые входили в джунгарское государство. Тубинское княжество было несколько обособлено от остальных трех и стояло на более низком уровне развития, чем Алтысарское и Алтырское, а также Езерское. Руководящую роль по отношению к остальным играло Алтысарское княжество, но и оно стояло по своему культурному уровню ниже, чем киргизы Енисея в XIII в. Киргизы, как говорят русские источники, «едят рыбу и зверя быют, а бой у киргизов лучной. Лошадей и коров много, а хлеба не сеют».

Князь Иренак и последний политический подъем киргизов на Енисее

В 50-х годах XVII в. в Южной Сибири сложилась обстановка, которая привела к кратковременному подъему политической роли киргизов. После смерти хана Батура в 1658 г. в джунгарском государстве опять вспыхнули междоусобные войны. Тайша Сэнгэ преемник Батура, даже просил о русском подданстве.

Переживало упадок и Тумецкое княжество. Лочжан, сын Алтын-хана, также был вынужден искать русского протектората, для чего посылал послов в Томск. В это время среди киргизов появился энергичный правитель алтысарский князь Иренак. Он объединил не только киргизские племена, но сумел сплотить вокруг себя минусинских татар, тубинцев, моторцев, ачинцев, а быть может, и некоторые бурятские племена. Им был создан прообраз государственного правления в виде совета, куда входили его родственники, а также и правители других племен. Иренак нейтрализовал возможное выступление со стороны Лочжана путем заключения дружественного договора с Сэнгэ

для совместной борьбы с Лочжаном. Сэнгэ, силы которого были отвлечены борьбой на западе против Восточного Туркестана и монголов, пошел на этот союз. Таким образом, международная обстановка благоприятствовала Иренaku: ему не угрожало ни Тумецкое княжество, завоеванное Сэнгэ в 1667 г., ни Джунгария.

Однако такая обстановка была явлением временным, в основном она зависела от того, что силы Джунгарии были отвлечены борьбой на западе. Но Сэнгэ совсем не отказывался от установления своего господства над киргизами.

Не было и внутренних условий для возрождения киргизской государственности на Енисее. Иренак опирался на киргизские племена. Они были малочисленны и возглавлялись враждовавшими между собой племенными вождями, которые думали не о политическом объединении киргизов, а о сохранении своей власти и привилегий над подчиненными им племенами. И сам Иренак преследовал цели не политического возрождения киргизского народа, а расширения своей власти. Союз киргизских племен, который возглавлял Иренак, был непрочным, т. к. экономической основы для создания крепкого государства не было. Он действовал не как народный вождь, а как типичный представитель патриархально-феодалной знати. Препятствием для укрепления и расширения его власти являлись русские владения на севере его княжества. Он начал борьбу против русского государства.

Уже в 1661 г. Иренак предпринял свой первый поход в Канский уезд. Этот поход был направлен против племен, плативших русскому царю ясаk. В задачу Иренака входило отторгнуть из-под господства царя эти податные племена. Он захватил много пленных, скот и лошадей и дошел до русских острожков под Нижне-Удинском и Балаганском. Хотя этот поход Иренака не затронул непосредственно русские поселения, однако русскими властями было признано нужным «в лесных местах, по дорогам и переправам засечь насеки и надолбы, поделать и учинить строжа крепкие», а также «сделать остроги со всякими крепостями и при острогах башни, надолбы и частоколы побить и рогульки пометать, а в крепких местах засеки засечь». Предпринятые русскими меры не были излишними. Уже в мае 1667 г. киргизы, на этот раз в союзе с ойратами, осадили Красноярск, причем разгромили окружающие поселки.

В 1674 г. Иренак вместе с другим киргизским князем Шиндыком и ойратскими отрядами совершил набег на русские укрепления. Им удалось сжечь Ачинский острог. Летом 1679 г. Иренак вновь идет походом на сибирские города. Князь Шиндык возглавлял отряд, шедший на Томск, а сам Иренак с основными силами двинулся на Красноярск. Шиндык был убит, а Иренак вынужден был отступить. Набеги Иренака встревожили Московское правительство. Для того, чтобы покончить с беспокойным соседом, против него был направлен отряд во главе с атаманом Иваном Суворовым.

Первая встреча Суворова с Иренаксом в 1682 г. была не удачна. Суворов вынужден был отойти. «А видя, он, Иван, что с киргизами биться им невмочь, шел от них в Томск обходом».

Многолетняя борьба Иренакса против русского государства не дала результатов. Её безнадежность понял и он сам. Иренак вступил в переговоры с сибирскими властями, и его послы были отправлены в Москву. Там в 1683 г. переговоры с русским правительством были успешно завершены.

Политика Иренакса не привела и не могла привести к упрочению киргизского государства, и оно распалось. Вскоре в войне с усилившейся Джунгарией киргизы были разгромлены и сильно ослаблены. Джунгары с целью обеспечения своей дальнейшей безопасности со стороны киргизов, часть их переселили на Тянь-Шань. В 1703 г. русским воеводам сообщили: «Приехали де 2500 калмыков в Киргизскую землю и киргиз-де к себе загнали всех и ныне-де в Киргизской земле киргиз никого нет». Это было преувеличением. Уведена была большая часть киргизов, которые и слились с киргизской народностью на Тянь-Шане. На Енисее осталась лишь небольшая часть прежде многочисленного здесь киргизского населения. Потомками енисейских киргизов ныне являются хакасы.

Киргизы Тянь-Шаня в XVIII веке

Активные действия ойратов против тянь-шанских киргизов развернулись в 1683—1685 гг. во время правления крупнейшего из джунгарских завоевателей Галдан-Бошокту. Поход Бошокту в Киргизию закончился разгромом киргизов.

В первой половине XVIII века, начавшееся походами

Бошокту-хана наступление джунгарских феодалов на киргизские земли Тянь-Шаня продолжалось. Примерно в то же время, в 1720—1730-х годах, усилилось возникшее в Ферганской долине в начале XVIII века Кокандское владение, возглавлявшееся правителями (биями) из узбекского племени минг. Наступлением джунгар с севера и взаимоотношениями с Кокандом на юге (в районах, связанных с Ферганской долиной) определялась внешнеполитическая обстановка для киргизского народа в первой половине XVIII века.

По сведениям капитана Унковского, посетившего в 1722—1724 годах по предписанию Петра 1-го Джунгарию, уже к началу XVIII века часть киргизов северного Тянь-Шаня, кочевавших около озера Иссык-Куль и западнее этого озера, была покорена Цэван-Рабтаном (1697—1727 гг.). Этот правитель, как пишет Унковский «...народом, имянуемым Бурутами завладел, которые кочуют около озера, имянуемого Тускель, и с Казачьей ордою граничат. А оных народов около 5000 кибиток находится, а войска их около 3000 доброго собраться может». Бурутами (или боротами) ойраты и китайцы называли тогда киргизов Тянь-Шаня. Тускель (букв. «Солёное озеро») — тюркское название Иссык-Куля.

Джунгары захватывали киргизские пастбища, вытесняли киргизов из их кочевий и уводили часть побежденных в полон. Лучшие пастбища доставались самым сильным и влиятельным джунгарским феодалам, в том числе и джунгарским хунтайжи. Так, Цэван-Рабтан летом 1723 года отъехал со своей ставкой с берегов реки Или на восточную сторону Иссык-Куля и провёл там половину июля, август и начало сентября. Кочевавший вместе со ставкой джунгарского правителя капитан Унковский в своём подробном дневнике ничего не говорит о местном киргизском населении. Повидимому, киргизы были вытеснены из этого района ханского кочевья.

Борьба киргизов с ойратами продолжалась в течение многих десятилетий, однако джунгарским феодалам не удалось полностью покорить киргизов и овладеть всеми их землями. Об этом говорят хорошо осведомленные китайские авторы. Характеризуя киргизов, Чунь Юань в своём «Описании виденного и слышанного о Западном Крае» пишет, что киргизы «храбры на войне, ...хотя и бедны, но

отважны; не дорожат жизнью» и добавляет, что даже джунгары во времена своего могущества не могли подчинить их. Киргизы оказывали упорное сопротивление завоевателям. Китайский посланник Боочжу, возвратившись в 1714 году ко двору императора Канси из поездки к Цэван-Рабтану сообщал о настроениях среди джунгарских воинов, которые говорили, что они «со всех сторон окружены неприятелями: с одной стороны хасаки (казахи), с другой — буруты». Киргизы и казахи были опасными врагами джунгарского государства и завоевателям постоянно приходилось держать на границах с этими народами значительные военные силы.

В 1723 году ойраты подчинили Сайрам, Туркестан и Ташкент, а в годы правления Галдан-Цэрэна (1727—1745 гг.) они предприняли походы в киргизские земли Тянь-Шаня. Джунгары проникли в области центрального и южного Тянь-Шаня, а их отдельные отряды доходили до Памира и даже далее на юг до Бадахшана. Один из походов ойратов в горные киргизские земли состоялся около 1732 года, когда их отряды достигли Кетмень-Тюбе, района бассейна р. Нарын, находившегося под управлением Мингли-бия. Усилилась угроза порабощения для всего киргизского народа.

В эти тяжёлые годы значительная часть киргизского народа была вынуждена на время покинуть свои кочевья на Тянь-Шане и передвинуться на юг, в основном в районы Ферганской долины и прилегающих к ней гор. В китайском источнике «Описание Западного Края» сообщается, что киргизы, земли которых в Кегени, Каркаре и на Темирту (оз. Иссык-Куль) были захвачены ойратами, переселились в Андижан и жили там до падения джунгарского государства. Андижаном китайские авторы называли всю Ферганскую долину и прилегающие к ней горные области. В исторических сочинениях кокандских авторов также сохранились сведения о перекочевке киргизов в Ферганскую долину в годы джунгарских нашествий. Мулла Аваз Мухаммед в своём сочинении «Тухфат ат-Таварихи Хани», повествуя о судьбе маргеланского правителя Шадибека, убитого киргизами в 1740-х годах, пишет, что тогда «киргизы, заполонив окраины этих пределов, устремлялись в маргеланские села и степи. Массовые передвижения киргизов, не желавших покориться завоевателям и уходивших

из своих родных мест, сопровождались тяжёлыми жертвами и потерями. Воспоминания о бедствиях, которые пришлось испытать киргизскому народу в годы наступления джунгарских феодалов в конце XVII — первой половине XVIII вв., надолго остались в народной памяти, отразившись в киргизских исторических преданиях и в их эпосе.

В 1740-х годах джунгарские завоеватели предприняли крупные походы в Ферганскую долину, где к этому времени усилилось Кокандское владение узбекских феодалов из племени минг, первым правителем которого был Шахрох-Атылак, умерший в 1721—1722 гг. При его сыне и преемнике Абду-Рахимбие власть Коканда, ограничивавшаяся в XVIII веке, в основном, западной и центральной частью Ферганской долины, временно распространилась и на территорию Ташкенской области, вплоть до Ташкента. История Кокандского владения с самого начала была тесно связана с киргизами, которые играли значительную роль во многих важнейших событиях жизни Ферганской долины в XVIII веке, равно как и позднее, в Кокандском ханстве XIX века.

В первые годы правления джунгарского хун-тайчжи Цэван-Дорчжи (1745—1750 гг.) его войска вели войну против кокандского бия Абду-Керима, второго сына Шахроха. В этой войне участвовали киргизы, которые «в числе 1000 дымов приняли сторону абдукарымцев». Военные действия протекали неудачно для кокандцев, — перевес в силах был на стороне ойратов. Войско ойратов, как сообщает Мулла Нияз Мухаммед в сочинении «Тарихи Шахрохи», подошли со стороны местности Кайнар и осадило Коканд, который не был укреплен и не имел стен. Будучи не в силах сопротивляться, Абду-Керим выдал ойратам в качестве заложника своего племянника Баба-бека, сына Абду-Рахим-бия. Этим кокандский бий признал вассальную зависимость от правителя Джунгарии. Однако выступавшие с ним в союзе киргизы не прекратили борьбы против завоевателей. В 1748 году ойраты направили против киргизов значительное войско под начальством зайсана Доржи. Но это войско было разбито киргизами.

Джунгарские нашествия ослабили узбекских биев Коканда. Несмотря на это, зависимость от правителей Джунгарии была номинальной и оказалась кратковременной. В начале 1750 г., после смерти Абду-Керим-бия в тече-

ние нескольких лет в Коканде происходила борьба за власть между различными претендентами, из потомков Шахроха. В эту борьбу вмешались правители Джунгарии, пытаясь посадить в Коканде своего ставленника — Бабабека, заложника, воспитанного при их дворе.

В конце концов, примерно с 1753 года, в Коканде утвердилась власть Ирданы-бия, сына Абду-Рахима. В годы правления Ирданы Кокандское владение при дипломатических переговорах начало признаваться в Средней Азии самостоятельным феодальным государством наряду с Бухарским и Хивинским ханствами. В период борьбы за власть в Кокандском владении начала 1750 года и в первые годы правления Ирданы виднейшую роль в политической жизни Ферганской долины играл Кубад-бий (или Кивад-бий), предводитель киргизского племени кушчу. Автор сочинения «Тарихи Рахим хани», посвященного истории правления Рахим-хана бухарского, называет Кивад-бия «главой киргизов», характеризуя его как «сподвижника и опору Ирданы». Но в июне—июле 1754 года, когда Ирдана в результате интриг гиссарского бека привел свои войска под Ура-Тюбе, осадив в союзе с Рахим-ханом город, Кубад-бий порвал сношения с Ирданом. После этого похода Кубад-бий отошёл от участия в кокандских делах и, наряду с предводителями других киргизских племен, начал активное вмешательство в события, происходившие в Восточном Туркестане.

Во второй половине XVIII века положение киргизского народа изменилось в связи с завоеванием Джунгарии и Восточного Туркестана войсками поработившей Китай маньчжурской Цинской династией. Борьбу за установление своего господства над Джунгарским государством маньчжурское правительство начало еще в конце XVII века. На протяжении почти восьмидесяти лет цинские войска неоднократно совершали походы против ойратов, но лишь к концу 1750 года Джунгария была ими покорена. В середине XVIII века в этом государстве происходили междоусобия, и создавалась обстановка, благоприятная для маньчжурских завоевателей.

Осенью 1754 года Амурсана, один из претендентов, боровшихся за джунгарский престол, вступил в китайское подданство с целью получить поддержку маньчжуров и запросил помощи у императора Цяньлуна. В 1755 году

маньчжурские войска овладели Джунгарией. Управление страной перешло в руки командующего отрядом цинских войск, а Амурсана был сделан помощником этого маньчжурского военачальника. Не примирившись с крушением своих надежд на джунгарский трон, Амурсана вступил в переговоры с казахами и киргизами с целью добиться их поддержки и поднял восстание ойратов против маньчжурских властей, но в 1756 году был разбит пришедшей из Китая большой армией, после чего бежал к казахам. Дальнейшая борьба Амурсана против цинских войск, несмотря на помощь киргизов и казахов, окончилась неудачей. В 1757 году Амурсана бежал и нашёл убежище в России, где вскоре умер.

Джунгарские феодалы и после бегства Амурсана продолжали вести борьбу против цинских властей. Маньчжурское правительство отправило в 1757 году большую армию на усмирение ойратского восстания. В результате этой военной экспедиции Джунгарское государство было окончательно уничтожено, и страна ойратов обезлюдела. По сообщению китайского автора Вэй Юаня, из общей численности ойратского населения в несколько сот тысяч семей в самой Джунгарии осталась только одна десятая часть, около 20 процентов ойратов откочевало в пределы России и к киргизам, а остальные погибли, причём многие были убиты маньчжурскими воинами, но ещё больше умерло от свирепствовавшей тогда эпидемии оспы.

В Восточном Туркестане управление находилось в руках представителей местной феодальной знати — ходжей, потомков мусульманского вероучителя Махдumi Азама, переселившегося в XVI веке из Средней Азии в Кашгар. Там потомство Махдumi Азама разделилось на две ветви, которые вели между собою длительную борьбу за политическое преобладание, возглавляя религиозно-политические группировки господствующего класса в Восточном Туркестане. Одна из этих группировок называлась «белогорскою» («актаглы»), а вторая — «черногорскою» («караттаглы»). В первой половине XVIII века «черногорским» ходжам, благодаря поддержке со стороны правителей Джунгарии, удалось одержать верх над своими соперниками, и управление Восточным Туркестаном оказалось в их руках. Верховная власть правителей Джунгарии над Восточным Туркестаном выражалась в получении боль-

шой дани, взимавшейся через ходжей. Правители Джунгарии время от времени вызывали ходжей, управлявших отдельными городами и областями, в свою ставку на Или, а их сыновей держали в качестве заложников.

Вызванный из Кашгара хаджа Юсуф прибыл в ставку джунгар на Или в 1754 году и, решив воспользоваться ослаблением Джунгарского государства, раздиравшегося междоусобиями и находившегося под угрозой вторжения уже выступивших в поход маньчжурских войск, начал подготовку к борьбе за свержение власти правителей Джунгарии. Стремясь обеспечить себе поддержку киргизов, хаджа Юсуф тайно отправил письмо Кубад-бию в южную Киргизию и вступил в переговоры с подчинявшимися джунгарам киргизами, летние кочевья которых находились на илийских пастбищах. Среди илийских киргизов в источниках упоминаются роды кыпчак и сары-калпак; возможно, что в их числе в то время были и енисейские киргизы.

В дальнейшем илийские киргизы передвинулись по призыву хаджа Юсуфа в Хотан и принимали участие в военных действиях между черногорскими хаджами и джунгарскими феодалами под Яркендом, а также в других местностях Восточного Туркестана. В эту борьбу вмешались и другие киргизские племена, в частности, в ней приняли участие прибывшие в Восточный Туркестан отряды племени куцу, во главе которых стоял Кубад-бий.

Овладев в 1755 году Джунгарией, маньчжуры, в целях подчинения Восточного Туркестана, решили использовать вражду между группировками хаджей и освободили белогорских хаджей Бурхан ад-дина и Хан-ходжу, которых их противники в течение долгого времени удерживали в плену. В Восточном Туркестане вновь разгорелась борьба между черногорской и белогорской группировками, в которой приняли участие киргизы. Источники говорят, что вначале киргизы выступали как на той, так и на другой стороне, что, вероятно, объяснялось тем, что в борьбе принимали участие различные киргизские племена, политические интересы которых были неоднородны. На последних этапах борьбы, закончившейся в пользу белогорской группировки, большинство киргизов склонилось на сторону Бурхан ад-дина и Хан-ходжи.

Установив власть над Восточным Туркестаном, Бурхан

ад-дин и Хан-ходжа решили добиться полной самостоятельности и отказались подчиняться маньчжурам. Цинское правительство направило в Восточный Туркестан войска. Эти войска завоевали весь Восточный Туркестан и подошли вплотную к киргизским землям.

В китайских источниках появляются описания киргизов, которых китайские авторы разделяли на пять «восточных» и пятнадцать «западных» племён. Из числа восточных племён в качестве наиболее значительных называются саяки, сарыбагыши и племена Таласа, а из восточных — адыгене, монголдор, черик и басыз.

О хозяйстве киргизов в китайских сочинениях содержатся только отрывочные упоминания, в которых подчеркивается преимущественное значение скотоводства, но в то же время отмечается и наличие земледелия.

В «Описании Западного Края» (в разделе о «восточных» бурутах) говорится, что киргизы «превыше всего ставят занятие скотоводством, но также занимаются и обработкой земли». О земледелии у киргизов сообщается и в русском источнике 1780 года, в рукописи капитана Андреева. В разделе, посвящённом «Чёрным или закаменным киргизам», утверждается, что они имеют «довольное и изобильное хлебопашество».

Система управления у киргизов в «Описании виденного и слышанного в Западном крае» Чунь Юаня характеризуется следующим образом: «Правители их называются би. Одни из них в своём управлении имеют 10—20 айманей, другие же управляют 20—30 айманами... Хотя все они буруты, но би у них не один. Каждый би управляет своей землей и имеет своих подданных. По своему могуществу и власти они равны, и один другому ни на волосок не подчиняются. Если би умирает, то устанавливают своим би его сына или брата, другие же не могут занять это место». Словом «аймань» автор, по всей вероятности, называл здесь родоплеменные группы киргизов. В другом китайском «Описании Западного края», после перечисления наиболее значительных из племён восточных киргизов и имён управляющих ими старшин, говорится так: «Все эти старшины независимо (друг от друга) управляют своими подданными. Каждый год избирают (одного из них) — главным. В случае каких-либо происшествий, (он) всех оповещает, чтобы все знали об этом».

Эти свидетельства китайских авторов говорят нам о том, что у киргизов в XVIII веке существовал порядок передачи власти правителей (биев) отдельных племён по наследству, но ханской династии, единой для всех киргизов, не было. Данные китайских источников совпадают с русскими. В рукописи капитана Андреева говорится, что у киргизов «...никакова хана и султана не находится, а имеют одного князя или бия Атекая, который во всей их орде в почтении...» Далее Андреев сообщает ещё, что киргизы «...все разделены по волостям и имеют своих старшин», — и перечисляя эти «волости» (т. е. племена) отмечает, что у киргизов (племени) Сару — управлял «старшины умершего Садык-батыря сын Саит батырь». Из источников по истории восточно-туркестанских ходжей «Тазкира и Ходжаган» известно, что один из предков главы киргизского племени кушу — Кудаб-бия, также был бием.

В китайском сочинении по истории династии Цин — «Циншигао» кратко обрисована структура управления киргизских племен: «Все высшие начальники бурутов называются би, и (они) похожи на туркестанских ацимубокэ (т. е. хакимбеков). За би следуют ахалакэцы (т. е. агалыкчи) — большие и малые старшины».

Интерес, проявлявшийся китайскими авторами к системе управления у киргизских племен, к взаимоотношениям между киргизскими феодально-родовыми вождями был связан с политическими целями и мероприятиями цинских властей. Цинские власти придавали серьёзное значение киргизам в своих планах, стремились привлечь их на свою сторону в борьбе против ходжей в Синьцзяне и отводили киргизам и их стране — Тянь-Шаню — особую роль в попытках создать буфер между Синьцзяном и Средней Азией. Маньчжурским властям Синьцзяна удалось добиться поддержки со стороны некоторых киргизских племён, принявших участие в военных действиях против Хан-Ходжи и Бурхан-ад-дина. Так, Чунь Юань сообщает, что киргизский бий Аким (Хаким), находившийся в окрестностях Кашгара, оказал помощь китайским войскам: «Во главе всех своих людей он вступает в борьбу с Хан-Ходжой и всеми силами воюет с ним. Император, принимая во внимание его заслуги, жалует би Акима званием саньчжи дачзи и отдаёт приказ о назначении его Хаким-беком в

гуркестанский город Ташмелек, а его старшин награждает чиновничьими званиями различных рангов и павлиньими перьями.

В 1758 году бии восточных киргизских племён, а в 1759 году бии западных киргизов вступили в подданство Цинской империи.

Принятие подданства цинской империи киргизами носило формальный характер и сводилось к отправлению киргизских послов к маньчжурскому двору. Ценность даров, которые эти посольства привозили императору, была значительно ниже ответных даров. Богатыми подарками маньчжурское правительство стремилось удержать и укрепить своё влияние над киргизскими биями.

Киргизские бии, хотя они и признавали свою зависимость от маньчжурских властей Синьцзяна, в то же время в отношениях между собой и в управлении своими племенами продолжали сохранять свои прежние права. В первые годы своего пребывания в подданстве империи киргизы были освобождены от уплаты податей. В дальнейшем маньчжурские власти Синьцзяна пытались организовать сбор налогов, для чего в кочевья Тянь-Шаня посылались специальные чиновники в сопровождении военных отрядов. Вместе со сборщиками податей отправлялись китайские купцы, которые вели меновой торг с киргизами.

Однако, в основном, в XVIII веке фактической власти над большей частью Киргизии чиновники Синьцзяна не имели и киргизы сохраняли свою автономию в делах управления и свой прежний уклад жизни. По сведениям, собранным капитаном Андреевым (относящимся к 1770—1780-м годам), относительная независимость киргизских племён объяснялась тем, что «ограждены оные неприступными каменными горами, и хотя в рассуждении своей волности великие чинят на китайских границах обиды, но с китайской стороны посылаемы бывают и великие команды, но доходить до них как за трудностию мест и более ведая неустрашимость их и храбрость и защищение своему, ни один раз нападения на них учинить не могут, и возвращаясь к своим начальникам объявляют, что они их сыскивать никак не могут».

В XVIII в. киргизы сохранили независимость и от кокандских владений. Правда, попытки захвата некоторых горных районов Южной Киргизии предпринимались ко-

кандскими биями Ирданю (умер около 1774 г.) и Нарбутою (1774—1798/99). Ирдана в 1762 году захватил киргизские земли, расположенные в районе Оша и находившиеся под управлением Хаджи-бия, главы племени адыгене. Однако это вызвало вмешательство центральных китайских властей, выступивших на защиту Хаджи-бия, уже до этого принявшего цинское подданство. Император Цянь-лун приказал министру по управлению «Новыми границами» (т. е. Синьцзяном) Юн Гуй'ю оказать содействие киргизам в возвращении их земель. Во время правления Нарбуты кокандские войска предприняли поход на Кетмень-Тюбе с целью завоевать этот киргизский район, но поход окончился для кокандцев неудачей.

Вместе с тем киргизы, независевшие от власти кокандских правителей, продолжали участвовать в военно-политических событиях, происходивших в Кокандском государстве. Между феодалами Коканда и Южной Киргизии существовали тесные связи. Так, Хаджи-бий был младшим братом кокандского правителя Нарбуты. Получив ст Нарбуты в управление Тюря-Курган, Хаджи-бий поднял восстание против Коканда, но потерпел неудачу и был вынужден спасать свою жизнь бегством. Он нашёл убежище у киргизов Чаткала, откуда впоследствии перебрался в Ташкент и вскоре был убит Алим-ханом. Сыновья Хаджи-бия — Улуг-бек и Шир-Али-бек, вынужденные на рубеже XVIII—XIX вв. спасаться от Алим-хана, также нашли убежище у киргизов Чаткала, где Улуг-бек вскоре умер, а Шир-Али, перебравшись на Талас, прожил среди киргизов несколько десятков лет.

После разгрома Джунгарского государства маньчжурскими войсками в 1755—1757 гг. киргизы вернулись на свои земли северного Тянь-Шаня. По киргизским народным преданиям, записанным Н. А. Аристовым, передовыми отрядами киргизов, возвращавшихся из Ферганы, командовал Атеке, сын Тыная. По всей вероятности, этот Атеке упоминается в китайских источниках под именем Акэ-би и у Андреева в качестве «князя» киргизов, главы племени Атэкобагыш (т. е. сары багыш). С именем Атеке связана первая попытка северных киргизов установить взаимоотношения с Русским государством.

В 1784 г. в первый раз явились на «Сибирскую линию» посланцы от киргизов. То были Абдурахман и Ширгазы,

привезшие в дар русской императрице «от главного родоначальника Атеке батыря 3 барсовых и 6 рысьих» шкур. Посланцы награждены в Петербурге, а Атеке батыру послано в подарок 800 р. серебром.

§ 5. ЗАВОЕВАНИЕ КИРГИЗИИ КОКАНДСКИМИ ХАНАМИ

Начало завоевания Киргизии Кокандским ханством

Кокандское ханство, обособившееся в самостоятельную политическую единицу во второй половине XVIII в. и первоначально ограниченное только Ферганской долиной, в начале XIX в. превратилось в обширное государство. Основателем Кокандского ханства был Алим, который в 1808 г. принял титул хана. В начале XIX века в состав Кокандского ханства входили кочевья некоторых киргизских племен, живших в Ферганской долине и вокруг Андижана и Намангана. Но основная масса киргизских племен была завоевана Кокандским ханством позднее, при преемниках Алима.

В 1819 г. Омар-ханом были завоеваны территории казахов. Одновременно с киргизами под власть Коканда попали и южно-казахские племена, входившие в состав Старшего жуза с городами: Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, Сайрам.

В Кокандском ханстве жили различные народности. Коренными жителями первоначального ядра ханства — Ферганской долины — были главным образом узбеки. С расширением территории ханства шло и увеличение численности населения за счет казахов, киргизов, узбеков и таджиков. Основным населением продолжали оставаться узбеки.

По своему общественно-экономическому строю Кокандское ханство было феодальным. Его господствующим классом являлись крупные землевладельцы — светские и духовные феодалы. Значительным влиянием пользовались крупные торговцы и купцы.

Земельные владения крупных феодалов расширялись в основном за счет захвата дехканских — хараджных земель.

Сосредоточив в своих руках лучшие и обширные земли, феодалы закабалили дехкан, которые обрабатывали эти

земли своими орудиями и уплачивали подати государству и ренту феодалам и духовенству.

С развитием товарно-денежных отношений натуральная рента заменялась денежной. В связи с этим значительно усиливалась зависимость дехкан от ростовщиков, которыми были купцы, мусульманские духовные учреждения и светские феодалы.

Промышленность в Кокандском ханстве была развита очень слабо.

Политическое управление носило ярко выраженный феодальный характер. Хан являлся формально полновластным владыкой страны. Но фактически его власть неограниченно распространялась только на районы, прилежавшие к столице. Остальные округа управлялись представителями крупных феодалов — кушбегами, хакимами, датха и беками.

Получив с кушбега определенный налог, хан становился до некоторой степени лишь номинальным владельцем округа.

Кушбеги, в свою очередь, передавали управление отдельными городами и районами более мелким феодалам, которые непосредственно подчинялись кушбегам.

Сосредоточив в своих руках крупные участки земли, кушбеги часто выходили из повиновения хана. Поэтому для Коканда были характерны внутренние феодальные раздоры.

Кокандские ханы стремились к завоеванию всей территории Киргизии, усматривая в этом важный источник для пополнения материальных ресурсов Коканда. Киргизия имела значение как рынок сбыта товаров купцов и как источник дешевого скотоводческого сырья. Немаловажное значение имел также захват торговых путей и Кашгар. Эксплуатация населения Киргизии проходила и путем массового военного грабежа кочевников во время походов и путем систематического изъятия прибавочного, а часто и необходимого продукта в виде многочисленных сборов и постоянного сбора зякета, что естественно вело к обнищанию кочевников и подрывало основы их хозяйства.

В течение первой четверти XIX века походами кокандских военачальников Сандкулбека и Бекназарбия было завершено покорение южных киргизов.

**Завоевание
всей территории
Киргизии
Кокандским
ханством**

Во второй четверти XIX в. началась усиленная колонизация Северной Киргизии Кокандским ханством. Наступление кокандских военных сил шло от Ташкента через Чимкент, Аулие-Ата в Чуйскую долину до реки Или, и от Ферганской долины через Кургартский перевал на долины Тогуз-Торо, Атбаши, Нарын, Кочкор и до берегов Иссык-Куля.

Кушбеги Ташкента, воспользовавшись феодально-родовыми распрями между племенами солто и сарыбагыш, в 1825 г. заняли Чуйскую долину и основали укрепление Пишпек на одноименном урочище.

Относительно сильное сопротивление встретили кокандские войска со стороны племени саяк, кочевавшего на Тянь-Шане. Однако войска кокандского военачальника Хак-Кулы разбили саяков и утвердили над ними власть хана.

Хак-Кулы обложил ясаком киргизские племена Тянь-Шаня и Иссык-Куля, а кушбеги Ташкента — киргизские племена, кочующие по реке Чу. В результате всего этого в 30-х годах XIX в. граница владений Кокандского ханства дошла до Кашгара и Кульджи, захватывая при этом всю Киргизию.

Быстрым военным успехам кокандцев значительно способствовали раздробленность киргизов и межплеменные раздоры между киргизской знатью. Разрозненные киргизские племена, разбросанные на обширном пространстве современного Киргизстана, разделенные естественными горными преградами, не позволявшими в зимних условиях установить связь между отдельными племенами, были слишком слабы для оказания сколько-нибудь серьезного сопротивления организованному натиску со стороны кокандских завоевателей. Своей военной организацией и вооружением киргизские племена далеко уступали кокандским войскам. Кокандские войска имели не только ружья, но и артиллерию, которая была совершенно незнакома киргизам. Особенно опасны были для киргизов походы кокандцев в зимнее время, когда киргизы, будучи привязанными к своим зимовкам, лишенные обычной подвижности, не могли успешно укрыться в недоступных ущельях гор, как это бывало летом.

Для поддержания своего господства кокандцами были

возведены укрепления в кочевьях киргизов: Пишпек, Токмак, Мерке — на реке Чу, Аулие-Ата — на Таласе, Куртка и Тогуз-Торо — на реке Нарын, Кетмень-Тюбе и Джумгал — на реке Джумгал, Бостон-Терек и Таш-Курган — на Памире, Кызыл Курган — на Алае, Чиняз — в Чаткале. Впоследствии кокандцами были воздвигнуты мелкие укрепления на Аксу и Карабалты в Чуйской долине и в Атбаши. В 1832 г. кокандским военачальником Хак-Кулы, после покорения бугинцев, были воздвигнуты мелкие укрепления на берегу озера Иссык-Куль: Каракол, Барскоун и Конур-Уленг.

Наиболее значительными укреплениями в Северной Киргизии были Куртка и Пишпек.

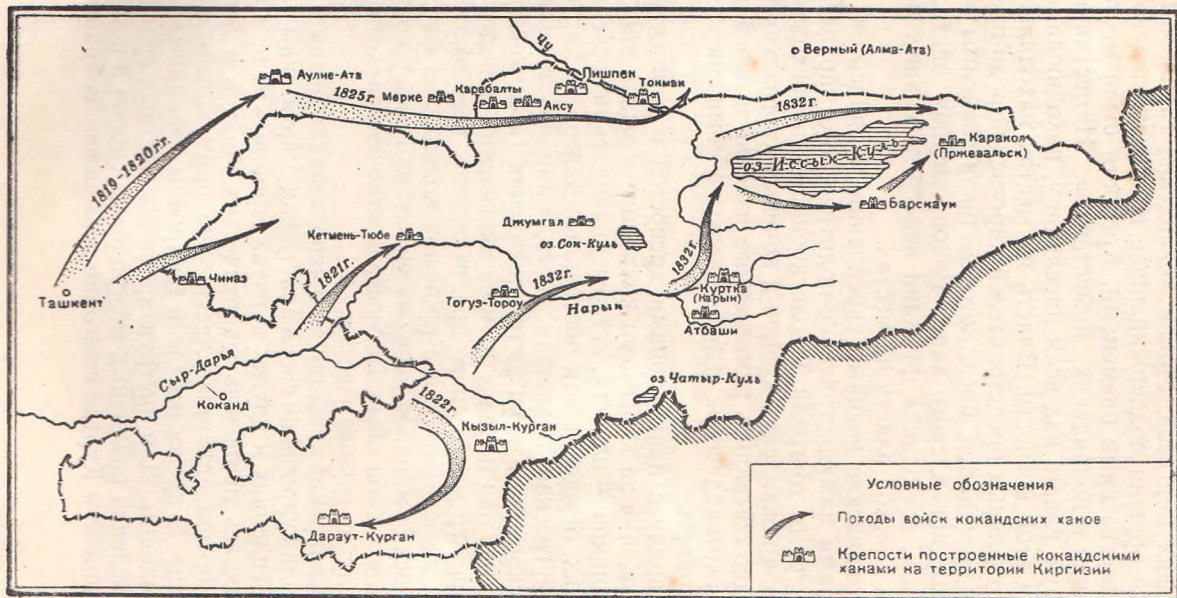
**Киргизы под
властью Коканд-
ского ханства**

В административном отношении территория Киргизии была разделена на несколько податных округов, которыми управляли кокандские беки. Киргизы, кочующие в Ферганской долине, находились под властью правителей ближайших городов, вносили им налог и должны были отбывать военную службу. Большое племенное объединение адыгене, занимавшее Алайскую долину, в административном отношении было приписано к Андижанскому наместничеству и непосредственно управлялось из укрепления Кызыл-Курган. Андижанскому же округу были подчинены киргизы, кочевавшие на Тянь-Шане, по р. Нарын и в нагорье Сырт. Управлялись они непосредственно из укреплений Куртка, Тогуз-Торо, Джумгал и Атбаши.

Киргизы Чуйской и Таласской долин, а также и Иссык-Кульской котловины были подчинены Ташкентскому наместничеству и управлялись из укреплений Аулие-Ата, Мерке, Аксу, Пишпек и Токмак. К этому же наместничеству относились киргизы Чаткальской долины и Сусамыра.

Кокандское ханство не установило в Киргизии твердой административной системы. В связи с перекочевкой киргизов административно-политическое разделение менялось и запутывалось, вследствие этого часто происходили стычки между сборщиками зякета отдельных кокандских округов. В аилах киргизов иногда разъезжали сборщики зякета от разных округов. Пограничные с Китаем киргизские племена, которые иногда перекочевывали в пределы Китая, нередко должны были платить зякет и кокандскому хану и подати китайским властям. Так бы-

ЗАВОЕВАНИЕ КИРГИЗИИ КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ

ло, например, с племенами чон-батыш, черик и частично бугу.

В Кокандских военных укреплениях, воздвигнутых в кочевьях киргизов, стояли кокандские гарнизоны, силой своего оружия поддерживавшие власть кокандского хана над киргизскими племенами. Крепости были местом пребывания и кокандских наместников. Наместники имели высшую власть над всем населением, находившимся в ведении этой крепости. Власть на местах находилась в руках отдельных представителей киргизской родо-племенной знати — манапов, биев, которые были зависимы от наместников кокандского хана. Родоплеменная знать, таким образом, выполняла функции непосредственных исполнителей ханской власти на местах.

Кокандские военные укрепления являлись не только центрами административно-политического управления, но и центрами торговли. Около крепостей происходил обмен товаров кокандских купцов и кочевых киргизских племен: выгодно сбывались ремесленные изделия и дешево скупалось скотоводческое сырье. Здесь же сбывались транзитные товары.

Наряду с начальниками крепостей и гарнизонов для наблюдения за киргизами кокандцы держали еще особых чиновников — ильбеги, которые, находясь непосредственно в аилах, осуществляли постоянный надзор за киргизами.

Киргизская правящая знать, опираясь на власть кокандского хана и на силу кокандских гарнизонов, усиливала гнет над подвластным ей киргизским народом. Тяжелые налоги кокандского правительства, всевозможные поборы, вымогательства и произвол кокандских феодалов и киргизских манапов нередко заставляли массу кочевников оставлять свои обычные места и откочевывать в отдаленные глухие горные ущелья.

Кокандские ханы широко использовали ислам в качестве орудия упрочения своей власти над киргизским народом. В укреплениях и других пунктах строились мечети, распространялась проповедь фанатических ишанов и дервишей.

Для поддержания власти хана применялось и прямое насилие. В крепостях были построены «зинданы» — тюрьмы-колодцы. Для инструктирования местных судей-биев и для решения различных межродовых споров и конфликтов в Пишпеке и Куртке ежегодно созывалось собрание мана-

пов, проходившее под председательством кокандского губернатора-датха. Он имел право отменять или утверждать решения манаров и суда биев.

Для поддержания своей власти и обеспечения получения налогов кокандские коменданты крепостей брали у киргизов аманатов (заложников) и поддерживали постоянную вражду между киргизскими феодалами.

Особенно тяжелой была для киргизского народа налоговая политика кокандского хана. Зякет, ежегодно собираемый в пользу кокандского хана, являлся для скотоводов чрезвычайно обременительным. Сбор его производился без всякого контроля и почти всегда носил характер массового вымогательства и грабежа. Нередко жестокости и насилия ханских сборщиков зякета вызывали восстания киргизов, подавлявшиеся вооруженными силами Коканда.

Киргизы платили тундук-зякет, подъемный сбор с каждой юрты, кой-зякет — налог с овец, харадж — сбор с земледелия. Кроме этого, в пользу духовенства платились битир (подушный налог) и ушур (подоходный налог).

Но этими налогами дело не ограничивалось. Взимались еще налог на содержание гарнизонов крепостей и продовольствие при «временных сборах». Племена солто и сарыбагышей ежегодно представляли на прокормление кокандских войск тысячи пудов пшеницы и проса. Помимо того, им приходилось кормить целую армию зякетчей.

Тяжесть от всех этих «законных» налогов возрастала благодаря злоупотреблениям местной кокандской администрации, прежде всего зякетчи. Один из современников, посетивший Кокандское ханство в 1849 г., писал: «Сборщики, посылаемые правителями областей, позволяют себе, по словам самих кокандцев, разные притеснения и через то вынуждают подарки и прибавку сверх законного положения».

Кокандские налоги не были постоянны и часто изменялись в зависимости от обстоятельств. С ухудшением внутреннего и внешнего положения Кокандского ханства налоги увеличивались. В 50-х годах, в период правления Худояр-хана, кокандские налоги стали еще тяжелее, чем раньше. Вот как характеризует налоговую политику Худояр-хана один из современников: «Пошлина эта, или зякет, собирается кокандскими чиновниками, которые сверх казенной подати требуют для себя с каждой юрты по одному бара-

ну, опираясь в правах своих на печать хана. Требования кокандского правительства приводятся в исполнение каждым киргизом, отчего бедные лишаются последнего достоинства, а иногда и детей, которых отдают или богатым в услужение, или чиновникам хана в виде залога. Наконец, каждую осень командируются особые чиновники для сбора с каждой юрты по два барана на продовольствие хана и двора: вообще в обоих этих случаях сборы усиливаются от злоупотреблений чиновников». Особенно тяжела была система откупа, нередко применяемая кокандскими ханами.

Кокандское налоговое бремя для киргизов было тяжелым, но не менее тяжелым для них была земельная политика ханства. Уже со времени первых кокандских ханов земли южных киргизов систематически захватывались представителями узбекских военных и духовных феодалов. Беднота киргизов отеснялась в глубь гор.

«Омар-хан, — сообщает Наливкин, один из исследователей истории Кокандского ханства, — желая обогатить свою казну, через тогдашнего Наманганского хакима Сеид-кулбека, продал земли, бывшие в пользовании населения Наманганского вилайета; земли эти покупались в складчину целыми родами (или, вернее, коленами), после чего в общинном владении остались одни только горные пастбища, а все те участки, которые могли эксплуатироваться плугом при условии искусственного орошения, поступали в частную собственность покупателей и были разделены ими между собою пропорционально тем паям, которые вносились отдельными лицами при огульной покупке земли у хана. Этим был нанесен тяжелый удар общинному владению землей между здешними киргизами».

Вытеснение киргизов из наиболее богатых районов Ферганской долины разорило широкие массы кочевников и усилило среди них социальную дифференциацию. Недовольство среди трудового населения Киргизстана политикой Кокандского ханства непрерывно нарастало. Это недовольство направлялось не только против кокандских властей, но и киргизских манапов и крупных биев.

Это и понятно. Вместе с кокандскими ханами и феодалами заодно действовали и киргизские бай-манапы, которые держали в своих руках не только местное управление, но иногда занимали и высшие посты в органах государственной власти.

Феодално-родовая знать киргизских племен порой играла заметную роль в низложении и возведении на престол ханов. В 1842 г. Шырылы-хан был возведен на престол киргизско-кипчакской знатю. Алымбек-датха, кокандский визирь начала 60-х годов, был представителем феодалной знати киргизского племени адыгене. Малабек-хан взошел на престол при помощи киргизских феодалов; фактический правитель ханства середины 60-х годов — Алымкул — также был видным представителем южнокиргизских феодалов.

Борьба киргизского народа против Кокандского ханства

Трудовые массы киргизского народа неоднократно выступали против кокандских правителей. В своей борьбе против кокандского господства киргизы обычно выступали совместно с казахами Старшего жуза, страдавшими от насилий кокандских властей не меньше, чем киргизы. Крупное совместное выступление казахов и киргизов против Коканда произошло в 1821 г., т. е. еще в начале установления кокандского господства в Киргизии. Это восстание охватило районы Туркестана, Чимкента, Сайрама и Аулие-Ата (ныне Джамбул). Во главе восстания встал некий Тентек-тере, принадлежавший к феодалной знати, — он сам выдавал себя за потомка Токтамыш-хана Золотой орды. В этом проявилась одна из особенностей народных восстаний в условиях господства патриархально-феодалных отношений: господствовавшие в сознании трудящихся представления о «родовой солидарности» позволяли представителям знати без труда захватывать руководство движением масс в свои руки и в случае нужды легко предавать его. Так случилось и на этот раз. Под руководством Тентек-тере сосредоточилась значительная армия — 12 тыс. человек, повстанцы заняли города Чимкент и Сайрам. Но когда эти города были осаждены кокандскими войсками, Тентек-тере вступил в переговоры с кокандскими военачальниками и покорился хану. Восстание было подавлено.

В 30-х годах восстали нарынские киргизы под руководством Тайлака.

Попытку сбросить ненавистное иго кокандского хана киргизы предприняли и в 1842—1843 гг. Толчком к восстанию послужили события, развернувшиеся в это время в Коканде.

Мадалы-хан правил долго, но окончательно подчинить себе мятежных феодалов он не сумел. Стремление к объединению таили в себе и отдельные крупные киргизские манапы-правители, которые при удобном случае не прочь были избавиться от протектората кокандских наместников и всю власть над племенем забрать в свои руки. Чрезмерный рост налогов, усиление произвола и злоупотреблений чиновников, насилия самого хана усугубляло недовольство широких слоев населения ханства, в том числе и киргизов. Недовольство правлением Мадалы возросло до такой степени, что против хана в среде его приближенных и высшего духовенства назрел заговор. Заговорщики вступили в сношения с эмиром бухарским Насруллой. В 1842 г. в столице ханства произошло восстание. Эмир Насрулла, получив известие о происшедшем восстании, выступил с войсками против кокандского хана. Мадалы-хан был убит. Эти события послужили поводом к восстанию ряда северо-киргизских племен против кокандского владычества.

В этом же году вспыхнуло восстание в Иссык-Кульской долине среди племен бугу, части саяк и сарыбагыш. Кокандские гарнизоны, стоящие в крепостях на берегу озера Иссык-Куль, не в состоянии были подавить восстание. Из других пунктов Кокандского ханства также не могла прийти помощь из-за политических переворотов, которые в это время происходили в центре Кокандского ханства. Гарнизоны кокандских крепостей вскоре были изгнаны с берегов озера Иссык-Куль. Кокандские же укрепления в Караколе, Барскоуне и Конур-Улене были уничтожены киргизами. Так временно была уничтожена власть кокандского хана над киргизами в Иссык-Кульской долине.

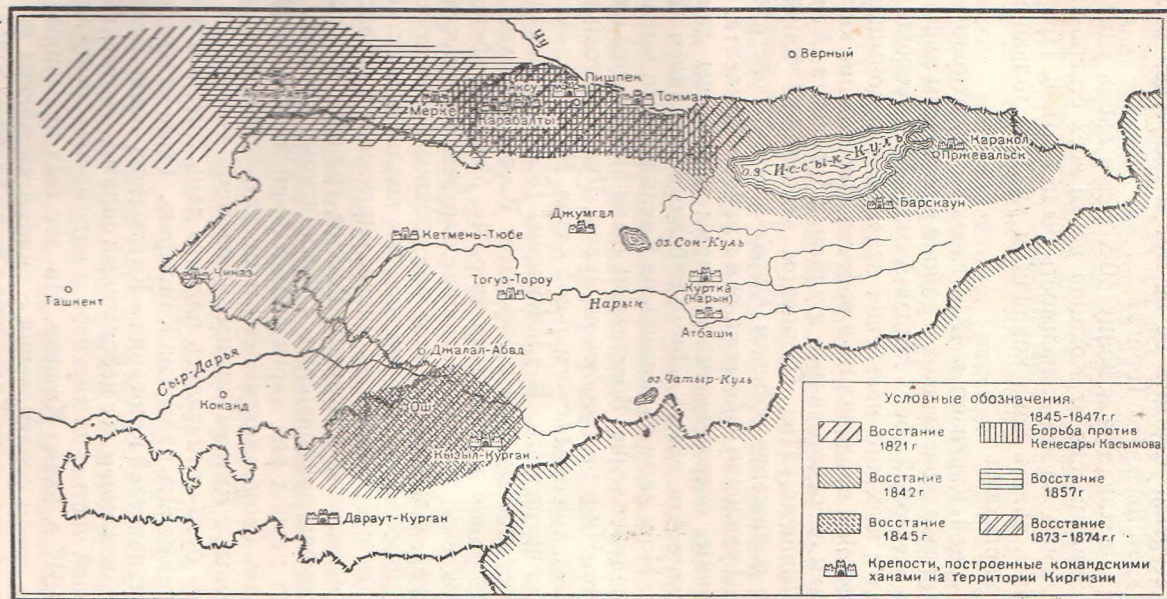
В этот же период прервали свои подвластные отношения с Кокандом и чуйские киргизы.

В 1843 году ханом был провозглашен Худояр-хан, а в качестве регента к власти пришел представитель киргизских феодалов Мусульманкул.

В 1845 году под Ошем восстали киргизы. Мусульманкул лично руководил разгромом восстания. Восстание было подавлено.

В этот период тяньшанские киргизы неоднократно выходили из повиновения кокандского хана. Один из предводителей племени бугу—Табылды несколько раз поднимал восстание против кокандцев. Он неоднократно осаждал

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КИРГИЗОВ В XIX В.

крепость Куртка, но взять ее не мог и вынужден был с аилом бежать на плато Торагай.

Правда, кокандцам к концу 40-х годов вновь удалось добиться зависимости от Коканда почти всех северо-киргизских племен, но эта зависимость была шаткой. Прочно восстановить власть хана кокандцам удалось только над южными киргизами.

В Северной Киргизии в 1857 г. вновь вспыхнуло восстание киргизов, кочевавших в районе р. Чу. Этим районом управлял жестокий бек Мирза-Ахмат. Он беспощадно взыскивал с кочевого населения зякет, а у недоимщиков отбирал детей и продавал их в рабство. Восставшие киргизы и казахи сосредоточились в районах Чимкента, Аулие-Аты и Пишпека. Под Пишпекком восставшие нанесли серьезное поражение войскам Мирза-Ахмата, повстанческие отряды усиленно действовали и в районе Чимкента. Воодушевленные одержанными успехами повстанцы двинулись к Аулие-Ата, где со своими войсками укрепился Мирза-Ахмат. Но к нему на помощь из Коканда было выслано сильное подкрепление. Восставшие были вынуждены снять осаду крепости и разбрелись по аулам. Руководители восстания были преданы мучительной казни. Но Мирза-Ахмат торжествовал недолго. В следующем, 1858 г., вспыхнуло новое восстание казахов и киргизов. Восстание охватило обширный район от Ташкента до р. Чу. Местные крепости были осаждены. В мае восставшие окружили Туркестан и Яны-Курган. Однако и на этот раз военное превосходство Коканда помогло кокандским властям подавить восстание. Спасаясь от преследования, многие киргизские и казахские аулы перекочевали в пределы России, границы которой к этому времени приблизились к Кокандскому ханству.

В этот период ряд киргизских племен делает попытки уничтожить свою зависимость и от китайских феодалов. Пограничные с Китаем киргизские племена—чонбагыш, черик, часть бугу—отказались платить дань Китаю и в 40-х годах стали делать набеги на Кашгарию. Один из потомков бывших правителей Кашгарии—Катта-тюра воспользовался этим положением и с небольшими силами, составленными большей частью из киргизов и кашгарских эмигрантов, осенью 1847 г. занял Кашгар. Но это был временный успех. При новом столкновении с силами китайских феодалов 18-тысячные силы Катта-тюра были разбиты и бежали.

В условиях ослабления внешней зависимости северо-киргизских племен обострилась борьба среди киргизских манапов. Влиятельнейшие из них стремились распространить свою власть на новые территории, подчинить себе новые киргизские племена за счет ущемления власти других манапов. Во второй половине 40-х годов XIX в. особенно выдвигается сарыбагышский манап Ормон, который начинает претендовать на ханскую власть над всеми северо-киргизскими племенами. Возрастанию влияния Ормона до некоторой степени содействовала война северо-киргизских племен с казахским султаном Кенесары Касымовым.

**Война киргизов
с Кенесары Касымовым**

Восстание казахов во главе с султаном Кенесары Касымовым в конце 30-х годов было реакционным феодально-монархическим движением. Султан Кенесары поднял восстание в целях восстановления власти и привилегии своей фамилии, ущемленной колониальной политикой царизма. В начале движения к нему примкнули некоторые слои трудящихся казахов, но очень скоро обнаружились глубокие противоречия между руководством движения и трудящимися казахами. Казахи-скотоводы примкнули к движению в надежде вернуть себе отнятые царским правительством и Кокандским ханством кочевья. Кенесары стремился превратить эти кочевья в собственность своего ханского рода. Естественно, что трудящиеся массы скоро стали отходить от Кенесары.

Продвижение оренбургских военных отрядов в глубь казахских кочевий и основание в 1845 г. Уральского и Оренбургского укреплений сильно ухудшили положение Кенесары. Кроме того, развивавшиеся до 1844 г. военные действия Кенесары против Коканда вскоре приняли неблагоприятный для него оборот.

В такой обстановке в 1845 г. Кенесары вынужден был оставить Центральный Казахстан и перенести свои действия из Сары-Арка в район кочевий Старшего жуза — в пределы Семиречья. Здесь он ставил задачей подчинить своей власти казахов Старшего жуза и алатооских киргизов. Но попытки Кенесары в этом отношении дали самые отрицательные результаты.

В 1845—1847 гг., когда Кенесары обосновался в кочевьях казахов Старшего жуза, он сумел добиться при-

соединения лишь некоторых султанов этой части Казахстана и предъявил старые претензии своего дела Аблая на владения алатооских киргизов.

В 1845 г. Кенесары направил письмо-ультиматум влиятельнейшим киргизским манапам с требованием покорности. Он предлагал признать его ханскую власть. «Если же, — писал он, — это предложение не придется вам по сердцу... то отвечайте сами за свою судьбу». Посольство от Кенесары прибыло к сарыбагышским манапам — Ормону и Джантаю. Последние созвали собрание представителей племен сарыбагыш, бугу, саяк, солто, черик, сару и кушчу для определения отношения киргизов к Кенесары. На этом собрании было решено не выполнять требований Кенесары и готовиться к войне с ним. Решение было принято под давлением киргизских народных масс, резко выступавших против явно агрессивной и захватнической деятельности Кенесары.

Получив отказ, Кенесары с 1846 г. стал активно действовать против северо-киргизских племен. Это обстоятельство должно было привести и действительно привело к столкновению Кенесары с Кокандским ханством на территории Северной Киргизии.

Кенесары прежде всего столкнулся с гарнизонами кокандских крепостей Ит-Кечуу и Мерке, командиры которых откупились и обещали не оказывать противодействия нападению Кенесары на киргизов. В том году Кенесары произвел ряд нападений на айлы солтинских племен: джаил, талкан, болокбай.

Солтинский манап Джангарач, айлы которого оказались под непосредственной угрозой нападения со стороны Кенесары, предпринял попытку к мирному урегулированию отношений с ним. С этой целью он послал к Кенесары делегацию во главе с бием Тыналы. Кенесары не принял его мирных предложений и продолжал войну. Айлы племен джаил, талкан, тынай были значительно разорены. Кокандские гарнизоны, стоявшие в чуйских крепостях, отсиживались в своих укреплениях.

В методах борьбы Кенесары проявлялись наиболее варварские стороны, свойственные войнам феодальной эпохи. Невероятные жестокости, применяемые Кенесары по отношению к киргизскому народу, вызвали всеобщее возмущение киргизов против него. Это обстоятельство усилило кир-

гизских правителей-манапов, в частности Ормона, выступившего в роли организатора борьбы против Кенесары.

Кенесары столкнулся с сопротивлением всей массы киргизского народа, заселявшей Северную Киргизию. Именно это обстоятельство и сделало сопротивление киргизов чрезвычайно упорным и гибельным для Кенесары.

Весной 1847 г. Кенесары предпринял решительное наступление, чтобы покончить с сопротивлением киргизов. Он опирался на султанов Старшего жуза, которым удалось разжечь рознь между двумя близкими друг другу народностями и натравить часть аулов казахов против киргизов.

К этому времени положение киргизов укрепилося еще благодаря моральной поддержке со стороны России. Власти Западной Сибири вступили в сношения с киргизскими предводителями, обещая им, в случае необходимости, свою помощь. Это обстоятельство имело важное значение, так как это придало киргизам уверенность в победе.

При вторжении Кенесары в Киргизию чуйские киргизы отступили в глубь гор, в верховья реки Чу.

Вначале Кенесары имел успех. Многие киргизские айлы были им разорены, немалое количество киргизов было им перебито, причем не щадили ни женщин, ни детей.

В период нападения Кенесары создававшаяся опасность заставила все северо-киргизские племена сплотиться под общим предводительством манапа Ормона.

Сильный отряд в количестве 5 тыс. чел., высланный Кенесары против киргизов, под предводительством племянника Кенесары—Худайменды, при углублении в горы был полностью разбит киргизами. Худайменды попал в плен и был казнен. Сам Кенесары был окружен киргизами в верховьях р. Чу, в местности Мей-Тюбе, где и произошло решительное сражение. Оно длилось три дня и закончилось полным поражением Кенесары. Сам он вместе с десятком султанов и группой своих воинов не мог пробиться из окружения и вынужден был сдаться в плен.

Итоги политического развития Киргизстана к середине XIX в. Время с XIII и до середины XIX в. в истории киргизского народа было исключительно тяжелым. Племена, составившие киргизскую народность, подвергались страшным, опустошительным нападениям со стороны монгольских, ойратских, китайских и в первой половине XIX в.—кокандских завоевателей. Эти набеги

приводили к последовательному разрушению производительных сил и, конечно, задерживали развитие киргизского общества. Несмотря на исключительно неблагоприятные внешние условия, в жизни киргизов происходили крупные изменения: окончательно складываются и закрепляются классовые патриархально-феодальные отношения. На этой основе происходила консолидация племен в единую киргизскую народность, населявшую в основном территорию современного Киргизстана; завершилось образование единого киргизского языка, складывалась культурная общность, объединившая племена как северной, так и южной Киргизии. На базе укреплявшихся классовых отношений происходило формирование киргизской государственности в XV—XVI вв. Однако этот процесс не был завершен. Смена завоевателей приводила к тому, что киргизские племена, а затем киргизская народность, входили последовательно в состав империи Чингис-хана, Могулистана, Джунгарии, китайской империи, наконец, Кокандского ханства. Своей собственной государственности, в условиях почти непрерывных завоевательных походов, многочисленных врагов, киргизский народ не создал.

Одним из наиболее тяжелых периодов в истории киргизского народа было время господства Кокандского ханства. Кокандская колонизация не принесла киргизскому народу ничего прогрессивного ни в экономическом, ни в культурном, ни в политическом отношениях. Она не могла создать в Киргизии твердо установленной формы управления, на которую продолжали влиять отсталые патриархально-феодальные отношения.

У киргизов не было никакого писаного закона, все основывалось на допотопных «адате», «нархе», истолковываемых феодально-родовой знатью по своему усмотрению. Получивший некоторое распространение среди киргизов «шариат» являлся орудием для защиты интересов господствовавшей феодальной верхушки, мусульманского духовенства и ханской власти.

Кокандская колонизация не смогла способствовать прекращению разорительной родоплеменной распри между киргизскими племенами. Киргизский народ попрежнему оставался сплошь неграмотным, наука и литература для него были чужды. Кое-где при мечетях организовали начальные духовные школы-мектеби, которые являлись, од-

нако, больше орудием насаждения ислама, чем распространением грамотности среди населения. В таких начальных духовных школах обучались дети незначительной части представителей феодально-родовой верхушки. Прочувшись 7 лет на непонятном арабском языке по пособиям «Аптие» и «Коран», они так и не умели писать. Все их обучение за этот период заключалось в зубрежке и выучивании непонятных им текстов на арабском языке.

Не произошло сдвигов и в экономике. Киргизы оставались, как и раньше, почти сплошь кочевниками.

Но ни разорительные набеги, ни господство завоевателей не могли заставить исчезнуть или слиться с чужеземными захватчиками киргизскую народность. Она продолжала существовать и жить своей собственной жизнью.

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ И КУЛЬТУРА КИРГИЗОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. КИРГИЗСКАЯ НАРОДНОСТЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Родовая органи-
зация киргизов
в первой поло-
вине XIX в.

В начале XIX в., как и позднее, в досовет-
ский период, киргизы не составляли еще
нации. Кочуя на территории нынешней
Киргизии, отчасти сопредельных стран, они
не жили единой экономической жизнью.

Крупные феодалы-скотоводы, господствуя над киргизски-
ми племенами, годами и десятилетиями вели между собой
войны, стремясь к захвату пастбищ, скота, военной добы-
чи, к укреплению своего политического влияния. Часто они
прибегали к помощи своих соседей — китайских, коканд-
ских и других феодалов, которые, в свою очередь, стреми-
лись использовать эту борьбу в своих интересах, для по-
рабощения и эксплуатации трудовых масс киргизского
народа.

Тем не менее киргизы представляли собой уже сложив-
шуюся крупную народность. У киргизов был общий язык,
в котором продолжали лишь частично сохраняться неко-
торые признаки местных («территориальных») диалектов.
Они населяли обширную территорию, простирающуюся от
хребтов северного Тянь-Шаня до южных окраин Памир-
ского плато и подножий Куэнь-луня и от Западной части
Туркестанского хребта до меридиана г. Кучи в Западном
Китае. Киргизы обладали уже исторически сложившими-
ся элементами общности в области народной культуры.

Племенные особенности, проявлявшиеся наиболее заметно в некоторых сторонах материальной культуры, в отдельных обычаях и обрядах уже не нарушали этой общности.

Киргизы были известны в дореволюционной литературе под названием «кара-киргизов», т. е. черных киргизов, а также «ди́кокаменных» киргизов. В течение некоторого времени название «кара-киргизы» продолжало сохраняться и после Великой Октябрьской социалистической революции (до 1925 года). Киргизами или казак-киргизами с XVII века ошибочно называли казахов—современных соседей киргизов. Самоназванием киргизов всегда было «кыргыз». Происхождение слова «кыргыз» еще не выяснено. Народная этимология этого этнонима, якобы образовавшегося из двух слов: «кырк» (сорок) и «кыз» (девушка), связана с легендой о происхождении киргизов от 40 девушек. Она лишена какого-либо научного значения.

Характеризуя существовавшее у киргизов родоплеменное деление, следует подчеркнуть условность употребляемых терминов «племя» и «род».

По своему содержанию эти племенные и родовые деления давно уже не соответствовали родоплеменной организации, свойственной первобытно-общинному строю. Они не носили характера кровнородственных союзов. Это были группировки, возглавлявшиеся феодально-родовой знатью — манапами и биями и облеченные в старую форму племенных и родовых групп, объединенных реальным или легендарным, генеалогическим родством.

Существовавшие у киргизов племенные и родовые деления превратились главным образом в явления надстроечного порядка. В состав «племен» входили крупные «роды», имевшие многочисленные подразделения. Эти разросшиеся социальные объединения не были однородны по своему составу, они включали в себя и осколки других «племен» и «родов» и целые иноплеменные группы.

Принципом, который объединял эти различные социальные и этнические напластования, были уже не кровнородственные связи, но общность территориально-хозяйственных и общественно-политических интересов. Наряду с этим у киргизов существовало понятие «соок» (кость). Этим термином называли свойственников, людей породнившихся через браки, своих родственников по крови: несомненно, когда-то он обозначал родство по крови.

Существовали и подразделения родов, чаще всего представленные в виде больших или меньших по размерам семейно-родственных групп.

Большинство таких групп насчитывало от 5 до 15 семей близких родственников в каждой. Цементирующим началом этих групп являлось объединение вокруг одного или нескольких богатых хозяйств, использовавших родственные связи для эксплуатации членов группы. Тем не менее именно в этих группах в известной степени проявлялись элементы производственной кооперации (при сохранении частной собственности отдельных семей на скот), кровнородственное начало и т. п. Все это своеобразно переплеталось с имущественным неравенством.

Основной формой общественной организации среди киргизов была айильная община, состоявшая из некоторого количества описанных семейно-родственных групп. По сообщению Г. З. Загряжского, вплоть до середины XIX века «киргизы стояли всегда большими аулами, юрт по 200 и более».

Такие айильные общины продолжали внешне сохранять формы родовых общин. Однако их экономическое содержание было уже совершенно иным. В них входили частные собственники скота, объединенные прежде всего совместным пользованием кочевьями и пастбищами. Производство и присвоение продукта носили в айильной общине индивидуальный характер, кочевание же и пользование пастбищами строились на общинном принципе. Но это было не свободное общинное владение землей, а владение, зависимое от распоряжений землей феодалов—биев и манапов. Общинный характер носило не владение, а пользование кочевьями. Внутри айильной общины имело место не только неравномерное обеспечение скотом, имущественное неравенство, классовое расслоение. Самый состав таких общин нередко был неоднородным. В них иногда входили неродственные друг другу группы, а в некоторых случаях и группы различного этнического происхождения. Киргизская айильная община не была территориальной. Это была кочевая община. Однако по своему экономическому содержанию она вполне соответствовала тому типу общественной организации у земледельческих народов, какую К. Маркс назвал сельской общиной. Родоплеменное деление и связанные с ним представления играли большую роль в общественной

жизни киргизского населения. Феодалная верхушка киргизского общества была кровно заинтересована в сохранении родоплеменного деления, умело его использовала в качестве орудия угнетения собственного народа.

Основные киргизские племена в совокупности составляли две группы, носившие название «канат» (крыло): правую—онг и левую—сол. Левое крыло по численности было значительно меньше правого. Когда и при каких условиях сложилось такое деление, исторической наукой не установлено, но несомненно, что корни этого членения на два крыла относятся к глубокой древности. Правое крыло, в свою очередь, распадалось на две группы: тагай, занимавшую основную часть Тянь-Шаня, и адыгене, располагавшуюся на территории Южной Киргизии.

К правому крылу относились племена: саяк, черик, бугу, сарыбатыш, солто, джедитер, азык, багыш, карабагыш, монголдор и др.

В состав левого крыла входили такие племена, как: кушчу (куччу), саруу, мундуз, кытей, басыз и др.

Одно из крупнейших киргизских племен, бугу, располагалось в восточной части южного берега озера Иссык-Куль и к востоку от последнего; оно занималось хлебопашеством и скотоводством, используя верховья рек Текеса, Нарына и Кегена для своих летних кочевков. Бугунцев насчитывалось свыше 15 тыс. юрт. Племя сарыбагыш, имевшее около 9 тыс. юрт, кочевало по рекам Чу и Кемину, в Кочкорской долине, на северном побережье Иссык-Куля и к западу от него.

Племя солто, насчитывавшее около тысячи юрт, располагалось своими кочевьями в районе Пишпека, по рекам Чу и Таласу. Племя саяк (около 7,5 тыс. юрт), находившееся в постоянной борьбе с бугинцами и сарыбагышами, держало в своих руках огромные кочевья в верховьях и по среднему течению р. Нарына и в долине Джумгала. Дальше на юг и юго-запад, по Ферганскому хребту и в районах Алая и Памира, располагались кочевья крупных племенных объединений адыгене и ичкилик, составлявшие около 14 тыс. юрт. Зимой ичкилики уходили со своими стадами в Ферганскую долину. К югу от р. Нарына кочевало племя черик, которое насчитывало свыше 4 тыс. юрт. Богатую своими замечательными пастбищами Таласскую долину заселяли небольшие племена: саруу, кушчу, кытай, багыш

Расселение киргизских племен

и другие, имевшие в общей сложности свыше 9 тыс. юрт. Кроме того, в различных долинах и урочищах Киргизии были расселены другие, более мелкие племена.

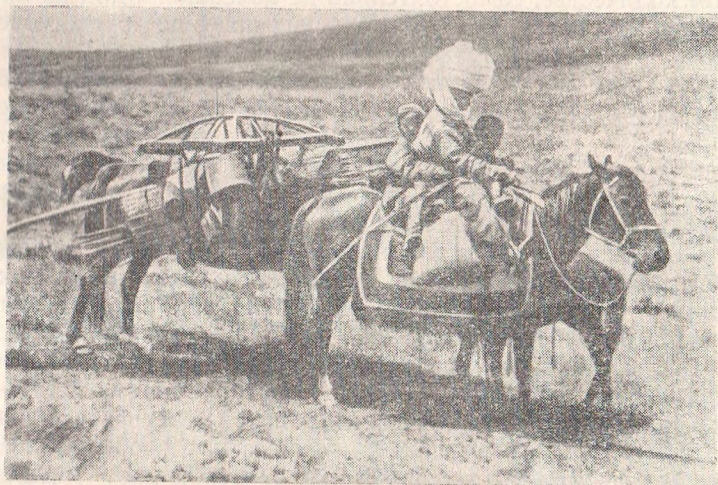
Всего у киргизов насчитывалось около 40 племен, поэтому в киргизском героическом эпосе киргизы нередко называются «сорокаплеменным народом». Среди названий киргизских племен и их подразделений сохранялись названия древних и средневековых племен и народностей, свидетельствующие о сложном этническом составе киргизской народности и отражающие бывшие связи с племенами Саяно-Алтая, Монголии, Западного Китая. Таковы доолос (древнетюркское Теле), кытай (отмеченные выше кара-китай или кидане), кыпчак, найман, монголдор, керейт (кераиты) и ряд других. Некоторые из этих племен, вошедших в состав киргизской народности, приняли также участие в образовании других народностей Средней Азии (узбеков, кара-калпаков) и казахов.

§ 2. ХОЗЯЙСТВО КИРГИЗОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Скотоводство Производительные силы киргизского общества находились на относительно низком уровне развития. Главным занятием киргизов в XIX в., как и раньше, оставалось скотоводство. Оно носило экстенсивный характер и основывалось на использовании скотом в течение круглого года подножного корма. Следует, однако, заметить, что кочевое и полукочевое скотоводство у киргизов сочеталось с земледелием, которое, как правило, существовало не обособленно, а входило неразрывной частью в хозяйство кочевого аула. Лишь местами создавались земледельческие оазисы. Основными видами скота, разводимого киргизами, были овцы и лошади. В меньшем количестве разводили крупный рогатый скот и верблюдов. В высокогорных районах, в особенности у памироалайских киргизов, видное место в стаде занимал як.

Кочевание со скотом, содержащимся на подножном корму, имело сезонный характер и велось по установившемуся веками циклу, причем каждое «племя» или «род» кочевали на определенной территории. В большинстве случаев кочевание совершалось в вертикальном направлении: из низколежащих горных долин к высокогорным, альпийским пастбищам и обратно.

В течение зимы скотоводы находились в защищенных от ветра лощинах и ущельях. На территории, прилегающей к зимнему стойбищу (кыштоо), пасли крупный рогатый скот, верблюдов и лошадей, используемых для верховой езды. Остальных лошадей, а нередко и овец, выпасали на отгонных пастбищах (отор). Зажиточные скотоводы использовали для этой цели зависимых пастухов и табунщиков, хозяйства среднего достатка объединяли скот для совместного выпаса собственными силами или сообщая нанимали пастухов.

Перекочевка

Ранней весной, но обычно уже после посевных работ, на своем поле, расположенном возле зимнего стойбища, средний скотовод откочевывал на близлежащие, находившиеся в предгорьях, весенние пастбища (коктоо или боксо).

Здесь происходил окот овец. С наступлением летней жары и появлением беспокоящих скот оводов, мошкары и т. п. многие скотоводы перегоняли свой скот на высокогорные летние пастбища (жайлоо). Осенью скотоводы спускались с летних пастбищ на осенние (куздоо), которые в своем большинстве совпадали с весенними пастби-

щами; на последних подножный корм к этому времени успевал восстановиться.

По окончании сенокоса и уборки хлебов, производившихся посланными для этого членами семьи, а у богатых — зависимыми лицами, кочевники возвращались на зимние стойбища.

Необходимо заметить, что полный цикл кочевания сохранялся только в богатых и зажиточных хозяйствах, владевших большим количеством скота. Бедняцкие хозяйства, не имевшие лошадей и овец или имевшие их в незначительном количестве, самостоятельно не кочевали. Одни из них оставались возле своих или байских посевов, другие кочевали со своими богатыми «сородичами», получая от них часть скота во временное пользование на условиях отработки. Маломощные хозяйства, владевшие небольшим количеством скота, оставались на лето на близлежащих пастбищах. Некоторое число богатых скотоводов в течение всей зимы кочевало со своими стадами в высокогорных долинах, носящих название «сырт».

Техника скотоводства находилась на низком уровне. Заготовки кормов на зиму почти совершенно не производились. Отсутствие запасов кормов на зиму ставило киргизское кочевое скотоводство в полную зависимость от стихийных явлений природы. Большой урон скотоводству приносили эпизоотии и часто повторявшийся джунт — массовые падежи скота от бескормицы в результате затяжных и суровых зим с глубокими снегами и особенно гололедицы, во время которой ранней весной скот (прежде всего овцы) погибал, не имея сил пробить ледяную корку и добыть корм.

В трудовом скотоводческом хозяйстве на мужчине лежали все работы, связанные с организацией выпаса стада и заготовкой кормов. На долю женщин приходился уход за молочным скотом, пасущимся поблизости от аила, доение кобылиц, коров, коз и овец, уход за молодняком, молочное хозяйство, частично охрана стада ночью, а также главная часть работы, связанная с перекочевкой аила.

Охота

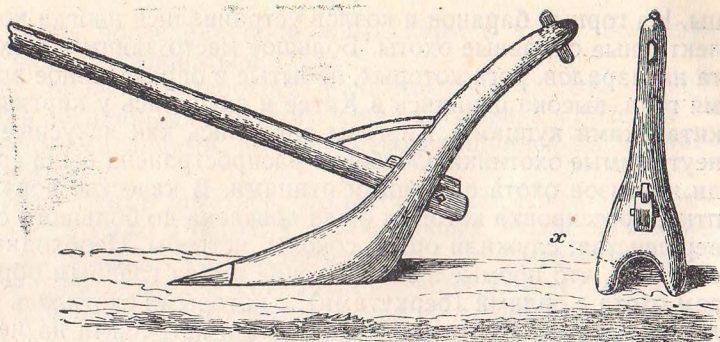
Значительным подспорьем в трудовых хозяйствах являлась охота. Охотились при помощи ружей, капканов и силков. Употреблялись фитильные ружья с деревянными подпорками. Объектами охоты были горные бараны, козлы, косули, медведи, волки, лиси-

цы. На горных баранов и козлов устраивались иногда коллективные облавные охоты. Большое место занимала охота на маралов, рога которых, добытые в определенное время года, высоко ценились в Китае и скупались у киргизов китайскими купцами. Киргизы славились как искусные и неутомимые охотники. Особенно распространена была среди киргизов охота с ловчими птицами. В качестве ловчих птиц, дрессировка которых была доведена до большого совершенства, служили орлы, соколы, ястребы. Необходимо отметить, что промысловое значение имела главным образом охота с орлами (беркутами), с которыми охотились на лисиц и куниц. Охота же с соколами и ястребами на пернатую дичь носила скорее любительский характер. Чаще всего она служила развлечением феодальной знати.

Любопытный вид охоты представляла охота с борзыми собаками. Киргизы издавна разводили особый, горный тип борзой собаки (тайган), которая хорошо шла на лисицу.

Земледелие Земледелие у киргизов имело подсобное значение. Оно было распространено преимущественно в Иссык-Кульской котловине, по рекам Чу и Таласу, а также в Ферганской долине и повсюду в горах, где это позволяли условия, иногда на значительной высоте. Киргизское земледелие носило преимущественно потребительский характер. Для части киргизской бедноты земледелие постепенно становилось основным источником существования. Основными культурами были просо, ячмень (особенно в высокогорных районах) и пшеница, в небольшом количестве сеялась также люцерна.

Земледелие у киргизов было главным образом поливное. Основным пахотным орудием была разновидность деревянной сохи (буурусун) с железным наконечником. Посев производился вручную — горстью из полы халата, а также из мешка или шапки. Для боронования употреблялась связка хвороста или колючки. Жали серпом. Молотьба производилась при помощи животных (лошадей или быков), которых гоняли по разостланным снопам. Для перемалывания зерна, наряду с водяными мельницами, часто употреблялись ручные каменные жернова. Посевы измерялись количеством высеянного зерна. Размеры посевов были неодинаковыми у различных социальных групп. Основная доля труда в земледельческом хозяйстве лежала на мужчине, хотя женщина также принимала иногда

Деревянная соха с железным наконечником (буурусун)

участие в некоторых видах работ (боронование, жатва, веяние).

Домашние промыслы

Значительное место в киргизском хозяйстве занимали различные домашние промыслы, большинство которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Из овечьей шерсти женщины изготовляли пряжу при помощи ручного веретена. На примитивном ткацком станке из этой пряжи изготовлялись ткань для шитья халатов, штанов, мешков, переметных сум, тесьма для обвязывания остова юрты и т. п.

Овечья шерсть шла также на выделку войлока, которыми покрывались юрты, ворсовых ковров (у южных групп киргизов), подстилки, принадлежностей одежды (халаты, головные уборы, чулки), седел и т. п. На выделку ткани для пошивки одежды шла и верблюжья шерсть. Из шерсти коз и яков вили веревки.

Овечьи шкуры употреблялись на шитье зимних тулупов, штанов, головных уборов, на выделку подстилки для юрты и т. п. Из козьих шкур изготовлялись мешки для хранения и перевозки жидкостей; из кожи крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов выделывали обувь и различные типы кожаной посуды. В числе домашних промыслов, обслуживавших потребности каждой отдельной семьи, необходимо еще упомянуть плетение циновок из стеблей степного растения — чия, вязание и вышивание принадлежностей одежды, утвари и т. д.

В бедняцких и середняцких хозяйствах в домашних промыслах были заняты члены семьи; домашнее производство в манапских и зажиточных семьях основывалось на труде зависимых бедных «сородичей».

Обработка дерева была представлена главным образом изготовлением деревянного остова для юрт, ленчиков — для седел, колыбелей и, частично, деревянной посуды.

Выделка кошмы

Из добывающегося на озере Иссык-Куль шлихового железного песка, путем плавки его в примитивных горнах, киргизы получали железо. Кузнецы изготавливали подковы, ножи, серпы, топоры, сошники, а более искусные из них — оружие: фитильные ружья, клинки и боевые топоры (айбалта). Серебряных дел мастера изготавливали из серебра женские украшения, украшения для мужских поясов, сбруи и т. п., часто отличавшиеся большим художественным вкусом.

Из различных видов цветного камня в некоторых мес-

тах выделявали пулелейки, светильники, пуговицы. Памирские киргизы добывали хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда.

Торговля С соседними странами киргизы издавна вели оживленный меновой торг. К ним приезжали торговцы из Ферганы и Кашгара со стеганными бумажными и полушелковыми халатами, одеялами, тюбетейками, платками, шелковыми и бумажными тканями, из которых особенно большим спросом пользовались бязи и армячина, оружие и т. д. Из Кульджи купцы привозили чай, табак, рис, шелковые ткани. Более ценные из привозимых товаров (например, шелковые ткани, кожи, рис и т. д.) приобретались только богатыми киргизами. Начали проникать к киргизам и товары российского производства. Торговля с Россией установилась еще задолго до принятия киргизами русского подданства во второй половине XIX в. Из России привозились сукна низших сортов, ситцы, коленкор, выделанная кожа (юфть), железные и чугунные изделия, украшения и т. п. Эти товары пользовались большим спросом у киргизского населения. В обмен на привозившиеся товары купцы получали от киргизов скот, шкуры, войлок, кожу, шерсть, пушнину, волос. Торговля носила меновой характер. В качестве всеобщего эквивалента служила овца.

Несмотря на некоторое развитие торговли, прежде всего с соседними оседлыми народами, товарное производство в киргизском обществе находилось в зачаточном состоянии. Вследствие отсутствия городов и рынков хозяйство подавляющего большинства скотоводов и земледельцев являлось в своей основе натуральным. Исключение составляли населенные киргизами районы, тяготевшие к таким экономическим центрам как города Ош и Андижан, Кашгар и Яркенд. Здесь имели некоторое, хотя и весьма слабое значение, товарные отношения.

§ 3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КИРГИЗОВ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Поземельные отношения Общественные отношения у ряда тюркоязычных народов, в том числе и у киргизов, коротко могут быть определены, как патриархально-феодалльные отношения.

Эти отношения у кочевников Средней Азии, в том числе и у племен Тянь-Шаня и Семиречья, сложились, как указывалось выше, еще в эпоху караханидов. Низкий и застойный характер производительных сил кочевников, постоянные опустошения, которым подвергались племена Киргизстана со стороны завоевателей, сменявших друг друга на протяжении XIII—XVIII вв., естественно приводило к застойному характеру и производственных отношений. Если сущность, основное содержание патриархально-феодальных отношений, определилась у кочевников Средней Азии еще в XII в., то это не значит, что эти отношения не претерпели в отдельных своих проявлениях никакой эволюции. Однако состояние источников таково, что эта эволюция в настоящее время не может быть охарактеризована. Возможно лишь дать описание патриархально-феодальных отношений, как они сложились к середине XIX в.

Своеобразие господствовавших в киргизском обществе патриархально-феодальных отношений заключалось прежде всего в том, что эти отношения развивались в условиях кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства и патриархально-родового быта. Для этих отношений были характерны многие черты, свойственные ранним формам феодальных отношений.

Основную массу киргизского населения составляли владельцы сравнительно небольших стад, так называемые букара, чарба. Во главе той или иной группы населения стояла феодально-родовая знать в лице биев и манапов. Эксплуатация трудящихся манапами и биями происходила в рамках пронизывавшей общественную жизнь идеологии «родового единства», «родовой солидарности», находивших свое выражение в многообразных явлениях патриархально-родового быта. Букара была опутана целой сетью различных форм эксплуатации и повинностей, ставивших ее в зависимое положение от манапов и биев, причем ей внушалось, что она получает «благоденствие» и «помощь». Пользуясь большой живучестью патриархально-родовых традиций, манапы и бии не только широко использовали их для маскировки феодальных по своему содержанию форм эксплуатации, но и активно способствовали консервации этих традиций, выступая в роли «хранителей» и «толкователей» родовых обычаев и обычного права (занг, нарх).

В основе классового деления лежало различное отношение членов киргизского общества к главному средству производства, каким являлась земля или пастбища, кочевья. Решающее значение в условиях скотоводческого хозяйства имела именно феодальная собственность на землю, которая и была основой патриархально-феодальных отношений у киргизов. Но особенность поземельных отношений заключалась в том, что владение пастбищами носило у киргизов внешне общинный характер. На деле же все пастбища и кочевья были поделены между крупными манапами и биями, которые и распоряжались ими и другими землями в качестве феодальных владельцев. Этим создавалась монополия владения землей феодальной верхушкой киргизского общества, другими словами создавались своеобразные формы частной поземельной собственности, несоответствовавшие той внешней форме общинной собственности на землю, представление о которой отражалось в обычном праве (чанге) киргизов и которая ревниво охранялась феодальной знатью в ее классовых интересах. В этом несовпадении сущности и внешней формы имущественных отношений не было ничего таинственного, специфически присущего только кочевникам. Это несовпадение знало и феодальное общество земледельческих народов, — оно отмечено Марксом еще в «Коммунистическом манифесте», оно, это несовпадение, присуще и капиталистическому обществу, где над формой эквивалентного обмена существует жесточайшая эксплуатация рабочей силы. Таким образом племенная и родовая собственность на пастбища существовала лишь номинально, выступая как юридическая фикция фактически феодальной формы земельной собственности.

Феодальная верхушка киргизского общества присвоила себе, главным образом, право распоряжения территориями кочевий. Манапы устанавливали границы кочевания для подвластных им групп кочевников, определяли порядок пользования теми или иными пастбищами. Пользуясь захваченным правом распоряжаться общинными землями, манапы установили особенно строгий контроль над наиболее ценными и посещаемыми кочевниками пастбищами: долиной р. Сусамыр, районом вокруг оз. Сон-Куль и др. Широко известными пастбищами в Алайской долине фактически владели феодалы Курманджан-датха и ее сыновья.

Захват общинных земель происходил и путем образования феодальной собственности в формах, аналогичных земледельческому феодальному обществу. Отдельные манапы объявляли некоторые урочища своей личной собственностью (корук). Лучшие из этих урочищ, иногда участки леса, огораживались глинобитными дувалами и охранялись, здесь никому не разрешалось пользоваться деревьями, охотиться и т. д.

Богатейшие и наиболее посещаемые кочевниками пастбища крупные манапы превратили в источник доходов. За пастбу скота они взимали натуральные поборы, своеобразную ренту в виде скота, носившую название «от май» или «чоп ооз» (т. е. побор за траву). Взимались также поборы за прогон скота через мосты и даже через территорию, на которую распространялась власть данного манапа. О таких поборах (их называли «туяк-пул», т. е. покопытная подать), взимавшихся со скотопромышленников и торговых караванов, упоминает в своем описании Чокан Валиханов.

Своеобразие имущественных отношений заключалось, таким образом, в том, что «родовая» или «племенная» собственность скрывала захват земли феодальной знатью. Концентрация больших земельных массивов и скота в руках манапов, биев и баев приводила к тому, что многие рядовые кочевники постепенно лишались важнейших средств производства и попадали в зависимость от феодально-байской верхушки.

Охарактеризованные формы собственности определяли и классовую структуру киргизского общества, и положение различных специальных групп в производстве, и их взаимоотношения.

На всем протяжении существования киргизского общества с XIII—XIX вв. мы встречаемся с феодально-родовой знатью как экономически и политически господствовавшей группой. Основной костяк ее в середине XIX, как и в XVIII в. и в более раннее время, составляли бии, в руках которых сосредоточивалось руководство общественной жизнью, в том числе и суд—главнейшая функция управления в то время. Поэтому в последующее время звание бия и стало отождествляться со званием судьи. Но в действительности положение бия определялось не судеб-

Классовая структура киргизского общества

ными функциями, а господством в жизни киргизского общества. Для XVIII в. это очень хорошо отмечают китайские источники.

В первой половине XIX в. из среды биев более отчетливо выделялась привилегированная прослойка—манапы. Власть манапа, как правило, передавалась по наследству. Наиболее крупные из манапов и биев распространяли свою власть на весьма обширные территории с разнородным населением. По преданиям самих киргизов, манапы появляются в XVIII в. Но в 20-х гг. XIX в. в киргизских аилах побывал лекарь Зиберштейн, оставивший, одно из ранних в русской литературе, описание общественного быта киргизов. Описывая жизнь киргизского аила, он упоминает только биев; о манапах Зиберштейн не говорит. В источниках 30—40-х годов упоминания о манапах становятся обычными. Правильнее всего допустить, что слово «манап», как название представителя привилегированной прослойки, распространилось во второй четверти XIX в.

В зависимости от крупных феодалов (ага-манап или чонг-манап) находились средние манапы (орто-манап) и мелкие манапы (чала-манап) с определенным количеством зависимого от них населения. Вся эта феодальная иерархия не только распоряжалась пастбищами в своих узко корыстных интересах, прикрываясь общинными порядками. Крупные манапы и бии сами являлись владельцами многочисленных табунов лошадей, отар овец, стад коров, верблюдов и яков. В их руках была сосредоточена большая часть скота. Остальной скот составлял частную собственность мелких скотоводов, хотя и среди них он был распределен весьма неравномерно.

Крупные феодалы держали в зависимости средних и мелких феодалов и определенное количество подвластных им кочевников, а отчасти и земледельцев. Так, в Северной Киргизии у старшего манапа племени сарыбагыш Джантая насчитывалось до 700 юрт подвластного ему населения, у старшего манапа племени бугу Бороомбая — до 1000 юрт, манап Уметаалы (сын Ормона) из племени сарыбагыш имел 1500, а его брат Чаргын — до 1000 юрт. Некоторые крупные манапы передавали в наследство своим сыновьям целые родовые подразделения; это весьма походило на своеобразную удельную систему. Весьма мно-

гочисленным был слой манапов, имевших подданных в количестве менее 100 юрт.

Феодално-родовой знати противостояла масса трудящихся киргизов, объединяемая одним названием — букара. Это была не крепостная, но феодално-зависимая масса, прежде всего, трудящихся-кочевников и земледельцев.

Но подвластная манапам букара не представляла собой однородной массы. Имущественная дифференциация внутри букары носила отчетливые формы. Все более приближался по своему общественному положению к манапам слой баев — богатых скотовладельцев. С другой стороны, увеличивалось количество бедняцких хозяйств, вынужденных идти в кабалу к баю и манапу. Часть бедняков (их называли конгшу) кочевала вместе с манапами и биями и обслуживала их скот на условиях отработок, другие бедняки не кочевали, но обрабатывали на тех же условиях землю баев. Бедняки, лишившиеся своего скота, были наиболее эксплуатируемой частью киргизского общества. Использовались они в качестве домашней прислуги (малай), пастухов овец (койчу) и табунщиков (жилкычы), поденщиков (жалчы).

Середняки до поры до времени сводили концы с концами, но их уверенность в завтрашнем дне, при всесии манапов и частых бескормицах, была весьма относительной.

Не только труд букары обогащал представителей феодалной знати. Вплоть до присоединения к России у киргизов продолжали существовать остатки патриархального рабства. Рабами (кул) были главным образом военнопленные, захваченные во время войн. Кроме того, рабами становились преступники, за которых их сородичи отказывались уплатить выкуп. Манапы включали рабов в состав калыма и приданого, выставляли их в качестве призов на скачках, ими уплачивали кун и т. п. Они использовались, в основном, в домашнем хозяйстве в качестве прислуги и, отчасти, в скотоводстве. Сами рабы не считались членами «родовой» общины, потомки же их входили в число членов данной общины, но с ограниченными правами. Широкого распространения рабство у киргизов не получило. Кроме потомков рабов, в состав «родовой» общины могли входить припущенники — члены чужих «родов» (кирме), продолжавшие сохранять свое родовое наименование. Они

обычно попадали в зависимость от местного феодала, как и другие члены общины.

Системе патриархально-феодальных отношений у киргизов была свойственна характерная черта феодализма — неполная собственность феодала на работника производства. Она проявлялась в различных формах закрепощения «сородичей», выступавших под видом покровительства и помощи нуждающимся родственникам. Одни манапы отдавали своих «сородичей» в качестве составной части калыма, другие — дарили и обменивали их, третьи — насильственно переселяли целые группы хозяйств своей букары по каким-либо политическим или семейственным соображениям и т. д. Манап вмешивался и в личную, семейную жизнь букары, лишая рядового кочевника возможности жениться без его разрешения или, наоборот, заставляя его развестись с женой, отбирал полученный «сородичем» калым и т. п.

Формы эксплуатации

Киргизские феодалы широко пользовались различными формами эксплуатации букары, прикрываемыми патриархально-родовой оболочкой «помощи» обедневшим скотоводам. Одной из наиболее распространенных форм такой эксплуатации являлось наделение бедняков скотом, носившее название «саан» (буквально доение). За предоставление во временное пользование части своего молочного скота или овец нуждающимся сородичам-беднякам с правом последних использовать по своему усмотрению молоко и шерсть, манап обязывал их отрабатывать в его хозяйстве, иногда целыми семьями: ухаживать за его скотом, заготавливать топливо, обслуживать земледельческое хозяйство — поливать посевы, караулить их и т. д. Полученный от манапа скот надо было целый год кормить, а приплод сохранить.

Другой формой эксплуатации этого же типа являлось предоставление манапами и баями нуждающимся «сородичам» вьючного скота для перекочевки, либо рабочего скота для обработки поля, также изображаемое в качестве родственной помощи. За эту «помощь» бедняк должен был отработать манапу или баю в его хозяйстве.

Обе эти формы феодальной эксплуатации носили характер отработочной ренты, своего рода барщины, имевшей лишь внешние признаки родовой взаимопомощи. Вступая в такого типа отношения с манапами и баями,

обедневший скотовод или земледелец становился в кабальную зависимость, оказывался закрепощенным феодалом.

Явные черты барщины носила такая форма «помощи» манапу или баю, как «ашар». По предложению манапа, зависимая от него букара собиралась и в короткое время коллективно выполняла в его хозяйстве какую-либо большую работу, связанную с обработкой его полей. От манапа требовалось только угостить своих даровых работников.

Среди южных групп киргизов получила развитие эксплуатация беднейшего дехканства в форме издольтыны (орток).

Все эти виды эксплуатации были очень изнурительными для массы букары. Однако ими дело не ограничивалось. Среди киргизов получила большое развитие и рента продуктами, ложившаяся тяжелым бременем на плечи букары. Манапы заставляли подвластное им население систематически платить оброк, носивший название «салык», он взимался скотом (обычно овцами и лошадьми) и продуктами. Кроме того, букара была обязана доставлять скот и продукты для манапского стола (союш), покрывать расходы, произведенные манапами на угощение гостей, пиры и праздники (чыгым), собирать скот для призов на скачках и состязаниях, для подарков по случаю свадьбы членов манапской семьи и т. п. Охотники должны были в обязательном порядке доставлять добытую дичь к столу манапа, искусные мастера—«дарить» манапу лучшие образцы своего труда.

Среди киргизов бытовали обычаи взаимопомощи, в частности, в виде объединения для поочередной уборки полей каждого из участников (алгоо). Эти формы коллективного труда нередко служили прикрытием для эксплуатации баями своих бедных соседей. Более устойчивые формы простейшей производственной кооперации сохранялись в скотоводческом хозяйстве, охватывая почти весь цикл сезонных работ, включая и работы по уходу за посевами. Для этой цели объединялись иногда до десятка и более хозяйств соседей по зимовке, чаще всего являвшихся близкими родственниками.

Среди киргизов были распространены в прошлом различные формы общественного времяпровождения, сопровождавшегося, обычно, совместной трапезой. В их числе

были: шерне—объединение для поочередного угощения участниками друг друга, практиковавшееся летом, причем важную роль в угощении, наряду с мясом, играл кумыс. Аналогичные объединения (жоро) создавались и зимой, когда каждый из участников поочередно варил для общего угощения бозо (алкогольный напиток, чаще всего из проса). Празднества (той) по случаю свадьбы, обрезания и т. д. так же, как и тризна (аиш) по умершему, носившие ранее общеродовой и семейный характер и заключающиеся в обильных угощениях и разного рода народных увеселениях, манапы и баи стали устраивать с особой пышностью, рассматривая их как способ укрепления своего авторитета и влияния, а также немаловажный источник дохода (по обычаю, приглашенные на празднество должны были оказать устроителю помощь в виде подношения (кошумча).

В тех случаях, когда авторитет и сила патриархальной традиции, освященной веками, оказывались недостаточными, на сцену выступали исполнители манапской воли—безжалостные джигиты, с нагайкой в руках приводившие в повиновение некоторых, а также манапский суд.

Манапы нередко сами, наряду с судьями-биями, осуществляли судебные функции, получая за решение дела с тяжущихся судебную пошлину (бийлик), а с виновной стороны штраф (айып тартуу). В большинстве случаев бийсудьи также были ставленниками манапов и не решали ни одного дела без совета с ними.

В своей судебной практике и манап, и бий руководствовались неписаным обычным правом. Оно исходило из уже сложившихся твердых положений неравенства между богатым и бедным, между мужчиной и женщиной. Например, выкуп за кровь (кун) колебался в своих размерах в зависимости от того, какое общественное положение занимал убитый, был ли он богат или беден. Таким образом, родовые обычаи, чанг и суд биев служили важным идеологическим оружием в руках господствовавших классов.

Межплеменные и феодальные войны были вплоть до присоединения к России повсеместным явлением. Они были тяжелыми и изнурительными для букары, но выгодными для манапов и биев. Характер феодальных войн приобрела и барымта, ранее служившая средством разрешения межплеменных споров или средством насильственно-

го возмещения ущерба, понесенного тем или иным аулом. В первой половине XIX в. барымта стала средством захвата скота и рабов и проводилась в интересах феодальной верхушки киргизского общества. Но с развитием классовых противоречий масштабы и цели войн менялись. Из мелких набегов они превращались в крупные военные столкновения с целью захвата территории, скота и расширения эксплуатации трудовых масс.

Исторические и фольклорные данные свидетельствуют о существовании у киргизов в отдаленном прошлом развитой военной организации. Войско было организовано по принципу племенного ополчения. Существовали подразделения из десятков, сотен, тысяч и десятков тысяч человек, с соответствующими военачальниками. Применялись хорошо разработанные приемы разведки, маскировки, тактики боя. В одной из наиболее крупных феодально-племенных войн, продолжавшейся в течение ряда лет в середине XIX в., войне между племенами бугу и сарыбагыш, участвовали тысячи бойцов из различных родовых подразделений. Крупные манапы стремились ко все большему расширению своего влияния и власти над соседними племенами. Вместе с тем эти войны имели целью ослаблять время от времени обострившиеся классовые противоречия внутри племени. Эти захватнические феодальные войны, которые велись в интересах феодально-родовой знати и только разоряли букару, преподносились манапами как «общеплеменные» мероприятия.

В далеком прошлом киргизы были вооружены луками (жаа), но к середине XIX в. они уже вышли из употребления, и оружие киргизов составляли: деревянные пики с металлическими наконечниками, сабли, боевые топоры с лезвием серповидной формы, типа секиры или алебарды (айбалта), дубинки разных типов, в том числе со свободно подвешенными набалдашниками и др. Было распространено и огнестрельное оружие в виде фитильных ружей разных типов. Каждое «племя» имело свой боевой клич, с которым шло в бой.

Остатки и пережитки патриархально-родовых отношений способствовали затуханию классовых противоречий в киргизском обществе. Отсталость и забитость кочевого населения, неразвитость классового сознания бедноты, закабаленных пастухов, рабов и малаев мешали раз-

вертыванию классовой борьбы. Однако эта борьба между аристократической феодальной верхушкой и эксплуатируемой массой рядовых кочевников, земледельцев и бесскотных пастухов прорывала оболочку патриархальщины и отсталости и находила себе выход. Сами формы классовой борьбы носили крайне отсталый характер. Это был уход или откочевка отдельных групп населения из-под власти манапов, отличавшихся особым деспотизмом и жестокостью, угон скота у некоторых феодалов-эксплуататоров, убийство отдельных ненавистных манапов и баев и т. д. Но в целом классовая борьба в силу указанных причин не достигала в рассматриваемый период той остроты, какую она приняла позднее, по мере углубления классовых противоречий.

Семейно-брачные отношения

В тесной зависимости от характера патриархально-феодальных отношений находились и семейно-брачные отношения киргизов.

Господствующей формой семьи у киргизов в рассматриваемый период являлась индивидуальная (малая) семья. Однако она сохраняла еще многие черты своей предшественницы—патриархальной семьи и не являлась единственной формой семейной организации.

Наряду с малой семьей среди киргизов продолжало существовать значительное количество неразделенных больших семей, внешне обладавших многими признаками патриархальной семейной общины. Они состояли из родственников двух и более поколений, живших общим домохозяйством; количество членов в таких семьях доходило до нескольких десятков человек. Скот считался общесемейным достоянием, запасы пищи, также как и питание, были общими. Современные формы большой семьи находились в тесной связи с ростом имущественного неравенства. Развитие семейной собственности в условиях ее накопления требовало пополнения крупного хозяйства рабочей силой. Наем рабочей силы в условиях господства натурального хозяйства, конечно, не мог получить широкого распространения. Не могло удовлетворить потребности в рабочей силе и рабство. Источником рабства являлись в основном захваты пленных, но осуществлять набеги на соседние государства по мере их укрепления было нелегко, да и силы политически разрозненного киргизского общества были не-

достаточны для крупных захватов. Естественно, что в этих условиях большое значение в крупных хозяйствах приобрела семейная кооперация. Не случайно, а вполне закономерно, что в экономическом отношении большие семьи были обычно довольно состоятельными.

Малая семья состояла обычно из главы семьи, его жены и детей, иногда еще и родителей. Многоженство было распространено главным образом в манапских и вообще в богатых и зажиточных семьях; бедняцкие семьи, как правило, были моногамными. В байских хозяйствах многоженство нередко являлось своеобразной формой эксплуатации женского труда. Заключению брака предшествовало сватовство, причем существовал обычай, по которому иногда сговаривали малолетних детей, только появившихся на свет; были случаи, когда сговаривали еще не родившихся детей. Этот обычай был более характерен для обеспеченных семей. Распространенными формами брака были выдача вдовы замуж за младшего брата ее умершего мужа и женитьба вдовца на младшей сестре умершей жены. Среди бедняков встречалась еще такая форма брака, как обмен сестрами или родственницами без уплаты калыма. Наконец, практиковалось иногда (хотя и редко) и умыкание девушки, причем обязательно требовалось согласие девушки. Умыкание не освобождало от уплаты калыма.

Чаще всего брак носил характер сделки между родителями юноши и девушки, в основе которой лежала уплата выкупа (калыма) за невесту. Согласия на брак юноши и девушки было необязательно. Уплата калыма, являвшегося обязательным условием заключения брака, была крайне трудным делом для неимущих слоев населения, наемных пастухов и бедняков. Нередко бедняки были обречены из-за этого на бессемейность. Даже в середняцких семьях уплата калыма была нередко делом всей семейно-родственной группы, к которой принадлежал жених. Размеры калыма были различны, они находились в зависимости от достатка семей жениха и невесты. Калым в известной мере компенсировался приданым (сеп), в которое у богатых семей входила и юрта для молодых; обычно же оно состояло из одежды, украшений, домашнего убранства и утвари. Нередко практиковалась отработка за невесту.

Обычным явлением было выдача замуж 14—15-летних девочек. В прошлом, по обычаю, разрешалось брать жену

из семьи родственника по линии мужа не ближе, чем из седьмого колена, однако это ограничение постепенно отмирало.

Реальное значение в киргизской семье имело лишь родство по мужской линии, хотя сохранялись некоторые следы и более древних семейно-брачных отношений, связанных с материнским правом. Предпочитались браки с родственниками по матерям. Среди родственников матери особое место отводилось брату матери, который по отношению к детям сестры имел ряд прав и обязанностей. Он пользовался с их стороны особым уважением.

Отношения в киргизской семье строились на патриархальной основе. Глава семьи считался распорядителем всего имущества и судьбы своих детей. Положение женщины в семье, как и в обществе, было неполноправным. Выкуп (кун) за убийство или увечье женщины уплачивался в половинном размере. Женщина не могла быть, за редким исключением, свидетельницей на суде. Она не только была лишена права наследования, но сама после смерти мужа или отца расценивалась как часть имущества, переходящего к родственникам мужа или братьям. Труд по обслуживанию всего домашнего хозяйства, воспитание детей, уход за скотом, изготовление одежды и утвари и т. п. ложился тяжелым бременем на киргизскую женщину. Она являлась главной рабочей силой в семье, что приводило ее к преждевременной старости. Необходимо, однако, отметить, что киргизская женщина, находясь под полной опекой и в подчинении у мужчины, пользовалась все же некоторой свободой и самостоятельностью в домашнем быту и в хозяйстве. При этом в бедняцких семьях женщина была гораздо менее бесправной, чем в зажиточных и байских, являясь помощницей и советчицей мужа во всех хозяйственных и семейных делах. В отдаленном прошлом женщина в киргизском обществе, как об этом можно судить по данным фольклора и по преданиям, занимала более высокое положение.

§ 4. КИРГИЗСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Несмотря на общую отсталость, вызванную господством кочевого уклада и патриархально-феодальных отношений, киргизский народ сумел пронести через века, со-

хранить и развить самобытные культурные ценности, создававшиеся многими поколениями.

Основная, наиболее ценная часть культурного наследия киргизского народа: устно-поэтические и музыкальные богатства, произведения прикладного искусства, — создавалась трудящимися и вышедшими из их среды талантливыми мастерами. Она предназначалась для народа и обслуживала его познавательные и эстетические запросы.

Однако с углублением классовых противоречий в киргизской культуре все более отчетливо выступали две тенденции: с одной стороны — подлинно народная, демократическая, с другой стороны — феодальная, байская, стремившаяся идейно подчинить себе все творения народа. Создаваемая народом киргизская культура в условиях классового общества нередко присваивалась и использовалась господствующими, эксплуататорскими классами.

Материальная культура

Наиболее глубокий отпечаток на материальную культуру киргизов наложили скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт, связанные с кочевым образом жизни. В то же время в материальной культуре наблюдались и локальные отличия; наиболее отчетливо они выступали между северными и южными группами киргизов.

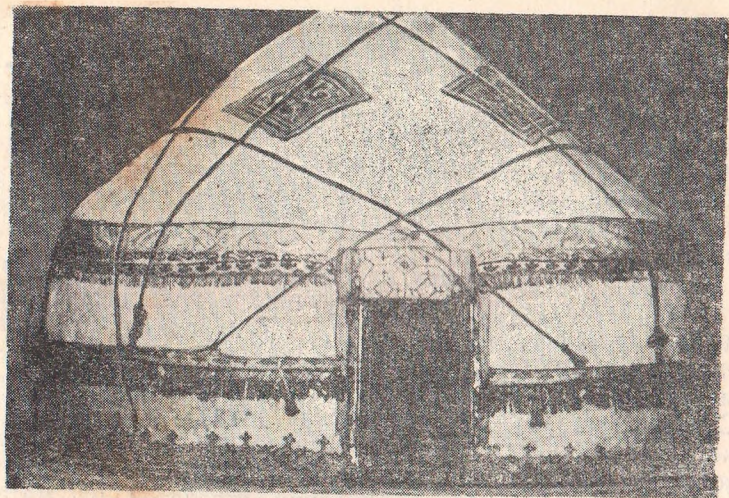
Господствующим типом жилища являлось переносное жилище — юрта. Основу ее составлял деревянный остов.

Бедняки жили в маленьких прокопченных юртах, покрытых темными войлоками.

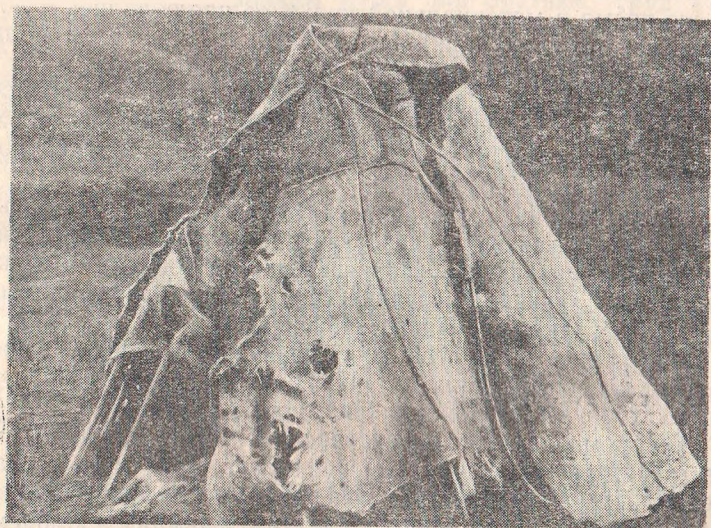
Юрты богачей и манапов отличались не только большими размерами, но и качеством войлочных покрышек; их юрты покрывались белыми и тонкими войлоками и украшались большим количеством орнаментированных шерстяных (тканых) и войлочных полос.

Внутреннее убранство киргизской юрты всецело зависело от классовой принадлежности ее владельца, но обычно состояло из несложной обстановки и утвари.

Во время дальних перекочевков, а также для пастухов на отгонных пастбищах употреблялась юрта малых размеров. Для большинства кочевников и полукочевников юрта служила одновременно и летним, и зимним жилищем. Но кое-где на зимних стойбищах начинали строить зимние помещения, в которых укрывались от стужи и непогоды в

Юрта богатого киргиза

Войлочный шалаш бедняка

самые холодные месяцы. На юге Киргизии встречались зимние жилища, представлявшие собой в большинстве случаев глинобитные или, что встречалось реже, сложенные из камней, скрепленных глиной, хижины с плоской крышей. Окна в них заменялись щелями в верхней части стен, под крышей. Отверстие в потолке служило для выхода дыма. Отапливались жилища по-черному, тепло в них держалось плохо. К жилищу богатых киргизов иногда пристраивались хозяйственные помещения. Загоны для овец представляли собой площадку, обнесенную невысоким барьером, выложенным из камней, глинобитным или сделанным из валежника и камыша.

В одежде киргизского населения прослеживались особенности, свойственные отдельным территориальным и племенным группам.

Но главные отличия в одежде определялись классовой принадлежностью ее владельца. Бедняк часто вынужден был довольствоваться в качестве верхней одежды грубым халатом из армячины, к тому же иногда надеваемым на голое тело. Пастухи и домашняя прислуга получали за свой труд старую изношенную одежду кого-либо из членов зажиточной семьи. В то же время феодальная знать и баи носили бешметы и штаны из дорогих привозных тканей, суконные и шелковые халаты, их тулупы шились из мягких белых шкурок ягнят. Особенностью костюма баев и манапов были кожаные пояса, отделанные дорогими серебряными украшениями. Такие же различия наблюдались и в обуви, и в головных уборах, и в украшениях.

Обычным головным убором мужчин была меховая шапка с опушкой из овчины или меха лисицы.

Обувью служили сапоги различных типов. Среди более зажиточных слоев были распространены сапоги на высоком каблуке, из красной или черной кожи, с коротким следом, а также мягкие войлочные сапоги с вышивкой. Пастухи и бедняки вынуждены были пользоваться обувью типа поршней, из куса невыделанной кожи.

Принадлежностью мужского костюма был нож, подвешенный к кожаному поясу или кушаку из шерстяной ткани.

Женская одежда состояла из длинной и широкой рубахи, служившей вместе с тем и платьем, и из длинных шальвар на вздержке, носившихся под платьем. Девичьи

платья отличались от женских тем, что у них разрез был не на груди, а на плече. Платья часто украшали вышивкой на груди цветными нитками. Поверх платья женщины носили верхнюю одежду, по своему покрою напоминавшую мужскую. Состоятельные женщины имели шубы, подбитые снизу каким-либо мехом. Специфической и своеобразной одеждой киргизских женщин являлась юбка, напоминающая украинскую плахту, имевшая сквозной разрез спереди и широкий пояс. Ее надевали поверх платья, она запахивалась и завязывалась сбоку. Бедные женщины делали такие юбки из овечьих шкур, у богатых они были сшиты из дорогих тканей, нередко украшены вышивкой и оторочены мехом выдры.

Головной убор замужней женщины состоял из навертываемого на голову белого тюрбана, иногда довольно значительных размеров (элечек). Богатые женщины украшали тюрбан вышитыми повязками и платками, серебряными подвесками, кораллами, жемчугом и т. д. Жены пастухов и бедняков нередко ограничивались платком или небольшим тюрбаном из простой ткани. Девушки носили круглые меховые шапки, околыши которых, в зависимости от состоятельности, были из мерлушки или из меха куницы, выдры. Тулья была из цветного сукна или бархата. Шапки украшались перьями филина. Богатые невесты надевали конусообразную шапку (шокуле), отделанную мехом, серебряными украшениями и камнями.

Широко распространены были серебряные украшения, обилие которых служило признаком знатности и богатства. К ним принадлежали серьги, браслеты, кольца, пряжки, подвески к косам и т. п.

Домашняя утварь была приспособлена к кочевому образу жизни в условиях натурального хозяйства. Для варки пищи служил чугунный котел. Чай кипятили в чугунных и медных чайниках. Остальная утварь и посуда была почти исключительно деревянная и кожаная. У обеспеченной части населения были в употреблении медная и серебряная посуда, фарфоровые чашки, из которых пили чай и кумыс.

Главными средствами передвижения у киргизов служили лошади, верблюды и быки. Те же животные использовались и для перевозки тяжестей. У памирских и алайских киргизов ездовым и вьючным животным был и як.

Для перевозки тяжестей иногда служила волокуша из двух жердей с несколькими поперечными перекладинами, один конец которых прикреплялся к седлу, а другой волочился по земле.

**Народные
знания**

Народом был накоплен богатый запас эмпирических знаний, вынесенных из опыта хозяйственной деятельности и глубокого знакомства с природой. Наряду с распространенным среди киргизов, как и среди других азиатских народов, 12-летним животным циклом, у киргизов существовал свой народный календарь, в котором представлен оригиналь-

Киргиз-бедняк

ный 12-месячный цикл и крайне древний счет времени по Плеядам. Названия некоторых месяцев киргизского календаря подчеркивают тесную связь его с древним хозяйственным бытом народа. Так, например, апрель носил название Бугу (самец оленя), май—Кулджа (самец горного барана), июнь—Теке (горный козел). В этих названиях выступает значение охоты, как одного из древних занятий киргизов. Киргизам было известно и

лунное месяцеисчисление. Опытные скотоводы хорошо ориентировались в звездном мире.

Опыт наблюдения за цветением растений и их ростом, за поведением животных и птиц позволил киргизам выработать ряд примет, по которым они пытались определить изменения погоды, время наступления весны или зимы, предвидеть малоснежность или многоснежность последней, качество травяного покрова и т. п. Как бы ни были примитивны эти приметы, они дают право говорить о наличии у киргизов в прошлом своей фенологической системы.

Большим многообразием отличались познания киргизов в области живой природы. С глубокой старины им были известны сотни различных горных растений, причем хорошо выяснены их вредные или полезные свойства. Эти свойства учитывались при использовании травяного покрова во время выпаса скота. Многие растения широко использовались в народной медицине. В окружающем разнообразном животном мире киргизы всегда свободно ориентировались. Особой, можно сказать, виртуозности в распознавании различных видов хищных птиц, использовавшихся для охоты, достигали обслуживавшие киргизскую знать специалисты-охотники.

Довольно точны были и анатомические познания киргизов, особенно в отношении домашних животных.

Древняя письменность киргизами была утрачена. Грамотные среди них насчитывались единицами. Они пользовались крайне слабо приспособленным к киргизскому языку арабским алфавитом и писали, подражая образцам староузбекского (чагатайского) языка.

Обучением детей феодальной верхушки занимались приглашавшиеся манапами в свои аилы бродячие узбекские муллы, все знания которых заключались в умении читать некоторые главы корана, плохо понимая их. Дети трудового народа грамоте не обучались.

Поэтическое творчество Крупную роль в культуре киргизов играло народное поэтическое творчество. В этом творчестве в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная древняя культура, трудовая жизнь, надежды и чаяния, поэтическое восприятие природы.

Киргизское устное творчество отличается большим разнообразием жанров. Наряду с лирическими, трудовыми

ми и обрядовыми песнями, значительное развитие в творчестве киргизского народа получили и другие виды народных произведений: сказки, предания, героические поэмы типа народных романов и, в особенности, богатырский эпос.

Кочевой уклад жизни киргизов породил ряд таких произведений, как пастушеские женские песни (бекбекей) и песни пастухов-табунщиков (шырылдан). Песни бекбекей исполнялись женщинами и девушками ночью, когда они караулили овечьи отары возле аила. Пение их сопровождалось протяжными заунывными выкриками. В них женщины предостерегали друг друга о грозящей от волков опасности, призывали к бдительной охране отар, угрожали волкам.

Песни шырылдан распевали пастухи, приходившие с далеких пастбищ в аилы с целью сбора пищи.

Помимо этих трудовых пастушеских песен, существовали песни, сопровождавшие земледельческий труд.

Жизненный опыт народа, его мудрость получили яркое воплощение в многообразных пословицах и поговорках. Как и всякие народные изречения, киргизские пословицы и поговорки в образной форме прививали любовь к родине и к народу, чувство мужества и отваги, порицали пороки, осуждали зло. Они были тесно связаны со скотоводством, а отчасти и с военным бытом народа. На почве этого жанра устного народного творчества вырос ряд самостоятельных, специфических для киргизского фольклора произведений, представлявших собою нравоучительные песни и поэмы. Они состояли из ряда пословиц (часто имевших стихотворную форму) и рифмованных афоризмов. Такие поэмы называются санат («поучение», или «пример, достойный подражания»). Включавшиеся в них пословицы черпались из числа бытующих в народе. Они подбирались или на одну какую-либо тему, или были разнообразны по тематике, но в целом выступали в виде поэтических моральных поучений.

Другой вид нравоучительных поэм (насыят, т. е. «наставление», «совет») включал пословицы лишь в качестве дополнительного элемента. Более поздние насыяты содержали наставления об обучении ремеслу и грамоте, в них говорилось о пользе знаний. Существовали насыяты и религиозного содержания.

Большое место в киргизском фольклоре занимает песенное творчество. Это связано, в первую очередь, с выдающимся поэтическим даром киргизов, с их редкой способностью к импровизации, к воплощению в поэтических образах и в стихотворной форме всех наиболее значительных событий окружающей жизни. Широкое развитие песни связано также с музыкальной одаренностью народа. Ведущую роль в песенном жанре занимает лирика. Здесь мы встречаем и песни любовные в собственном смысле (секетбай и кюйгон), и песни-жалобы (арман), сложенные по случаю какого-либо горя, личной утраты. В последних рассказывалось о нужде и бедности, о насильственном замужестве и т. д. К песням-жалобам примыкали песни-прощания (коштошуу), исполнявшиеся при прощании с родным краем, с народом, с близкими, с любимой. Особую разновидность песен представляли песни состязания (айтыш), исполнявшиеся во время своеобразных поэтических и музыкальных турниров между народными поэтами-акынами. В таких состязаниях участвовали чаще всего два акына, но на больших празднествах устраивались состязания, в которых принимало участие большое число присутствующих. Состязания-диалоги иногда состояли из загадок и разгадок.

Киргизские манапы культивировали жанр песен-восхвалений (мактоо), которым, однако, противостояли песни-издевки (кордоо), слагавшиеся демократически настроенными акынами, высмеивавшие баев, манапов, а также неблагоприятные поступки людей.

Существовали песни различных возрастных групп, особенно молодежи, которые пели обычно во время игр. Так, исполнялись песни во время игры «целование девушки» или игры «в жгут», во время качания на качелях (селкинчек), девичьи словесные состязания (акый или акыйнек) и др. Большой любовью к детям насыщены колыбельные песни.

Среди бытовых песен видное место занимали причитания и обрядовые песни, которыми, в частности, сопровождались свадебный и погребальный обряды. Перед отправлением невесты из родительского дома в дом будущего мужа, ее мать, родственницы и подруги пели трогательные песни-плачи (кошок). В них с большой силой раскрывалось бесправие девушки, вышедшей замуж, и содержались наставления дочери о том, как вести себя в доме му-

жа, и просьбы к родителям мужа хорошо обращаться с невестой.

Под тем же названием были известны достигавшие большой художественной силы похоронные плачи, слагавшиеся обычно женщинами. В одних случаях это были причитания, короткие лирические произведения, в других же — более крупные произведения типа элегий, подробно повествующие о жизни покойного. Последнего типа плачи зачастую слагались профессиональными певцами по заказу феодальной знати и имели целью прославление «заслуг» того или иного манапа. Причитания, исполнявшиеся в дни поминания умерших, перерастали в особые поминальные песни — жоктоо.

Большое место в устном творчестве киргизов занимал эпический жанр. Необходимо прежде всего остановиться на эпических произведениях малой формы. Насчитывается более десятка эпических поэм, являющихся, повидимому, в значительной своей части остатками эпических сказаний тех племен, которые вошли в состав киргизской народности. Некоторые из них, несомненно, древнего происхождения. Такова сказочно-богатырская поэма «Эр Тошток», герой которой действует в подземном мире. Сказочно-фантастические мотивы отражены и в поэме «Коджоджаш», которая повествует об охотнике, ведущем длительную борьбу с диким животным, обладающем сверхъестественной силой. Эту борьбу после гибели Коджоджаша завершает его сын Молдоджаш. В поэме ощутимы черты анимистического мировоззрения.

В поэмах «Курманбек» и «Эр Табылды» уже отчетливо выражены интересы двух противоположных классов — феодалов и зависимых от них рядовых скотоводов. В этих поэмах, возникших, несомненно, в народной среде, главные герои наделены чертами защитников народных интересов, выразителей народных чаяний. Здесь отразилась борьба против иноземных захватчиков — калмыцких феодалов, начавших грабительскую войну против киргизов. Эпос этого типа характерен для эпохи объединения киргизских племен в народность. В противоположность ему есть поэмы, например, «Джаныш и Байыш», воспевающие захватнические войны. Они возникали в феодально-аристократической среде, которая была заинтересована в таких войнах.

Наконец, среди произведений данного жанра представлены новеллистические поэмы с социально-бытовым и сказочно-романтическим содержанием («Олджобай и Кишимджан», «Мендирман», «Джангыл-Мырза» и др.). Они приближаются по типу к народным романам. В них широко представлены описания приключений героев, семейно-бытовые конфликты и т. п. Особо должна быть отмечена глубоко народная поэма «Кедейкан», представляющая собой образец социальной сатиры, обращенной против угнетателей народа. Она повествует о бедняке, хитростью занявшем место хана и использовавшем ханскую власть в интересах таких же, как и он сам, простых людей.

Значительное место в киргизском фольклоре занимали легенды и предания. Помимо преданий генеалогического характера должны быть отмечены древнейшие по своему происхождению легенды с мифологическим содержанием, отражающие главным образом космогонические представления. В некоторых легендах нашли место также остатки тотемистического мировоззрения; такова легенда о происхождении прародительницы племени Бугу от оленей. Многочисленны легенды и о происхождении животных и птиц. Имели распространение и исторические предания.

К эпическому жанру примыкают сказки (жоо жомок), очень разнообразные по своему содержанию. Здесь и сказки волшебные, которые содержат необыкновенные приключения героев, описания фантастических животных и т. д., и бытовые, в которых ярко запечатлена жизнь народа, его мечты о лучшей жизни, и анекдотические сказки, и сказки о животных. Создателями и распространителями сказок были сказочники-профессионалы (жомокчу).

Наиболее крупным произведением киргизского героического эпоса является поэма «Манас».

«Манас» представляет собой большую по объему эпическую трилогию, созданную в результате коллективного творчества многих поколений талантливых сказителей — манасчи. Впервые отрывок из «Манаса» был записан в конце 50-х годов XIX в. казахским ученым-просветителем Чоканом Валихановым. На русском языке в прозаическом переводе он был опубликован лишь в 1904 г. Сокращенный вариант «Манаса» был позднее записан и в 1885 г.,

опубликован академиком В. В. Радловым в киргизском оригинале и переводе на немецкий язык.

Среди киргизов «Манас» бытовал только в устной традиции. Сохранению «Манаса» до самого последнего времени способствовала не только феноменальная память сказителей, но и большая популярность его в народе. Эпос у киргизов в известной степени подчинил себе все остальные жанры фольклора, вобрав в себя в той или иной мере все его богатства: и предания, и сказки, и песни, и поговорки.

Сказители в своем большинстве никогда не были только исполнителями эпоса, но одновременно являлись поэтами-импровизаторами, создателями новых его вариантов.

Для исполнения «Манаса» требовались многие дни и даже недели. Большую роль в распространении «Манаса» в народе играли ырчы-рапсоды, исполнявшие отдельные, наиболее популярные эпизоды поэмы. В отдельных отрывках «Манас» был известен широким слоям населения. Исполнялся «Манас» обычно при большом количестве слушателей, без инструментального сопровождения. Часть поэмы, содержащая рассказы и описания, излагалась в более быстром темпе, а диалоги и речи героев пелись речитативом, плавно и торжественно. Исполнение их носило характер музыкального сказа. Существует свыше двадцати мелодий, употреблявшихся при исполнении «Манаса». Сказитель сопровождает исполнение поэмы богатыми жестами и мимикой.

Основная сюжетная линия, проходящая через первую часть трилогии «Манас» — это богатырские подвиги легендарного Манаса, совершаемые им в Средней Азии и соседних странах. Здесь представлены циклы песен, посвященные рождению, юношеским годам Манаса, избранию его ханом, военным подвигам Манаса и его дружины из сорока витязей (кырк чоро).

Вторая часть трилогии «Манас» — поэма «Семетей», относится к жизни сына Манаса — Семетея, и третья — «Сейтек», посвященная сыну Семетея — Сейтеку. По своему объему «Семетей» не уступает первой части трилогии. В отличие от «Манаса», стиль которого характеризуется чертами торжественности, суровой героики, поэтический стиль поэм «Семетей» и «Сейтек» приближается

к романтическому; он обладает многими особенностями, присущими стилю лирического произведения.

Первый исследователь «Манаса» Ч. Валиханов указывал, что в нем нашли отражение «образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов, народные отношения их».

В «Манасе» подробно разработано несколько отдельных сюжетов, из которых наиболее крупными являются сватовство и женитьба Манаса на Каныкей, заговор семи ханов против Манаса, переселение к Манасу его родственников — «козкаманов» и др.

Большое место в эпосе занимает социально-бытовой материал: мастерски написанные картины свадьбы, поминок, народных игр и развлечений, домашнего быта, и т. д. Манас выведен в эпосе как главное, стержневое действующее лицо, вокруг которого группируются все остальные. В поэме нет почти ни одного эпизода, где бы не участвовал сам Манас. Эпос рисует замечательные образы киргизских женщин, и прежде всего, красавицы Каныкей — умной и проницательной жены Манаса, верной и мужественной подруги богатыря. Большое место возле Манаса отведено в поэме его сказочному коню Ак-Кулу.

Многое в «Манасе» можно отнести к области сказочного, фантастического, богато представлена в нем мифология. Но часть из тех событий, которые описываются в «Манасе», является, по всей вероятности, художественным отображением некоторых периодов истории киргизской народности и консолидировавшихся в нее племен, в том числе и довольно древних.

На протяжении своей истории киргизам неоднократно приходилось выступать против чужеземных захватчиков и угнетателей — монгольских, ойратских, узбекских и других феодалов и ханов. В большинстве военных эпизодов эпоса отражены события, связанные с ожесточенной борьбой киргизских племен против ойратов, вторгавшихся на территорию Средней Азии в XV—XVIII веках. Этот мотив борьбы с джунгарами сближает киргизский эпос с эпосами других народов Средней Азии (казахов, узбеков, кара-калпаков).

Вместе с тем, в эпосе «Манас» нашли свое воплощение и эпизоды более раннего исторического прошлого

киргизских племен с характерным для него господством военно-демократического строя. «Манас» представляет собой чрезвычайно сложное явление; в нем «сплавились» различные по своему происхождению и по времени возникновения жанры и сюжеты. Состав эпоса свидетельствует о том, что он не возник в своем теперешнем виде в течение короткого времени, а постепенно развивался и обрстал все новыми и новыми сюжетами и песнями, впитывая в себя прежде всего эпические сказания тех племен, которые образовали в конечном итоге киргизскую народность.

Записанные варианты эпоса содержат серьезные противоречия. В некоторых из вариантов еще сохранилось народное содержание эпоса, художественные образы и идейная направленность, отражающие отмеченную выше давнюю борьбу киргизов с иноземными захватчиками. Однако, развиваясь в прошлом в классовом обществе, эпос «Манас» подвергался активному воздействию со стороны байско-манапской эксплуататорской верхушки киргизского общества, стремившейся приспособить народный по своему происхождению эпос к своей феодальной идеологии.

Позднее на некоторых сказителей оказали свое вредное влияние буржуазные националисты.

Для идейного содержания «Манаса» характерны те противоречия, которые присущи патриархально-феодальному строю. Сложившийся как эпос в эпоху начавшегося объединения разрозненных племен и формирования киргизской народности, что было тесно связано с необходимостью защиты от ойратских завоевателей, эпос «Манас», с одной стороны, содержит прогрессивную идею объединения племен перед лицом внешней опасности и изгнания из своей страны чужеземных захватчиков, с другой стороны, он идеализирует патриархально-феодальные «порядки», в том числе те, подчас жестокие, методы, с помощью которых утверждала и поддерживала свое господство над трудовыми массами правящая знать киргизских племен.

В эпосе нашла отражение идеология господствовавших классов киргизского общества. Ханская власть, система вассалитета, феодальные междоусобицы, существование такой социальной категории, как рабы, обслуживающие своим трудом знать; захватнические набеги, со-

проводившиеся угоном скота и пленных, увозом богатой добычи, пышность ханского двора, расточительные и обременительные для народа тризны и многое другое характеризуют классовую направленность эпоса. В поздних вариантах к этому прибавлялись все усиливавшиеся и мотивы борьбы с «неверными».

Реакционные мотивы в эпосе были обязаны своим возникновением тем манасчи, которые составляли окружение феодальной знати. Но среди манасчи были и такие, которые исполняли отдельные сюжеты эпоса перед народными массами и были по своим духовным устремлениям близки народу. Эти манасчи по-своему, в демократическом духе, осмысливали сказания эпоса. Многочисленные военные столкновения они истолковывали в плане защиты родины, борьбы против чужеземных посягателей на независимость и достоинство народа. Эта идея воплощалась в образе главного героя эпоса — Манаса, который во главе народа добивается объединения родственных, но разобщенных племен для защиты от внешних врагов, борется и с внутренними врагами. Эта тенденция к преодолению племенной и феодальной раздробленности, к целостности, единству и независимости киргизского народа была прогрессивной.

Реакционные феодальные круги киргизского общества, а позднее буржуазные националисты стремились использовать эпос в своих классовых, контрреволюционных целях, внедряя в него пантюркистские и панисламистские идеи, придавая образу Манаса черты вождя и объединителя всех тюркоязычных народов, борца за веру.

Однако эти антидемократические реакционные идеи не могли лишить эпос его широкой народной основы. Наиболее близкими к народной среде являются две части трилогии: «Семетей» и «Сейтек», хотя и они не свободны от идеализации патриархально-феодального строя.

В целом киргизское устное народное творчество во всем многообразии его жанров и богатстве содержания может быть названо одним из важнейших достижений народной культуры; оно непрерывно обогащалось за счет усиления мотивов социального протеста против феодального гнета. Во многих своих лучших образцах киргизский фольклор дожил до наших дней и вошел составной частью в киргизскую советскую социалистическую культуру.

Музыка.

Киргизская музыка уходит своими корнями в глубокую древность. Уже в источниках, относящихся к VII—VIII вв., имеются указания на существование у древних киргизских племен музыкальных инструментов: флейты, бубна и других. О любви киргизов к музыке свидетельствуют почти все наблюдатели и исследователи. Музыка сопровождала различные общественные события, в том числе и празднества, тризны, военные походы, семейные торжества и т. д.

Музыкальное творчество киргизского народа было представлено как в вокальных, так и в инструментальных формах. Оно выработало свой законченный стиль, который отличается богатым запасом ритмических средств и характерной сдержанностью и лирической простотой. Главным признаком своеобразного стиля киргизской народной музыки является конкретность создаваемых художественных образов. Киргизской музыке свойственны жизнерадостность и оптимизм.

Важнейшие черты художественного стиля киргизской музыки сближают ее с музыкой казахов, народов Алтая и хакасов. В X—XII веках эта музыка поднялась до относительно высокого уровня, но в дальнейшем, в силу ряда исторических причин, почти остановилась в своем развитии. Речитативность, характерная для киргизской музыки, сохранилась в большей чистоте лишь в отдельных районах, например, у алайских киргизов, но она также продолжает существовать как манера исполнения эпических произведений, многих массовых народных песен, особенно обрядовых. Однако в киргизской музыке возникла и развилась и другая линия песенного творчества в виде протяжных распевных песен. К ним относятся лирические, любовные, пастушеские песни. Распевные песни получили особенно большое распространение у северо-киргизских племен.

Импровизация характерна как для вокальной, так и для инструментальной киргизской музыки. Киргизский музыкант часто является в то же время и автором исполняемого произведения; если он и не импровизирует его полностью, он вносит в него элементы своего творчества. Яркими представителями киргизского музыкального творчества в рассматриваемый период являлись певцы — акыны. Они унаследовали и воплотили в себе лучшие худо-

жественные традиции прошлого. Акын чаще всего являлся не только певцом, но и музыкантом, и композитором.

У акынов имелись свои специфические песенные жанры: песни-наставления, песни-порицания, небольшие эпические произведения, песни с которыми они выступали в соревнованиях и т. д.

По своей идейной направленности акыны не составляли однородной массы. Передовая часть акынов выходцев из народа, выражала в своих музыкально-поэтических импровизациях демократические устремления народа, протест против произвола и бесправия, мечты о лучшей жизни. Творчество другой части акынов было проникнуто реакционной, феодальной идеологией. Это были приближенные к феодально-родовой знати акыны, культивировавшие жанр восхвалений этой знати, стремившиеся своим творчеством поддержать и укрепить ее господство, патриархально-феодальные устои общества.

Большой степени выразительности и оригинальности по своей мелодичности, несмотря на сравнительную простоту исполнительских средств, достигала киргизская инструментальная музыка. Среди народных музыкальных инструментов первое место по степени распространения в быту и популярности занимает комуз — струнный щипковый инструмент лютневого типа, близкий к казахской домбре, но имеющий, в отличие от нее, три струны и гладкий гриф, без ладовых подразделений. Далее следует струнный смычковый инструмент — кыяк, состоящий из деревянного кузова грушевидной формы, с вытянутой сверху шейкой. Нижняя половина кузова обтягивается верблюжьей кожей, служащей декой инструмента. Кыяк имеет две струны из пучков конских волос; из таких же волос делается и смычек. Металлический инструмент — темир, комуз, типа варгана, употребляется преимущественно женщинами и детьми. Звук его очень мелодичен, похож на тихий свист. Сурнай — близок к аналогичным среднеазиатским инструментам типа гобоя, он, а также добулбаш (барабан), употреблялись главным образом во время военных походов. Чоор — разновидность пастушеской дудки, продольная открытая флейта с тремя или четырьмя пальцевыми отверстиями, изготовлялась из стебля степного растения, иногда из дерева, обтянутого в некоторых случаях пищеводом теленка. Отдельные му-

зыканты употребляли своеобразный «ударный» инструмент — подвижную фигуру козла, прыгающую на подставке. Он приводился в движение ниткой, протянутой к руке исполнителя.

Виртуозность исполнителей была доведена у киргизов до большого совершенства. Инструментальное трехголосие является большим достижением киргизской народной музыки. Среди пьес для комуза встречались подлинные шедевры музыкального творчества. Пьесы для кыяка более древнего происхождения, по своей тематике они часто отражали военные события. Таковы пьесы: «Ураан» (боевой клич), «Олжо» (военная добыча), «Кайра качба» (не отступай) и др. В киргизской музыке широко представлены пьесы программно-изобразительного характера на исторические и бытовые сюжеты.

Известны имена старых народных композиторов XVIII—XIX вв. — Тилена, Кальчеке Сыртбая, Куренкая, Музоске и др.

Религиозные воззрения киргизов

Ислам среди киргизов распространился сравнительно поздно. Даже в исторических источниках, относящихся к XVII в., киргизы еще называются «кафирами», т. е. немусульманами. Более интенсивное проникновение ислама в среду киргизов можно отнести приблизительно ко второй половине XVII и к XVIII вв., когда начал усиливаться контакт киргизов с мусульманским населением Кашгара и Ферганской долины. Этот процесс, повидимому, принял еще более активные формы с момента захвата киргизских земель Кокандским ханством.

Основную роль в насаждении и распространении ислама, помимо всякого рода проповедников — дервишей, ходжей и ишанов, — сыграла киргизская феодальная знать. При помощи узбекского духовенства манапы заставляли подвластное им население обучаться мусульманской обрядности и заучивать молитвы. Однако среди подавляющего большинства киргизского населения религиозного фанатизма не наблюдалось. Догматы ислама были мало известны, религиозные обряды выполнялись далеко не всеми. Чокан Валиханов писал по этому поводу: «Пуританизм ислама не успел еще распространиться между этим народом. Буруты (так именовал он киргизов. Ред.) называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был

Мухаммед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду, но заставляют при этом, если найдется грамотный среднеазиатец или татарин, читать молитву. Насколько свободно толковались предписания ислама, свидетельствует тот факт, что однажды по ходатайству «сородичей» крупный феодал Ормон разрешил перенести тридцатидневный пост (орозо) с летнего времени на зиму».

В народных массах были широко распространены антиклерикальные настроения. Они были направлены против официального мусульманского духовенства. Так, в одной из молитв, обращенных к высшему божеству — Кудая, содержалась следующая просьба:

«...От пестрохалатных ходжей сохрани!
От тихо ступающих мулл сохрани!»

Со своей стороны, феодальная знать всеми доступными средствами насаждала мусульманскую идеологию, нетерпимость к «неверным», стремилась использовать религию как орудие укрепления своего господства. Идеология исламизма внедрялась феодалами в народно-поэтическое творчество, народные традиционные обряды постепенно заменялись мусульманской обрядностью. Идеология ислама была глубоко реакционной. Она тормозила развитие производительных сил, задерживала рост культуры. Одной из наиболее агрессивных форм идеологии ислама был суфизм, который имел некоторое распространение и среди киргизов. Его представители — ишаны призывали к борьбе с «неверными», духовно закабалили своих приверженцев. Они вербовали себе мюридов среди киргизов-кочевников. В некоторых местах, даже на Тянь-Шане, существовали киргизские суфийские общины.

Такая религиозная обязанность мусульман, как ежедневная пятикратная молитва, регулярно исполнялась главным образом лицами, принадлежавшими к эксплуататорскому классу. Посещение мусульманских святынь в Мекке (хадж) получило некоторое распространение среди манапов и баев много позднее — в конце XIX — в начале XX вв. Но мусульманские религиозные праздники соблюдались и в народной среде. Однако в их празднование вплетались и языческие обряды. Религиозный пост — орозо — связывался с культом предков. Окончание поста

(орозо айт) отмечалось как поминание умерших. Пища, которую ели в этот день, считалась посвященной духам предков. Мужчины собирались и коллективно читали молитву.

Другой религиозный праздник (курман айт) сопровождался принесением в жертву какого-либо животного. Этот праздник считался праздником живых. Угощение предназначалось для членов своей семьи, родственников, соседей. В первый день этого праздника иногда устраивались скачки (кыз куумай), в которых участвовала молодежь.

Более архаичные черты носил праздник встречи Нового года (нооруз или оруз-дама). Во время этого праздника, который приурочивался к концу февраля, варили специальное блюдо — жидкую кашу из пшеницы. Разжигали костры, мужчины и дети прыгали через них, дымом от горящей арчи окуривали людей и скот.

О поверхностном усвоении ислама киргизами свидетельствовали бытовавшие среди них многочисленные пережитки древних религиозных представлений; особенно крупное место занимали культ предков и элементы шаманизма.

Среди южных киргизских племен ислам пустил гораздо более глубокие корни; некоторые из сохранявшихся у них древних верований подвергались заметному влиянию ислама.

Благоприятной почвой для бытования многообразных домусульманских верований являлась живучесть патриархальных традиций, коренившихся, в свою очередь, в отсталых формах кочевого скотоводческого хозяйства. Неустойчивость последнего, приводившая к частым голодовкам и разорению трудовых хозяйств, бессилие перед «властью имущими», а также перед эпидемиями и разного рода болезнями, вызывали к жизни превратные представления о причинах бед и несчастий. Беспомощный перед социальными силами гнета и несправия, перед стихийными бедствиями природы рядовой скотовод и земледелец искал поддержки или у созданных их же фантазией сверхъестественных существ, или у своих умерших предков; последним приписывалась способность влиять на благополучие потомства.

По представлениям киргизов духи предков покровительствуют оставшимся в живых родственникам; всякого

рода несчастья и болезни объяснялись тем, что духи предков «отступились» от человека за какой-либо поступок, недостойных их памяти. Результатом этого воззрения являлось особое уважение к могиле предков. По рассказам, в старину за оскорбление могилы полагалась смертная казнь. На могилах умерших обязательно ставился какой-либо памятник или знак. Обычно могила обносились глинобитной стеной, а возле могил зажиточных и богатых скотоводов устраивались надмогильные сооружения (кумбез), иногда довольно крупных размеров, типа мавзолеев. С культом предков был связан сохранявшийся местами древний обычай: после смерти мужчины — главы семьи — делалось подобие куклы из верхней одежды и шапки покойного, надетых на деревянный остов или на подушку. Это изображение умершего находилось в юрте в течение года, до устройства большой тризны. Отражением этого же культа являлось поклонение огню домашнего очага, сохранявшееся в свадебном обряде. С углублением классовых патриархально-феодальных отношений и с усилением влияния ислама культ предков начал постепенно приходить в упадок, причем его место занимал культ мусульманских «святых», нашедший свое выражение в почитании разного рода гробниц. Так объектом паломничества служил мавзолей Арстанбап (Арсланбоб) и другие.

Наряду с представлением о духах предков, стало распространяться пришедшее вместе с исламом верование в Кыдыр-ата (Хызра), невидимого, странствующего «святого», приносящего с собою счастье, богатство, славу и прочие блага. Это верование воспитывало в киргизах приниженность и фаталистическое убеждение в том, что счастливым и богатым становится тот, кому «помогает» Кыдыр-ата.

Среди киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, источников, камней, связанное с многочисленными магическими действиями и обрядами. В таких местах, называвшихся мазарами, клали кости и черепа животных, рога горных козлов архаров, ставили шесты с хвостами яков, к деревьям привешивали лоскуты материи, кусочки ваты и т. п. Возле этих мазаров по случаю каких-либо стихийных бедствий (засуха, джут и др.) или во время мусульманских праздников устраивались моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями.

У таких мазаров имели место и частные жертвоприношения по случаю болезни людей или скота, при отсутствии детей. При жертвоприношении произносились молитвы, иногда ничего общего с исламом не имеющие. Такие мазары устраивались и на особо высоких перевалах.

В киргизской мифологии большое место занимали представления о разного рода демонических существах, якобы способных нанести вред человеку или его богатству, каким для кочевников был скот. Из них были известны существа в образе женщины с медным клювом и медными когтями, особенно часто нападающие на охотников (джез тырмак), существо в образе старухи, якобы сосущей кровь из пятки человека (мастан кемпир), существо в образе женщины с длинными грудями, главная опасность от которой будто бы грозит роженицам (альбарсты), и ряд других. Сохранялись следы почитания древнего божества Джер-Суу (т. е. Земля-Вода), которому приносились умилостительные жертвы. Это — древнее божество упоминается еще в орхонских надписях. Вера в это божество была связана с циклом представлений, относящихся к культу природы, среди которых имелись представления о духах — хозяевах гор, рек, перевалов, различных видов животных и птиц. Вместе с тем среди женщин было распространено почитание «покровительницы» женщин и детей, особенно новорожденных, известной под именем Умай-эне.

Особое место среди верований занимало представление о злых духах (джин), вызывающих, якобы, различные болезни у человека и животных, чаще всего сумасшествие, падучую и другие нервные болезни. Способность влиять на джинов, изгонять их из тела больного приписывалась определенным лицам (мужчинам — бакши и женщинам — бюбю), приемы лечения которых во многом напоминали шаманские камлания. Бакши — шаманы пользовались большим влиянием на скотоводов, используя их отсталость и невежество. Существовала своеобразная дифференциация шаманских функций. Бакши и бюбю занимались главным образом лечением, они выполняли и функции прорицателей, угадывателей воров и т. п. Сынци занимались предсказанием будущего характера подрастающих детей, а также угадывали свойства бегавших лошадей. Выделялись еще «вызыватели дождя» (джайчы),

предсказатели погоды (эсепчи), гадалыщики на камешках или на бараньей лопатке, лица, способные отгонять злых духов от рожениц и другие.

**Прикладное и
изобразительное
искусство**

Изыществом и богатством форм, четкостью рисунка, богатством тонов было отмечено издавна развитое у киргизов изобразительное искусство. В силу особенностей кочевого уклада жизни, оно было ограничено художественным оформлением жилища, одежды, предметов утвари, сбруи и т. п. Изобразительное искусство у киргизов было представлено орнаментом на коврах, изготовлением разных типов узорных войлоков, орнаментированных циновок, вышивкой, тиснением по коже, резьбой по дереву и художественной обработкой металла.

Киргизское изобразительное искусство носило подлинно народный характер. Его образцы, украшавшие юрты, предметы внутреннего убранства, одежду, седла, сбрую и т. д. были изготовлены руками мастеров и мастериц — выходцев из народа, а в художественном замысле этих произведений искусства, передававшемся из поколения в поколение, сохранялись лучшие народные традиции.

Выделкой шерстяных ворсовых ковров занимались памиро-алайские и ферганские киргизы, а также киргизы, кочевывавшие в юго-западной части китайского Туркестана. Ковровое производство было особенно развито среди кыдырша, мангыт и др. Киргизские ковры изготовлялись на таком же горизонтальном станке, как и туркменские, на шерстяных основе и утке. Изготовлялись главным образом небольшие ковры. Преобладающими цветами в коврах являлись мареново-красный и индигово-синий, реже попадались желтый, коричневый, черный и белый. Тона и оттенки красок были своеобразны, а сочетание их свидетельствовало о тонкости вкуса исполнителей. Орнаментный рисунок ковров слагался из различных ромбических фигур в сочетании с мотивами типа «бараньего рога», из восьмиугольников, меандрового (в виде изогнутых лент и линий), излюбленного гранатного орнамента и других. В орнамент ковров, особенно у кашгарских киргизов, проникали китайские элементы и мотивы.

Наиболее распространенными среди киргизов являлись войлочные ковры и различные предметы быта из орнаментированного войлока, из которого изготовлялись, в част-

ности, мешки и сумки для хранения и перевозки утвари, принадлежности сбруи и т. д.

При орнаментации войлока применялись три технических приема. Первый прием состоял во вкатывании в основной фон войлока узоров из окрашенной шерсти. Такого типа ковры носят название «ала-кийиз». Вторым приемом является аппликация: нашивание на войлочную основу узора из кусков окрашенного в другой цвет войлока или ткани. Наконец третий прием состоял в сшивании двух разных по цвету кусков войлока. Ковры, изготовленные таким способом, называют «шырдак».

Орнамент на войлочных изделиях отличается простотой, ясностью рисунка, сравнительно крупными его размерами; он окрашивался чаще всего в два основных цвета: синий и красный, красный и белый, красный и желтый.

По характеру орнамента киргизские войлочные ковры весьма сходны с такими же коврами у казахов.

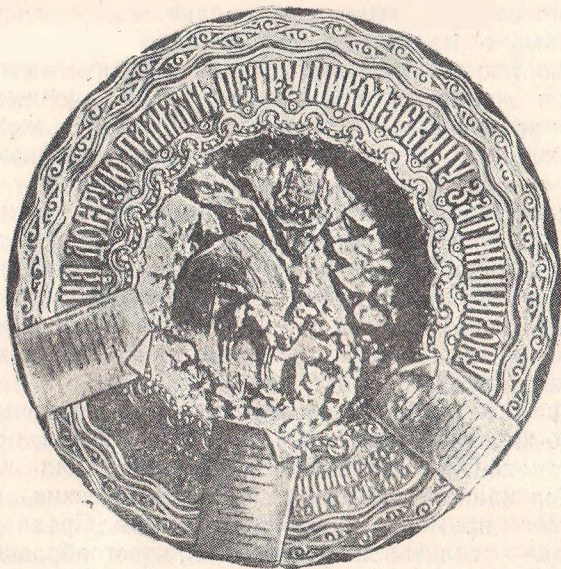
Видное место в искусстве киргизской женщины занимала вышивка. Вышивкой украшались одежда, различные предметы домашней утвари (подвесные сумки, мешочки, покрывала, полотенца), чепраки и т. д. Богатые по мотивам цветные композиции из вышивки по бархату обрамляли декоративные панно-украшения на внутренних стенах юрты, называемые «тушкийиз».

Вышивали бумажными, шерстяными и шелковыми нитками по хлопчатобумажной и шерстяной ткани, по войлоку и, наконец, по коже. Два последних вида вышивки являются наиболее древними. Из технических приемов чаще всего применялся тамбурный шов. Среди мотивов вышивок — стилизованные растения, крестообразно расположенные парные «рога», зигзаг, розетки и другие геометрические фигуры. Все эти мотивы наиболее близки к казахским.

Оригинальными по технике изготовления и рисунку были узоры из цветной шерсти, которыми покрывали циновки из стеблей чия, употреблявшиеся для обтягивания деревянного остова юрты. В них встречаются восьмигранные ромбы, внутри которых помещены квадраты с парными «рожками» на концах. Тканые полосы, служившие для крепления различных частей юрты, также делались часто орнаментированными. Тиснение по коже и аппликация из кожи встречались главным образом на сундуках, футля-

рах, различных кожаных сосудах для кумыса или молока, принадлежностях седла, одежды и т. д. Орнаменты, вытисненные на кожаных сосудах для кумыса очень близки к аналогичным узорам у алайцев.

Конская сбруя, мужские пояса и некоторые другие предметы украшались металлическими пластинками и бляхами, покрытыми чеканкой, гравировкой и чернью или прорезным узором; из серебра изготовлялись различные женские украшения. Резным орнаментом покрывались

Резная деревянная тарелка

двери юрт — каалга и дверные рамы — босого, сундуки, музыкальные инструменты, ручки деревянных мешалок для кумыса. Применялись два способа резьбы: плоский и углубленный; при этом плоская резьба часто раскрашивалась красной, синей, коричневой и другими красками. Мотивы резьбы — растительные и геометрические орнаменты.

Резьба по дереву, как и художественная обработка металла, производилась, как правило, мужчинами, все

остальные виды изобразительного искусства составляли область художественного творчества женщин. В киргизском орнаменте встречались реалистические изображения животных, птиц и других элементов окружающей природы, а также предметов быта. Наряду с ними, особенно в вышивках и аппликациях, попадались фантастические узоры. В целом киргизский орнамент по своим художественным и стилистическим особенностям генетически близок к древнему «скифскому» и «сакскому» искусству, особенно ярко представленному в древности в тех же районах, где в дальнейшем формировались древне-киргизские племена.

Кроме орнамента, киргизам был известен и другой вид искусства — тематический рисунок, применявшийся, начиная с XVIII в., в росписи надгробных сооружений. Это живопись, типа фресок, аналогична живописи в мазарах Казахстана. Среди рисунков на стенах таких сооружений встречаются изображения различных животных (верблюдов, лошадей, собак, козлов), предметов утвари, вооружения, одежды, человеческих фигур. Иногда чувствуется желание расположить фигуры в связную композицию (сцены охоты, перекочевков). Так же как и у казахов, исполнение всех этих рисунков диктовалось анимистическими идеями и представляло собой область религиозного искусства. Композиции отражали также события, имевшие место при жизни умершего.

Киргизское изобразительное искусство не было однородным на всей территории его распространения. В пограничных районах расселения киргизов заметны его связи с искусством соседних народов. Так, на юге Киргизии киргизский орнамент напоминал орнаменты узбекский и таджикский. Но в целом киргизское изобразительное искусство носит вполне самостоятельный и самобытный характер, обнаруживая известную близость с казахским, отчасти с каракалпакским искусством и искусством народов Алтая.

Игры, развлечения, спорт

Среди киргизского населения издавна пользовались большим распространением разнообразные игры и развлечения.

Наиболее распространенными среди молодежи играми являлись: джоолук таштамай (аналогична русской игре в «жгут»), думпулдок — игра в «волков и овец», жашын-

бак — игра в прятки, различные виды игр в жмурки и др. Одним из самых любимых развлечений молодежи являлись качели (селкинчек) из веревок, привязываемых к деревьям или к столбам. Качались по двое с пением. Среди игр мужской молодежи следует отметить ночную игру ак чолмок, во время которой две партии соревнуются в том, чтобы раньше разыскать, и, не давая отобрать противной стороне, доставить в определенное место брошенный белый мяч из шерсти.

Мужская молодежь старшего возраста и мужчины часто соревновались в игре аркан тартыш (перетягивание каната), но особой популярностью среди них пользовалась игра в бабки (ордо).

Характер многих массовых развлечений, спортивных упражнений исторически связан с условиями военной, походной жизни, требовавшей постоянной готовности к защите и нападению и, следовательно, способствовавшей развитию храбрости, силы и ловкости.

Наиболее древним из спортивных развлечений являлся сайыш — поединок двух всадников, вооруженных длинными деревянными пиками. Цель состязания — выбить противника из седла. Обязательной частью одежды в этих случаях был кожаный или войлочный (в несколько слоев) нагрудник. Иногда в поединках выступали женщины. Поводом к излюбленному виду развлечений — скачкам (ат чабыш) в более отдаленное время служили, главным образом, поминки и тризны. В дальнейшем скачки превратились в излюбленный вид спорта. В скачках, устраивавшихся раньше обычно с призами, главную роль играла быстрота бега лошадей и их выносливость. Дистанции для скачек были всегда большими, доходя в некоторых случаях до 50 км. Выбор лошадей, пригодных для скачек, их тренировка, так же, как и подготовка жокеев (ими были обычно мальчишки), составляли целую систему различных приемов и правил и требовали большого искусства и специальных навыков.

Другим видом состязаний являлись скачки с козлом (кок бору и улак тартуу). В них уже имело большое значение не только хорошее качество лошадей, но и умение наездника хорошо держаться в седле, его сила, выносливость и сообразительность. Для состязания закалывали козленка и отрезали ему голову и нижние части ног.

Цель состязания — поднять, не слезая с лошади, козленка и доставить его к условленному месту, уходя от противников и не позволяя им вырвать козленка. Участники состязания делились на две партии, обычно из двух родовых групп.

У памирских киргизов скачки на лошадях заменялись скачками на верблюдах.

Весьма популярными видами развлечений являлись борьба на лошадях (оодарыш) заключающая в стаскивании противника с лошади, и борьба пеших (курош), цель которой свалить противника на землю.

ГЛАВА VI

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КИРГИЗИИ К РОССИИ

§ 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Причины дви-
жения царизма
в Среднюю
Азию

Присоединение Киргизии к России происходило в процессе завоевания царизмом среднеазиатских ханств.

К завоеванию Средней Азии царское правительство побуждали ряд причин.

В первой половине XIX в. в России происходили разложение крепостнического хозяйства и рост капиталистических отношений. Особенно быстро развивалась хлопчатобумажная промышленность. Для развития крупной капиталистической промышленности, в том числе хлопчатобумажной, особенно после крестьянской реформы, необходимы были новые рынки сбыта.

Говоря о процессе развития капитализма, Ленин в 1899 году отмечал две стороны этого процесса: с одной стороны развитие капитализма вглубь, с другой, «... могучее стремление развитого капитализма расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-во-

сток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь».¹

«Фабрикантам,— пишет Ленин,— нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны».²

После реформы 1861 г. русский царизм усиливает свое наступление в Средней Азии, рассматривая ее как рынок сбыта и дешевого сырья.

Во второй половине 40-х годов начались торговые связи с Кашгаром. Киргизия являлась лучшим путем для проникновения в Кульджу и Кашгар.

Оренбургский генерал-губернатор Катенин разработал план развития торговли с Китаем через Кашгар и завоевания Коканда. 6 июля 1858 г. товарищу министра иностранных дел он писал: «Оставаться в этом положении мы решительно не можем... занятие Туркестана и Ташкента есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния на среднеазиатские владения, так и самое существование Сыр-Дарьинской линии». Катенин настаивал на немедленном завоевании Средней Азии.

Для развития молодой капиталистической хлопчатобумажной промышленности России требовались не только рынки сбыта, но и новые источники сырья. Средняя Азия, в том числе и Киргизия, обладала богатыми источниками сырья (главным образом хлопок).

За 48 лет с 1812 г. по 1860 г., количество перерабатываемого хлопка в России возросло более чем в 50 раз.

С 1861 г. по 1865 г. в привозе хлопка в Россию ввиду гражданской войны в США произошло резкое сокращение. Ввоз американского хлопка в Россию с 1861 по 1862 гг. сократился в шесть раз. Цены на хлопок значительно возросли, и текстильная промышленность России ввиду отсутствия хлопка оказалась в состоянии кризиса.

Цены на среднеазиатский хлопок на нижегородской ярмарке с 4—5 рублей за пуд в 1860 г. поднялись до

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 76.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 520.

7 р. 50 к. в 1861 г., до 12—13 р. — в 1862 г. и дошли до 22—24 руб. в 1864 г. Дороговизна хлопка, недостаточное его количество для бурно растущей русской текстильной промышленности, поиски новых источников сырья — все это толкало русский царизм к захвату Средней Азии. В течение только первого года гражданской войны в США ввоз среднеазиатского хлопка в Россию увеличился почти в три раза.

Усиление торговой связи России со средней Азией можно видеть также из следующих данных: с 1840 по 1850 год из Средней Азии привозились в Россию товары на 800000 руб. вывозились из России на 600000 рублей, в 1857 г. привезено в Россию более чем на 6 миллионов, в 1862 г. — почти на 9,5 миллиона, в период занятия гг. Туркестана и Чимкента — на 12 миллионов рублей. В 1867 г. привоз достиг до 13 миллионов, вывоз — 16,5 миллиона рублей.

Не только оседлые районы Средней Азии, но и кочевой, скотоводческий Киргизстан представлял для развивавшегося российского капитализма значительную ценность. Русские купцы привозили в аилы киргизов все, что было нужно для киргизского быта: ситцы, кожи и разные железные вещи и другие товары. За эти товары они брали от киргизов не деньги, а скот и меха. Всеобщим эквивалентом в торговых сделках с киргизами служил скот (главным образом, бараны). Денежное обращение было развито крайне слабо. Торговые обороты киргизов ограничивались обменом своего скота проезжавшим русским, кокандским и кашгарским торговцам. Взятый скот в обмен на промышленные товары российские купцы перегоняли в г. Петропавловск. Иногда торговцы оставались в Киргизии целый год.

Торговые сношения России со Средней Азией, в том числе с Киргизией, укрепляли экономические связи народов Средней Азии с русским народом. В развитии торговых связей России со Средней Азией были заинтересованы не только русские, но и народы Средней Азии. Русская промышленность обеспечивала население Средней Азии всеми необходимыми промышленными товарами.

Средняя Азия, в том числе и Киргизия, представляла для царской России интерес не только как рынок сырья и

сбыта. Русский царизм стремился превратить ее в свою колонию для получения обширной колонизационной области и нового источника государственных доходов. По реформе 1861 г., отрезав у крестьян примерно $\frac{1}{5}$ часть их земель в пользу помещиков, царское правительство хотело разрядить недовольство крестьян путем переселения их на окраины. Для этого необходимо было завоевание и присоединение Средней Азии к Российской империи.

В «Материалах к характеристике народного хозяйства в Туркестане» говорится, что, «если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана, этот край, с первых же дней присоединения представлял двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства и 2) с точки зрения колонизаторской политики, как новая область для переселения избытков населения из центральных губерний».

Российские дворяне в качестве чиновников хотели с присоединением Средней Азии к России захватить в свои руки управленческий аппарат для эксплуатации трудящихся масс. Дворяне-помещики, поддерживая царское правительство, рассчитывали на получение в Средней Азии новых имений, новых должностей в управленческом аппарате, новых возможностей продвижения по службе.

В своем движении в Среднюю Азию русский царизм столкнулся с не менее сильным агрессивным стремлением капиталистической Англии. Англия являлась главным соперником царской России в процессе завоевания Средней Азии.

Мощным средством колонизаторской политики Англии была торговля. 1841—1842 гг. в Бухару было вывезено большое количество английских товаров, которые были реализованы по низкой цене. Поэтому население покупало английские дешевые товары, — писал М. А. Терентьев, — не обращая внимания на русские ситцы, коленкоры и сукно. Русские торговцы могли продавать только металлические изделия и юфть. За эти два года англичане продавали свои товары ниже фабричных цен, а затем подняли цены на них более чем вдвое.

Агрессия английского капитала в Среднюю Азию принимала иной раз такие грубые формы, что в 1841 г. к За-

падно-Сибирскому губернатору явился посланник Кокандского ханства, который заявил о желании кокандского правительства «искать покровительства России против угрожающих намерений англичан».

В. И. Ленин, характеризуя противоречия между царской Россией и тогдашней капиталистической Англией, указывал:

«И к завоеванию Константинополя, и заволеванню все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия».¹

Какую же позицию занимали киргизы в борьбе царской России со среднеазиатскими ханствами. На какую из борющихся сторон они ориентировались?

Отношение киргизов к русскому подданству

В борьбе империи с Кокандским ханством основная масса киргизского народа встала на сторону России. В подавляющей своей массе киргизские племена не оказывали сопротивления русским войскам. По мере их продвижения киргизы сами вступали в подданство Российской империи. Нередки были случаи, когда отряды киргизов активно помогали русским войскам в их борьбе с вооруженными силами Коканда.

Положительное отношение киргизов к русскому подданству было подготовлено расширением и углублением торговых экономических связей между Россией и Киргизией. Но были и другие непосредственные причины, побуждавшие киргизов принять подданство России.

В первой половине и середине XIX в. происходила феодально-родовая борьба между манапами киргизских племен и между киргизскими и казахскими феодалами, которая значительно ослабляла внутреннее положение киргизов. Особенно сильна была эта борьба между манапами племен бугу и сарыбагыш.

Основная трудовая масса населения, которую эта феодальная междоусобица разоряла, искала покровительства России. Кокандское ханство не препятствовало этой меж-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 116.

доусобице, рассматривая ее как одно из условий своего господства в Киргизии. Соперничавшие же манапы обращались к царской администрации в Семиречье, рассчитывая при ее поддержке упрочить свое положение. Но не только междоусобная феодальная борьба в Киргизии толкала некоторых манапов и народные массы на сближение с Россией. Стремление найти покровительство России объяснялось также стремлением избавиться от гнета кокандских феодалов. Киргизский народ неоднократно вел освободительную борьбу совместно с узбекским и казахским народами против гнета Кокандского ханства.

Борьба царизма с Кокандским ханством совпала с периодом искания покровительства России киргизскими племенами. Вот почему почти все киргизы без военных столкновений принимали подданство России. Стремление киргизов принять русское подданство нашло отражение в одном из вариантов эпоса «Манас».

В радловском тексте эпоса приводится призыв, обращенный к киргизскому народу, присоединиться к русскому государству:

Кто идет к России,
Голодный — насытится,
Бедняк станет богатым,
Безодежный получит одежду,
Голодный будет сыт,
Тощий станет жирным

Русский народ добрый, сердолобивый,
Идите к русским.

Среднеазиатские ханства, в том числе и Кокандское, были завоеваны царскими войсками путем активного военного наступления. Также были завоеваны кокандские крепости на территории Северной Киргизии: Токмак, Пишпек и Куртка. Что касается северных киргизских племен: бугу, сарыбагыш, черик, солто, саяк и других, то они в силу внутренней и внешней обстановки сами принимали подданство России. Поэтому следует говорить не о завоевании, а о присоединении киргизов к России. Это присоединение было исторически неизбежно. Перед Киргизией стояла альтернатива: или оставаться под гнетом отсталого восточного государства — Коканда, или принять подданство более передового, прогрессивного государства — России. Первое обрекало киргизский народ на застой и стра-

дания без перспективы выхода, второе — господство царской России также несло киргизскому народу страдания, но открывало возможность выхода из застоя путем сближения с более передовой экономикой и культурой русского народа, путем сближения с революционным русским народом. Этих далеких перспектив киргизский народ, принимая подданство царской России, конечно, не видел; на подданство его толкали непосредственные, тяжело переживаемые им явления: междоусобная борьба и гнет кокандских феодалов. Но объективно, вступая в подданство России, киргизский народ выбрал единственно правильный путь, оправданный дальнейшим развитием его истории.

Отношения северо-киргизских племен с русскими властями в начале XIX в.

Трудное международное положение Киргизии, тяжелый гнет китайских феодалов и чиновников, а затем порабощение со стороны Кокандского ханства заставили киргизский народ искать покровительства России в надежде на улучшение своего положения.

Тяньшанские киргизы еще в конце XVIII века стремились установить экономические и дипломатические связи с Россией. В 1786 г. киргизским бием Атаке из племени сарыбагыш было отправлено посольство ко двору Екатерины II.

В 1814 г. племя бугу первое отправляет своих представителей к генерал-губернатору Сибири Глазенапу. Во главе посланцев стоял Качибек Шералин, который был на приеме у генерал-губернатора в городе Тобольске и получил чин капитана, золотую медаль и саблю.

Второй раз делегация бугинцев во главе с Алымбеком была направлена в Россию в 1824 г. Она была принята в Семипалатинске и Омске, причем, все члены делегации также были награждены золотыми медалями.

В целях развития торговли с Китаем и Средней Азией царское правительство было заинтересовано в усилении своего влияния на киргизские племена, кочевавшие на караванном пути к Кашгару.

Для этого представлялся подходящий случай — обращение бугинцев к царскому правительству об оказании им покровительства и помощи против притеснения со стороны манапов других племен, а также соседних государств. На эти просьбы послы получили положительные ответы. В

письме, посланном к бугинским биям, объявлялось, что «Россия принимает их под свое покровительство, предлагает могущество свое им на защиту, но взаимно и со своей стороны требует, чтобы они примирились в своих распрях и чтобы препровождали купеческие наши караваны, проходящие через обитаемую ими землю, и охраняли от притеснения и грабежей».

Но сношения киргизов с русским государством в этот период не привели, однако, к прочным связям, т. к. осложнение внутреннего и внешнего положения России должно было на время отвлечь внимание ее правительства от Средней Азии.

§ 2. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Феодальная
борьба между
манапами бугу
и сарыбагыш и
принятие под-
данства России
бугинцами

Среди киргизских племен в середине XIX в. постоянно велась феодально-племенная борьба, организованная манапами в их личных интересах. Крупные манапы и бии отдельных племен конкурировали между собой в борьбе за власть, за сферы влияния, за господство над другими

племенами, за право феодальной эксплуатации трудящихся (букары), за овладение лучшей землей. Манапы организовывали набеги — «барымту» на своих соседей с целью захвата их пастбищ, водопоев, скота и пленных.

Нередко эти феодальные войны разжигались и соседними государствами, заинтересованными в ослаблении киргизов: кокандским ханством, феодальным Китаем, а с 60-х годов основанным Якуб-беком Кашгарским государством.

Враждебные взаимоотношения были не между трудящимися массами киргизов, а между манапами. В феодально-племенную борьбу манапы втягивали своих сородичей. В первой половине и 50-х годах XIX в. феодально-племенные войны происходили между манапами племен солто и сарыбагыш, солто и багыш, сарыбагыш и саяк и сарыбагыш и бугу. Особенно длительная вражда продолжалась между манапами племен бугу и сарыбагыш.

Племя бугу кочевало по восточному побережью озера Иссык-Куль, по рекам Каркаре и Текес. Часть племени бугу кочевала в верховьях Нарына.

Сарыбагышские манапы неоднократно пытались воспользоваться пастбищами предгорий Иссык-Кульской котловины и перегоняли туда свой скот. Бугинцы иногда захватывали этот скот, вследствие чего оба племени находились в состоянии постоянной барымты. Барымта между манапами плёмен бугу и сарыбагыш продолжалась почти в течение всей первой половины XIX в.

В песне «О войнах сарыбагыш и бугу» в качестве главной причины войны между этими племенами указывается агрессивное стремление сарыбагышского Ормон-хана отобрать землю у бугинцев в районе Иссык-Куля.

В этой песне говорится:

Если бы ковылистый Иссык-Куль
Был моей землей,
Темир, Болот и Черикчи
Расселились бы там.

Ормон хотел захватить роскошные пастбища бугинцев всего Терскея (Терскей на южном берегу озера Иссык-Куль), пашни Боромбая на Кызыл-Унгуре и все удобные переходы с Иссык-Куля на сырт, захватить скот бугинцев и подчинить их своей власти.

Таким образом, причина войны между манапами племени сарыбагыш и бугу заключалась в стремлении сарыбагышских манапов захватить плодородные и пастбищные земли бугинцев. При таком положении нужен был только незначительный предлог, чтобы мелкие вооруженные столкновения между названными племенами превратились в кровопролитную войну.

Таким предлогом послужил отказ Ормона выплатить выигрыш саякам, проигранный сарыбагышами при игре в «ордо». В этом отказе был обвинен манап племени саяков Алыбек, женатый на сестре Ормона. Между манапами установились враждебные отношения. Алыбек, опасаясь нападения Ормона, перекочевал под покровительство бугинского главного манапа Боромбая, положил на свою лошадь бугинскую тамгу и, поцеловав грудь Алмы, жены Боромбая, был усыновлен бугинцами.

Ормон, считавший Алыбека своим вассалом, перекочевал в район южного побережья озера Иссык-Куль и отсюда направил к Боромбаю джигита с требованием вер-

нуть беглеца Алыбека. Боромбай ответил: «Не можем выдать беглеца, даже воробьи находят защиту на кусте карагача. Неужели Ормон-хан не считает нас за куст».

После такого ответа Ормон послал к бугинцам своих джигитов на барымту. Во время этого набега один из джигитов Ормона был убит бугинцами. Соглашения по уплате куна достигнуть не удалось. Большую роль в обострении борьбы между Ормоном и Боромбаем играли кокандские власти, которые, будучи заинтересованными в ослаблении киргизов, всячески побуждали Ормона к продолжению борьбы с бугинцами.

Ормон захватил любимую кочевку манапа Боромбая на Кызыл-Унгуре и большую часть расположенных здесь пашен. Но этим он не удовлетворился и стал стремиться к захвату всего Терска. Бугинцам удалось удержать в своих руках только восточную часть Иссык-Куля и северо-восточную часть Кунгея. Но и после этого Ормон продолжал борьбу. Он решил покончить войну захватом аула и семейства Боромбая и подчинить своей власти всех бугинцев. Одновременно усилились требования Кокандского ханства по уплате зякета и кульджинского правителя по уплате подати.

В силу сложившейся обстановки бугинский правитель Боромбай в 1854 г. обратился к западно-сибирскому генерал-губернатору с просьбой принять бугинцев в подданство России.

К этому времени в первой половине 50-х годов русскими войсками был занят район реки Или. В 1854 г. на урочище Алматы была основана крепость — город Верный (ныне Алма-Ата).

Таким образом, к середине 50-х годов XIX века царские отряды вплотную подошли к границам Северной Киргизии со стороны Сибирской военной линии.

Министерство иностранных дел рекомендовало западно-сибирскому генерал-губернатору не отвергать просьбу бугинцев о принятии их в подданство России, допустить в Омск представителя рода бугу, манапа Качибека, для принесения от лица всего народа присяги на верноподданство, отправить с депутатом подарки манапам на тысячу рублей серебром и манапу Боромбаю пожаловать звание подполковника. Кроме того, предлагалось не налагать пока никаких повинностей на бугинцев.

В 1855 г. Боромбай Бекмуратов с десятью тысячами кибиток бугинцев принял подданство России, и все роды племени бугу вошли в состав Алатовского округа с центром в городе Верном.

После принятия бугинцами подданства России Кокандское ханство, используя в своих интересах междоусобную вражду сарыбагышских и бугинских манапов, предложило Ормону совершить новый поход на бугинцев.

В 1855 г. Ормон во главе 600 всадников напал на бугинцев и овладел аилом Боромбая, но затем был окружен бугинцами. Во главе бугинского ополчения стоял батыр Балбай.

Об этом событии П. П. Семенов-Тяньшанский писал: «В темную ночь на берегах р. Шаты на Терское произошла самая ожесточенная битва. Ормон, превосходивший всех своей силой и храбростью, нашел, однако, себе соперника в старшем усыновленном племяннике Боромбая, Кылыче, за свою кровожадность и жестокость получившем впоследствии прозвание Иссык-Кульского тигра. Оба оказали чудеса храбрости, но, наконец, смертельно раненный и сбитый копьем с лошади, Ормон был принесен в юрту сына Боромбая Омурзака и умер на руках его жены, своей любимой дочери».

После смерти Ормона сарыбагышские манапы требовали за гибель Ормона кун в размере тысячи лошадей или сто девушек на лошадях во главе с дочерьми Боромбая. Бугинцы отвергли это требование. Тогда сын Ормона — Уметалы, основываясь на праве кровной мести, развернул ожесточенную грабительскую войну против бугинцев. В этой войне сарыбагышцам оказывали поддержку кокандские власти, которые не могли примириться с подданством бугинцев России. В одном походе Уметалы захватил много бугинских табунов и пленных детей и женщин, а также семейство Боромбая, в том числе свою сестру (жену Омурзака).

В результате другого нападения сарыбагышских феодалов бугинцы бежали на Текес и Каркару со всеми своими аилами. Уметалы занял территорию бугинцев на берегу Иссык-Куля. Здесь он перезимовал, а весной разбил и разграбил оставшуюся на Иссык-Куле часть бугинцев.

В декабре 1855 г. Боромбай обратился с просьбой к начальнику Алатовского округа прислать отряд для защи-

ты подданных России бугинцев от нападения сарыбагышей и постройки укрепления на берегу Иссык-Куля.

В 1856 г. по просьбе бугинцев на Иссык-Куль был направлен казачий отряд полковника Хоментовского для примирения бугу и сарыбагышей и рекогносцировки района Иссык-Куля. Но обостренная борьба между сарыбагышскими и бугинскими манапами продолжалась. Лишь после 1860 г., когда среди бугинцев прочно укрепилось русское влияние, она приняла характер мелких набегов — барымты.

В 1858 г. умер верховный манап бугу, Боромбай. Эта смерть значительно ослабила бугинцев.

Длительная и разорительная борьба с сарыбагышами, в которой русские власти из-за слабости сил в Семиречье не всегда могли оказать эффективную помощь своим подданным бугинцам, происки кокандских агентов в аулах бугинцев — все это привело к тому, что среди части манапов племени бугу стала крепнуть мысль об изменении внешнеполитической ориентации. Сближение с Кокандом стало рассматриваться, как средство к ослаблению, а быть может, и прекращению кровопролитной борьбы с сарыбагышами. Эти колебания проявились при выборе нового старшего манапа. Одна группа, состоявшая из сторонников кокандского влияния, хотела избрать старшим манапом Мураталы, а другая группа состояла из сторонников России и хотела избрать старшим манапом Качибека или же молодого сына Боромбая — Умурзака.

Командир Сибирского корпуса Гасфорд поручил бывшему начальнику Алатавского округа подполковнику Перемышльскому двинуть сотню казаков с двумя ракетными станками в горный проход Сапташ (по прямой дороге в Кашгарию) для выполнения двух задач: во-первых, защищать подданных России бугинцев от ограбления сарыбагышами и, во-вторых, прекратить междоусобную борьбу бугинских манапов и добиться выборов в манапы сторонников России.

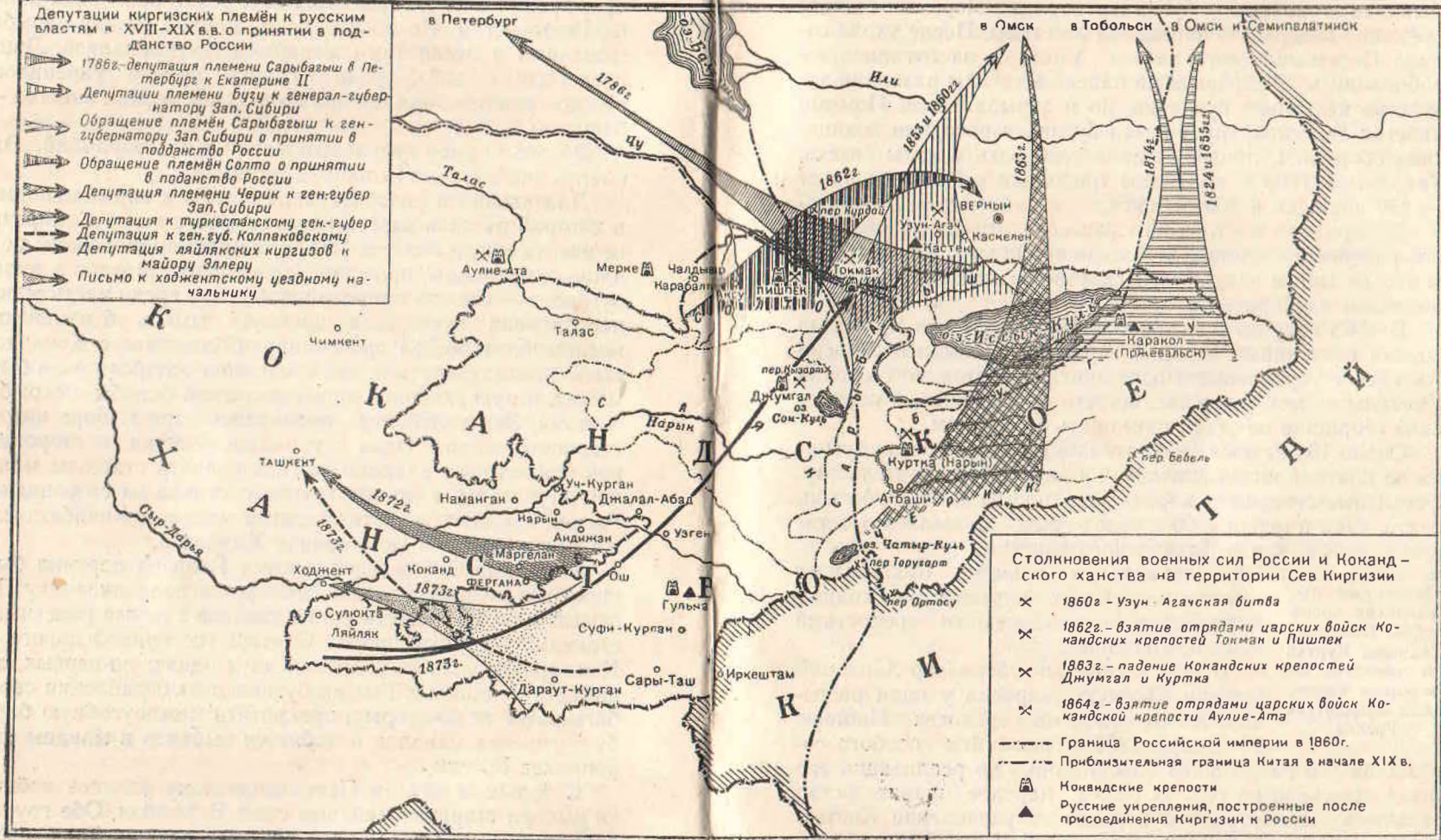
С большим трудом Перемышльскому удалось добиться выбора старшим манапом сына Боромбая. Обе группы согласились на его выбор в надежде подчинить молодого правителя своему влиянию.

Командир Сибирского корпуса утвердил кандидата, избранного биями, временным старшим манапом бугин-

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИРГИЗИИ К РОССИИ

Депутации киргизских племён к русским
властям в XVIII-XIX в.в. о принятии в под-
данство России

- 1786г.-депутация племен Сарыбагшы в Петербург к Екатерине II
- Депутация племен Бугу к генерал-губернатору Зап. Сибири
- Обращение племен Сарыбагшы к ген-губернатору Зап Сибири о принятии в подданство России
- Обращение племен Солто о принятии в подданство России
- Депутация племен Черик к ген-губер Зап. Сибири
- Депутация к туркестанскому ген-губер
- Депутация к ген. губ. Коллыванскому
- Депутация аяллыкских киргизов к майору Эллеру
- Письмо к хаджентскому узедному начальнику

Столкновения военных сил России и Кокандского ханства на территории Сев Киргизии

- × 1860 г. - Узун - Агачская битва
- × 1862 г. - взятие отрядами царских войск Кокандских крепостей Токман и Пишпек
- × 1863 г. - падение Кокандских крепостей Джумгал и Куртка
- × 1864 г. - взятие отрядами царских войск Кокандской крепости Аулие-Ата

— Граница Российской империи в 1860г.

—... Приблизительная граница Китая в начале XIX в.

Конандские крепости

▲ Русские укрепления, построенные после присоединения Киргизии к России

цев на один год. Через год русским властям удалось добиться выбора старшим манапом сторонника России Качибека Шералина и его помощником Сарпека Саскина.

Борьба вокруг выбора нового старшего манапа и пребывание в кочевьях бугинцев отряда Перемышльского временно задержало нападения Уметалы. После ухода отряда Перемышльского набеги Уметалы на бугинцев возобновились. Бесперывные набеги Уметалы разоряли хозяйства не только бугинцев, но и сарыбагышей. Помимо набегов Уметалы, трудящихся бугинцев разоряли кокандские сборщики, продолжавшие требовать уплаты зякета. Так, зимой 1860 г. кокандцы требовали у бугинцев зякет — 480 лошадей и 400 баранов.

До прихода постоянного русского отряда хозяйственное разорение бугинцев дошло до крайности: бугинцы спокойно не могли заниматься скотоводством, ухаживать за посевами и убирать урожай.

В 1863 году по просьбе бугинцев на Иссык-Куль был послан постоянный отряд, а в 1864 году было построено Аксуйское укрепление. После прихода постоянного отряда Уметалы не мог совершать набеги на бугинцев, а кокандские сборщики не стали приезжать за зякетом.

Около 10 лет после принятия подданства России бугинцы не платили никаких податей и царскому правительству. Остальные северные киргизские племена: сарыбагыш, солто, саяк и черик в 50-х годах еще продолжали оставаться под властью Кокандского ханства.

Завоевание кокандских крепостей Пишпека, Токмака, Куртка и принятие северными киргизами подданства России

Для ликвидации влияния Кокандского ханства на чуйских киргизов необходимо было овладеть кокандскими крепостями Токмак и Пишпек.

В 1859 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд запросил у царя разрешения на занятие крепости Пишпек. 24 января 1859 г. решением особого совещания это разрешение было дано, но реализация его была отложена на год. В 1859 г. царское правительство ограничилось постройкой передового укрепления Кастек.

В конце августа 1860 г. полковник Циммерман с отрядом пехоты и конницы в 1750 человек при 15 орудиях перешел р. Чу и пошел на Токмак. С приближением отряда Циммермана защитники Токмакской крепости разбежа-

лись, осталось только 70 человек. На требование сдачи Токмака комендант Ханкулу отвечал, что он не будет драться, но сдать укрепление не может, и просил два дня отсрочки. Но через час после ответа Циммерман приказал открыть по крепости огонь.

26 августа Токмак был занят, глиняные стены его были разрушены.

Другое кокандское укрепление — Пишпек готовилось к решительному отпору. Это укрепление по размерам было много больше Токмака. Оно имело стены около 2-х саж. высотой и до 5 саж. толщиной и около 500 человек гарнизона. После пятидневной осады, 4 сентября 1860 г., Пишпек был занят отрядом Циммермана.

Киргизские племена, подданные Коканда, держались нейтрально в борьбе России с Кокандским ханством. Они не оказали помощи своему сюзерену.

Кокандское ханство не могло примириться с потерей чуйских крепостей и организовало два специальных отряда, из которых один шел из Ташкента под командой Каната, а другой из Коканда под начальством главнокомандующего Алимбека. Эти отряды были двинуты в долину р. Чу.

В половине октября 1860 г. кокандские передовые части окружили узун-агачский пост, охраняемый сибирскими казаками. Против кокандских войск выступил из Верного подполковник Колпаковский с тремя ротами пехоты, с 4 сотнями сибирских казаков, 6 орудиями и 2 ракетными станками. У Узун-агача после артиллерийского обстрела высот Колпаковский повел свои отряды в бой. Кокандские сарбазы (пехота) не выдержали и бежали.

Но с соседней высоты спустилась другая колонна сарбазов. С барабанным боем, с развевающимися знаменами она смело наступала на правофланговую роту отряда Колпаковского. Начался рукопашный бой. В рукопашном бою кокандцы действовали смело, настойчиво и несколько раз переходили в атаку, но всякий раз отбрасывались русскими войсками.

В Узун-агачском бою 21 октября 1860 г. кокандские отряды потерпели поражение. Утомленные длительным боем отряды Колпаковского не преследовали кокандцев.

Отношение подданных России казахов Старшего жуза и северных киргизов во время Узун-агачского боя, в ос-

новном, было сочувственным к России. Чтобы не попасть обратно под власть Кокандского ханства, казахи Старшего жуза под начальством султана Тезека помогали Колпаковскому. Но некоторые казахские султаны и киргизские манапы, державшие тесные связи с Кокандским ханством, выступили против Колпаковского, как союзники кокандских войск.

Несмотря на победу при Узун-Агаче, царские войска не могли укрепиться в Чуйской долине. Они смогли укрепить только Кастекскую крепость.

Малочисленность царских отрядов привела к тому, что в 1861 г. Токмак и Пишпек были вновь заняты кокандцами.

Несмотря на это, события 1860 г. сильно поколебали господство Кокандского ханства над северо-киргизскими племенами.

В своей борьбе против усиления влияния России в Чуйской долине Кокандское ханство делало ставку на манапов племени сарыбагыш, часть которых еще ясно не определила свои отношения к подданству России. В 1862 г. по приглашению кокандского хана прибыл в Ташкент манап Шабдан для переговоров. Он был благосклонно принят ханом Худояром. Но пока Шабдан ездил в Ташкент, его отец Джантай явился в город Верный к начальнику Алатавского округа и просил принять его в подданство России вместе с подчиненными ему родами танай, темир и булат. Его просьба была уважена. Когда Шабдан, ничего не знавший о переходе своего отца на сторону России, с поручением хана защищать кокандское ханство прибыл в Пишпек, он был комендантом крепости посажен в тюрьму как соучастник Джантая. Обида за своего сына еще более укрепила Джантая в сознании необходимости подданства России. Он привлек в русское подданство и другие сарыбагышские роды. Это сделать было ему тем легче, что широкие народные массы сарыбагышей видели в переходе в русское подданство путь к избавлению от кокандского гнета. Они охотно, без всякого сопротивления пошли за Джантаем и приняли русское подданство.

В 1862 г. против кокандского бека в Пишпекке Рахматуллы восстало племя солто, управляемое манапом Байтиком Канаевым.

Байтик пригласил к себе Рахматуллу и убил его. Пос-

ле этого он прислал в город Верный своего брата с просьбой принять солтинцев в русское подданство. Значительная часть солтинцев вместе с Байтиком вступила в подданство России.

Но другой солтинский манап, Джангарач, продолжал придерживаться Кокандского ханства. Тайно враждебные отношения к России занимал манап сарыбагышей Уметалы, сын Ормона. При господстве в Киргизии патриархально-феодалного строя, мешавшего трудящимся массам киргизов самостоятельно выступить в политической борьбе, этим манапам удалось увлечь за собой и подвластные им роды. Все же перелом среди киргизов в пользу принятия русского подданства был весьма значителен. Когда осенью 1862 г. царские войска начали новое наступление в Чуйской долине, киргизы уже не держались нейтрально. Токмак был взят при помощи киргизских отрядов племени сарыбагыш. При осаде Пишпека в войсках подполковника Колпаковского было много киргизов из племени солто. При их поддержке Колпаковский 24 октября, после десятидневной осады, взял Пишпек и вторично его разрушил.

В 1863 г. царским правительством были приняты меры, чтобы отделить от Коканда и присоединить к России горную местность к юго-западу от Иссык-Куля, где главными опорными пунктами кокандцев явились укрепления Куртка на реке Нарыне и Джумгал.

В начале мая 1863 г. отряд капитана Проценко выступил из Кастека для занятия этих крепостей. Отряд прошел через Боомское ущелье к озеру Иссык-Куль, откуда через перевал Кызарт достиг Джумгала, от Джумгала мимо озера Сон-Куль прошел к Куртке. Оба кокандских укрепления — Джумгал и Куртка — были заняты отрядом царских войск без сопротивления.

После оставления крепости Куртка кокандским гарнизоном в 1863 г. племя черик в количестве 6 тыс. кибиток добровольно приняло русское подданство. Черикские манапы писали: «Терпя разные насилия и притеснения от соседей наших всех четырех сторон, мы решились идти в подданство одного великого народа, подобно манапу Боромбаю, который также, подобно нам, не обретая спокойствия от своих соседей, пошел в подданство белого падишаха».

Черики послали своих представителей в количестве че-

тырех человек в Омск, где те присягнули за своих сородичей в подданство России.

Но Уметалы, который незадолго перед тем внешне признал протекторат России, теперь открыто перешел на сторону Коканда. В 1863 г. он неожиданно напал на небольшой царский отряд в 30—40 человек, который конвоировал обоз с провиантом для отряда Проценко. С целью затруднить продвижение царских отрядов он, кроме того, разрушил на р. Нарын мост. Но враждебные действия Уметалы не могли задержать общего процесса — массового перехода киргизов в русское подданство.

После смерти Джангарача, осенью 1864 г., его сыновья также решили принять подданство России и тогда же обратились к начальнику зачуйского отряда с письмом следующего содержания: «Мы, дети Джангарача, свидетельствуем Вам поклон и заявляем, что мы, верноподданные белому царю, посылаем Вам для службы своего джигита Байбека». Этим было завершено принятие русского подданства солтинцами.

В том же 1864 г. манапы племени саяк Осмон и Рыскулбек в письме генералу Черняеву просили о принятии их в русское подданство с подвластными им десятью тысячами кибиток.

После того, когда все племена Северной Киргизии приняли российское подданство, Уметалы откочевал в Андижан. Он вернулся с подвластными ему киргизами только в конце 1867 г. и поселился в Пржевальском уезде. В дальнейшем политической роли в жизни Киргизии он не играл. Царское правительство при проведении административной реформы 1868 г. в Северной Киргизии устранило его от всех выборных должностей. Сопrotивление проведению реформы оказал лишь бывший сподвижник Уметалы — манап Осмон, который ушел за Нарын и предпринял нападение на отряд майора Загряжского. Но Осмон не нашел поддержки ни со стороны своих сородичей — саяков, ни со стороны других киргизов. Он должен был искать помощи у правителя Кашгара — Якуббека. Но это не могло обеспечить успеха Осмону. Его выступление было подавлено без участия русских войск киргизским отрядом под командованием Шабдана Джантаева.

В процессе принятия подданства России северными киргизами со стороны народных масс не было оказано со-

противления. Незначительное количество вооруженных сил царизма, действовавших на территории Северной Киргизии, встретило сопротивление не со стороны киргизского населения, а со стороны кокандских гарнизонов, особенно при взятии Пишпека и Токмака, и некоторых манაпов. Основная масса киргизских племен русское подданство приняла добровольно.

§ 3. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Восстание 1873 — 1874 гг. Присоединение Южной Киргизии к России тесно связано с восстанием южных киргизов 1873—1874 гг.

Грабежи, насилия и произвол, чинившиеся представителями ханской власти, вызывали среди обнищавших и разоренных трудящихся киргизов и узбеков резкое недовольство.

В 1857 году восстала значительная часть южных киргизов. В следующем, 1858 г., вспыхнуло восстание среди алайских киргизов, серьезно угрожавшее власти Кокандского ханства над Южной Киргизией. Такое же восстание возникло в 1859 году в Гульче. В 1871 г. снова восстали алайские киргизы. Это восстание было настолько сильно, что Худояр-хац вынужден был обратиться за помощью к бухарскому эмиру.

Но все эти разрозненные выступления подавлялись ханскими карательными отрядами. За подавлением, как правило, следовала жестокая расправа, сопровождавшаяся массовыми убийствами и грабежами населения.

Полное экономическое и политическое порабощение трудящихся, истязания и пытки, как и прежде, оставались системой управления в Южной Киргизии. Терпению обездоленных скотоводов и земледельцев наступал предел.

Десятилетиями накапливавшаяся ненависть к ханам и их пособникам — феодалам вызвала восстание 1873—1874 гг., охватившее всю Южную Киргизию и юго-восточную часть Кокандского ханства. Восставшие насчитывали в своих рядах более сотни тысяч повстанцев. «Август 1873 г. и последующее затем время, — писал один из корреспондентов Русского Географического общества, — показало, как глубоко пустила корни болезнь всеобщего не-

довольства против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и т. п. действиями». Восстание возглавил киргиз бостановского рода из кишлака Ухре мулла Исак Хасан уулу. Он принадлежал к демократическим слоям населения Кокандского ханства и некоторое время работал в качестве домашнего слуги у одного ташкентского феодала. Несомненно, что Исак Хасан являлся противником власти Худояр-хана, что он сочувствовал бедственному положению трудящихся масс, но он плохо понимал сложившуюся внешне-политическую обстановку и, видимо, допускал возможность улучшения положения трудового населения в условиях сохранения и усиления Кокандского ханства. Характерно, что он принял имя Пулат-хана, внука основателя Кокандского ханства Алим-хана, популярного среди кокандских феодалов. Отношение к России Пулат-хана вначале было недоверчивое и скоро превратилось в открытую вражду.

Восстание началось в апреле 1873 г. Непосредственным поводом к нему послужило чрезмерное увеличение налогов, взимаемых кокандцами. Весной в 1873 г. к киргизам, кочующим в районе Чирсала, явились зякетчи и потребовали уплаты зякета и хараджа, размеры которых были увеличены в 3 раза. Киргизы, решительно отказавшись от уплаты, избили приехавших к ним сборщиков. Несколько зякетчи было убито, а имущество и скот, собранное ими с местного населения, отобраны восставшими. К восстанию примкнули киргизские роды мундуз, багыш, басыз, кара-багыш, найман и др. Получив об этом сведения, Худояр-хан отправил против восставших карательный отряд, состоявший из многочисленных регулярных сипаев (кавалерии), с приказом «наказать киргизов».

Тем временем восстание быстро распространилось по всему Алаю и Гульче. Количество повстанцев быстро увеличивалось. К восставшим киргизам присоединилась значительная часть кипчаков. Но плохо вооруженные повстанцы около г. Ханабат были разбиты карательным отрядом. Началась варварская расправа с восставшими. Действия карательного отряда были настолько жестокими, что 20 тысяч кибиток киргизов и 10 тысяч кибиток кипчаков вынуждены были бежать в предгорья Кашгар-Даван

в местности Карлык и Хазарты, которые считались неприступными для кокандских войск. Пулат-хан бежал в Чаткальские горы.

Никакие жестокости не могли, однако, сломить дух восставших. Они готовились к новому выступлению. Узнав об этом, в мае 1873 г. Худояр-хан снова послал против них карательный отряд в количестве 1000 человек под начальством главнокомандующего ханскими войсками Абдурахмана Афтобачи.

Афтобачи, увидев силы и настроение повстанцев, боялся предпринимать против них военные действия. Он, выдавая себя за сторонника восставших, советовал им не выступать против власти Худояр-хана и «не проливать кровь», а лучше послать к хану, «в знак примирения и покорности», делегацию в количестве 40 человек. Забитые и идейно отсталые повстанцы поверили Афтобачи и послали к хану делегацию. Она должна была объяснить тяжелое положение восставших киргизов и кипчаков и просить о сокращении размеров податей и поборов, особенно зякета. Но по приказу Худояра весь состав делегации был казнен. Эта жестокая вероломность хана послужила причиной усиления восстания.

В июне 1874 г. киргизы родов кутлуксейт, найман, мундуз, тулус, базыс и других совместно с трудящимися кипчаками и узбеками собрались в Карлыке и Хозраты и двинулись оттуда в сторону Ферганы. Они без боя заняли Узгент, являвшийся главным стратегическим укреплением Кокандского ханства в районах Алая и Гульчи. Ханская секретная казна, хранившаяся в Узгенте, была захвачена восставшими, а представители ханской власти были убиты. Комендант укрепления бежал, но был пойман и увезен в горы.

Повстанцами было также взято укрепление Сук. Военный гарнизон, находившийся там, был уничтожен. Худояр-хан отправил против восставших карательный отряд под начальством своего брата, бека города Маргелана. Но тот в страхе перед восставшими не принимал никаких решительных мер. Тогда против повстанцев был послан новый карательный отряд.

В сражении, происшедшем недалеко от кишлака Ала-Бука, ханский карательный отряд был наголову разбит восставшими. Потери со стороны ханских войск были

весьма значительны. После этой битвы восстание приняло еще более широкой размах. Восставшие подошли верст на 15 к городу Наманган. Во главе с Пулат-беком они без боя заняли город Касан, все население которого присоединилось к восставшим. Ханский сборщик этого города Амляк-Дар был убит повстанцами.

Восставшие быстро овладели городами: Уч-Курган, Ош, Сузак и Бузак-Баш. Трудящиеся этих городов присоединились к повстанцам и приняли участие в дальнейших операциях. Зная о приближении повстанцев, беки этих городов бежали; оставшаяся городская знать и представители ханской власти были убиты повстанцами.

В сентябре 1874 г. повстанцы овладели городом Андижаном, и здесь жители присоединились к восстанию. Против восставших Худояр-ханом был выдвинут новый карательный отряд в числе 7000 человек во главе с Абдурахманом Афтобачи и Исы Аулия, начальником города Махрам. Решающее сражение восставших с ханскими войсками произошло под Наманганом, где восставшие были разбиты. После этого Пулат-бек отступил на север, в сторону Касана, где вторично сразился с карательным отрядом Абдурахмана Афтобачи и был окончательно разбит. Пулат-бек с остатками восставших бежал в Чаткал.

Восстание на юге Киргизии продолжалось около полутора лет. В борьбе с ханскими карательными отрядами восставшие неоднократно одерживали победы. Но осенью 1874 г. плохо вооруженное и неорганизованное восстание потерпело поражение. Как обычно, началась варварская расправа с восставшими. «Худояр-хан,— писали «Санкт-Петербургские ведомости»,— приказывал вырезать бунтовщиков-киргизов без всякого суда, не только десятками, но и сотнями, так что, можно сказать, он обратил Коканд в лобное место».

Карательные отряды грабили и сжигали киргизские аулы и кишлаки. Особенно варварскому грабежу и убийству подвергались киргизы, кочующие по течению рек Алабука, Урюкты и Касан. Каратели убивали почти всех, кто встречался им на пути. Они не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Количество одних только повешенных было более 1000 человек.

Капитан Безсонов, спустя более двух месяцев проезжавший по местности, где действовали карательные от-

ряды, видел болтавшиеся на деревьях трупы, покинутые дома и остатки сожженных кибиток.

Имущество и скот восставших были разграблены ханскими сипаями и сарбазами. Карательные отряды, оставляя за собой дымящиеся аулы и кишлаки, с огромной добычей — скотом и имуществом — возвращались в Коканд. За кровавое подавление восставших киргизов 1873—1874 гг. Абдурахман Афтобачи был пожалован Худояр-ханом титулом «парванчи».

Однако жестокие действия карательного отряда не могли сломить дух народных масс Южной Киргизии, боровшихся за свою свободу. Волнения среди южных киргизов продолжались и после подавления восстания.

Выступление южных киргизов 1873—1874 гг. было народно-освободительным восстанием, направленным против господства Кокандского ханства, подвергавшего трудовые массы Южной Киргизии тяжелому гнету. Восставшие боролись за свое существование, за свою свободу и независимость. «Санкт-Петербургские ведомости» писали об этом восстании: «Сущность теперешних волнений в Коканде заключается в борьбе киргизского населения против жестокого угнетения кокандским ханом, деспотизм которого достиг невероятной степени.»

Восстание южных киргизов 1873—1874 гг. протекало стихийно, неорганизованно, без единого руководства. Очаги восстания возникали в разных местностях Южной Киргизии одновременно и не имели связи между собой. Это давало возможность карательным отрядам подавлять каждое выступление восставших в отдельности.

Восстание 1873—1874 гг. явилось одним из крупнейших в истории киргизского народа в XIX веке. В нем принимали участие 41 киргизский род, составлявший 132.500 юрт киргизов, т. е. почти все южные киргизы.

Восстание 1873—1874 гг. было общенародным. В нем участвовали киргизские, кипчакские средние скотоводы, дехкане, обнищавшие, разоренные в результате грабительской политики кокандцев и местной знати. В этом восстании принимала участие и часть представителей киргизской феодальной знати, которая пыталась использовать движение в своих интересах. Но наиболее крупные феодалы во главе с Курманджан-датхой и ее сыновьями оставались в стороне от восстания. Кокандские ханы пред-

ставляли им неограниченное право эксплуатации местных трудящихся и полностью поддерживали их произвол и насилие.

Цели и задачи киргизских трудящихся и представителей феодальной знати, участвовавших в восстании, были неодинаковы. Трудовые массы хотели освободиться от господства Кокандского ханства, подвергавшего их жесточайшему гнету. А представители феодальной верхушки пытались воспользоваться массовым стихийным народным восстанием для укрепления своих классовых позиций. Выступление против восставшего народа грозило им потерей всякого влияния в подчиненных им аулах.

Трудящиеся узбеки, обездоленные и разоренные кокандскими властями, сочувствовали восстанию киргизов 1873—1874 гг. и поддерживали его. Часть из них принимала участие в восстании. При взятии повстанцами городов Оша, Кассана, Чартака и Яны-Кургана узбекское трудовое население, проживавшее в этих городах, присоединилось к восставшим, а беки и другие ханские чиновники бежали.

Народно-освободительному восстанию южных киргизов против господства Кокандского ханства сочувствовали и северные киргизы. Они с большой радостью приняли 2500 юрт восставших киргизов, убежавших от жестокой расправы Худояр-хана, уступили им участки земли и оказали помощь скотом. Северные киргизы скрывали многих участников восстания от преследования ханской власти.

Восстание 1873—1874 гг., хотя и кончилось поражением, имело прогрессивное историческое значение. Это восстание сильно расшатало господство Кокандского ханства над Южной Киргизией и усилило движение среди южных киргизов, направленное к принятию русского подданства.

Восстание 1873—1874 гг. и царская администрация Народные массы Южной Киргизии, томившиеся под двойным гнетом — местной феодальной знати и кокандских эксплуататоров, еще до восстания 1873—1874 гг., обращались к русским властям с просьбой о принятии в подданство России. Такое обращение было сделано в 1872 г. Просьба была повторена в январе 1873 года. В лице России киргизы видели своего избавителя от тяжелого гнета кокандских ханов и чиновников.

В период восстания 1873—1874 гг. стремление южных киргизов к принятию подданства России значительно усилилось. Южные киргизы, в своей борьбе с Кокандским ханством искали помощи и поддержки у России. В самом начале восстания, т. е. весной 1873 г., восставшие алайские киргизы обратились к исполнявшему обязанности туркестанского генерал-губернатора Колпаковскому с просьбой о покровительстве и помощи. Для получения более подробных и более достоверных сведений о восстании к алайским киргизам Колпаковский послал своего представителя. Алайцы спросили у русского посланника: «Будут ли русские оказывать помощь хану» и говорили, что «их удерживает от решительных действий только единственно боязнь этой помощи». Когда посланник вопреки инструкции Колпаковского ответил, что русские не будут оказывать помощь хану, восставшие с радостью сообщили ему о своей готовности выступить против Кокандского ханства.

В августе 1873 г. ляйлякские киргизы послали своих представителей Кул-Магомета и Камбар-Серкера к Токмакскому уездному начальнику и просили его быть «тамыром», т. е. другом. Киргизские посланцы сообщили ему о готовности повстанцев исполнить все, что «скажет русский начальник» и просили его о помощи в борьбе против Коканда.

Токмакский уездный начальник послал своего представителя к восставшим и обещал им оказать вооруженную помощь. Однако он не исполнил свое обещание. Поэтому лаяляковцы второй раз посылали к нему делегацию, с такой же просьбой о помощи. Но по приказу Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана Токмакский уездный начальник прекратил всякие переговоры с восставшими и приказал их делегации удалиться с территории Токмакского уезда.

Однако восставшие киргизы продолжали настойчиво обращаться к русским властям за помощью и неоднократно заявляли о своем желании принять подданство России.

Осенью 1873 г. восставшие киргизы написали письмо Ходженскому уездному начальнику. В нем говорилось: «Мы, не вынося несправедливости (Худояр-хана), ограбили его зякетчи. Худояр-хан послал к нам войска свои, от которых мы и убежали в горы, оставив наши кочевки. Но

ханский военачальник успел захватить у нас 240 человек в плен, привез этих людей в г. Ассак и по приказанию хана всех их велел посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами (хана). Вы прислали к нам человека, и мы все этому были очень рады и сделались с Вами тамырами. Теперь уже обращаемся к Вам как к тамыру. Вы большой начальник и можете нам посоветовать и приказать, и все, что Вы скажете, мы исполним. Если прикажете драться — будем драться, ибо от всяких притеснений и обид мы потеряли всякое терпение». Как видно из приведенной выдержки, киргизы считали русских своими друзьями, просили совета и поддержки.

В апреле 1874 г. узгенцы в своем письме Джура-беку (Джура-бек поддерживал дружественные отношения с Туркестанским генерал-губернатором) просили ходатайствовать перед генерал-губернатором Туркестана о принятии их в подданство России. Вот что говорилось в этом письме: «...положение кара-киргизов Вам хорошо известно. Если будет возможность и не составит для Вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии его превосходительства, мы — несчастные кокандские подданные — могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие».

О тяготении к России, о надежде найти поддержку и помощь русской администрации ярко говорит тот факт, что тысячи семейств восставших киргизов, спасаясь от жестокостей ханских карательных отрядов, перекочевали в Северную Киргизию, которая уже входила в состав Российской империи. После Ханабадского поражения, летом 1873 г., 1700 кибиток повстанцев перекочевали из восточной части Ферганы на территорию Токмакского уезда. Осенью того же года 800 семейств восставших киргизов переселились из Андижанского округа в Аулие-Атинский уезд. Им был отведен земельный участок в местностях Кетмень-Тюбе и Тогуз-Торо. Эти киргизы обратились к военному губернатору Семиреченской области с просьбой о принятии в подданство России. Но их просьба не была удовлетворена.

Весною 1873 г. Абдурахман Афтобачи собрал биев и почетных лиц Южной Киргизии, подарил им халаты и просил содействовать возврату киргизов, перекочевавших в русские владения Токмакского и Аулие-Атинского уездов.

С этой же целью Худояр-хан посылал своего посланца к Токмакскому уездному начальнику. Но Худояр-хан получил ответ, что возвратить беженцев в зимнее время нет возможности, и вернуть их будет возможно лишь с наступлением весны. Действительно, осенью 1874 г. беженцы-киргизы, по приказу исп. обязанности Туркестанского генерал-губернатора Колпаковского, были возвращены в пределы Кокандского ханства. Худояр-хан решил наказать этих киргизов: они были разграблены ханским отрядом, и много айлов опять возвратились в Токмакский уезд. Но основная часть, лишенная всякого имущества и скота, была кокандскими властями расселена в Фергане.

Неоднократное обращение восставших киргизов к русским властям с просьбой о принятии их в подданство России и перекочевка 2500 кибиток повстанцев в русские владения показывают, что восстание 1873—1874 гг. по существу явилось борьбой народных масс Южной Киргизии за освобождение от господства Кокандского ханства, которое подвергало их жесточайшему национальному и политическому гнету.

Русская ориентация южных киргизов объясняется тем, что лишь Россия могла освободить киргизский народ от ига Кокандского ханства. По сравнению с Южной Киргизией, Северная Киргизия, уже присоединенная к России, оказалась в гораздо лучших условиях. Южные киргизы с переходом в подданство России искали более спокойную жизнь, чем это было при тирании кокандских ханов и их чиновников. Это хорошо видно из следующего заявления южных киргизов посланнику Туркестанского генерал-губернатора «сколько киргизов наших единоплеменников, (т. е. казахов и киргизов. Ред.) — говорили они, — в подданстве белого царя в Оренбургском крае, в Сибири и в Туркестане и все благодарят бога. Того же желаем и мы».

В усилении симпатии киргизов к России немалую роль играла экономическая заинтересованность населения в присоединении к России, особенно торговые связи с русским государством. Следует отметить, что к русскому подданству стремились не только киргизские трудовые массы, но и некоторые представители киргизских манапов и баев, которые при этом, разумеется, исходили из своих классовых интересов.

Царская администрация дала отрицательный ответ на

все просьбы южных киргизов о принятии в подданство России. В сентябре 1873 года исполняющий обязанности Туркестанского генерала-губернатора Колпаковский посланнику восставших Кул-Магомету, явившемуся к нему с просьбой о принятии ферганских киргизов в русское подданство, сказал, что «просьба их не может быть принята, ибо могущественный государь не желает увеличивать своего государства за счет владений кокандского хана». Император Александр II еще в 1871 году дал указание Туркестанскому генерал-губернатору Кауфману: Ходатайство кокандцев подчиниться России, — если таковое последует, необходимо отклонить». В свете этих указаний центральной власти и действовала местная русская администрация. Позиция, занятая русским правительством в вопросе о принятии южных киргизов в русское подданство, объяснялась сложной дипломатической обстановкой. В своем продвижении в Среднюю Азию царское правительство постоянно наталкивалось на сопротивление Англии, стремившейся к захвату среднеазиатских земель. В течение 50—60 годов XIX в. русские войска заняли северные и западные районы Кокандского ханства. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, а в следующем 1868 г. с кокандским ханом Худояром было заключено соглашение, по которому Кокандское ханство признало вассальную зависимость от империи, русские купцы получили право свободной торговли на территории ханства с уплатой ничтожной пошлины в 2,5% со стоимости товаров. Русские границы непосредственно приблизились к пределам Бухарского ханства. Под прямым давлением Английского правительства, опиравшегося в своей агрессии в Средней Азии на наиболее реакционные клерикальные мусульманские круги, бухарское правительство объявило газават, т. е. «священную войну» мусульман против «неверных». Однако военные действия быстро привели к сокрушительным поражениям бухарской армии, и эмир Музаффар-Эддин признал себя вассалом России, открыл эмират для свободной торговли русских купцов и обязался уплатить крупную контрибуцию. Все это способствовало нарастанию враждебных отношений английского правительства и буржуазных кругов английского общества к России. Маркс и Энгельс писали по этому поводу, что, «...хотя Джон-Буль (т. е. Англия, ред.) и пускается охотно на ан-

некции в Индии, он не думает позволять делать то же самое другим народам в тех странах, близость которых угрожает его собственным владениям».¹ В 1873 г. удалось достигнуть разграничения (правда, непрочного) сфер влияния между Англией и Россией в Средней Азии. В этих условиях Россия не могла пойти на присоединение новых земель в непосредственной близости от Афганистана и Кашгара, находившихся под контролем Англии, и не могла согласиться на присоединение Южной Киргизии к России. Осторожность, с какой русское правительство действовало в начале 70-х годов в Средней Азии, объяснялась и внутренней обстановкой в империи. Царское правительство переживало финансовые трудности и было напугано нарастанием крестьянских волнений в стране.

**Вхождение
Южной Киргизии
в состав
России**

Худояр-хан все больше и больше становился марионеткой в руках Туркестанского генерал-губернатора. Хан, опираясь на поддержку царизма, не только угнетал народ, но и по существу перестал считаться с высокопоставленными лицами, которые играли раньше большую роль во внутренних и внешних делах ханства.

Все это ущемляло интересы и привилегии узбекских и киргизских феодалов, военно-чиновнической знати Коканда, реакционного мусульманского духовенства и толкало их на борьбу против Худояр-хана и России. Они только ждали удобного момента для выступления. Недовольство ханом широких народных масс представляло для этого благоприятные условия. Среди феодальной знати все более крепла мысль использовать движение народных масс в своих целях, для укрепления своих классовых привилегий. Но она сознавала, что борьба с ханом в то же время неизбежно выльется в борьбу против России. Наиболее приемлемым лозунгом такой борьбы представлялся реакционнейший лозунг газавата, т. е. борьбы против «неверных». Борьба масс направлялась, таким образом, не против феодальной знати, а принимала характер национальной розни. При господстве патриархально-родового быта феодальной знати было сравнительно легко увлечь за собой трудящиеся массы скотоводов. С руководителем движения Пулат-ханом так же можно было договориться;

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 379.

т. к. Пулат-хан сам был заражен клерикально-националистической идеологией и по существу являлся лишь попутчиком в борьбе народных масс за свое социальное освобождение.

В июле 1875 г. борьба против Коканда вспыхнула с новой силой. Худояр-хан, получив сведения об этом восстании, послал против восставших карательный отряд, численностью в 4000 сипаев (кавалерия), во главе с Абдурахманом Афтобачи, Иса Аулиэ, Сарымсак Ишик Агасы и Хал-насар датхой. 17 июля 1875 года этот отряд изменил хану и возле г. Андижана присоединился к восставшим. За ним начали присоединяться к восставшим и другие антирусски настроенные элементы. Так, 19 июля на сторону восставших со своими войсками перешел правитель г. Андижана—старший сын Худояр-хана—Насыр-Эддин-бек; за ним 20 июля со своими войсками последовал правитель г. Маргелана — брат Худояр-хана—Султан-Мурат-бек. В ночь на 21 июля на сторону восстания перешла часть ханских войск; в эту же ночь к восставшим присоединился второй сын Худояр-хана — Мухамед-Амин-бек вместе с кавалерией в количестве 4000 человек. 22 июля большая часть ханских войск во главе с шестью пансатами (пятисотниками) перешли на сторону восставших, Худояр-хан был вынужден 22 июля 1875 г. под прикрытием отряда русских войск бежать из Коканда. Столица ханства была занята восставшими, которые объявили Худояр-хана низложенным с престола и провозгласили ханом Насыр-Эддина.

После присоединения к восстанию изменивших хану войск, правителей отдельных городов, а также крупнейших феодалов, беков, хакимов, датхи, военно-чиновничьей знати, мусульманского духовенства и других элементов, недовольных усилением влияния России в Кокандском ханстве, резко изменился социальный состав восставших и характер самого восстания. Во главе восстания встали Абдурахман Афтобачи и другие феодалы. С этого момента восстание приобрело антирусский характер. Представители трудящихся, участвовавшие в нем в его начале, стали отходить от борьбы. По существу восстание превратилось в феодально-монархическое выступление, которое тянуло к укреплению патриархально-феодалных устоев, к сохранению отсталой ханской власти в Коканде и ее гос-

подства над Киргизией. Участники этого выступления, борясь против России, ориентировались на отсталые государства Востока, за спиной которых стояла капиталистическая Англия.

Следует отметить, что кокандское восстание 1875 г. не могло приостановить стремления народных масс Южной Киргизии к принятию подданства России. Трудящиеся Южной Киргизии в период этого восстания, как и раньше, не питали враждебности к России, наоборот, надеялись найти в русском подданстве избавление от грабежа и насилия феодалов. И в этот период южные киргизы неоднократно посылали депутации к русским властям с просьбой о принятии их в подданство России. Так, в июле 1875 года к Туркестанскому генерал-губернатору явились депутации от трех киргизских родов: монгуша, адыгине, ичкилика и просили принять их в русское подданство. В августе с такой же просьбой к генерал-губернатору обращались ферганские киргизы, в сентябре—чаткальские киргизы, в октябре—киргизы, кочующие вокруг Оша, Маргелана и Андижана. С подобной же просьбой обращались к Туркестанскому генерал-губернатору наукатские и янги-курганские киргизы, а в конце ноября — узгенские киргизы.

В январе 1876 года киргизы, кочующие вокруг Оша и Узгена, арестовав беков, изгнали отряды Пулат-хана из своих аулов.

В начале 1876 года восстание, не поддержанное народными массами, было подавлено военными силами Российской империи. Кокандское ханство было ликвидировано и в феврале 1876 года, под названием Ферганской области, присоединено к России. С присоединением Кокандского ханства Южная Киргизия, за исключением Алая, вошла в состав Российской империи. Вступление русских войск на территорию Южной Киргизии было дружелюбно встречено со стороны большинства местного населения, которое видело в них своих избавителей от грабежей и разорения, производимых отрядами Абдурахмана Афтобачи и других феодалов.

По мере подавления восстания его руководители отходили от борьбы и сдавались под покровительство русских властей. Абдурахман Афтобачи, сдавшийся русским войскам в январе 1876 года, был выслан из пределов Кокандского ханства. Пулат-хан был захвачен в плен и каз-

нен в Маргелане. Высылке за пределы Средней Азии были подвергнуты и два последних кокандских хана — Худояр и Насыр-Эддин.

**Присоединение
алайских киргизов
к России**

После подавления кокандского восстания многие сподвижники Пулат-хана бежали в Алай. К ним присоединились некоторые представители узбекской феодальной знати, занимавшие выгодные места во времена Кокандского ханства. Воспользовавшись труднодоступностью Алайских гор, они организовали ряд выступлений против России, за восстановление Кокандского ханства и его власти над Южной Киргизией.

Алай, занимавший значительную часть Южной Киргизии, был окончательно присоединен к России лишь после подавления этих выступлений.

В марте 1876 года киргизские и узбекские феодалы, во главе отряда в количестве 1000 человек, собрались у кишлака Лангара и объявили ханом выходца из династии минг, проповедника газавата — Дивану (Худайкула). В урочище Гульча группировались шайки Худояр-халпы. Дивана и Худояр-халпа пытались при помощи оружия поднять народные массы Южной Киргизии против России. Они угрозами требовали от населения предоставления им военных припасов.

Разоряемые шайками Диваны и Худояр-халпы, киргизские трудовые массы стали перекочевывать в пределы Туркестанского генерал-губернаторства. В конце марта шайки Диваны и Худояр-халпы были разбиты русским карательным отрядом.

В апреле 1876 года сподвижник Пулат-хана — старший сын правительницы Алая Курманджан-датха Абдылдабек, занимавший во время правления Худояр-хана должность бека Ошского вилайета, при помощи крупных феодалов Сулаймана-удайчи, Танкул пансата, Бекджан-минбаши, Оморбека, Валихан тюри и своих братьев Махмудбека, Хасан-бека, Камчи-бека организовал отряд в количестве 1500 человек. В состав отряда Абдылдабека входили и представители киргизской и узбекской феодальной знати, интересы которой были ущемлены присоединением Кокандского ханства к России. С целью прекращения перекочевок алайских киргизов во владения России, Абдылдабек занял сильную позицию в ущелье Яны-Арык, ко-

торое прикрывало выход из Алая. Абдылдабек объявил «газават». Караванное сообщение между Россией и Кашгаром было прервано. Однако 26 апреля силы Абдылдабека были разбиты царским карательным отрядом.

Но выступления феодально-клерикальных элементов против России еще не были окончательно подавлены. В разных местах Алая продолжали появляться довольно крупные шайки, руководимые бывшими сподвижниками Пулат-хана и различными представителями феодальной верхушки. В июле Абдылдабек, при помощи своих сподвижников, организовав отряд, снова выступил против России. Был объявлен «газават». Абдылдабек занял сильную позицию на урочище Шот в 40 верстах от Оша. Дальний родственник Худояр-хана Абдул-Керимбек был провозглашен ханом.

Дивана, Мулла-Ашур, Худояр-халпа и Абдылдабек, выступая против России, пытались не допустить присоединения к России трудящихся Алая. Они со своими отрядами грабили и разоряли русское население и местные трудовые массы. «Огромные шайки лихих джигитов,— пишет участник алайского похода В. Тагеев,— стали разбойничать, производя беспорядки среди русского населения, возникшей области (Ферганской. Ред.), и разбои эти всегда сопровождались обильным кровопролитием». Другой современник писал, что «шайки Диваны, Мулла-Ашура и Абдылдабека занимались грабежом мирных жителей, доводя иногда свою дерзость и нахальство до того, что решались грабить аулы, стоявшие недалеко от места расположения наших войск». Значительная часть трудовых масс Алая, опасаясь грабежей и насилий шайки феодалов, перекочевывала на территории, находившиеся в составе Российской империи».

Во второй половине июля 1876 года Туркестанским генерал-губернатором Кауфманом был организован карательный отряд под начальством Скобелева, возглавлявшим подавление кокандского восстания, основной целью которого был разгром отрядов Диваны, Мулла-Ашура и Абдылдабека и окончательное присоединение Алая к России. Этот отряд тремя группами двинулся в так называемый «алайский поход». В состав отряда входили киргизские джигиты во главе с Шабданом.

К концу августа выступления Диваны, Мулла-Ашура

и Абдылдабека этим отрядом были подавлены при помощи местного населения. Абдылдабек, с наиболее близкими сподвижниками, бежал в Афганистан, а оттуда в Мекку. За Абдылдабеком в Афганистан бежала и его мать—Курманджан-датха. Но она была по дороге поймана и возвращена обратно. Одаренная Скобелевым богатыми подарками, она примирилась с присоединением Алая к России. Два ее сына впоследствии стали волостными правителями.

Выступление Абдылдабека, Диваны, Мулла-Ашура и Худояр-халпы были направлены не только против присоединения Алая к России, но и на то, чтобы добиться восстановления феодально-ханских порядков, восстановить Кокандское ханство и оторвать киргизов от России путем сближения с отсталыми государствами Востока. Эти выступления, по существу, являлись продолжением кокандского восстания 1875 г. и носили реакционный характер. Они не имели ничего общего с интересами народа и не были им поддержаны.

С присоединением Алая вся Южная Киргизия вошла в состав России.

Значение присоединения Киргизии к России

Несмотря на отрицательные стороны колонизаторской политики русского царизма, вхождение Киргизии в состав России было для нее прогрессивным явлением.

С точки зрения закономерности общественного развития это присоединение объективно было движением вперед.

Маленькая Киргизия присоединилась к могущественному Российскому государству, которое во всех отношениях стояло выше, чем любое из азиатских государств. Прекратилась феодально-родовая борьба в Киргизии, разорявшая народные массы и тормозившая развитие производительных сил.

Киргизия включалась в общероссийский рынок, что способствовало некоторому росту капиталистических элементов в Киргизии, хотя в условиях колониального режима рост капиталистических отношений был незначителен.

Главным положительным моментом вхождения Киргизии в состав России является сближение киргизского народа с великим русским народом и в дальнейшем влияние материально-духовной культуры и революционно-демократического движения русского народа на киргизов.

Независимо от воли и желания царизма киргизский народ сблизился с великим русским народом, и русское революционное движение стало благотворно влиять на киргизов в борьбе с эксплуататорскими классами: баями и манапами. .

Царизм, присоединив Киргизию к своим владениям, стремился расширить рынки сбыта и сырья для капиталистической промышленности, создать земельный фонд, который можно было бы использовать для переселения крестьян в целях предотвращения аграрной революции в центре. Наконец, он преследовал стратегические цели в борьбе с капиталистической Англией за господство в Средней Азии.

Однако, присоединение Киргизии к России объективно привело к сближению киргизского народа с революционным передовым классом России. В результате совместной борьбы киргизский народ при помощи великого русского народа освободился от классового и колониального гнета. Но это случилось в далеком будущем, и к этому будущему киргизский народ пришел при помощи передового русского народа в упорной борьбе, через тяжелые страдания, которые нес в Киргизию колониальный режим.

ГЛАВА VII

КИРГИЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КИРГИЗИИ

Россия во 2-й половине XIX в. Присоединение Киргизии к России совпало с переходом России к капиталистическому строю. Разложение крепостной системы в стране привело в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в. к созреванию революционной ситуации, нашедшей свое наиболее яркое выражение в мощном подъеме крестьянского движения. Царское правительство было вынуждено провести ряд буржуазных реформ и, прежде всего, крестьянскую реформу 1861 г. Но эта реформа была проведена крепостниками-помещиками с максимальным учетом их экономических и политических интересов. В стране сохранились власть помещиков и помещичьи латифундии. Крестьяне, опутанные многочисленными пережитками крепостничества, были ограблены царизмом. Они потеряли около $\frac{1}{5}$ своей наделной земли; за свои нищенские наделы, полученные в результате реформы, крестьяне были обложены огромными выкупными платежами. Все это не могло, однако, предотвратить неизбежного процесса развития капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Россия вступила на мучительный путь перерождения феодального сельского хозяйства в капиталистическое, который В. И. Ленин определил как прусский путь разви-

тия капитализма в сельском хозяйстве. Реформы 60-х годов не ослабили, а усилили классовые противоречия в стране. Революционное движение вступило во вторую стадию своего развития. Кончился его дворянский период, нашедший свое наиболее яркое выражение в движении декабристов, и наступил новый период, разночинский, или революционно-демократический. Общественные силы страны разбились на два непримиримо-враждебных лагеря. Один из них был связан с царизмом. Это были не только крепостники-помещики, но и нарождавшаяся либеральная буржуазия, которая боялась революции и была готова идти на любые сделки с царизмом. Другой лагерь — революционно-демократический — отражал интересы крестьянства. Этот лагерь был представлен великими демократами-революционерами. Еще в 40-х годах их предшественником выступил Белинский. К 50—60-м гг. относится деятельность Чернышевского, Добролюбова и Герцена.

С 90-х годов революционное движение в России вступило в новую, более высокую стадию развития. Начался пролетарский период развития русского революционного движения, во главе которого выступил вождь пролетариата и всего прогрессивного человечества Ленин.

Киргизия была присоединена к России, раздираемой непримиримыми противоречиями. И обе России, самодержавная и революционная, оказали свое влияние на развитие киргизского народа, влияние глубоко противоречивое, как были противоречивы сами общественные силы империи. Понять значение присоединения Киргизии к России для киргизского народа можно только учитывая те глубокие противоречия, которыми характеризовалась жизнь всей страны.

Укрепление границ России на Тянь-Шане и Памире

После присоединения Киргизии к России границы последней стали соприкасаться непосредственно с Западным Китаем. Установление границ происходило в напряженной политической обстановке, что было связано с восстанием дунган и уйгуров в Северо-Западном Китае. В ряде районов, в ходе восстания, власть правительства феодального Китая пала, и образовался ряд ханств. В пограничном с Россией Илийском крае образовалось ханство уйгуров.

Ослаблением китайского правительства в Западном Китае решили воспользоваться феодально-духовные круги Кокандского ханства в целях подчинения себе Восточного Туркестана. Попытки к этому предпринимались и раньше в виде неоднократных восстаний ходжей. Восстания организовывались и поддерживались правительством Коканда. В 1863 г. отряд кокандцев, возглавляемый Якуб-беком, вторгся в Кашгарию, и, при поддержке местного мусульманского духовенства, установил там правителем Бузрук-ходжу. В 1867 г. Бузрук был лишен власти Якуб-беком. Провозгласив себя правителем Кашгарии, Якуб-бек стал проводить захватническую политику, стремясь распространить свою власть на Восточную Фергану и Памир. Якуб-бек, подстрекаемый Англией и Турцией, по отношению к России держался враждебно. Англия, мечтавшая превратить Среднюю Азию в свою колонию при помощи исламистской Турции, пыталась сделать Якуб-бека своим орудием в борьбе с Россией. В этих целях Англия и Турция признали Якуб-бека эмиром Джеты-Шарра (семиградья), вооружили и обучали его армию, а также пытались привлечь на сторону Якуб-бека некоторых киргизских манапов, надеясь, таким образом, осложнить положение России в прилегающих к Восточному Туркестану районах.

В целях укрепления своего военно-политического господства в Туркестанском крае и укрепления границ с Восточным Туркестаном и на Памире правительство России возводило укрепления в пограничных районах. Такими были: Каракол, Нарын, Джумгал, Гульча и др. В этих же целях было создано Семиреченское казачье войско, в результате чего здесь возникли казачьи станицы: Николаевская, Мариновская и Когетинская.

Опасаясь распространения восстания дунган и учитывая стремление Якуб-бека захватить Джунгарию и Семиречье, царизм занял в 1871 г. Илийский край. Илийская провинция управлялась Россией до 1882 г., после чего она была по Петербургскому договору 1881 г. возвращена Китаю, которому удалось подавить восстание в своих северо-западных провинциях и восстановить власть в Восточном Туркестане. Пребывание Илийского края под управлением России способствовало сближению русского народа с местным дунганским и уйгурским населением.

Когда по договору 1881 г. ему было предоставлено право выбора китайского или русского подданства, то значительная часть населения приняла российское подданство, в результате чего и произошло переселение илийских дунган и уйгуров в Семиречье.

По договору 1881 г. была установлена граница России и Китая между Восточным Туркестаном, с одной стороны, и Семиречьем и Ферганой — с другой. Большую сложность составил вопрос о границах на Памире. Англия, пытаясь всячески ущемлять интересы России, стремилась обострить отношения между нею и Китаем. Создавая конфликты по вопросу памирских границ, она намечала укрепить свои позиции. В 1895 г. произошло разграничение южной и западной границ Памира.

Хотя упрочение границ России в Семиречье, Фергане и Памире проводилось царским правительством в его интересах, но это было выгодно и киргизскому народу, так как в противном случае последний мог бы оказаться под властью отсталого тогда феодального Китая или стать колонией английского империализма. Это оторвало бы киргизский народ от революционного русского народа, надолго задержало бы его освобождение и обрекло на еще большие страдания, эксплуатацию и нищету.

Характер политики царизма в Киргизии и его союз с манапами и баями	Прогрессивный характер присоединения Киргизии к России не только не определялся политикой царизма, а наоборот, осуществлялся вопреки этой политике и в решительной борьбе с царизмом. Политика царизма в Киргизии, как и во всем Туркестане, была сугубо реакционной, колонизаторской политикой.
--	--

Царизм выражал экономические и политические интересы русских помещиков и буржуазии. Являясь составной частью Туркестанского края, Киргизия использовалась как рынок сбыта и база сырья для российской промышленности, как источник поступления денежных средств посредством налогов на трудящихся. По мере проникновения в Туркестан русского промышленного капитала последний стал проявлять интерес к богатствам недр Киргизии, начал хищнически разрабатывать угольные залежи и другие ископаемые. Особое внимание царизма привлекали земельные богатства, которые сразу же после присоединения края к России были объявлены государствен-

ной собственностью. Политика царизма в земельном вопросе была рассчитана на лишение трудовых масс киргизского народа основных земельных фондов, передачу значительной части этих земель царским чиновникам, предпринимателям и кулакам. Когда же в России развернулось мощное аграрное движение крестьян, грозившее свержением царизма, тогда он попытался предотвратить такую угрозу путем переселения крестьянской бедноты на окраины. Интересы трудовых масс киргизского дехканства всячески попирались. Трудовые массы киргизского народа стали объектом беспощадной эксплуатации со стороны царизма.

Царизм опирался в своей политике на колонизаторские элементы — чиновничество, казачество, кулаков, а также на местные эксплуататорские круги — баев и манапов, тормозя все, что способствовало культурному развитию киргизского народа

Колониальный режим, установленный царизмом в Киргизии, давал о себе знать на каждом шагу. Положение трудовых масс киргизов было чрезвычайно тяжелым. Киргизский народ эксплуатировался также не менее жестоко и беспощадно манапами и баями.

Привлекаемые на службу в аппарат управления, получая различного рода льготы и подачки от царизма, манапы и баи охотно служили царизму, предавая интересы народа.

Таким образом, царизм ни в какой мере не выражал и не мог выражать интересов трудящихся России и, в частности, киргизского народа. Вся его политика по своей направленности была антинародна.

Все, что было прогрессивного, положительного в присоединении Киргизии к России, вытекало не из политики царизма в отношении киргизского народа, а определялось сближением киргизского и русского народов, которое началось после присоединения и осуществлялось на экономической, культурной и революционной основе.

После присоединения Киргизии к России началась ее колонизация, которая проводилась на всем протяжении господства здесь царизма. Колонизаторская политика царизма определялась его экономическими и политическими интересами. Начиная с 60-х и до

Переселение
крестьян в
Киргизию в
60—80 гг. XIX в.

90-х годов, на первом плане стояли военно-политические интересы и, прежде всего, стремление закрепиться в присоединенном крае. С этой целью, как указывалось выше, возводились укрепленные пункты. Было создано Семиреченское казачье войско, аппарат управления был отдан в руки военных чинов и подчинялся не министерству внутренних дел, а военному ведомству.

В целях укрепления своих позиций, создания себе опоры в лице кулачества, казачьего войска царизм наделял казачество и зажиточных крестьян лучшими землями, предоставляя им различные льготы, что способствовало укреплению здесь сильного кулацкого хозяйства.

Это полностью подтверждается документами того времени. Так, в отчете губернатора Колпаковского за 1886 г. указывается: «Правительство возводило разного рода укрепления и вызывало из Европейской России крестьян, которых обращало в казачество для увеличения численного состава служилых людей и большего упрочения в Степном крае нашего господства».

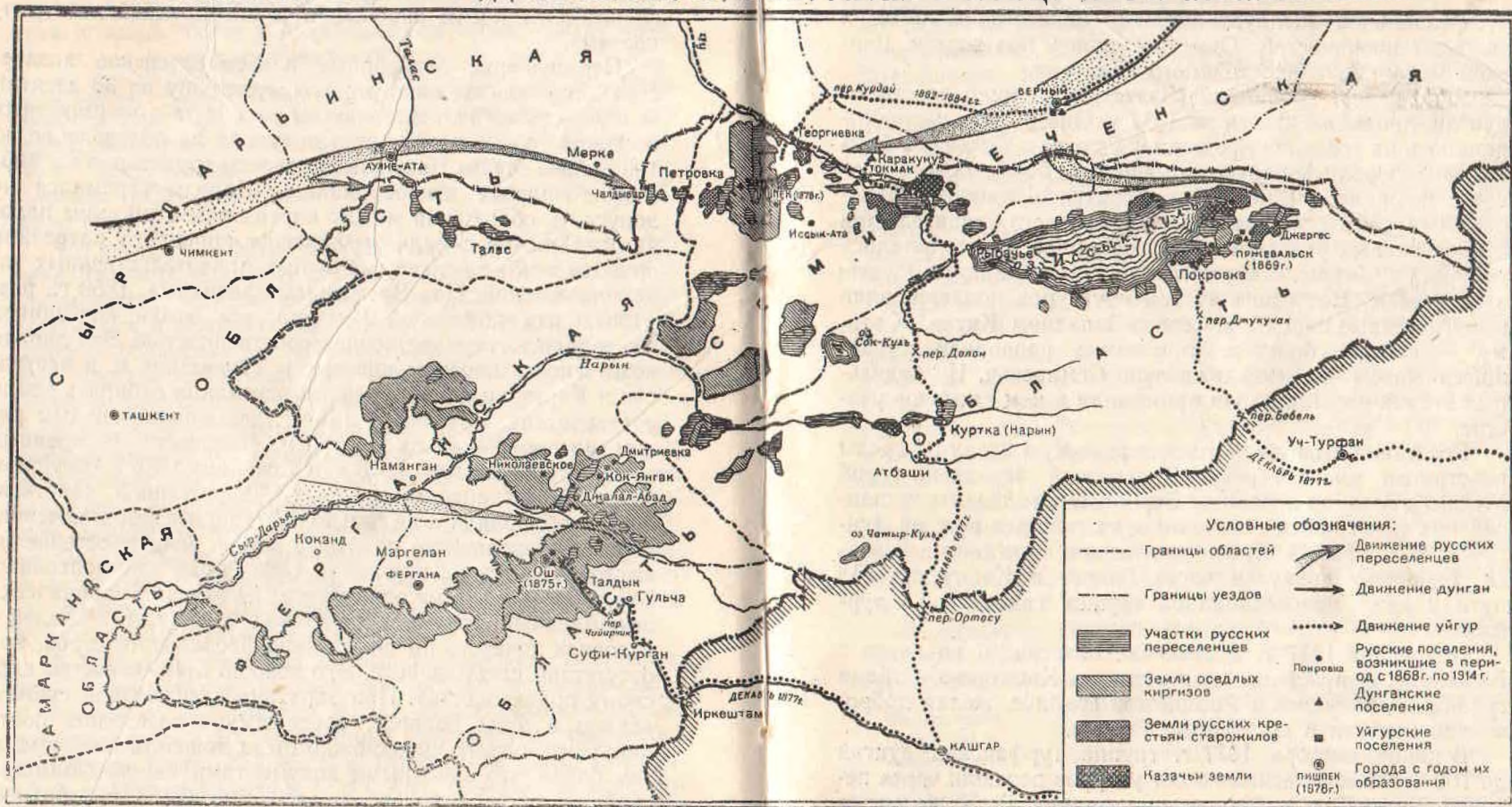
В 60—80-х гг. переселение крестьян из России в пределы Киргизии проходило только в северные районы. В 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель приказал Семипалатинскому военному губернатору собрать сведения о пунктах возможного заселения, а в 1866 г. им было отдано распоряжение об устройстве русского населения у озера Иссык-Куль. Через год были подготовлены пункты для заселения: в Иссык-Кульском уезде — Каракол, в Токмакском — Токмак.

В 1868 году появились первые переселенцы. В этом же году, в пределах названных двух уездов, возникли села: Беловодское, Лебединское, Уйтал, Преображенское и Теплоключенское. В дальнейшем количество поселений неуклонно росло. К 1885 г. в Токмакском уезде имелось 10, а в Иссык-Кульском 6 русских селений, в которых насчитывалось 9961 человек крестьян мужского и женского пола. В 1875—1886 гг. был основан ряд русских поселков в северно-западной части Киргизии (нынешняя Таласская область). В 1875 г. здесь основывается село Вознесенское, в 1876 г. — Чалдовар, в 1877 г. — Дмитриевское, в 1881 г. — Покровское, в 1884 г. — Николаевское, в

1886 г. — Александровское и др. При образовании русских поселков царское правительство стремилось к тому, «чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами, они могли составить непрерывную, по возможности, сеть оседлых поселений, расположенных по главнейшим путям сообщения и плодороднейшим местностям».

Переселенцы, записанные в Семиреченское казачество, получали на каждую мужскую душу по 30 десятин земли, освобождались от податей на 16, а в припикетных поселках — даже на 25 лет и получали на обзаведение по 100 рублей ссуды. Насущные интересы трудовых масс киргизского народа игнорировались. Царизм стремился не допускать сближения между киргизским и русским народами. Изъятие земель трудящихся коренного населения проводилось на основе различных правительственных законоположений. По «Временным правилам» 1869 г., разработанным комиссией Гомзина, все земли кочевников объявлялись государственной собственностью. Это давало возможность царским властям в Туркестане и, в частности в Киргизии, на «законном» основании отбирать земли у дехканства. «Правила» 1869 г. дополнялись целым рядом распоряжений из центра и «творчеством» военных губернаторов на местах. В «Положении» 1886 г. об управлении Туркестанским краем государственной собственностью объявлялись не только пастбищные земли кочевников, но и орошенные пахотные земли, если население не могло доказать на эти земли своих прав документально. Это означало, что ни один киргиз не мог дать юридически оформленный документ на право владения этой землей в условиях кочевого патриархально-феодалного строя, при отсутствии письменности. Это хорошо было известно царскому правительству. При запутанности, которая существовала в этом вопросе, трудящемуся населению почти никакими путями невозможно было доказать свои права, тем более, что законными документами царская администрация считала только те, которые были выданы ею. Впоследствии «Положение» 1886 г. было дополнено указанием, что «в частную собственность могут войти только богарные необработанные земли». Вполне понятно, что все эти законы были направлены против местного дехканства.

РАССЕЛЕНИЕ РУССКИХ, ДУНГАН, УЙГУР, В КИРГИЗИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.в.

**Переселение
дунган и уйгуров
в Семиречье**

Наряду с переселением русских крестьян сюда из цинского Китая в 70—80-х годах переселилась часть дунган и уйгуров. Трудовые массы дунган и уйгуров в цинском Китае страдали от недостатка земли, от феодальной эксплуатации, от множества налогов и тяжелых повинностей. Они находились под гнетом цинской монархии и иностранного капитала.

В 1862 г. в провинции Шэньси вспыхнуло восстание дунган, продолжавшееся до 1877 г. Оно быстро распространилось на соседние провинции Ганьсу и Синьцзян. Восставшие боролись против помещиков, ростовщиков, купцов и чиновников. Восстание превратилось в национально-освободительное движение против цинского правительства и иностранных угнетателей. К восстанию присоединились саларцы и уйгуры, ставшие главными союзниками дунган в их борьбе. Восстание дунган и уйгуров поддерживали все угнетенные народы в Северо-Западном Китае. К этому восстанию большое сочувствие проявляли трудящиеся массы киргизов и казахов Семиречья. На отдельных этапах восстания они принимали в нем активное участие.

Восстание выдвинуло на историческую сцену из среды повстанцев много героев. Дунганский народный герой Мухамед Аюп, по прозвищу Быйяньху, предводитель шаньсийских повстанцев, стал одним из главных вождей дунганского восстания. После подавления восстания в Шэньси, Быйяньху двинулся через Ганьсу в Кашгарию. По пути к нему присоединились группы ганьсийцев и турфанцев.

В декабре 1877 г. дунганские повстанцы, во главе с Быйяньху, вынуждены были оставить Кашгарию и тремя группами двинулись к Российской границе, желая добровольно перейти в подданство России.

В конце декабря 1877 г. группа турфанских дунган до 100 человек и несколько сот уйгуров перешли через перевал Эргеш-Там в Ферганскую долину. В то же время вторая группа ганьсуйских дунган в количестве свыше 1000 человек перешла через перевал Бедель в Пржевальский уезд и поселилась в урочище Ирдык, а часть осталась в Пржевальске. В это же время третья группа шаньсийских дунган в количестве около 3500 человек под предводитель-

ством самого Быйяньху вступила в одно из ущелий Тянь-Шаня и с большими потерями в людях прибыла в русское укрепление Нарын и отсюда в январе 1878 г. перешла в город Токмак. Весной Быйяньху переправился через р. Чу и поселился в урочище Каракунуз (в Казахстане), а часть его людей осталась в Токмаке, где они образовали дунганские кварталы

Трудящиеся Киргизии оказывали дунганам-переселенцам помощь во время их движения в Ош, Пржевальск, Токмак. Они помогали отставшим дунганам, давали хлеб и предоставляли им свои юрты.

Переселение в Семиречье илийских дунган и уйгуров началось в конце 1881 г. и продолжалось до 1884 г. Переселенцы двигались группами, сначала богатые и зажиточные семейства, а затем среднее и бедняцкое население. Часть илийских дунган (до 2 тысяч человек) поселилась в Токмакском уезде, где образовало село Александровку. В этот же уезд прибыло несколько групп уйгуров. В Пишпек переселилось около одной тысячи дунган, где образовалась дунганская слободка. Небольшое количество дунган поселилось по верхнему течению р. Таласа Аулиэтинского уезда. Остальные дунгане и уйгуры поселились в Верненском и Джаркентском уездах Семиреченской области.

Главным занятием дунган было сельское хозяйство. Издавна они были искусными земледельцами. Многие из них занимались ремеслами, вели торговлю. Животноводство у дунган было развито слабо. Хозяйственные занятия уйгуров были те же, что и у дунган.

В результате переселения дунган и уйгуров произошло взаимное культурное сближение между ними, русскими переселенцами и киргизами.

Переселение
крестьян в
Киргизию в
конце XIX и
начале XX в.

До 90-х годов крестьянская колонизация большого размаха не получила. Были редки случаи, когда крестьяне, не приспособившись к новым условиям земледелия, связанного с ирригационной системой, возвращались обратно на старые места. Особенно упало переселение в 80-е годы. За время с 1883 по 1891 гг. в Семиреченской области не возникло ни одного нового поселка.

Но с 90-х годов картина меняется. Голод в Централь-

ной России 1891 и 1898 гг. вызвал рост переселения в Киргизию. В это время волна переселения докатилась и до южных ее районов. В 1891 и в начале 1892 гг. в Семиреченскую область прибыли 1792 семьи переселенцев, из которых свыше половины разместилось в Пишпекском и Пржевальском уездах. В 1896 г. по Пишпекскому и Пржевальскому уездам насчитывалось уже 26 населенных пунктов. По сравнению с 80-ми годами число переселенцев здесь возросло в три раза.

Число желающих переселиться в Среднюю Азию и, в частности, в Киргизию было настолько велико, что царское правительство, идя навстречу помещикам, опасавшимся остаться без рабочих рук, стало ограничивать переселение. Циркуляром министра внутренних дел от 15 июня 1896 г. временно была прекращена выдача разрешений на переселение. Но это не остановило переселенческого движения. Оно продолжалось в форме самовольного крестьянского переселения. Самовольцы-переселенцы чаще всего размещались по старым селам, но были случаи образования и новых самовольных поселков. Такими селами явились: Георгиевское, Ивановское, Покровское и Свиняча выселка в Пишпекском уезде, основанные в 1893—1894 гг.

Голод 1901 г. вызвал среди малоземельного голодного крестьянства России стремление к поискам «свободных» земель, и в результате этого 1902 г. дал новый поток переселенцев-самовольцев в Семиречье. Заселялись преимущественно южная часть области — Пишпекский и Пржевальский уезды. Например, в июле 1902 г. из Пишпекского уезда сообщалось в областной центр, что прибыло 300 семей переселенцев, ставших табором около города. В августе их число увеличилось до 671 семьи. В 1905 г. по области насчитывалось 23 тысячи человек переселенцев-самовольцев, значительная часть которых опять-таки поселилась в Пишпекском и Пржевальском уездах.

В конце XIX в. переселенческим движением был охвачен и юг Киргизии. Первыми переселенцами здесь были дунгане, прибывшие сюда с разрешения царского правительства в 1877 г. Первыми русскими поселками, образовавшимися в 1893 г., были селение Покровское в Ошском уезде и в 1897 г. селение Николаевское и село Благовещенское в Андижанском уезде, село Рождествен-

ское, поселки Кара-Тепе, Лянгар и Балдык в Ошском уезде.

Особенно интенсивно шло заселение Кугартской долины, чему способствовали «Правила» 10 июня 1903 г. о добровольном переселении в Ферганскую область. Правительственная газета «Сельский Вестник» широко рекламировала эти «Правила», указывая на наличие свободных земель в Кугартской долине. В этот район крестьяне-переселенцы прибывали ежегодно. В результате в Кугартской долине образовался целый ряд поселков: Кок-Янгак, Джергалан, Таран-Базар, Котма, Кучур-Кожан и другие.

В 1905 г. в пределах Южной Киргизии по двум уездам — Андижанскому и Ошскому — насчитывалось уже 25 поселков. Правда, большинство из них были мелкими, иногда в несколько семей (Акджар — 3 семьи, Зергер — 10 семей), некоторые даже распадались, но в целом переселение в Южную Киргизию в этот период происходило в значительных размерах.

Необходимое количество земли для крестьян-переселенцев можно было найти, не затрагивая киргизского дехканства, которое иногда само добровольно уступало крестьянам земельные участки, но, царизм к решению земельного вопроса подходил чисто колонизаторски, попирая насущные интересы киргизского дехканства, забирая сплошь и рядом необходимые ему самому земли. Например, в 1892 г. земельной комиссией у дехкан Пишпекского уезда было изъято шесть земельных участков по правому берегу реки Чу, в количестве 82 113 десятин, причем, как признала сама поземельная комиссия, изъятые земли представляли «единственный источник, обеспечивающий существование киргизов». Большое количество изъятых земель попадало не трудовому крестьянству, а кулакам, дворянам и другим представителям эксплуататорских классов.

Переходу земель в руки колонизаторских элементов способствовало бедственное положение киргизского дехканства, которое, часто не имея инвентаря, было вынуждено отдавать кулакам за вспашку одной десятины, десять десятин земли.

Захвату земель у трудового населения способствовали и киргизские манапы, часто отдававшие земли киргизских

волостей в долгосрочную аренду, забирая себе арендную плату. Так, в октябре 1896 г. был отдан в 12-летнюю аренду участок в 750 десятин, принадлежавший до этого Толкановской волости. В 1906 г. волостной управитель продлил аренду еще на тридцать лет, получив по 20 копеек за десятину в год. Эта же земля потом отдавалась с торгов в годовую аренду жителям Пишпека по 7—16 руб. за десятину.

Отдавалась земля в аренду без согласия дехкан.

Помимо укрепления своего господства, в присоединенном крае царизм проводил политику переселения также в целях развития земледельческого хозяйства, которое обеспечило бы потребности края в хлебе и других продуктах.

Особенно актуальное значение приобрело для царизма крестьянское переселение со времени революции 1905—1907 гг. Из центральных губерний России царизм стал выбрасывать крестьянскую бедноту, как наиболее революционную часть сельского населения, на окраины. Это не означает, что переселялись только бедняцкие слои деревни, переселялись и кулаки. Они шли на окраины с целью дальнейшего расширения своего капиталистического хозяйства.

**Организация
административного
управления
в Киргизии при
царизме**

С присоединением к России Киргизия вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, но не как территориально целостная единица, а будучи раздроблена по ряду областей. На территории Киргизии были образованы уезды: в северной части—Пишпекский и Пржевальский (сначала они назывались Токмакский и Иссык-Кульский), а на юге—Ошский. Первые два уезда входили в Семиреченскую, а Ошский — в Ферганскую области. Район современной Таласской долины в составе Аулиэтинского уезда входил в Сыр-Дарьинскую область. Кроме киргизов, в этом уезде жили казахи, составлявшие большую часть населения. Ошский уезд не охватывал всех районов южной Киргизии, а значительная часть ее территории вошла в Андижанский, Наманганский и Маргеланский уезды Ферганской области, а район Сулюкты — в Ходжентский уезд Самаркандской области.

В таком проведении административного деления в Туркестанском крае сказывалось не только пренебреже-

ние царизма к национальным интересам народов Туркестана, но и явное стремление помешать их национальной консолидации.

В пределах уездов киргизское население было разделено на волости и айлы. В состав волости входило до 2000, а в аил до 200 кибиток.

Если при проведении административного деления на области и уезды проводилась политика разобщения киргизского населения, то при организации внутри уезда волостей проводилось разобщение отдельных национальностей. Киргизские волости резко отделялись от волостей русских крестьян даже тогда, когда создавались оседлые волости киргизов. В особые волости было выделено и дунганское население.

Управление находилось в руках царских властей: генерал-губернатора, управляющего всем Туркестанским краем, военных губернаторов в областях и уездных начальников в уездах; кроме этих основных должностных лиц, в управлении имелся огромный штат различных чиновников. Администрация в киргизских волостях выбиралась из коренного населения, но проводились выборы на основе имущественного ценза, и беднота была лишена возможности быть избранной. Во время «выборов» между претендентами и выдвигавшими их группами манапов и баев разгоралась борьба за должности. «Выбирался» тот, кто давал большую взятку вышестоящему начальству. «Выбранная», таким образом, волостная администрация утверждалась военным губернатором. В аилах выбирались аилные старшины, которые утверждались в должностях уездными начальниками.

В ведение волостной администрации входило распределение податей и различных повинностей, посылка населения на так называемые «общественные работы». Она могла подвергать жителей штрафу и аресту, выполняла также и полицейские функции. Выбирались волостные управители и аилные старшины на 3 года. За свою службу волостной управитель получал 500—700 рублей, а аилный старшина — от 100 до 200 рублей в год.

Судебная власть в волости принадлежала биям и казиям. Казии решали судебные дела на основе шариата. Более распространенным был суд биев. Бии выбирались одновременно с волостными управителями на волостном

съезде, по 4 бия на каждую волость. Суд биев основывался на обычном праве — занге или нархе. Суд состоял из трех инстанций: 1) единоличный суд бия, 2) волостной и 3) чрезвычайный суд биев. Бий мог единолично решать мелкие исковые дела и подвергать аресту до 7 дней. Волостной суд мог лишать свободы до 3-х месяцев.

Не ограничиваясь судом биев, царская администрация при помощи своих судебных органов расправлялась с киргизским дехканством вплоть до предания военно-полевому суду, если это угрожало интересам колониального режима. Таким образом, управление в Туркестанском крае и, в частности, в Киргизии находилось в руках военно-чиновничьего аппарата, действовавшего в союзе с киргизскими эксплуататорскими верхами.

Аппарат управления краем был настолько громоздок и велик, что на его содержание уходила значительная часть доходов, получаемых от местного населения в виде всевозможных налогов.

Огромные расходы на содержание аппарата управления дополнялись массовыми хищениями казенных средств областной и уездной администрацией, рассматривавшей свои должности, как источник личного обогащения. Замечательную характеристику туркестанской администрации дали Наливкины в своей книге «Туземцы раньше и теперь». «Один, являясь с волостными управителями,— писали Наливкины,— втихомолку скупал у туземцев по очень выгодным для себя ценам; другой, принимая благодарность богатых туземцев за разные нелегальные поблажки, строил хлопкоочистительные заводы; третий вступал в кампанию с виноделом и таким же путем добывал виноград; четвертый взимал мзду с волостных управителей и казиев за хлопоты по утверждению их в должности; пятый облагал необременительной данью туземных проституток; шестой просто брал, не специализируясь и не упуская ни одного удобного случая; седьмой по дорожной цене продавал бездействие власти». В Ошском уезде помощник уездного начальника утверждал волостными управителями лиц, дававших ему большие взятки. В волости Иквай управителем был утвержден содержатель публичного дома, давший взятку в 700 рублей. Показательно также дело поручика Бекчурина, который, заведую

денежной частью Ошского уезда, совершил хищение значительных денежных сумм.

По стопам своих хозяев шли и киргизские манапы и баи, захватившие в свои руки волостное и аильное управление. Во время выборов между ними разгоралась ожесточенная борьба за должности, принимавшая различные формы. Наглядным примером может служить борьба при выборах волостного управителя в Чоронской волости Пржевальского уезда в 1906 г., когда за место волостного управителя боролись две группировки манапов этой волости.

Первая группировка возглавлялась манапом Касымбеком из племени саяк, другая — Чоробаем Джаңыбековым из племени басыз. Организовав вооруженный отряд из своих джигитов и сторонников, Чоробай производил различные насилия над киргизами племени саяк. Захватив переправы через р. Алабугу, его джигиты никого не пропускали на левый берег, чтобы изолировать от всякого постороннего влияния захваченных ими кибитко-владельцев. Уездный начальник Пржевальского уезда так объяснил причины этой борьбы: «Платежных средств населения не хватает для удовлетворения хищных appetитов всех многочисленных манапов, почему партийные стремления каждой группы заключаются в том, чтобы получить преобладание в волости, приобрести всю администрацию ее и весь народный суд из своей партии и при помощи, главным образом, последнего обирать темный народ, держа его под постоянной угрозой полного разорения и при помощи народного суда».

Волостные управители и аильные старшины, давшие крупные взятки уездному начальству за содействие в получении места, за неограниченную власть над волостью, возмещали расходы поборами с подвластного населения. Под видом возмещения расходов, понесенных будто бы на общественные нужды, взимался так называемый «чигим», доходивший до 20 рублей с кибитки. Взимались сборы за выставленные для приезжавшего начальства юрты, за съеденных ими баранов и т. д. В жалобе жителей Ошского уезда, поданной в июле 1898 г. на уездную и волостную администрацию, говорилось о многочисленных притеснениях, указывалось, что управитель волости Иквай, помимо многочисленных поборов, заставлял дехкан обрабатывать

своим инвентарём и тягловой силой его поля и убирать урожай.

Манапство возмещало за счет населения расходы, связанные даже с религией. Так, известный киргизский манап Шабдан, ездивший в Мекку, поражал там всех своей щедростью, а вернувшись домой, на возмещение расходов собрал до 15 тыс. рублей с подвластного ему киргизского дехканства. Иногда эти поборы сопровождались открытым насилием и угрозами полного разорения трудовых масс киргизов. Так, манап Чоробай Джаныбеков несколько раз производил сборы с населения волости деньгами и скотом на расходы по «выборам», причем Чоробай разъезжал с винтовкой и угрожал неповинуящимся совсем их разграбить.

Произвол и насилия манапов и баев над трудящимися киргизами отмечает и другой царский чиновник Г. Загряжский в своем сообщении, помещенном в «Материалах для статистики Туркестанского края» (том III, 1874 г.).

«Кетмень-Тюбинской волости,— пишет Г. Загряжский,— всем заправлял Рыскулбек Нарбутин... С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. При кочевках никто не смел раньше него трогаться с места и идти впереди его стад. Такое положение скопило у него огромное состояние и дало почти ханскую власть над народом. Жаловаться на него нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты и сделают, что будет приказано. Рыскулбек приказал выбрать угодных ему лиц в айльные старшины и бии, а волостным он назначил своего брата Керимбека, который служил у него джигитом».

Царизм имел в лице местных эксплуататоров — манапов и баев и их сподручных — биев, джигитов и мулл надежную опору и верных союзников в деле установления жестокого колониального гнета над трудовыми массами киргизского народа. Колониальный режим царизма в Киргизии не только не противоречил интересам манапов и баев, а, наоборот, укреплял их экономическое могущество и власть над народными массами края.

В колониальном режиме царизма существенное место занимала налоговая политика. Сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства первыми шагами царизма в присоединенном крае было обложение налогами местного трудящегося населения. Первое

Налоговая политика царизма в Киргизии

время взималась кибиточная подать и земский сбор, а также частично сохранялась налоговая система периода кокандской колонизации: харадж и танап, замененные царизмом затем оброчной податью.

К 80-м годам система налогов и повинностей стала чрезвычайно обширной. Помимо кибиточного и земского сборов и оброчной подати, появились отчисления на содержание местной администрации, сборы на постройку и ремонт мелких мостов, дорог и арыков, поставка юрт и овец для проходивших воинских частей и т. д. В дальнейшем количество налогов увеличивалось как за счет обязательных, так и «добровольных» сборов, о которых сенатор Пален, ревизовавший Туркестанский край, писал, что они «чаще всего являются результатом давления со стороны чинов уездной администрации».

Народными средствами оплачивался также аппарат киргизской администрации. Каких больших средств стоила населению эта администрация, можно судить по отдельным примерам. Рапорт начальника Андижанского уезда за 1887 г. свидетельствует, что на содержание 24 волостных управителей и 24 джигитов при них израсходовано 28800 руб., на 130 айльных старшин — 19500 рублей, на уездных мирабов — 5600 рублей, а всего — 53900 рублей в год. Штат администрации постепенно возрастал, а вместе с тем росли налоги на население. По 4 уездам: Пишпекскому, Пржевальскому, Ошскому и Андижанскому киргизы платили налогов в 80-х годах XIX в. свыше 812 тыс. рублей в год. В целях своевременного поступления налогов царизм ввел систему круговой поруки. Если налогоплательщик был не в состоянии внести налоги, за него должны были уплачивать остальные юртовладельцы айла.

Однако материальное положение трудящихся киргизов было настолько бедственным, что очень часто они не могли обеспечить своевременный взнос налогов, даже при системе круговой поруки. Царизм, настойчиво и беспощадно осуществляя налоговую политику, «Положение 1886 г.» предоставило право волостным правителям продавать с торгов имущество неплательщиков налогов.

Не менее разорительными были неофициальные налоги и поборы, которые местная администрация взыскивала с дехканства. Произвол при взыскании налогов бук-

важно разорял народ. Этому способствовало то, что раскладка налогов, податей и прочих сборов и повинностей целиком находилась в руках волостной и аильной администрации, иначе говоря, в руках манапов и баев, которые смотрели на трудящихся, как на источник обогащения

Налоги, приходившиеся на ту или иную волость, вместо того, чтобы быть распределенными соответственно имущественному положению населения, раскладывались произвольно, мало задевая интересы манапов и баев, и вся тяжесть их ложилась на плечи бедноты. Волостная и аильная администрация не забывала при этом использовать сбор налогов для своего личного обогащения, взимая намного больше установленного. О том, как это практически осуществлялось, говорят такие факты: в 1904 г. дехканина-бедняка Тургенской волости Пржевальского уезда Тюлебаева, имевшего всего 2 лошади и 2 коровы, внесли в налоговую раскладку, как владельца 575 баранов. Не менее яркий пример такого произвола местных властей приводился в одном из протоколов допроса по делу участников восстания 1916 г. Один из свидетелей, указывая на причины недовольства, говорил, что служивший у него киргиз-бедняк, имевший лишь одну собаку, платил подати за 25 баранов, 4 лошади и 4 коровы. Когда же пострадавшие обращались с жалобами к уездной областной администрации на волостных управителей и аильных старшин, то, как правило, защиты не находили, так как уездная и областная администрация сами не менее беспощадно обирали народ.

Налоговая политика царизма в Киргизии и произвол в этом вопросе местных властей, поставили киргизские трудовые массы в исключительно бедственное положение, что еще больше усугубляло зависимость киргизской бедноты от манапов и баев.

§ 2. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИРГИЗИИ В КОНЦЕ XIX в.

**Проникновение
капитализма в
Киргизию**

Колониальный режим отсталого в экономическом, политическом и культурном отношении Кокандского ханства, господство патриархально-феодалного строя и натурального хозяйства препятствовали развитию в Киргизии более развитых экономических и общественных отноше-

ний. С присоединением к России в экономическом и общественном развитии Киргизии произошли существенные изменения.

Вхождение Киргизии в состав России совпало по времени с пореформенной историей империи, когда в ней начался бурный процесс развития капитализма. Этим, в конечном итоге, и определилось превращение Киргизии в колонию царской России.

Киргизия являлась частью крупнейшей колонии царской России — Туркестана, поэтому проникновение капитализма в Киргизию невозможно рассматривать в отрыве от того же процесса в Туркестане в целом.

Под влиянием проникновения в экономику Туркестана капитализма здесь очень скоро наметилась хозяйственная специализация отдельных районов.

На базе хлопководческого, скотоводческого и зернового хозяйства стала развиваться обрабатывающая промышленность. Появились хлопкоочистительные, маслобойные, кожевенные, пивоваренные и водочные заводы, мельницы, крупорушки и другие предприятия. Начала развиваться и горнодобывающая промышленность, особенно угольная. Втягиванию экономики Туркестана в сферу деятельности российского капитализма, способствовала постройка железных дорог: Закаспийской (1880—1888 гг.), Ташкентско-Оренбургской (1889—1905 гг.), а впоследствии и Семиреченской.

На почве того же хозяйственного сближения с Россией развивались капиталистические отношения и в Киргизии. Однако здесь этот процесс шел медленнее вследствие отдаленности Киргизии от центров России и железнодорожных магистралей. Быстрому росту капиталистических отношений препятствовал также культивировавшийся царизмом на окраинах патриархально-феодальный и национальный гнет.

Среди других областей Туркестана Киргизия выделялась как скотоводческо-зерновой район с очень слабо развитой промышленностью, занятой преимущественно первичной обработкой продуктов скотоводства и земледелия. Наиболее богата скотом и хлебом была северная часть Киргизии. Скотоводство и земледелие являлись ведущими отраслями хозяйства и в Южной Киргизии, но, в отличие от северных ее районов, здесь имели место хлопковод-

ство и шелководство, сближавшие хозяйство юга Киргизии с прилегающими районами Узбекистана (Андижанский и Наманганский уезды). На юге концентрировалась и горнодобывающая промышленность.

Высокие горные хребты, отсутствие удобных путей сообщения, нарочитое сохранение выгодной царизму племенной раздробленности мешали хозяйственным связям северных и южных районов Киргизии.

С присоединением к России в Киргизии стала развиваться и расти торговля, возникали новые города, прокладывались тракты, изучалась природа края и ее ископаемые богатства. Это был, несомненно, прогрессивный процесс. Однако политика царизма и русской буржуазии в отношении хозяйственного развития окраин сводилась к тому, чтобы превратить их в исключительно сырьевые районы и рынки сбыта для промышленно развитых центров России. В силу такой политики экономическое развитие Киргизии носило односторонний характер, что обрекало ее на экономическую и культурную отсталость.

С колонизацией Киргизии на ее территории стало складываться мелко-товарное и товарно-капиталистическое хозяйство. Проникал капитализм и в киргизское хозяйство.

Развитие капитализма в переселенческом крестьянском хозяйстве

Говоря о развитии капитализма вширь, В. И. Ленин указывал, что превращение окраин в рынок сбыта для промышленности центра и переселение крестьян на окраины в пореформенный период и есть конкретное проявление этого процесса. Крестьянское переселение, как одно из условий для развития капитализма на окраинах, имело особенно важное значение для такого сугубо аграрного района, каким была Киргизия при царизме.

Хозяйство значительной части русского и дунганского крестьянства и казачества развивалось на товарной основе, что вызывалось хозяйственной специализацией отдельных районов Туркестана. Например, Ферганская область, где разводился хлопчатник и концентрировались обрабатывающая и добывающая промышленность, испытывала нужду в привозном хлебе и продуктах животноводства. В то же время излишки того и другого имела Семиреченская область, в которую входили основные зерновые и скотоводческие районы Киргизии.

Уже в 90-х гг. XIX в. из Киргизии вывозилось значительное количество хлеба. Хлеб шел не только в южные районы Средней Азии, но и в Китайский Туркестан. Площадь посевов и сбор зерна непрерывно росли. В 1905 г. в Пишпекском уезде было собрано одной только пшеницы более 5 млн. пудов, что составляло свыше половины ее урожая во всей Семиреченской области. Приспосабливаемость крестьянского хозяйства к потребности рынка и денежный характер этого хозяйства видны на примере даже отдельных сел. В изданной в 1892 г. книге Гейфа «Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области» отмечается, что крестьяне села Чалдовар и других сел, расположенных вдоль Карабалтинского тракта, главным образом сеяли овес, так как на последний был большой спрос. «Культура овса,— пишет Гейф,— служит источником добывания денежных средств вследствие постоянного спроса на этот злак в городе Аулие-Ата и на станциях Карабалтинского почтового тракта».

Наряду с земледелием, большую роль в хозяйстве переселенцев, особенно старожилов, играло разведение скота, вызванное потребностями рынка. Данные девяностых годов XIX в. о количестве скота у русских переселенцев говорят о значительных размерах развития скотоводства. Особенно это видно при сопоставлении количества скота в киргизском и переселенческом хозяйстве. По данным токмакского уездного начальника за 1891 г., на каждое киргизское и русское хозяйство приходилось в среднем:

	Верблюдов	Лошадей	Рогатого скота	Баранов	Свиней
Киргизское хозяйство .	$\frac{5}{6}$	$3\frac{5}{6}$	3	$24\frac{1}{3}$	—
Русское хозяйство . . .	—	$3\frac{1}{4}$	$6\frac{1}{2}$	$2\frac{3}{4}$	$2\frac{3}{8}$

Переселенческое хозяйство уступало киргизскому скотоводству в мелком скоте. Значительные размеры скотоводство приобрело в старожильческих селах. В селах новопоселенцев, где было большое количество бедняцких хозяйств, обеспечение скотом было значительно ниже, чем об этом позволяют судить средние данные. Много меньше

скота, чем киргизы и русские поселенцы, имели переселенцы-дунгане: в Токмакском уезде в среднем на одно дунганское хозяйство приходилось в 1891 г. лошадей $1\frac{1}{4}$ головы, рогатого скота $\frac{1}{2}$ головы и менее одного барана.

Значительное количество скота в крестьянском зажиточном хозяйстве вызывалось не одними потребностями хозяйства, но и связями его с рынком. Часть крестьян разводила скот для продажи, часть покупала его специально для откорма и перепродажи. В выше указанной книге Гейфа говорится: «Крестьяне некоторых сел Аулиэатинского уезда начинают постепенно прикупать скот для выдержки, затем и перепродажи его на майской Аулиэатинской ярмарке». Тем же самым занимались чалдоварцы и крестьяне других сел.

Помимо хлебопашества и скотоводства, крестьяне занимались рядом подсобных занятий в зависимости от спроса рынка и естественных условий. Большое развитие получило товарное пчеловодство, особенно в Иссык-Кульской котловине. В 1892 г. в Пржевальском уезде сбор меда составил 3888 пудов, было продано 2900 пудов. Через пять лет, в 1897 г. в том же уезде было собрано меда 13200 пудов, из которого было продано около 10 тыс. пудов.

На базе мелко-товарного производства в переселенческих селах стало складываться предпринимательское капиталистическое хозяйство. Возникали предприятия по обработке сельскохозяйственных продуктов: мельницы, маслобойки, кишечные и свечные заводы, пекарни, харчевни и т. п. применявшие наемный труд. Большое место в земледелии приобрело торговое огородничество. В 1892 г. в гор. Пишпеке было продано овощей на 2215 руб., а в Токмаке на 3607 руб. Если учесть при этом, что города насчитывали небольшое количество населения и многие жители их имели огороды для личных потребностей, то указанную сумму, вырученную от продажи овощей, следует признать немалой.

Появились новые культуры, разводимые специально для сбыта на рынке. Например, в 90-х годах стал усиленно разводиться табак. В 1892 г. в Пишпекском уезде было 8 табачных плантаций, в Токмакском уезде — 14 плантаций, в селе Б. Токмак — 5 и в Сукулукe — 1 плантация. В это же время в северных районах Киргизии стали про-

водить первые опыты разведения шелкопряда. Делались попытки и разведения хлопка. В 1892 г. житель города Пишпека, узбек Ахметбабаев, высеял до 6 пудов семян хлопка.

Ярким примером развития предпринимательства являлось хозяйство пишпекского жителя Фетисова. Он первый занялся разведением хмеля и в 1892 г. собрал его в количестве 210 пудов. По качеству его хмель был выше заграничного, что отмечалось и в официальных документах того времени. О размерах и доходах хозяйства Фетисова можно судить еще по наличию у него земли и скота. За Пишпеком, в предгорьях, он имел 300 десятин земли и животноводческую ферму, в которой в 1892 г. содержалось 325 голов одного рогатого скота. На ферме проводились опыты по скрещиванию рогатого скота киргизской породы с голландской, овцы русской — с киргизской. На базе животноводческой фермы в 1885 г. Фетисов построил сыроварню, произволившую на продажу значительное количество сыра. В 1892 г. им было продано сыра на 1500 рублей, что значительно превышало доход многих мелких предприятий того времени.

Развитие промышленности в Киргизии

При сравнительно слабом развитии промышленности в Туркестанском крае Киргизия при царизме была особенно отсталым районом. Промышленность края определялась колониальным его положением: вся его экономика была подчинена интересам развития экономики центра. На месте получили развитие преимущественно отрасли промышленности по первичной обработке сырья. После первичной обработки сырье поступало на фабрики и заводы центральной России или отправлялось на внешний рынок. В готовом виде на рынок поступал лишь уголь и другие ископаемые богатства. Односторонний характер развития промышленности в крае обрекал Киргизию на экономическую и культурную отсталость. Но если сравнить развитие промышленности Киргизии с ее положением до присоединения к России, то нельзя не отметить существенных изменений. До этого природа и богатства недр этого края были неведомы науке и лежали без пользы. Начиная с 60-х годов XIX в. Туркестан, в том числе и горные районы Киргизии, стали предметом исследований, в результате чего уже в конце 60-х и начале 70-х годов были

открыты залежи угля, нефти, различных руд, которые начали разрабатываться русскими промышленниками. Это, естественно, двигало экономику края вперед.

Но до Октябрьской революции промышленность Киргизии была представлена, главным образом, предприятиями по обработке сельскохозяйственного сырья. В официальных отчетах рассматриваемого периода в качестве главных предприятий перечисляются мельницы, крупорушки, маслобойки, кожевенные и салотопенные заводы, шерстомойки и кишечно-очистительные заводы. Последние впоследствии стали монополией немецкой фирмы Дюршмидт, имевшей свои конторы в Пишпеке, Пржевальске и Оше и вывозившей в Германию большое количество кишок для колбасных предприятий.

В начале 90-х гг. в Токмакском и Иссык-Кульском уездах Семиреченской области имелись следующие предприятия, значившиеся в официальных отчетах под названием фабрик и заводов: 2 пивоваренных, 7 кожевенных, 8 маслобойных заводов, 1 сыроварня и 77 водяных мельниц. В южных районах Киргизии, в частности, в Ошском уезде, в 1883 г. насчитывалось более 150 промышленных заведений, из которых было 55 мельниц, 30 хлебопекарен, 10 красильных, 9 шорных, 6 кожевенных, 6 свечных, 3 алебастровых и 5 гончарных заводов. Среди перечисленных «фабрик» и «заводов» не было ни одного крупного предприятия. Все это были карликовые заведения с небольшими капиталовложениями и единицами занятых рабочих. Достаточно сказать, что в вышеуказанных пивоваренных заводах имелось всего 5 рабочих, а на 77 мельницах было занято только 39 рабочих. Такая же картина наблюдалась и в Ошском уезде, где на 153 предприятиях работало всего 318 человек.

Эта стадия развития промышленности в Киргизии в рассматриваемый период должна быть отнесена к мелким капиталистическим промыслам, как рассматривал такого рода предприятия В. И. Ленин.

«В пореформенной России,— писал В. И. Ленин,— рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во-1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на

окраины; во-2-х, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении».¹

Эта ленинская характеристика мелких промыслов целиком относится к промышленности Киргизии при капитализме.

Более значительной по объему производства и по количеству занятых рабочих была горнодобывающая промышленность. К концу XIX в. на территории Киргизии разрабатывались угольные копи Сулюкты и Кызыл-Кия. На Сулюктинских каменноугольных копиях работали 100 постоянных и 200 сезонных рабочих. На этих копиях добыча угля в год составляла один миллион пудов, а на Кызыл-Кийских еще больше. Уголь, добываемый в Кызыл-Кия и Сулюкте, обеспечивал весь Туркестанский край. Нефть добывалась в местности Майлы-Сай на северо-западе от Узгена. В Тогуз-Торо и некоторых других местностях добывалась соль, которая не только удовлетворяла потребности местного населения, но и вывозилась в Ферганскую область.

В Токмакском уезде наиболее крупными по капиталовложениям и по количеству занятых рабочих были кожевенные предприятия. На 4 предприятиях здесь работало 45 человек, а годовая сумма производства составляла 15800 рублей.

Развитие капиталистической промышленности в Киргизии неразрывно было связано с формированием класса наемных рабочих, как из коренного, так и из русского населения. Это хорошо видно из следующих данных: в Ошском уезде в 1882 году было всего 284 рабочих, а через два года их количество достигло до 381 человека, т. е. возросло на 33%. В конце XIX века — в начале XX в. количество рабочих в этом уезде увеличилось более, чем в четыре раза, их было уже 1192 человека. Количество рабочих на севере Киргизии было гораздо меньше. В указанное время здесь имелось всего 306 рабочих. В Кызыл-Кийских и Сулюктинских каменноугольных копиях работало свыше 500 рабочих, часть которых были киргизы. Но кадры киргизского пролетариата в промышленности были немногочисленны. При этом большинство рабочих работа-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 292

ли сезонно, были тесно связаны с земледелием, а так же с скотоводческим хозяйством. Не порывая связей с сельским хозяйством, отходники нанимались лишь на сезон и не представляли собой квалифицированную рабочую силу. Квалифицированную рабочую силу в промышленных предприятиях составляли, главным образом, рабочие из числа русских переселенцев.

Рабочие Киргизии, несмотря на свою малочисленность, являлись составной частью пролетариата России, под руководством которого трудящиеся всех угнетенных народностей, в том числе и киргизского, боролись против местных угнетателей и царских эксплуататоров.

Если в северных районах Киргизии промышленность возникала среди русского населения, то в южных ее районах и, главным образом, вокруг городского центра — города Ош — мелкие промыслы развивались так же среди местного населения.

Значительное распространение в это же время имело и ремесло, преобладавшее, как правило, не в городах, а в сельской местности, что указывает на его связь с крестьянским хозяйством. Например, в 1892 г. по Токмакскому и Иссык-Кульскому уездам насчитывалось 1711 ремесленников, из которых в 2-х городах этих уездов, Пишпек и Пржевальске, было всего 145 человек.

Развитие внутреннего рынка в Киргизии

Результатом хозяйственного влияния России на Киргизию было не только развитие капитализма в земледелии и промышленности, но и связанное с этим процессом усиление товарного обращения и развитие внутреннего рынка. Торговый капитал в Киргизии был развит более, чем промышленный, что характерно для Киргизии на протяжении всего дореволюционного периода. После присоединения к России в Киргизию устремилась масса разного рода торгового люда. Торговля на первых этапах присоединения имела меновый характер, как это было и при Кокандском ханстве. Торговля носила явно колониальный характер. Ввозились товары плохого качества, а продавались они здесь по значительно завышенным ценам. Один из современников писал в 1867 г.: «Торговцы, положившие начало торговли в степи, возвышали цены на свои товары до баснословных размеров и обогащались быстро».

К концу XIX в. по сравнению с 60-ми годами товарное

обращение в целом в Туркестане и, в частности, в Киргизии значительно выросло. Этому способствовало улучшение путей сообщения, рост городского населения и развитие капитализма в сельском хозяйстве и промышленности.

Первыми путями сообщения, которые способствовали росту товарного обращения, были почтовые тракты. В 1865 г. был проведен тракт от Верного до Ташкента и от Чимкента до урочища Тюмень-Арык, доведенный в начале следующего года до форта № 1 (Казалинск). Этот тракт сомкнулся с Казалинско-Орским трактом, проведенным еще раньше. В этом же 1865 г. почтовый тракт был проложен от Ташкента до Ходжента и Ура-Тюбе, а в конце 1869 г. до Самарканда. К 90-м годам почтовые тракты связывали ряд населенных пунктов Киргизии с важнейшими центрами Туркестанского края. По северным районам Киргизии проходил Верненско-Ташкентский тракт, через Пишпек шли Пишпекско-Пржевальский и Нарынский тракты. По южным районам Киргизии проходил торговый путь из Ферганской долины в Кашгар через город Ош. Южные и северные районы Киргизии, разделенные горными хребтами, связывались рядом скотопрогонных и вьючных дорог и тропинок. Часть их входила в Таласскую долину через урочище Турпак-Бель и Беш-Ташский перевал, другие шли от Андижана на Таран-базар через Кугартский перевал; от Оша через Узген и перевал Читы была проложена дорога к укреплению Нарын. Быстрому развитию товарооборота во всем Туркестане способствовало железнодорожное сообщение, появившееся в крае с присоединением к России.

Большую роль в развитии товарооборота в Киргизии второй половины XIX в. сыграл неуклонно происходивший рост городского населения. Увеличивалось население старых городов, и создавались новые города. В старых городах население, помимо естественного прироста, увеличивалось за счет переселенцев из России.

В Пишпек (ныне город Фрунзе) в 1886 г. насчитывался 441 житель, в 1892 г. — 3028, а по данным всероссийской переписи 1897 г., в Пишпек числилось уже 6615 жителей. Также быстро росла численность населения гор. Пржевальска (основан в 1868 г.). В 1881 г., по данным отчета генерал-губернатора Кауфмана, в Пржевальске числилось 1230 жителей, а к 1897 г. число жителей здесь воз-

росло до 8108 человек. Самым крупным в Киргизии был город Ош, имевший в 1897 г. 34156 жителей. Рост городского населения отражал процесс складывания внутреннего рынка.

Развитие городов в Киргизии коренным образом изменяло форму торговли. Основной системой торговли в Киргизии к 80—90 гг. XIX в. стала не периодическая, наездами, так называемая степная торговля, а базарная и ярмарочная. Торговля стала концентрироваться в городах и местечках. На территории Киргизии такими центрами были: города Пишпек, Пржевальск, Ош, торговые местечки Токмак, Атбаши, Нарын, Джалал-Абад, Узген, Булак-Баши, Иски-Наукат. Торговые обороты этих пунктов были сравнительно небольшие. В 1892 г. весь торговый оборот города Пишпека составил 320000 руб. Но зато в старом торговом центре Киргизии — городе Ош торговый оборот в 1883 г. составил 2.751.924 рубля.

Большое значение для развития товарооборота северных районов Киргизии имела Каркаринская армарка, впервые открытая в 1893 г. и функционировавшая с 15 мая по 15 июня ежегодно. На эту ярмарку приезжали купцы из Сибири, из разных областей Туркестана и западного Китая. Непосредственно на территории Киргизии ярмарки начали ежегодно проводиться с 1894 г.: Атбашинская — с 5 августа по 5 сентября; Пишпекская городская — с 15 апреля по 1 июня; Токмакская — с 1 июля по 1 сентября; Каракольская — с 1 октября по 15 ноября и др. Главным предметом торговли был скот и продукты скотоводства — кожа и шерсть, а также хлеб, мед и другие продукты сельского хозяйства. Русские купцы привозили промышленные товары.

Под влиянием проникающих капиталистических отношений и русских переселенцев меновая торговля начинала уступать место денежной торговле. «За последнее время обороты ярмарок, — писал об этом Д. Федоров, — начали падать, так как кочевники (киргизы — ред.) стали уклоняться от меновой торговли, а особенно от закупки в долг с уплатой громадных процентов, предпочитая покупать товары на наличные деньги в то время, когда в нем встречается надобность». В конце прошлого века меновая торговля в среде коренного населения занимала уже второстепенное место.

Большое значение в развитии товарооборота в Киргизии имела торговля всего Туркестанского края с центральной Россией и Сибирью. О масштабах этой торговли свидетельствуют данные о вывозе. Так, по среднеазиатской железной дороге, в указанные выше районы России, в 1892 г. было вывезено: хлопка — 3026500 пудов, шерсти — 370700 пудов, кожи, шкур, мерлушки — 125100 пудов, хлеба — 754100 пудов и кишмиша — 37400 пудов. В это же время из Киргизии на общероссийский рынок было вывезено немалое количество скота, продуктов скотоводства и земледелия. Только из двух уездов — Пишпекского и Пржевальского — в 1897 г. было продано в другие области Туркестана 111707 голов скота. Велась торговля через границы Семиречья и Ферганы с Китаем. В том же 1897 г. в Китай было вывезено через Семиречье из России на сумму 2375516 руб., а привезено на 3445831 руб. При этом непосредственно через Пржевальскую таможню было вывезено в Китай на 418858 руб., а ввезено на 1422674 руб. Велась торговля с Китаем и через южные районы Киргизии, через таможенный пункт Иркештам. Российский капитализм втягивал, таким образом, Киргизию и в мировое товарное обращение.

Развитие капитализма и связанный с этим рост товарооборота вызвал к жизни различного рода сельскохозяйственные и промышленные общества, кредитные учреждения. В этом отношении характерно возникшее в 1899 г. Туркестанское сельскохозяйственное и промышленное товарищество, в которое входили и некоторые предприниматели из Киргизии. С появлением банков, сберегательных касс и других кредитных учреждений в Туркестанском крае, стали возникать они и в городах Киргизии — Пишпек, Оше, Пржевальске и Токмаке. В Пишпек в 1899 г. был открыт городской банк.

Безусловно, что строительство трактов и железнодорожных магистралей было не настолько велико, чтобы коренным образом улучшить положение с транспортом. Туркестанский край продолжал оставаться трудно доступным районом. Рост городов был также не столь значителен, чтобы говорить о создании крупных городов, если не считать старых городских центров, как Ташкент, Бухара, Самарканд, Ош. Однако те изменения, которые происходили в экономике, свидетельствовали о развитии капитализма

в Туркестане в рассматриваемый период, о росте здесь товарооборота, о складывании внутреннего рынка.

Изменения в системе киргизского хозяйства Проникновение из России в Киргизию передовых форм хозяйства оказало большое влияние на все стороны экономического быта киргизского народа. Это влияние испытала и основная часть хозяйства Киргизии—скотоводство. Во второй половине XIX века основным видом хозяйства киргизов продолжало оставаться экстенсивное скотоводство.

Киргизы, используя обильные сочные корма горных пастбищ и долин, разводили лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот и верблюдов.. На юге Киргизии, особенно на Алае, разводились яки. В киргизском скотоводческом хозяйстве первое место по численности голов занимали овцы; второе место — лошади; третье — рогатый скот; четвертое — верблюды и последнее — яки. Так, в конце XIX века в Пржевальском уезде насчитывалось 2 млн. овец, 200 тыс. лошадей, 140 тыс. рогатого скота, 25 тыс. верблюдов. В 1888 г. в Ошском уезде насчитывалось 630019 овец, 174396 лошадей, 152447 голов рогатого скота и 10187 верблюдов. Широкое разведение овец объясняется сохранением киргизским хозяйством в значительной мере натурального характера. Но все же, по сравнению с первой половиной XIX в. в поголовье стада все большую роль начали играть лошади и крупный рогатый скот. Изменение в поголовье стада происходило в связи с переходом некоторой части киргизских хозяйств к оседлости и развитием товарно-денежных отношений. Однако этих новых явлений в киргизском хозяйстве не следует переоценивать. Основная масса скота продолжала оставаться на подножном корму, что требовало сохранения регулярных перекочевков.

Джугт оставался частым явлением. Особенно тяжелыми являлись джугты в 1877, 1882, и 1886 гг. В 1882 г. в результате джугта только по одному Ошскому уезду пало 178000 голов скота. Ф. В. Поярков о джугте 1886 г. писал: «Среди киргизов голод ужаснейший, масса скота пала, пал и весь молодой приплод, так что ни у кого нет ни капли молока». Нередки бывали случаи, когда после джутового года скотоводы, имевшие мало скота, становились совершенно нищими и превращались в батраков в хозяйстве

баев или на кабальных условиях арендовали земли у киргизских феодалов и русских кулаков.

Переход киргизов к оседлой жизни, развитие земледелия и изъятие царской администрацией у местного населения земель привело к сокращению поголовья скота, особенно овец и верблюдов, т. е. тех видов поголовья, которые были характерны для кочевого скотоводства.

Об этом свидетельствуют следующие данные по Ошскому уезду.

Виды скота	Годы		
	1878	1885	1888
Верблюдов	38294	16295	10187
Лошадей	213760	175831	152447
Рогатого скота	220717	172720	174396
Овец	1260138	513850	630019

Если до присоединения к России основная масса киргизов, населяющих южные районы Киргизстана, занималась животноводством, то к началу XX века всего лишь 64,7% ее вела скотоводческое хозяйство. За пять лет, т. е. с 1895 по 1900 год, общее поголовье скота в Пишпекском и Пржевальском уездах так же значительно сократилось.

В 90-х гг. прошлого столетия под влиянием русских переселенцев в некоторых районах Киргизии были сделаны шаги к улучшению породы местного скота. В 1876 г. в селе Кутемальды, расположенном на левом берегу Иссык-Куля был организован конный завод, на котором производителями являлись жеребцы русской рысисто-вятской породы. Этот завод просуществовал до 1900 года. В конце XIX в. местным населением Пржевальского и Пишпекского уездов покупались жеребцы названной породы, что привело к некоторому улучшению породы киргизских лошадей.

Под непосредственным влиянием русских переселенцев киргизы начали заготавливать корма для скота на зиму. Стало распространяться, хотя и медленно, стойловое скотоводство. Н. Северцов о сенокосах в Киргизии в 80-х гг.

XIX в. писал: «Рост трав везде хорош; сенокосы... рассеяны во множестве, хотя и небольшими участками, по всей его (Талас — ред.) равнине». В конце XIX в. общая площадь сенокосов у киргизов Наманганского уезда составляла 7516 десятин. В Пишпекском и Пржевальском уездах более чем со ста тысяч десятин земли было скошено 12—14 млн. пудов сена, определенная часть которого принадлежала местному населению.

Однако заготовка кормов на зиму была незначительная: в среднем на каждую голову скота приходилось по 35,5 пуда сена, а у кочевого населения только по 6,9 пуда. Это значит, что основная масса скота все же оставалась на подножном корму. Но, несмотря на это, в связи с заготовкой кормов на зиму, в известной степени, уменьшалась зависимость киргизских скотоводов от стихийных бедствий. Сократился падеж скота в джутовые годы. Таким образом, заимствование местным населением у русских крестьян сенокосения было весьма полезным приобретением, приведшим к некоторой устойчивости киргизское скотоводство.

Развитие земледелия

Под влиянием русских переселенцев в Киргизии расширились и размеры посевных площадей. По показанию Н. А. Северцова, в 80-х гг. XIX в. земледелием занимались не только киргизы, населяющие равнины, т. е. Чуйскую и Таласскую долины, Иссык-Кульскую котловину и южную часть Киргизии, но и население горных районов: Сусамыра, Атбаши, Нарына и Чаткала. В 1871 г. местным населением Иссык-Кульского уезда было собрано 160 капов (960 пудов) проса и 40217,5 капов (241 305 пудов) пшеницы, а в Токмакском уезде 4730 капов (28 380 пудов) проса и 25 384 капов (152 304 пуда) пшеницы.

Рост земледелия в Северной Киргизии можно видеть на примере двух уездов Токмакского и Пржевальского, сравнивая данные 1869 и 1892 гг.

Токмакский уезд:		Иссык-Кульский	
Посеяно	Снято	Посеяно	Снято
(в четвергях)	(в четвергях)	(в четвергях)	(в четвергях)
1869 г. 210	1080	9950	44500
1892 г. 4346	38819	40190	395779

Посевная площадь особенно быстро расширилась на юге Киргизии. В 1900 г. здесь коренным населением было

вспахано и засеяно пшеницей 27.137 десятин, хлопком 10790 десятин, рисом 7 402 десятины и кукурузой 2 359 десятин. Кроме перечисленных культур, киргизы сеяли ячмень, конок и сулуу. От русских переселенцев коренное население научилось выращивать картофель, капусту, помидоры, лен, коноплю, гречиху и другие культуры.

Часть населения Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины стала заниматься садоводством, а также бахчеводством. Развивалось шелководство. В 1900 г. в одном только городе Оше 786 человек были заняты шелководством.

Развитие капитализма в России и война за независимость Северной Америки привели к усилению хлопководческого хозяйства в Средней Азии, в том числе и на юге Киргизии. Этот рост продолжался и после окончания войны в Америке. Достаточно сказать, что посевная площадь хлопчатника в Ферганской долине только за 20 лет (с 1880 по 1900 гг.) увеличилась на 107 280 десятин. В 1900 г. посевная площадь хлопчатника в Ферганской долине составляла 210 135 десятин, а в Ошском уезде 8 284 десятины, с которых было собрано 1 930 000 пудов хлоп-ка-сырца. В конце XIX века в семи киргизских волостях, на юге Киргизстана было посеяно около 11 тысяч десятин хлопка.

Коренное население переняло у русских крестьян-переселенцев опыт ведения земледелия и целый ряд хозяйственных приемов и навыков, которые способствовали развитию производительных сил в Киргизстане. «Сами учились орошению,— пишет Н. А. Северцов о русских переселенцах на Иссык-Куле,— а своих киргизских рабочих учили по-русски поаккуратнее пахать». Вместе с новой сельскохозяйственной культурой и хозяйственными приемами киргизы заимствовали от русских новые орудия производства. Так, в начале XX столетия коренное население Гульчинско-Куршабской волости имело более ста железных плугов фабричного производства и 109 железных борон. В хозяйстве киргиза появилась русская упряжь, дуга, хомут, седелка, оглобли, телега, колесо и др. От русских же киргизы заимствовали и безмен. Для просеивания муки применялось русское сито. Мерой веса стали русские пуд, фунт.

Однако, в земледельческом хозяйстве все же еще гос-

подставляли примитивные орудия труда: омач, кетмень, курок, буурусун (соха), простейшая борона, в виде тяжелой доски и т. д. Основная масса киргизских дехкан пахала землю буурусуну. вместо бороны применяли доски, молотили зерно при помощи скота.

С развитием земледелия улучшилась и оросительная система. В 1895 г. в Ошском уезде был проведен канал «Савай» длиной 56 верст. Этот канал брал свое начало из реки Кара-Дарьи и дал возможность оросить 12600 десятин земли.

Основная часть земли, пригодная для обработки, принадлежала киргизской феодальной знати. Н. А. Северцов, ряд лет изучавший Среднюю Азию, в том числе и Киргизстан, о землепользовании киргизов писал: «Киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, которым недостаток скота не дает возможности кормиться кочевой жизнью, но принадлежат не им, а родо-правителям, вообще старшим и самым богатым и влиятельным киргизам, доставляя им весьма почетные доходы, между тем как игенчи, рабочие, только что кормятся, ходят в лохмотьях, безоружны и пеши». «Бедные люди,— говорится в материалах для статистики Туркестанского края,— не имеют своих пашен, но нанимаясь в услужение у богатых, получают в лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков». Манапы имели право в любое время отобрать землю у бедняка и продать ее другому лицу или же сдать в аренду.

Такая сдача земель в аренду стала практиковаться, начиная с 80-х годов XIX века. Манапы в своих личных интересах сдавали «общинные» земли русским переселенцам и дунганам в аренду сроком на один год или несколько лет. Сдача земли в аренду из года в год увеличивалась. Например, к концу прошлого столетия в Карабалтинской волости почти все земли, пригодные для обработки, а также значительная часть сенокоса, были сданы манапами в аренду. Манапы также могли продавать «общинные» земли. Так, в Кугартской долине ими были проданы русским переселенцам 1000 десятин пахотной земли по 40 руб. за десятину. Все это, наряду с изъятием земель под переселенческие участки, приводило к обезземеливанию дехкан. В 1900 году в одном только Ошском уезде насчитывалось 1373 безземельных дехканских двора.

Дехкане, не имеющие в своем распоряжении земельной собственности, вынуждены были работать у феодала в условиях «ортока», а на Юге Киргизии «чайрыкера» (издольщика). Условия орточества, а также чайрыкерства были чрезвычайно тяжелыми. Владелец земли предоставлял дехканину участок земли, сельскохозяйственный инвентарь, семена и рабочий скот. За это дехкане должны были отдавать хозяину три четверти, а в нередких случаях еще большую часть урожая. Орточество и чайрыкерство для дехканина являлось экономической необходимостью, а для землевладельца — наиболее выгодной формой эксплуатации крестьян. Гораздо реже, чем испольщина при аренде земли, применялась денежная плата.

Рост оседлости После присоединения к России киргизы стали оседать на землю. Это особенно ярко проявлялось в южной части Киргизстана. Только за 12 лет, с 1880 по 1892 гг. в одном лишь Ошском уезде к оседлой жизни перешло около трех тысяч юрт киргизов. За этот же период в Маргеланском уезде осело 3134 хозяйства киргизов. В конце прошлого века 200 тыс. человек, т. е. 65% киргизов Ферганской области были оседлыми и занимались земледелием. В 1899 г. на севере Киргизии появилось первое киргизское селение Таштюбе, жители которого построили себе дома русского типа, вдоль селения проходила широкая прямая улица. Таштюбинцы выращивали тополь и некоторые другие деревья.

К оседанию в основном стремилась беднота, не имеющая в своей собственности скота. Представители трудящихся, переходя на оседлый образ жизни, старались облегчить свое тяжелое материальное положение и освободиться от эксплуатации манапов, взимавших с них многочисленные налоги и заставлявших их нести разные феодальные повинности. Оседанию коренного населения мешал недостаток свободных земель, являвшийся следствием земельной политики царизма и права распоряжения «общинной» землей манапами и другими представителями феодальной знати. Бедняки подавали заявления местному начальнику управления по землеустройству, в которых просили отвода им земли для оседания. Но их просьбы далеко не всегда удовлетворялись.

**Проникновение
капитализма в
киргизское
хозяйство**

Влияние передовой экономики капиталистической России сказывалось не только в усложнении отраслей хозяйственной жизни, но и на ее общественной форме. В кочевое скотоводство стали проникать денежные отношения, начали складываться новые для Киргизии типы хозяйства: мелкотоварное и частно-капиталистическое.

Проникновение капитализма в киргизское хозяйство происходило в самых разнообразных формах и различными путями. Прежде всего киргизскому населению пришлось столкнуться с торговым и ростовщическим капиталом. Узбекские, татарские и русские купцы, обычно осенью и зимой ездили по айлам, предлагая в долг либо товары, либо деньги под большие проценты, а весной собирали с должников скот, пушнину и угоняли стада скота. Большую роль в развитии торговли играли денежные налоги и многочисленные поборы с киргизского населения. Роль денежных налогов как одного из стимулов в установлении связей сельского населения с рынком отмечал В. И. Ленин. Это подтверждалось также рядом официальных документов того времени.

Однако основными факторами, которые подтачивали натуральное киргизское хозяйство, было втягивание экономики Киргизии в тесные связи с капиталистическим хозяйством царской России, а также влияние русской культуры на быт киргизского населения, в результате чего у него стали возникать потребности на предметы промышленного производства. Строительство почтовых трактов и, особенно, железных дорог, развитие хлопководства в Туркестане вызвали большой спрос на продукты животноводства, которые поступали на рынок преимущественно из киргизского хозяйства.

Большое значение в вопросе проникновения денежных отношений в киргизское хозяйство имели ярмарки, многие из которых собирались в местах кочевий, другие же приурочивались ко времени выборов киргизской волостной администрации.

Торговля скотом привела к прокладке специальных скотопрогонных путей. Например, скотопрогонная дорога была проложена из Пишпекского уезда через Карабалты в Аулиэ-Ата, а оттуда одна дорога шла через Кабулсай на

Арысь и далее к Ташкенту, а другая — в Фергану через Акчим-базар (с. Дмитриевское) и через перевалы Ченач и Кумбель в Наманганский уезд. Из Пржевальского уезда через перевал Каракол шла скотопрогонная дорога в Андижанский уезд.

Не только в скотоводстве, но и в земледелии киргизов проявлялось стремление приспособиться к рынку. Проявилось это не только в росте посевов хлебных злаков, а главным образом в посевах таких культур, которые в самом киргизском хозяйстве не использовались, как хлопок в районах южной Киргизии. Например, в 90-х гг. XIX в. в киргизских волостях Андижанского уезда хлопок сеялся в размерах, иногда превышавших посевы хлебов. Так, в 1897 г. в Балыкчинской волости из трех основных культур — пшеницы, риса и хлопка — было засеяно пшеницей 1019 десятин, рисом 1574 десятины, а хлопком 6624 десятины. В 1899 г. в Джалал-Абадской волости посевы пшеницы составили всего 583 десятины, а хлопка — 3273 десятины.

Конечно, эти черты не были характерны для киргизского хозяйства в целом, которое так и не прошло стадии капитализма, но несомненно, что оно шло по линии превращения из натурального в товарное, что в нем создавались очаги капиталистически-предпринимательного байского хозяйства.

Черты новых экономических отношений, проникавших в киргизское хозяйство, сказались и в формах пользования землей. Наряду с общинным использованием земель, стало развиваться подворное пользование. Среди зажиточных хозяйств появилась частная собственность на землю в формах характерных для оседлого земледельческого общества. В целях закрепления за собою определенных земельных пахотных и других культурных участков, киргизское население стало возводить на них постройки.

Таким образом, к концу XIX в. в киргизском хозяйстве ясно наметились изменения в сторону перехода от натурального к мелко-товарному и товарно-капиталистическому хозяйству. Это сопровождалось повышением роли земледелия и сокращением роли кочевого скотоводства. Изменились и формы кочевания. От кочевания целыми родами, стали переходить к кочеванию более мелкими

группами и не одновременно — в зависимости от срока окончания посева.

Втягивание в товарно-денежные отношения киргизского хозяйства вносило изменения и в ремесло. Много ремесленных изделий стало производиться не на заказчика, а для рынка.

Общественные
отношения в
Киргизии в
конце XIX в.

Новые условия экономической жизни в Киргизии во второй половине XIX в. привели к существенным преобразованиям и в общественном строе. Изменилась роль киргизских феодалов-манапов в политической жизни, начали складываться классы и группы, вызванные к жизни развитием капитализма. В недрах господствующего в Киргизии патриархально-феодального строя стали зарождаться новые, буржуазные отношения. Классовая дифференциация становилась не только все более четкой, но принимала иное содержание, характерное для разлагающегося феодального хозяйства и зарождения товарно-капиталистических отношений.

Манапы, являвшиеся в прошлом главными носителями политической власти в киргизском обществе, стали оттесняться русским дворянством и буржуазией и отходить как политическая сила на второй план. Власть над народом они могли теперь получить только из рук царизма. Административная реформа 1868 г., разделившая киргизские роды на волости и айлы (зачастую без соблюдения родового принципа), сильно подорвала власть манапов и биев над родами. Царизм считал политически опасным оставлять манапов властителями целого рода. В то же время царизм использовал манапов как силу, с помощью которой можно было бы держать киргизский народ в своем подчинении. Достигалось это путем предоставления манапам различных льгот, наград и привлечения на службу в низовые звенья аппарата управления.

Изменения в положении манапов и биев заключались не только в том, что из властителя-феодала они превращались в чиновников царского аппарата управления, но и в том, что отдельные представители их начали обуржуазиваться, приспособливать свое хозяйство к рыночным, капиталистическим отношениям, что привело к образованию новой эксплуататорской группы — баев. Баи, как богатые киргизы существовали еще в древности, их появле-

ние было связано с развитием имущественного неравенства. Но бай в конце XIX в. и в дальнейшем представляли собой новый нарождавшийся класс киргизской буржуазии. Преимущественно это были скотопромышленники, реже купцы. Бай в своем хозяйстве широко использовали труд наемных малаев-батраков.

Формировалось байство не только из манапской и байской среды, но и из букары. Соответственно этому бай, вышедшие из феодальной среды, назывались курдолуу бай, знатный, наследственный бай; вышедшие из простолюдинской получали иногда со стороны киргизской аристократии презрительную кличку сасык-бай (вонючий бай). Это напоминает презрительные названия, вроде чумазные лорды, серые бароны, даваемые представителями потомственного дворянства тем, кто пробрался в их среду из других сословий.

Из киргизов появились «кызыл кулаки» (перепродавцы), которые на месте скупали подешевле скот и продукты животноводства, а в городах промышленные товары, а затем перепродавали скупленное втридорога.

Как новая общественная сила, бай стали оттеснять на задний план манапов. Богатство открывало перед баями возможность занимать должности в аппарате управления, и это еще более усиливало их политическую значимость. Главную роль стало играть богатство, имущественное положение, а не знатность происхождения.

К концу XIX в. киргизское дехканство эксплуатировалось и угнеталось не только царскими властями, кулаками и старым господствовавшим классом — манапами, биями и мусульманским духовенством, но также и баями, и многочисленной группой аткаминеров.

Если букара выделяла из своей среды сасык-биев, то из ее же среды выходили полупролетарские и пролетарские элементы. Значительная часть дехканства разорялась, пополняя тем самым ряды бедноты — джатаков и кидеев, составлявших основной резерв батраков. Следовательно, то, что происходило под воздействием капитализма в русском крестьянстве, особенно после реформы 1861 г., имело место и среди киргизского дехканства. Отдаленность от промышленных центров, колониальное положение края сдерживали темпы развития капитализма в Киргизии, особенно в области промышленности, поэтому

разоряемое киргизское дехканство являлось главным источником в формировании многочисленного класса сельскохозяйственного пролетариата — батрачества и, в значительно меньшей степени, промышленного пролетариата. Труд батраков широко использовался в хозяйстве колонизаторов, баев и манапов и оплачивался чрезвычайно низко.

§ 3. НАЧАЛО СБЛИЖЕНИЯ КИРГИЗСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

Сближение киргизского и русского народов на хозяйственной и социальной основе

Развитие товарно-денежного хозяйства в киргизском аиле и зарождение новых буржуазных отношений послужило материальной основой для сближения русского и киргизского народов. Это сближение проявлялось уже к концу XIX в. и значительно усилилось в начале XX в. Классовое расслоение киргизского аила на основе зарождавшегося капиталистического хозяйства ставило в основном в однородные условия киргизские трудящиеся массы и русское середняцкое и бедняцкое крестьянство. Те и другие испытывали гнет царизма, который у киргизских масс отнимал землю, ставил их в бесправное положение. Но тот же царизм отнимал у русских крестьян землю в центре и вынуждал их переселяться на далекие окраины страны. Большое количество переселенцев, в основном новоселов, на этих окраинах ставилось в положение бесправных батраков в кулацких и казачьих хозяйствах. Пролетаризировался не только киргизский дехканин, но и русский крестьянин. Образование сельскохозяйственного, а по мере развития промышленности, и промышленного пролетариата явилось наиболее действенной предпосылкой для сближения трудящихся киргизов и русских. Работа по найму ослабляла национальную обособленность. В крупных хозяйствах кулаков-эксплуататоров или в бай-манапских хозяйствах, на угольных рудниках, на зарождавшихся промышленных капиталистических предприятиях в области обработки животного водческого и земледельческого сырья, русские и киргизские рабочие были одинаково угнетены и бесправны.

Отмечая положительную роль капитализма в хозяйственном сближении народов, XII съезд партии указывал: «Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие

производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства».¹

Таким образом после присоединения к России, под экономическим влиянием последней, начались существенные изменения в хозяйственной и общественной жизни киргизского народа. Началось хозяйственное и социальное сближение его с русским народом.

Русские крестьяне, переселившиеся в Киргизию, быстро установили с коренным населением добрососедские отношения. Еще в 70-х годах прошлого столетия великий русский ученый П. П. Семенов писал, что русские крестьяне стремились «жить со своими кочевниками соседями в добрых отношениях, закрепленных беспрестанной потребностью взаимной помощи и обмена предметов, производимых той или другой сторонами». «Русские переселенцы, писал В. Воишин, с киргизами местными ладят, даже более, — дружны и вообще всем довольны». Как уже сказано выше, киргизские трудовые массы завязывали с русскими крестьянами оживленную торговлю и заимствовали их хозяйственные навыки.

Следует отметить, что экономические и культурные взаимоотношения между киргизским и русским народами складывались вопреки воли царизма и местной знати, на основе взаимного уважения и сотрудничества. Если эксплуататоры Киргизии — царские чиновники, баи, мананы, муллы стремились использовать народные бедствия в целях своего обогащения, беспощадно закабалая бедняков в трудные годы неурожая, массового падежа скота, то киргизские и русские трудовые люди шли на взаимную выручку, бескорыстно помогая друг другу, делясь своим скромным добром.

Угнетательская политика царизма и местной феодальной знати, помимо их воли, неотвратимо толкала киргизских трудящихся и русских крестьян к более тесному и прочному сближению, т. к. они вместе испытывали тяжелый гнет помещиков и капиталистов, у них были общие

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I, изд. седьмое, стр. 709—710.

враги в лице царской власти и местных феодалов. Сближение киргизов и русских на социальной основе проявилось, в частности, в формах борьбы киргизской бедноты против «своих» и чужих эксплуататоров. Эти формы борьбы были те же, что и среди русских крестьян и рабочих.

Киргизские трудящиеся в нередких случаях категорически отказывались платить подати и поборы, собираемые в пользу местной феодальной знати и царских чиновников. Иногда бедняки, ограбленные и обездоленные, дошедшие до крайности, убивали отдельных манапов, баев и биев с целью освобождения от их гнета. Киргизские дехкане часто выступали против царизма. В марте 1876 года киргизы Ходжентского уезда отказались платить кибиточный налог. Для уплаты названного сбора исполняющий обязанности Туркестанского генерал-губернатора Колпаковский дал им трехдневный срок. В противном случае он угрожал «привести к повиновению» киргизов.

В конце июля того же года произошло сильное волнение в среде киргизов, кочующих на урочище Теке-бека. Непосредственной причиной этого волнения было увеличение размера зякетного платежа. Теке-бекские киргизы категорически отказались платить зякетный сбор. Против них был послан карательный отряд. Это волнение было жестоко подавлено.

Под влиянием русского революционного пролетариата рабочие киргизы стали подниматься на борьбу против капиталистического гнета. Во второй половине 1885 г. в сорока километрах от Пенджикента, рабочие киргизы, работавшие в залесских каменноугольных копиях, выступили против представителей царского самодержавия. Причиной этого выступления послужила тяжелая эксплуатация и систематическое издевательство над рабочими со стороны владельца копий. Выступление продолжалось около двух дней. Рабочие избили штрейгера и несколько надсмотрщиков. К ним присоединились рабочие узбеки, работавшие в тех же каменноугольных копиях. Но это выступление было жестоко подавлено.

Сближение общественного положения вело к сближению и форм борьбы трудящихся киргизов и русских.

Однако в условиях господства, с одной стороны, помещиков и буржуазии, а с другой — патриархально-родового быта среди киргизов, с его замкнутостью, под-

черкиванием мнимого единства между членами рода, сближение двух народов не могло получить широкого развития. Этому сильно мешала политика разжигания национальной вражды, упорно проводимая царизмом, боявшимся сближения угнетенных классов русского и киргизского народов. Этому мешали и бытовавшие патриархально-родовые традиции киргизов.

Изменение в
быту киргизско-
го населения

Влияние русской культуры, новых форм хозяйства проникало и в быт киргизов. Это влияние сказывалось тем сильнее, чем ближе к местам киргизских зимовок и по-

сего находились русские поселки.

Наряду с айлом — поселением кочевого и полукочевого типа — в конце XIX в. — начале XX в. в связи с частичным переходом к оседлости у киргизов появляется постоянное селение — кышлак (кишлак). Так, в Пржевальском уезде возникли киргизские селения Боз-учук, Тарханы и некоторые другие. На севере еще не успел выработаться определенный тип такого селения, но чаще всего оно состояло из одной широкой улицы (реже — нескольких), обсаженной тополями, и по общему своему облику походило на соседние русские селения. В других случаях постройки располагались без определенного плана. Постоянные селения у южных киргизов по своему типу вообще мало отличались от соседних узбекских или таджикских кышлаков.

Поскольку к оседлости переходила преимущественно киргизская беднота, возводимые ею дома были довольно примитивными. Это были небольшие глинобитные постройки, состоявшие из одной или двух комнат, с глинобитным же полом, плоской крышей и маленькими окнами. Более состоятельные киргизы строили себе дома, сложенные из саманного кирпича, а кое-где из бревен, с двухскатной крышей и деревянным полом. Такие дома строили преимущественно русские мастера, иногда узбеки или уйгуры.

Крупные баи и манапы устраивали для себя усадьбы, огораживали их глинобитными стенами; здесь иногда сооружались большие и прочные дома, часто русского типа, в несколько комнат, с деревянными полами, под тесовой или железной крышей; они были окружены хозяйственными постройками, иногда садом.

Но основным типом жилища большинства киргизского населения продолжала оставаться юрта.

Необходимо отметить, что в некоторых районах русские крестьяне при постройке жилищ руководствовались теми образцами местных построек зимнего типа, которые они встречали у окружавшего их киргизского населения, или заимствовали некоторые местные строительные приемы, например, возведение глинобитных стен способом трамбовки, устройство плоских крыш, заливаемых глиной.

Усилившийся приток различных товаров из России постепенно вносил новшества и в домашнюю утварь; железные и чугунные изделия, сундуки, посуда фабричного производства все больше проникали в киргизский быт. В байских и манапских домах начинали появляться отдельные предметы русской обстановки. Накануне Октябрьской революции получили некоторое распространение железные печи.

В киргизской одежде новые экономические условия отразились преимущественно в частичном вытеснении местных тканей (как покупных на среднеазиатских рынках, так и, в особенности, домашнего изготовления) новыми фабричными тканями русского производства. Завоз этих тканей, а также выделанной кожи (юфти) усиливался все более и более; однако, покрой киргизской одежды, почти не подвергался изменениям.

Некоторые, хотя и небольшие, следы в киргизской одежде оставило влияние татар — выходцев из Поволжья, поселившихся в некоторых пунктах Киргизии.

Колесный транспорт, в виде телег и бричек, появился у северных киргизов под прямым влиянием русского населения. При этом киргизы заимствовали у русских крестьян не только самые типы повозок и упряжи, но и почти все относящиеся к ним и к их частям названия. Киргизами были заимствованы от русских также сани.

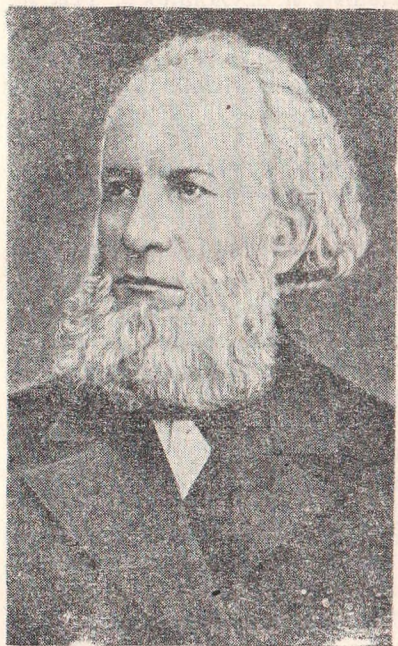
Культивиrowавшиеся царизмом вражда и отчужденность между народами, а также влияние мусульманского духовенства препятствовали близкому общению между киргизским и русским населением. Поэтому несмотря на хозяйственное сближение, на зарождение дружественных связей в трудовых слоях русского и киргизского народов, вступление киргизов в брак с русскими, как с «иноверца-

ми», считалось предосудительным и осуждалось. Тем не менее случаи смешанных браков все же имели место. Например, в 1914 году в Пржевальском уезде приняло широкую огласку «дело» Анастасии Дмитриевны Калугиной, русской крестьянской девушки, вышедшей замуж за киргиза Мукамбета Раимбекова. Ни вмешательство уездных властей, ни преследования, пытки, и угрозы не могли сломить волю молодых людей, тренебрегших рассовыми и религиозными предрассудками.

Были также случаи, правда нечастые, перехода киргизских юношей в православную веру и принятия русскими крестьянами ислама.

Роль русских ученых в изучении Киргизии Большой вклад в последующее развитие экономики и культуры киргизского народа внесли русские ученые и путешественники. Исследуя природные богатства Киргизии, историческое прошлое, быт и культуру киргизского населения, представители передовой русской науки способствовали экономическому прогрессу страны, закладывали фундамент для строительства национальной киргизской культуры, для дружбы между русскими и киргизскими народами.

Славная плеяда русских ученых, исследовавших природу и население Киргизии, привлечших внимание широкой научной общественности к этой неведомой ранее стране, открывается именем знаменитого русского ученого географа, путешественника и общественного деятеля Петра Петровича Семенова, которому за его заслуги в изучении Тянь-Шаня была присвоена Фамилия Семенова-Тяньшаньского. Ученая экспедиция Русского Географического общества, которую он возглавил в 1857 году, посетила северную часть Тянь-Шаня, в том числе озеро Иссык-Куль. В своих трудах П. .П Семенов-Тяньшаньский не только дал подробное географическое описание посещенных им районов Тянь-Шаня, характеристику его рельефа, животного и растительного мира, но и уделил большое внимание характеристике быта и общественных отношений киргизского населения, к которому отнесся с большой сердечностью и симпатией. Его глубоко волновала участь рядовых кочевников, ставших жертвой кровавых междоусобиц, затеянных феодалами племени Бугу и Сарыбагыш. Своими советами и прямым вмешательством

П. П. Семенов-Тяньшанский

он стремился добиться мирного урегулирования конфликта между враждовавшими племенами.

Сопровождавший П. П. Семенова-Тяньшаньского в его путешествии русский художник П. М. Кошаров впервые запечатлел в рисунках своего альбома природу Тянь-Шаня и быт киргизского народа.

Почти одновременно с П. П. Семеновым-Тяньшаньским дважды посетил Киргизию передовой казахский ученый и просветитель Чокан Валиханов. Он пытливно изучал культуру и быт родственного казахам киргизского народа. Ему принадлежит честь открытия для науки

киргизского героического эпоса «Манас». Социальные отношения, домашний быт, история, родоплеменной состав, развлечения, хозяйственная жизнь киргизов и т. д., получили отражение в трудах Ч. Валиханова, представляющих большую ценность для науки.

Неоднократно посещал Киргизию выдающийся русский естествоиспытатель, ученый Н. А. Северцов. В 1864, 1878 гг. во время Туркестанской ученой экспедиции 1865—1868 гг. Н. А. Северцов провел разносторонние геологические и географические исследования, собрал ценные зоологические коллекции и обогатил науку новыми важными данными о Тянь-Шане. Он с большим участием писал в своих трудах о судьбах киргизского народа и не затушевывал колониальный характер политики царских властей в Средней Азии. С особым сочувствием Н. А. Се-

Памятник Н. М. Пржевальскому

вернов останавливался на положении киргизской женщины, отмечая ее трудолюбие и самостоятельность.

Киргизия явилась объектом исследований и других выдающихся русских ученых: геолога И. В. Мушкетова, географа и ботаника А. П. Федченко. Неутомимый путешественник А. П. Федченко дал первое географическое описание Южной Киргизии, входившей тогда еще в состав Кокандского ханства. В его трудах получила подробное освещение богатая флора Алая и Памира.

Несколько раз пересек Киргизию русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Его имя особенно дорого киргизскому народу. На киргизской земле оборвалась жизнь этого отважного исследователя в начале его пятого путешествия в Центральную Азию. Он умер 20 октября 1888 года в г. Караколе, который стал после этого носить имя Н. М. Пржевальского. Умирая, Н. М. Пржевальский завещал похоронить его «непременно на берегу Иссык-Куля». Это желание было выполнено. На берегу Иссык-Куля возвышается величественный памятник Н. М. Пржевальскому. Глубокий интерес и любовь к природе Киргизии, чувства симпатии и уважения к киргизскому народу не раз были подчеркнуты Н. М. Пржевальским в его трудах.

В свою очередь киргизский народ хранит светлое воспоминание о Н. М. Пржевальском.

Язык, устное народное творчество, быт и культура киргизского народа были впервые исследованы русским академиком В. В. Радловым. Его трудами были заложены прочные основы киргизского языкознания. Записанные им образцы киргизского эпоса составили целый том «Образцов народной литературы северных тюркских племен».

Основы киргизской историографии были заложены русским академиком В. В. Бартольд. Его исследования по истории киргизского народа построены на глубоком знании восточных (арабских, персидских, тюркских) источников, а также исторических и археологических памятников. Благодаря трудам В. В. Бартольда и других русских ученых, история киргизов впервые стала известна миру на русском языке.

Большая группа деятелей русской культуры — Н. Аристов, Ф. Поярков, Н. Зеланд и другие — с большой доброжелательностью относились к киргизскому населению, стремились помочь его культурному подъему.

Н. А. Аристов собрал в своих трудах ценный материал, проливающий свет на происхождение киргизского народа, которое особо его интересовало. Ф. Поярков издал целый ряд работ, посвященных анализу религиозного мировоззрения киргизов, их преданиям и легендам, народной медицине, знахарству, а также описал свадебные и другие обычаи дунган. Он поднимал свой голос в защиту обез-

доленных киргизских кочевников, за широкое развитие культуры и просвещения.

Своими трудами и исследованиями, своим личным посещением Киргизии и контактом с местным населением русские ученые содействовали установлению дружбы и взаимопонимания между великим русским и киргизским народами.

**Просвещение и
здравоохране-
ние в Киргизии
при царизме**

Культивируя темноту и невежество среди народных масс России, которые, по выражению Ленина, были ограблены царизмом в смысле образования, царизм тем более не был заинтересован в культурном росте окраин. Более того, он всячески задерживал этот рост, оставляя коренное население в темноте. За полувековое пребывание Киргизии в составе царской России киргизский народ оставался почти сплошь неграмотным, не имел школ на своем родном языке. Большинство школ, которые появились в Киргизии при царизме, были основаны в результате усилий самого трудящегося населения, которое собирало средства для их организации. В этом сказывалось народное стремление к знаниям, к культуре. Те же школы, которые создавались на средства казны, имели назначение дать самые минимальные знания детям русских крестьян и горожан, а детей коренного населения по возможности руссифицировать и подготовить из них мелких чиновников в царском аппарате управления: переводчиков, писарей, волостных управителей, старшин. Обучение в этих, так называемых, русско-туземных школах велось на русском языке.

Первые школы в Киргизии появились в 1879 году в городе Пишпеке. Это были русская мужская и женская одноклассные школы. В последующие годы по мере увеличения здесь русского населения возникали новые школы. С 90-х годов стали появляться и первые смешанные русско-туземные школы и мектебы. В последних обучались главным образом узбекские, татарские и дунганские дети. Киргизское население своих школ с обучением на родном языке не имело вовсе. К 1914 г. по Пишпекскому и Пржевальскому уездам имелось 64 русских (4821 учащийся) и 13 русско-туземных (580 учащихся) школ. Из специальных средних учебных заведений имелась лишь одна сельскохозяйственная школа в Пишпеке. К 325—300

тысячному населению этих уездов учащиеся составляли 1,6%. Преобладающее большинство школ были одноклассные, без необходимого оборудования и учебных пособий, при остром недостатке учителей, условия работы которых были исключительно тяжелыми.

В еще худших условиях находились мектебы. В одном из отчетов инспектора народных училищ Семиреченской области за 1906 год говорилось о Пржевальском мектебе: «Отделений и классов нет. Дети занимаются сидя на полу. Учитель определенного жалования не получает. Ученики каждую неделю приносят учителю 2—3 копейки». Но как бы слабы ни были зачатки начального образования в Киргизии, все же они способствовали проникновению русской культуры в среду киргизского населения. Овладение русской грамотой открывало возможность знакомства с русской литературой, с элементами советской культуры. В этом же направлении действовало и общение с передовыми представителями русской науки, посещавшими Киргизию.

Интересны в этом отношении сообщения известного географа и ботаника В. И. Липского, исследовавшего в 1900 году горные области Тянь-Шаня. Проводниками и помощниками по сбору растений у него были киргизы. Вспоминая об этом, Липский писал: «Со своими спутниками, по крайней мере с Садыком, я не прекращал сношений и впоследствии. Привыкши к собиранию растений и вообще коллекций в мое путешествие, он и потом собирал ботаническую коллекцию и прислал ее мне».

Прогрессивные представители русского народа имелись в Киргизии среди учителей и медицинских работников. Первые способствовали проникновению грамотности в среду киргизского, дунганского и других народов, вторые оказывали медицинскую помощь.

Вопреки реакционной политики царизма в области просвещения общение с местной демократически настроенной интеллигенцией и передовыми представителями русской науки вносило в среду киргизского народа элементы прогрессивной культуры, которым принадлежало большое будущее.

В более тяжелом состоянии, чем система народного образования, находилось в Киргизии при царизме здравоохранение. Трудящиеся массы, особенно коренное киргиз-

ское население, были почти лишены медицинской помощи. Больниц со стационарным лечением на территории Киргизии не было. Врачебные пункты, которые стали появляться с 80-х годов, были амбулаторного типа. Единицами насчитывались врачи и фельдшеры. Почти не было медикаментов. Когда сенатор Пален, ревизовавший край, познакомился в 1908 г. с приемным покоем города Пржевальска, то нашел там убогую обстановку, состоявшую из кушетки и одного крашеного стола. Из медикаментов имелись лишь растворы борной и карболовой кислот и сулемы. Обслуживали этот приемный покой два фельдшера. В 1908—1909 гг. по двум уездам, Пишпекскому и Пржевальскому, имелось всего 4 врача.

В 1916 году количество медицинских работников в названных уездах увеличилось. К этому времени в них было 10 врачей, 9 фельдшеров, 4 акушерки и 5 фармацевтов. Но обеспечить даже минимальные потребности в медицинской помощи население двух городов и сельских местностей они, конечно, не могли.

Местные власти не создавали врачебных пунктов в киргизских аилах, и лечение коренного населения оставалось в руках киргизских знахарей. И все же русские врачи самоотверженно боролись с темнотой и невежеством; их труд приносил большую помощь киргизам. Светлую память в киргизском народе оставили, например, отец и брат прославленного полководца М. В. Фрунзе, из которых первый работал фельдшером, а второй врачом в Пишпеке.

Первые печатные издания в Киргизии

После присоединения Киргизии к России появились первые печатные издания на киргизском языке (с сильным татарским влиянием). Изданные книги были, впрочем, очень мало известны самим киргизам. Кроме того, как правило, эти издания часто носили реакционный характер и преследовали цель пропаганды феодально-байской идеологии. Но в Киргизию проникали издания и прогрессивного направления. Такой характер имели татарские газеты «Альислах» («Реформа») и «Азад-Хадык», а с 1907 г. в Оренбурге на татарском языке начала выходить демократическая газета «Урал», через которую в киргизское общество проникали революционные идеи. Некоторые киргизские учителя были хорошо знакомы с твор-

чеством выдающегося татарского поэта — демократа Габдуллы Тукая, посвятившего свое творчество пропаганде идеи дружбы русского, татарского и других народов. До трудящихся Киргизии доходили произведения просветителей казахского народа, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. В их переводе киргизам стали известны лучшие образцы классической русской художественной литературы. Киргизский язык начал обогащаться новыми понятиями и словами, проникавшими из русского языка. В общении с русской культурой, в непосредственном контакте с местной русской интеллигенцией и трудовым крестьянством закладывались основы будущей дружбы великого русского и киргизского народов.

§ 4. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПЕРВЫЕ АҚЫНЫ-ПИСЬМЕННИКИ

Устное народное
творчество во
2-ой половине
XIX в.

Большую роль в культурной жизни киргизского населения после присоединения к России попрежнему играло устное народное творчество. Новые условия жизни, новые культурные явления, начавшееся преобразование социального строя киргизского общества внесли крупные изменения и в характер устного народного творчества. В своих песнях народ, как и прежде, изливал свои горести, свои чаяния и надежды. Продолжал жить и развиваться эпос. Во всех видах устного народного творчества все более ярко начинали разграничиваться интересы различных классов. Шло проникновение реакционных идей в эпос «Манас», хотя народная основа его сохранилась. Некоторые из дошедших до нас вариантов эпоса подвергались влиянию мусульманской идеологии.

В то же время в поэме «Курманбек», как и в некоторых других произведениях «малого» эпоса, усиливаются демократические идеи. Резче подчеркивается борьба против внутренних врагов народа — манапов и баев. В поэме «Жэерен чечен» воспеваются труд, пропагандируется польза знаний, оседлости. Развиваются поэмы — сказки. В некоторых из них женщина выступает уже не в качестве бессловесной рабыни, а борца за свои права. В поэме «Акмор» героиня протестует против насильственной выдачи ее замуж за дряхлого старика. Героиня поэмы «Каптагайдык кызынын арманы», стремясь к свободе, перео-

девается в мужскую одежду и в поисках достойного себе спутника в жизни убегает из отцовского дома. Во всем этом проявилось изменение самосознания народа и, в частности, женщин, вызванное влиянием новых общественных условий, начавшегося сближения с русским народом, с передовой русской культурой.

В песенном творчестве отчетливо выступают противостоящие друг другу направления: реакционно-феодалное, с одной стороны, и прогрессивно-демократическое, с другой. Представители реакционного направления пытались осмыслить происходившие в жизни перемены с реакционных позиций. Они стремились к идеализации патриархально-родового быта и ислама. Представителями этого направления были акыны Калыгул и Арстанбек, начавшие свою деятельность еще в первой половине XIX в. Как во время господства Кокандского ханства, так и после присоединения Киргизии к России, их поэтические произведения были посвящены изображению «трудных», «тяжелых» времен, наступивших для киргизского народа. В своих произведениях эти акыны характеризуют переживаемое ими время как «зар-заман», или «тар-заман», т. е. эпоху плача, бед, страданий и скорби. Произведения этих поэтов носили реакционный характер, в них отражалась идеология феодальной верхушки киргизской народности, складывавшаяся в условиях отживающего патриархально-феодалного строя.

Явственно ощущавшиеся признаки разложения патриархально-феодалных отношений порождали тревогу и страх у господствовавшей феодальной верхушки. Мотивы уныния и тоски, предчувствия несчастий, пронизывают произведения поэтов этого направления, видевших неотвратимость начинающихся изменений социально-экономического уклада.

Представители этого реакционного направления выступали против присоединения Киргизии к России, ориентировали киргизский народ на страны мусульманского Востока, проповедывали идеи мюридизма, вражду и неприимимость ко всем «иноверцам». Охваченные боязнью нового, реакционные акыны выступали против прогрессивных явлений. Страшась наступающих событий и рассматривая их, как приближение «конца мира», эти акыны усматривали в новых явлениях только отрицательные

стороны. Они жаловались на разрушение семейных устоев, упадок нравов, падение благочестия и т. д. Отсюда — идеализация патриархально-феодального строя, призывы к его сохранению.

Акын Арстанбек выступал против оседлого образа жизни, перехода к земледелию, развития ремесла. Он, как и другие реакционные акыны, за колониальной политикой царизма, произволом царских чиновников не видел глубоко прогрессивных последствий общения киргизского и русского народов. Борьбу против колониального гнета царизма реакционные акыны подменяли борьбой против русских вообще; хотя некоторые из этих акынов и осуждали манапов и баев за их жестокость и деспотизм и сочувствовали страданиям бедноты, но они не призывали к борьбе против манапов, а стремились лишь призвать последних «к справедливости». Одновременно кылыч изобличает пороки современной ему эпохи, произвол баев, манапов и царских чиновников.

Проникнуты религиозно-мистическими мотивами и некоторые произведения Шамырканова Кылыча. В ряде своих произведений он идеализирует патриархально-феодальные черты киргизского общества.

Однако, на ряду с пессимистическими произведениями реакционного направления и в борьбе с ним вызревало и утверждалось другое, глубоко демократическое направление. Представлявшие это новое направление акыны создавали песни с ярко выраженными демократическими тенденциями, обличающие манапов и баев, царских колонизаторов, как виновников бедствий и страданий народа. В противоположность акынам Калыгулу, Арстанбеку и др., не понявшим прогрессивной роли русской культуры, из среды киргизского народа выдвинулись акыны, которые выражали в своем творчестве сокровенные чаяния народа, открыто восставали против социальной несправедливости, воспевали дружбу народов и стремление к свободе. Именно эти акыны воплотили в своих песнях лучшие художественные традиции прошлого. Эта демократическая линия развития народно-поэтического творчества окрепла благодаря новым общественным условиям, вызванным присоединением Киргизии к России, благодаря проникновению передовых идей русского общества в киргизскую среду.

Творчество Токтогула Сатылганова.

Наиболее ярким представителем нового демократического направления в киргизской поэзии был талантливый акын и композитор Токтогул Сатылганов (1864—1933 гг.). Он с наибольшей силой выразил демократические устремления и чаяния киргизского народа, поднял самые жгучие вопросы, которые волновали народные массы.

Он родился и вырос в местности Сасык-Джыйде, расположенной в горной долине Кетмень-Тюбе (современный Токтогульский район, Джалал-Абадской области), в семье бедняка, вынужденного работать на баев. Большое влияние на формирование творческих способностей будущего поэта оказала его мать Бурма, известная сочинительница и исполнительница кошоков-трогательных причитаний на свадьбах и похоронах.

Безрадостным было детство Токтогула, испытывавшего нужду и подневольный труд.

Уже в детстве он должен был помогать отцу, работал пастухом у бая. В кругу таких же как он пастухов-подростков он начал складывать песни, в которых выражал сочувствие к угнетенным и обездоленным беднякам, выражал свою неприязнь к байско-манапской знати.

Песни, созданные юным Токтогулом, быстро распространились и становились широко известными. Как хорошего певца и музыканта (он играл на комузе) Токтогула начинают приглашать на общественные сборища, свадьбы, тризны. В своих зрелых произведениях Токтогул отразил протест народа против режима колониального угне-

Токтогул Сатылганов

тения царизма, против произвола баев и манапов. Поэмы и песни Токтогула призывали народ к борьбе против угнетателей.

Вдохновенные песни Токтогула завоевали ему популярность и любовь среди широких масс киргизского населения. Они отличаются изумительной простотой и ясностью мысли, глубокой лиричностью. Особенно широкое признание среди народа талант Токтогула получил после его знаменитого поэтического состязания в 1882 г. с известным акыном Арзыманом, придворным поэтом знатного манапа Дыйканбая. Манапы увидели в Токтогуле, победившем Арзымата, опасного противника и пытались купить его талант. Токтогул предпочел остаться с народом, не отдал своего творчества тем, кого он так остро ненавидел. Он стал акыном-профессионалом. Но он пел не для баев и манапов, а для рядовых кочевников. Токтогул много и упорно учился у акынов — своих предшественников и современников, постоянно совершенствовал свое мастерство. Он не только исполнял популярные народные песни, но и сочинял новые, в которых наряду с лирическими все громче звучали гражданские мотивы.

Многие поэмы Токтогула возникали под непосредственным влиянием знакомства с русской культурой. В отличие от своих предшественников, Токтогул не смешивал русский трудовой народ с царскими колонизаторами. Он выступает в своих произведениях, как смелый и гневный обличитель колониального порабощения, а так же гнета баев и манапов. Токтогул вступил в открытую борьбу с сыновьями манапа Рыскулбека — неограниченными властителями, эксплуататорами и душителями населения Кетмень-Тюбе. Подвергаемый гонению и насилиям он боролся с манапами единственным своим оружием — песней. В сложенной им песне «Пять кабанов» Токтогул с исключительной силой изобразил пятерых всесильных манапов, бесчеловечно и жестоко обиравших народ.

Пять манапов — волчий род,
Притесняли вы народ.
Заставляли бедняков
Слезы лить за вас, волков,
Вы последнего коня
Отобрали у меня.

Отвечая манапам, пытавшимся подкупить его, Токтогул бесстрашно бросает им вызов:

Когти острые свои
Пачкайте в моей крови,
Но не стану вам служить,
Хоть и знает Токтогул,
Что не будет дважды жить.

Образ бедняка-кедея, страдающего, но готового к борьбе, протестующего против насилия, занял центральное место во всем творчестве Токтогула.

Как яркий представитель прогрессивной киргизской общественной мысли, Токтогул обличал и разоблачал не только манапов, волостных управителей, царских чиновников, но и реакционное мусульманское духовенство. На родину Токтогула проникали веками орудовавшие в соседней Ферганской долине фанатики и мракобесы: хищные ишаны, невежественные муллы, имамы и ходжи. Он зло и остро бичевал жадность, ханжество и лицемерие клерикалов, стремясь помочь своему народу осознать наносимый ими вред. Поэтому в творчестве Токтогула видное место занимают произведения, направленные против служителей религиозного культа. Широкой известностью пользовалась, например, песня «Ишан-Қалпа». В ней содержатся разящие строки:

Богачу рассыпая лесть,
Вы глумитесь над беднотой,
Значит праведник и святой
Тоже любят вкусно поесть.

Поэзия Токтогула, проникнутая духом классовой борьбы, делала его имя ненавистным для байско-манапской верхушки. Воспользовавшись удобным случаем, манапы решили избавиться от Токтогула. Во время андижанского восстания 1898 г. по доносу сыновей Рыскулбека, Токтогул был арестован царскими властями. Это был открытый акт мести, расправа над смелым и мужественным певцом и борцом за социальную справедливость. Обвинение Токтогула в участии в восстании было ложным, но он был приговорен к смертной казни через повешение, замененной затем каторгой.

Токтогул был сослан в Сибирь. После неудачной попытки побега, Токтогул получил дополнительно 12 лет каторжных работ.

Тяжелая жизнь в ссылке не сломила духа вольнолюбивого поэта. И там, оторванный от родной земли, он продолжал творить. Тоской по родине, горечью звучат его слова:

Я парю, как в горах орел,
Я легко взлетал в вышину,
Но за громкую песнь мою,
Обречен тосковать я в плену,
Не комуз мой поет, звеня,
О горах родных и степях,—
Это ржавой тоской гремят
Кандалы на моих руках.

Надежда на избавление от неволи, на встречу с родным народом не покидала Токтогула.

Но верю — снесу беду.
Народ благородный мой.
К тебе сквозь обман и смерть.

Разлука с народом, который Токтогул безгранично любил и который отвечал ему взаимной любовью, глубоко терзала сердце поэта.

Хоть песни пою без конца,
Но горечь свою до конца
Никак в них излить не могу,
Народ мой, я вновь приду
Замучен твой соловей,

.....
Но всех ему ран тяжелей
Глухая разлука с тобой.

Токтогул был неграмотен, но он видел страдания народа в царской России, и не из книг, а в общении с политическими заключенными разных национальностей, в беседах с ссыльными русскими революционерами познавал он правду жизни, обогащая свою память новыми сведениями, проникаясь идеями интернационализма. Он пел:

Вижу рядом: казах,
Русский, киргиз, узбек,
Вижу: стоят вокруг,
Несчастные, как и я.
Каждый мне брат и друг,
Узники, как и я.

Под влиянием русских революционеров окончательно сформировались и окрепли передовые демократические взгляды Токтогула. Его творчество приобрело острую и зрелую политическую направленность, окрасилось чертами революционности.

При содействии русских друзей Токтогул совершает второй побег, но снова неудачно. Срок пребывания на каторге был увеличен до 25 лет. Только после 12-летнего пребывания на каторге, с помощью русских переселенцев, Токтогулу удалось вырваться на свободу. Два года пришлось ему скитаться по незнакомым местам, пока в 1910 г. он добрался до родной земли. Первую свою песню по прибытии на родину он посвятил народу:

Народ мой. Приветствую сердцем тебя,
Попрежнему верно и крепко любя...
... Как слабая птица от коршунов злых
Летал я на сломанных крыльях свих
В кустах и теснинах обрывистых скал,
Но встретясь с народом в предгорьях родных
Я верю, что час избавленья настал.

До 1913 г. Токтогулу пришлось жить нелегально, скрываясь от мести манапов и баев и расправы царских тюремщиков.

Снова посаженный в 1913 г. в тюрьму по проискам манапов, Токтогул был взят на поруки и дожид до светлых дней освобождения своего народа от ига эксплуататоров.

Токтогул стремился сблизить свой народ с Россией и русскими. Он обращался не к мусульманским странам, что было характерно для творчества акынов реакционного направления, а к русскому народу, к его культуре. В сближении с ней он видел верный путь к избавлению от средневековой отсталости. Он был общественным деятелем в Киргизии, который часто высказывал такую, например, мысль: «...клад науки — у русских («окуунун кени оруста»).

Наряду с политическими стихами, Токтогул создал много произведений на лирические и бытовые темы, ему принадлежит много душевных песен, приобретших в народе большую популярность. Все они проникнуты оптимизмом, глубокой уверенностью в торжестве справедливости.

Токтогул успешно развивал так же жанр назидательных стихов, в которых он воспевал труд, призывал молодежь служить народу, преодолевать стоящие на пути препятствия. Широкой известностью пользуется его стихотво-

рение «Пока имеешь силу, привыкай к труду». Он заканчивает свое наизидание словами:

Безделье жалкое забудь,
Трудом начни по жизни путь,—
Лишь в созидательном труде
Для человека — жизни суть.

Токтогул является родоначальником новой, высокоидейной, демократической киргизской литературы. Он воспитал целую школу акынов, творчество которых стало в дальнейшем неотъемлемой частью киргизской советской литературы.

Токтогул был не только крупным поэтом, но и талантливым музыкантом, композитором. Мелодии его песен, как и их слова, запоминались и распевались на всех народных празднествах.

В музыкальном творчестве Токтогул широко использовал народные мелодии, отбирая все наиболее ценное в художественном отношении. На этой основе Токтогул импровизировал песни и исполнял их под аккомпанемент комуза. Он был в то же время блестящим музыкантом «комузистом» (комузчу), владевшим разнообразными приемами игры, выступая нередко и как виртуоз-исполнитель. Его вдохновенная игра захватывала слушателей.

Находясь на каторге, Токтогул усвоил от своих товарищей и сохранил в своей памяти немало русских мелодий. Он перекладывал их для комуза. Предполагают, что некоторые мелодии Токтогула, близкие по своей форме и ритму к танцам, были созданы им под влиянием русских частушечно-плясовых напевов и наигрышей. Многие другие киргизские народные музыканты и композиторы, например, Мураталы Куренкеев, также знакомились у крестьян — переселенцев с русскими песнями, мелодиями и наигрышами и включали их в свой репертуар.

Токтогул сыграл крупную прогрессивную роль в развитии киргизской народной музыки. Его музыкальные произведения вошли в сокровищницу киргизского народного искусства.

Творчество Токтогула в целом носит глубоко демократический характер. Он сумел осознать общность судеб и интересов трудящихся масс всех народов России. Своими песнями он страстно звал к борьбе с угнетателями, но в то же время в силу политической, хозяйственной и культур-

ной отсталости киргизского народа он не был в состоянии выдвинуть положительной программы, не смог увидеть той революционной силы — русский пролетариат, на которую народ мог бы опереться в своей борьбе. Токтогул не мог быть и не был последовательным революционером. Его творчество не всегда развивалось только по восходящей линии. Но несмотря на это Токтогул является самым выдающимся представителем демократического направления не только в киргизском искусстве, но и в киргизской общественной мысли второй половины XIX — начала XX веков.

М. Курскеев

**Творчество
Байымбета
Абдрахманова**

Крупную роль в развитии демократического направления киргизской устной и письменной литературы сыграл акын — «письменник», талантливый киргизский поэт — просветитель Байымбет Абдрахманов (1860 — 1942), по прозвищу Тоголок Молдо. Родина поэта — местность Куртка в долине реки Нарын (ныне Акталинский район Тянь-Шаньской области). Тоголок Молдо, выходец из трудовой семьи, воспитывался у своего деда Музсоке, известного акына и музыканта. От деда он и воспринял как любовь к поэзии, так и демократические взгляды.

На формирование творчества Тоголок Молдо и его демократическое мировоззрение оказала большое влияние окружающая его действительность, характеризовавшаяся углублением классовых противоречий, с одной стороны, усилением байско-манапского и колониального гне-

Тоголок Молдо

та, а с другой, начавшееся сближение трудовых масс киргизского и русского народов. Знакомство с Токтогулом и его произведениями также отразилось на характере его творчества с его классовой непримиримостью.

Хорошо зная жизнь киргизской бедноты, ее бедствия и страдания, Тоголок Молдо в ряде своих произведений выступает против грабежа и произвола, против насилий инимых баями и манапами, волостными управителями и царскими чиновниками. Его оружием является острая сатира. В сатирической поэме, «О назем-

ных и водяных птицах», построенной на принципе басни, Токолок Молдо под видом пернатых выводит, с одной стороны бедняков, с другой—их угнетателей, изображаемых хищными коршунами, ястребами. Манапы отвечали на творчество Тоголок Молдо преследованиями и гонениями поэта.

В произведениях акына на более позднем этапе его творчества более отчетливо отразились демократические идеи, крепнувшие в киргизском обществе под влиянием передовой революционной русской общественной мысли.

Для поэзии Тоголок Молдо характерны мотивы просветительства. Он обращается в своих поэмах к родному народу с призывом учиться у русских культурному ведению хозяйства, овладевать знаниями, ремеслами, бороться с отсталостью, невежеством, суевериями. В одной из своих поэм — «Дети земли и вселенной», он в художественной форме рационально объясняет различные явления

и законы природы, опровергая вместе с тем религиозные толкования этих явлений.

Целый цикл нравоучительных поэм Тоголок Молдо посвящает обличению лени, самодовольства, которым противопоставляется трудолюбие, справедливость, любовь к человеку. Тоголок Молдо известен и как автор одного из лучших вариантов героической поэмы «Семетей».

Творчество Тоголок Молдо, демократическое, получило широкую известность и пользовалось в народе большой популярностью.

Таким образом, основная и наиболее ценная часть поэтических и музыкальных богатств, произведений прикладного искусства создавалась трудовым народом, вышедшими из него талантливymi мастерами. Демократические элементы киргизской культуры второй половины XIX и начала XX вв. особенно усилились в результате сближения ее с передовой русской культурой.

ГЛАВА VIII

КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

§ 1. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Киргизия накануне революции

Перерастание домонополистического капитализма в империализм, являющийся высшей стадией капитализма, имело непосредственное влияние на дальнейшее развитие колониальной политики. Политика царизма по отношению к Туркестану, в том числе и Киргизии, в эпоху империализма, стала особенно беспощадной. Ещё больше усилилась эксплуатация, национальный и колониальный гнёт над трудящимися массами.

Отмечая особенности колониальной политики в эпоху империализма, В. И. Ленин писал:

«Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом».¹

Помимо экономических причин, связанных с развитием монополистического капитала, интерес к колониям в этот период определялся также и социально-политическими мотивами: обострение классовой борьбы в эпоху империализма вызвало стремление со стороны эксплуататорских классов притупить остроту антагонистических отношений путем «выбрасывания революционного элемента» из центра в колонии.

¹ В. И. Ленин, Соч., том 22, стр. 242.

Это стремление было присуще не только царизму, который В. И. Ленин определял как военно-феодальный империализм, но и для других империалистических стран. В силу особенностей экономического и политического развития России такое стремление принимало здесь особую форму. Для царизма в этот период приобрела особую важность задача выбросить из центра на колониальные окраины как можно больше крестьянской бедноты в целях предотвращения аграрной революции и сохранения помещичьего землевладения и власти помещиков.

Туркестан и его составная часть — Киргизия, как колония царизма, особое значение приобрели, когда российский капитализм вступил в империалистическую стадию. Из центра России сюда бурно устремились капиталы. Особенно активную деятельность развили здесь крупные текстильные, шерстяные и угольные фирмы и общества, банки, торговые предприятия. Стремился проникнуть, и не безуспешно, в Туркестан и иностранный капитал.

Первенствующую роль в хозяйстве Туркестана приобрел хлопок, который выращивался главным образом на территории нынешней Узбекской ССР и на юге Киргизии. Туркестан ещё в XIX в. стал хлопковой базой российской текстильной промышленности. За период с 1887—1912 гг. площадь посевов хлопка увеличилась в Туркестане с 61 тыс. до 430 тыс. десятин, а урожай — со 100 тыс. до 14 млн. пудов.

Развивалась и промышленность. Добыча угля в 1885—1911 годах выросла с 417 тыс. до 3,5 млн. пудов; добыча нефти к этому же времени достигла 2-х миллионов пудов вместо 30 тыс. пудов в 1902 году. Если в области хлопководства роль иностранного капитала возрастала благодаря, главным образом, усилению финансирования заготовок хлопка банками, которые теснейшим образом были связаны с заграничным финансовым капиталом, то в области промышленности роль заграничного капитала в рудную и каменно-угольную промышленность Туркестана.

Значительно возрос в это время товарооборот, чему способствовало развитие городов и промышленных центров, а также дальнейшее строительство железнодорожных магистралей. В конце 90-х годов XIX века были проведены ветки от Закаспийской железной дороги до Анди-

жана и Джалал-Абада, а в 1905 году была пущена в эксплуатацию Ташкентско-Оренбургская железная дорога.

По сравнению с Узбекистаном Киргизия представляла более отсталый район. Хотя ко времени первой русской революции промышленность здесь и выросла, но она по-прежнему оставалась мелкой и раздробленной, слабо оснащённой техникой.

Низкий уровень развития промышленности определял и уровень развития здесь пролетариата, который только начал формироваться. Малочисленный пролетариат Киргизии был разбросан по мелким, промыслового типа предприятиям, не представлял ещё организованной силы, не имел ни опыта революционной борьбы, ни своих социал-демократических и профессиональных организаций.

Для успеха революционной борьбы пролетариата и трудящихся масс крестьянства России против самодержавия, помещиков и буржуазии огромное значение имела национально-освободительная борьба угнетённых народов окраин.

Колониальная политика царизма, тяжёлый национальный гнёт, эксплуатация и произвол манапов и баев поставили киргизский народ в неимоверно тяжёлые условия. Все это вызвало революционное брожение в киргизском народе и толкало его на борьбу с царизмом, с баями и манапами.

Царизму не удалось превратить переселенческое население в опору своей реакционной политики.

Бурное развитие капиталистических отношений в переселенческом населении значительно углубило классовую дифференциацию. К моменту революции 1905—1907 гг. в Киргизии из переселенцев сложился мощный слой кулацких хозяйств, имевших в своём распоряжении от 150 до 250 десятин земли на хозяйство, сотни голов, скота, усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь. Эти хозяйства широко использовали наёмную рабочую силу. Другие же переселенцы находились в бедственном положении, разорялись, пополняя собою ряды батраков для кулацких и байских хозяйств. К началу XX в. классовые противоречия в среде переселенческого населения выросли в связи с новым потоком переселенцев, в основном крестьян-бедняков, из Центральной России. Новые переселенцы очень часто не могли обосо-

ваться на новом месте и в значительной своей массе окончательно разорялись.

Произвол царских властей, тяжелое материальное положение бедняцкой части переселенцев, привилегированное положение кулачества усиливали у переселенческого крестьянства революционные настроения, направленные как против местного кулачества, так и против царизма. Кулачество было заинтересовано «в твёрдой власти» в борьбе с крестьянской беднотой и трудящимися коренного населения. Однако, являясь в основном опорой самодержавия, оно было сторонником такого переворота, который обеспечил бы ему дальнейшее расширение земельных владений и укрепление политических привилегий. Правда, здесь не было помещичьих латифундий, наличие которых в центральных губерниях России обуславливало на первом этапе революции участие в ней зажиточных и кулацких слоев крестьянства. Но в Семиречье были обширные земельные владения офицерства Семиреченского казачьего войска и отдельных представителей высшей администрации края. Их земельные богатства обуславливали и здесь, в Семиречье, участие до некоторой степени кулацких слоев переселенческого населения в революционной борьбе на начальных этапах революции. Такие же настроения были присущи и бай-манапским кругам киргизов.

Таким образом объективные предпосылки для буржуазно-демократической революции назревали и в Киргизии.

Назревали предпосылки и для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, важнейшим условием чего являлась борьба пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством против буржуазии города и деревни.

Для беднейшего крестьянства борьба с царизмом означала лишь первый этап борьбы за землю. Второй этап революционного движения означал борьбу с основными представителями эксплуататорских классов в крае — кулачеством и зажиточными слоями семиреченского казачества.

Жизненно важным земельный вопрос был и для трудовых масс киргизского дехканства, которое благодаря ко-

лонизаторской политике царизма к началу XX в. лишалось необходимых ему земель. Поэтому киргизское дехканство было склонно принять активное участие в национально-освободительном движении, главной задачей которого было разрешение аграрного вопроса.

Но классовые цели борьбы за землю трудового дехканства в Киргизии, как и в других национальных окраинах империи, затушевывались националистическими стремлениями, которые усиленно культивировали местные байско-манапские круги, стремившиеся борьбу масс направить против всего русского во имя якобы «общенациональных» интересов. Преодолеть националистические стремления мог только последовательно-революционный класс, который мог бы разъяснить трудящемуся дехканству его классовые интересы и повести его за собой. Таким классом как в центральных областях России, так и в Киргизии мог быть только пролетариат, но отнюдь не либеральная буржуазия. Киргизская эксплуататорская верхушка — манапы и зарождавшаяся национальная буржуазия — баи, будучи реакционной силой, теснейшим образом связанной с царизмом, не могла играть руководящей роли в национально-освободительном движении.

Но пролетариат в Киргизии был слаб, разрознен, немногочислен и социал-демократическая идеология далеко ещё не овладела его сознанием. Вот почему, а не в силу отсутствия объективных экономических условий, успешно развернуться революционная борьба в Киргизии могла только под руководством русского пролетариата. Более того, наличие объективных экономических условий только и могло сделать действенным руководство в Киргизии революционной борьбой со стороны русского пролетариата.

**Революция
1905—1907 гг. в
России и разви-
тие революцион-
ного движения
в Киргизии**

Расстрел петербургских рабочих 9-го января 1905 года вызвал всеобщее возмущение трудящихся даже в самых отдалённых окраинах России: повсеместно проходили стачки протеста, митинги и демонстрации. Во главе революционного движе-

ния шли металлисты крупных городов центральной части России, поднимая на борьбу весь рабочий класс, всех трудящихся страны.

В ходе развития революционной борьбы в России стали возникать первые Советы рабочих депутатов.

Под непосредственным влиянием рабочих стачек в стране начались выступления крестьян, а также революционное движение в армии и флоте. 14 июня 1905 года началось восстание на броненосце «Потёмкин», что имело огромное значение.

Большевики повсеместно руководили революционной борьбой рабочих, крестьян и солдат и готовили их к вооруженному восстанию против царизма.

Уже весной 1905 года стал усиливаться рост недовольства среди рабочих Киргизии, особенно на шахтах Кызыл-Кия. Рабочие требовали установления 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, отмены штрафов, сокращения сверхурочных работ. Наряду с этим выдвигались и требования политического характера: свободы собраний, свободы союзов и др. Однако больших успехов в то время рабочие не добились и почти все осталось по-старому.

Летом и особенно осенью 1905 года революционная борьба пролетариата ещё больше усилилась. По всей России проходили экономические и политические стачки с охватом свыше 264 тыс. человек. Переплетение экономических и политических требований рабочих придавало стачкам огромную силу. Организаторами и руководителями революционной борьбы являлись большевики.

Начавшиеся в сентябре 1905 года в Москве стачки рабочих быстро переросли в октябре во всероссийскую политическую стачку, в которой принимали участие около миллиона рабочих. В ряде крупных городов России образовались Советы рабочих депутатов.

Под влиянием роста революционных событий в центре России и в крупных городах Туркестанского края, особенно в Ташкенте и Ашхабаде, к осени 1905 года усилилось и революционное движение рабочего класса Киргизии. Русские и киргизские рабочие выступали совместно, подписываясь под общеполитическими требованиями и вели борьбу за политическое и экономическое освобождение трудящихся всех национальностей.

Напуганное ростом революционной борьбы, царское правительство вынуждено было издать манифест 17 октября, по которому народу обещались «незыблемые» свободы: неприкосновенность личности, свобода совести и слова, свобода собраний и союзов. Царь обещал созвать

законодательную думу при участии в выборах всех классов населения. Однако манифест 17 октября был бессовестнейшим обманом народных масс. В действительности всё шло наоборот: усилились преследования и разгул полиции.

Когда в Ташкенте стало известно о манифесте 17 октября, то трудящиеся города во главе с рабочими главных мастерских Средне-Азиатской железной дороги 19 октября устроили политическую демонстрацию с требованием освобождения политических заключенных. Но когда демонстранты приблизились к зданию Городской думы, то по ним был дан залп из ружей царских войск. Расстрел демонстрантов в Ташкенте вызвал негодование и протест у всех трудящихся Туркестанского края.

В знак протеста против расстрела рабочих в Ташкенте, 22 октября в Пишпеке состоялся митинг с участием рабочих кустарных предприятий и значительного количества крестьян-переселенцев. Ещё более многоядный митинг рабочих кустарных предприятий, других трудящихся города Пишпека, крестьян-переселенцев и значительного числа крестьян окрестных сёл был проведен 8 ноября 1905 года. На митинге выступали ораторы с речами против существовавшего государственного строя и порядка. Участники митинга требовали вывода из Пишпека казаков и предоставления свободы личности, союзов и собраний, а также уничтожения сословий, введения всеобщего равного и тайного избирательного права, всеобщего обязательного образования за счёт казны и др. В революционной борьбе принимали участие и трудящиеся киргизы, чего так боялся царизм, стремившийся не допустить сближения и сплочения революционных сил трудящихся масс киргизской и русской национальности. Царское правительство старалось любыми средствами в самом зародыше подавить революционное движение в среде коренного населения Туркестана, в том числе и входившей в его состав Киргизии. В одном из распоряжений царского правительства Туркестанскому генерал-губернатору было дано указание: «В случае малейших враждебных выступлений туземного населения немедленно подавлять таковые самым беспощадным образом, дабы уничтожить движение против русских в самом корне, дать нарушителям порядка и их единомышленникам спаси-

тельный урок и этим внушить всем прочим правильное представление о нашей силе». В свою очередь Туркестанский генерал-губернатор в своём отношении на имя военного губернатора Семиреченской области 16 апреля 1905 года писал: «По полученным мною сведениям, среди киргизского населения за последнее время замечается некоторое брожение, вызываемое, очевидно, доходящими до них слухами противоправительственного характера, а поэтому прошу... предложить уездным начальникам и участковым приставам установить самый тщательный надзор за кочевниками и появлением среди них неблагонадёжных лиц...»

Председатель Комитета Министров Витте шифрованной телеграммой на имя Туркестанского генерал-губернатора 25 декабря 1905 года сообщал: «Я вам советую ввести во вверенном Вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание».

Боясь развития революционного движения в Семиреченской области, Туркестанский генерал-губернатор в конце 1905 года ввел в действие в Пишпекском, Верненском и Джаркентском уездах «Положение об усиленной охране».

Но несмотря на жестокости, царизму не удалось окончательно уничтожить революционное движение, во главе которого становился рабочий класс. Руководящая роль в борьбе трудящихся масс Туркестана принадлежала революционной социал-демократии, организации которой имелись во многих городах Туркестанского края. Все больше распространялось большевистское влияние, проникая в самые отдалённые места края, в том числе и в Киргизию. В местную национальную среду проникали социалистические идеи марксизма-ленинизма.

Социалистические идеи распространялись среди местного населения при помощи большевистских листовок и прокламаций.

Туркестанский генерал-губернатор вынужден был признать, что «...общая противоправительственная агитация не миновала и отдалённой Семиреченской области, особенно резко проявившись в Верненском, Джаркентском и Пишпекском уездах. Среди населения этих уездов и войск

стали разбрасываться в громадном количестве и усиленно пропагандироваться прокламации, возбуждающие против самодержавия и призывающие к сопротивлению начальству с оружием в руках».

Дальше сообщалось, что «...в предупреждение могущих быть беспорядков и для пресечения противоправительственной деятельности агитаторов и т. д. генерал-губернатор объявил 23 декабря поименованные уезды в положении усиленной охраны». Идеи марксизма-ленинизма распространялись через большевистские газеты «Вперёд» и «Пролетарий», а также и путём распространения трудов Маркса и Энгельса, особенно «Манифеста Коммунистической партии» и других произведений, как, например, «Развитие социализма от утопии к науке», «К критике политической экономии» и т. д. Распространялись также работы В. И. Ленина: «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» и др. Из Баку в Туркестан посылалась большевистская газета, приезжали партийные работники, которые помогали создавать подпольные партийные типографии и оказывали помощь в организации партийной работы.

Большую роль в деле распространения большевистских идей сыграли ссыльные поселенцы и поднадзорные лица, среди которых было много социал-демократов. Так, в постановлении начальника С-Петербургского губернского жандармского управления говорится, что при аресте Елены Семёновны Мастерковой, принадлежавшей к «Санкт-Петербургской военной организации при объединённом комитете РСДРП», в её переписке найдено, что в гор. Маргелане Ферганской области, образован социал-демократический кружок в железнодорожном батальоне под руководством нижнего чина Василия Особо и что он организует митинги и распространяет нелегальную литературу. С В. Особо активно работали нижние чины Козленко, Ильин, Серадский и Павлов, которые организовали рабочий комитет и установили связь с маргеланскими подпольными организациями. Жандармское управление указывало, что деятельность этой военной организации была направлена на сплочение солдат и разрушение монархии. Однако эта организация вскоре была раскрыта, и ее руководители Василий Особо и Ильин были высланы в гор. Ош, где находилась ссыльная рота. Прибыв в

Ош, Василий Особо и Ильин установили связь с маргеланскими подпольными организациями, продолжали вести революционную работу, распространяли нелегальную литературу, листовки и прокламации. Но уже 28 января 1907 года военный губернатор Ферганской области сообщил, что он арестовал ряд лиц, принадлежавших к социал-демократии, и что «обыски обнаружили связь Маргелана с Ошской ссыльной ротой», в связи с чем рота была расформирована, а её командир был разжалован.

Распространялись листовки и нелегальная литература, а также развёртывалась деятельность ссыльно-поднадзорных лиц в это время и в северной Киргизии.

В отчёте военного губернатора Семиреченской области за 1907 год «О положении преступной пропаганды в частях и управлениях войск Семиреченской области» указывается, что рядовой Пишпекской команды Попов получал революционную литературу в Верном и распространял её среди солдат и местного населения. В солдатских казармах Пишпека найдены прокламации и нелегальная литература.

Значительную роль в распространении социалистических идей в Киргизии сыграл М. В. Фрунзе, который, будучи ещё гимназистом в гор. Верном, принимал активное участие в кружках самообразования, где он впервые познакомился с революционными идеями. Здесь М. В. Фрунзе знакомится с некоторыми работами К. Маркса, В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. По окончании гимназии, осенью 1904 года, М. В. Фрунзе поступает на экономическое отделение С-Петербургского Политехнического института, где сразу же вступил в социал-демократическую партийную организацию и принимал в ней самое активное участие. Одновременно он стал ещё больше уделять внимания марксистскому самообразованию.

После исключения весной 1905 года из Политехнического института за активную революционную деятельность М. В. Фрунзе выехал в Москву, а затем в Иваново-Вознесенск, где и руководил революционной борьбой Ивано-Вознесенского пролетариата.

Несмотря на отдаленность от Верного и Пишпека и крайнюю занятость боевой революционной работой в Ивано-Вознесенске и других городах, М. В. Фрунзе в своих письмах к землякам-студентам и особенно к родным

и знакомым, проживавшим в Пишпеке, распространял идеи большевизма и призывал к революционной борьбе против царского самодержавия.

Однако, малочисленность и распылённость рабочих и крайняя отдалённость Киргизии от центров революционной борьбы сказались на размахе выступлений рабочего класса Киргизии.

В период революции 1905—1907 гг. на революционное движение в Киргизии пытались оказывать влияние эсеры, которые, окопавшись в Семиреченской переселенческой партии, проводили работу, главным образом, среди крестьянства. Своей мелкобуржуазной реакционной проповедью о «всеобщем уравнительном пользовании землей» эсеры стремились отвлечь крестьян-переселенцев от революционной борьбы. Эсеры внушали крестьянам мысль о том, что будто бы в условиях капитализма можно при помощи «уравнительного пользования землей» уничтожить различие между богатыми и бедными. Эсеры, хотя и не имели большого влияния в Киргизии, все же мешали развитию революционной борьбы и тормозили революционное движение.

Революционное брожение среди киргизского населения особенно заметно было в деревне, которая стала подниматься вслед за городом. Выступления крестьян начались под непосредственным влиянием стачек рабочих.

Весной 1905 года произошли выступления дехканской бедноты в Багишской, Чаткальской, Сусамырской и др. волостях Киргизии.

Так, во время выборов волостных управителей киргизская беднота стала открыто выступать против ненавистных ей волостных управителей и айльных старшин. В Сусамырской и Чаткальской волостях, в связи с происшедшими «беспорядками» во время выборов пятидесятников, уездному начальнику пришлось перенести выборы волостных управителей, а в Багишской волости во время выборов волостного управителя произошли открытые выступления дехканства, и выборы были сорваны. В Пржевальском уезде во время выборов волостного управителя киргизская беднота избила и прогнала помощника уездного начальника, пытавшегося протащить в волостные управители за крупную взятку одного из манапов.

В результате активности бедноты во время проведения

повторных выборов волостного управителя Сусамырской волости в мае 1905 года ей удалось избрать своего представителя, против которого манапы и баи сразу же стали составлять ложные обвинения и доносы. Под непосредственным влиянием развивавшихся революционных событий усилилось и сопротивление киргизского дехканства захвату земли царизмом. Киргизские трудящиеся массы оказывали сопротивление царским чиновникам, изыскивавшим «колонизационный фонд». Так, в апреле 1905 года киргизское население андижанского уезда прогнало землемера, прибывшего, чтобы произвести съёмку принадлежавшей киргизам земли.

Аналогичные факты имелись и среди киргизского населения Северной Киргизии.

Массовым явлением были также отказы от уплаты налогов, угрозы и нападения на представителей царской администрации, отказы от исполнения распоряжений местной администрации, отказы от исполнения трудовой повинности; участились случаи «разбоев» и «грабежей», часто носивших политический характер. Так, во «всеподданнейшем» отчёте военного губернатора Ферганской области за 1905 год говорится, что «часть сообщества выступила активно на борьбу с правительством. Число случаев грабежей и разбоев в 1904 году—85, а в 1905 году — 189». Волна народного гнева трудящихся масс нарастала все с большей силой. «Едва ли можно сомневаться в том, что мы стоим еще перед началом поднимающейся волны, последствия впереди»,—так писал 1 июня 1907 года в своём докладе военный губернатор Ферганской области, указывая на то, что в будущем грозят осложнения, «не исключаяющие возможности даже восстания». В Пржевальском уезде дехкане прогнали ненавистного лесничего и избили лесообъездчиков.

Все это являлось выражением стихийного протеста трудящихся дехкан против колониального и феодального гнёта и эксплуатации, хотя выступления киргизского дехканства носили неорганизованный и локальный характер.

Значительную роль в развитии аграрного движения в Киргизии сыграли прибывавшие сюда русские переселенцы, особенно «самовольцы», многие из которых до переселения участвовали в аграрных выступлениях и хорошо знали, как в России поднимавшиеся на борьбу крестьяне

расправлялись с помещиками. Крестьяне-переселенцы требовали наделения их землёй, выдачи ссуды на обзаведение хозяйством и отказывались платить налоги.

В письме военному министру Туркестанский генерал-губернатор 24 декабря 1905 года сообщил:

«Начавшаяся несколько месяцев тому назад противоправительственная агитация среди населения Верненского, Джаркентского и Пишпекского уездов Семиреченской области принимает все больше и больше угрожающие размеры... Среди населения означенных уездов имеется много крестьян, самовольно переселившихся в Семиреченскую область из внутренних губерний империи и ещё не наделённых землёю. Это группа представляет благоприятную почву для восприятия... противоправительственных идей».

Газета «Русский Туркестан» в марте 1906 года, описывая волнение среди крестьян Семиреченской области, сообщала, что в «Пишпекском уезде среди массы переселенцев идёт глубокое брожение, которое может вылиться в самые неожиданные формы».

Вместе с рабочими кустарных предприятий и киргизским дехканством русские крестьяне-переселенцы участвовали также в массовых митингах и демонстрациях и угрожали переселенческим чиновникам.

Таким образом, ненависть к царизму и эксплуататорским классам, а также общность классовых интересов и условия совместной работы сближали киргизскую и русскую бедноту в их революционной борьбе. Борьба русского крестьянства сливалась с борьбой киргизского дехканства.

Хотя революционное движение 1905—1907 гг. не получило здесь такого развития и остроты, как в центральных губерниях России, но тем не менее революционные события в Киргизии были составной частью русской революции 1905—1907 гг. Они развивались под непосредственным воздействием крупнейших революционных событий, происходивших в России, и сливались в одно целое с ними. В. И. Ленин писал: «Русская революция вызвала движение во всей Азии... что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении *сотен и сотен миллионов людей*, неискоренимо».¹ Это в полной мере отно-

¹ В. И. Ленин, Соч., том 23, стр. 244.

сится и к Киргизии. Первая русская революция 1905—1907 гг. оказала огромное влияние на киргизский народ, что сказалось в первую очередь на росте революционного сознания трудящихся масс и их революционной борьбе и на процессе высвобождения трудящихся масс из-под клерикального и националистического влияния мусульманского духовенства, манапства и байства. Происходило сближение, и укреплялась дружба между киргизским и русским народами. Руководящей силой в классовой борьбе трудящихся Киргизии был русский и киргизский пролетариат. Несмотря на малочисленность зарождавшегося киргизского пролетариата, политическое влияние и значение его все больше возрастало. Участие киргизской бедноты в революционном движении во время первой русской буржуазно-демократической революции явилось значительным шагом вперед в деле воспитания трудящихся масс Киргизии для последующих боев против царизма, манапов и баев за свое социальное и национальное освобождение.

«Действительное воспитание масс,— говорит Ленин,— никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».¹ Все эти новые качества привились киргизским трудящимся массам в ходе развития революционной борьбы и в первую очередь под непосредственным влиянием первой русской революции 1905—1907 годов. Киргизские трудящиеся массы стали более отчетливо осознавать свои классовые интересы и впервые в своей истории более ясно стали выдвигать свои классовые требования.

Это ещё не значит, что киргизское дехканство не находилось больше под влиянием мулл, манапов и баев. Но по сравнению с тем, что было раньше, до революции 1905—1907 гг., в сознании киргизов, как и других среднеазиатских народов, произошел серьезный перелом. В этом было главное значение революции 1905—1907 гг. для Киргизии.

¹ В. И. Ленин, Соч., том 23, стр. 233.

Ослаблением царизма в Туркестанском крае, в связи с развивавшимися революционными событиями 1905—1907 гг., пыталась воспользоваться национальная буржуазия средне-азиатских народов, в том числе и зарождавшаяся киргизская торгово-ростовщическая буржуазия. Известно, что положение местной национальной торгово-ростовщической и торгово-промышленной буржуазии было двойственным. Она, с одной стороны, находилась в экономической зависимости от русского финансового и торгово-промышленного капитала и некоторая часть её находилась на службе у царизма, а, с другой стороны, она стремилась захватить рынок в свои руки, чтобы самостоятельно эксплуатировать «свои» трудящиеся массы.

Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму. Это стремление к самостоятельному хозяйничанию и приводило национальную буржуазию к проявлению некоторой оппозиционности по отношению к царизму. Поэтому деятельность национальной буржуазии заметно усилилась уже после поражения царизма в русско-японской войне, поколебавшего престиж царской власти в глазах народов Туркестанского края. Национальная буржуазия стремилась упрочить свои позиции и получить хотя бы некоторые уступки у царизма.

В своих петициях и просьбах национальная буржуазия выставляла «требования» об уравнивании её в правах с русской буржуазией, прекращения переселения русских крестьян, отмены некоторых пунктов «Положения об управлении Туркестанского края», реформы школы и другие. Своим требованиям национальная буржуазия пыталась придать окраску требований всего местного населения, выступая при этом в роли поборника якобы интересов всего народа.

Оживление контрреволюционного буржуазного национализма в Туркестанском крае, в том числе и в Киргизии, в этот период сказалось в усилении деятельности джадидов. Не имея оформленной политической партии и программы, джадиды выступали со статьями в издаваемой ими печати, в которых добивались у царизма устранения некоторых пережитков феодализма, тормозящих развитие буржуазных отношений, а также стояли за проведение

реформы школы. Во многих местах Средней Азии джадидами организовывались новометодные школы, подготавливавшие грамотных приказчиков для местной буржуазии. Джадидское движение было буржуазно-реформистским и реакционным. Большинство джадидов стремилось к образованию в Средней Азии тюркского государства. Они враждебно относились к России и являлись проводниками пантюркизма, который ставил своей целью объединение всех тюркских народов под покровительством Турции. Однако широкого распространения джадизм не получил, так как главная масса населения Туркестанского края, в том числе дехкане и пролетариат Киргизии, в этом движении не принимала участие. Большую роль в распространении идей джадидов сыграла татарская буржуазия Поволжья, которая положила начало джадизму в Средней Азии.

Среди торгово-ростовщической национальной буржуазии и крупнейших баев северной Киргизии, имевших связь с казахской национальной буржуазией, в период и после революции 1905—1907 гг. получило также развитие алашское движение, выступившее с идеями пантюркизма. Ведя борьбу против прогрессивного влияния передовой русской культуры, казахские и киргизские буржуазные националисты стремились к отрыву казахского и киргизского народов от России и образованию буржуазно-националистического государства «Алаш-Орда».

В ходе революции 1905—1907 гг. и особенно после революции, буржуазные националисты, как джадиды, так и алашординцы, напуганные развивавшейся революционной борьбой масс местного населения, бросились в объятия царизма, всячески помогали царским чиновникам душить революционное движение.

Мусульманское духовенство, как и национальная буржуазия, пытались использовать подъем революционного движения 1905—1907 гг. в своих интересах, чтобы получить для себя от царизма кое-какие уступки, как, например: возвращение вакуфных земель (принадлежавших мечетям), являвшихся важным источником обогащения мусульманского духовенства, восстановление суда казиев, действовавшего на основе шариата; закрытие русско-туземных школ, запрещение деятельности христианских миссионеров в Туркестанском крае.

Как и местная национальная буржуазия, мусульманское духовенство обращалось к царю с петициями от имени всего народа. Однако, чувствуя опасность для себя со стороны развивавшегося революционного движения, мусульманское духовенство, как и буржуазия, бросилось в объятия царизма и всячески помогало ему душить революционное движение. Со своей стороны и царизм все больше и больше стремился привлекать национальную буржуазию и духовенство на свою сторону и опираться на них.

Стремясь к возврату своих старых привилегий и прав, мусульманское духовенство также мечтало о создании в Туркестане единого мусульманского государства под эгидой Турции.

В целях подготовки проповедников шариата и ислама духовенство при мечетях открывало мектебы, медресе и другие школы, в которых готовились муллы и другие служители ислама. Мусульманское духовенство, как и местная национальная буржуазия, стремилось оторвать народы Туркестанского края от России и тем самым затормозить прогрессивное развитие этих народов. И духовенство, и буржуазия всеми мерами боролись против сближения народов Туркестана с великим русским народом. Они боролись против проникновения в Туркестан, в том числе и в Киргизию, передовой русской культуры.

Однако после революции 1905—1907 гг. трудящиеся массы киргизов пробудились от многовекового сна.

Несколько лет революции сделали ясным то, что нельзя было бы сделать ясным в продолжении десятков лет при мирных условиях развития. Развивалось взаимное общение трудовых масс киргизского и русского народов, укреплялась дружба между трудящимися массами, и росла их совместная борьба против общего врага — царизма и местных эксплуататоров. В Киргизию все больше проникали революционно-демократические идеи, идеи марксизма-ленинизма, оказывавшие огромное влияние на развитие духовной жизни киргизского народа. Киргизский народ, войдя в состав России, обрёл себе верного друга, старшего брата, в лице великого русского народа, его революционного пролетариата во главе с коммунистической партией.

§ 2. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ

Аграрная политика царизма в Киргизии в период столыпинской реакции

После поражения революции царизм установил в стране режим террора над народом. Началась полоса черной реакции. Царское правительство громило рабочие организации, сажало в тюрьмы, отправляло в ссылку и на каторгу, вешало и расстреливало революционеров. Особенно преследовались большевистские организации. Ленин указывал, что: «Никогда еще не было в России такого разгула преследований со стороны царизма».¹

Жесточайшему преследованию подвергались и революционные организации Туркестана. Судебные процессы над участниками революции, усиленная деятельность охранки и расправа с членами Ташкентской, Самаркандской и многих других организаций РСДРП были типичными явлениями для этого периода.

Расправу с революционно настроенным народом царизм осуществлял в союзе с империалистической буржуазией. Разогнав вторую Государственную думу, царское правительство 3 июня 1907 года издало новый избирательный закон, который обеспечивал в думе большинство контрреволюционерам из помещиков и буржуазии.

В борьбе с революцией царизм придавал большое значение проведению аграрной реформы Столыпина, которая, по его мнению, должна была предотвратить возможность повторения революции и сохранить помещичье землевладение. В этих целях царское правительство решило создать себе опору в деревне в лице кулачества, отдавая последнему общинные земли на разграбление. В связи с этим Столыпин указом 9 ноября 1906 года разрешил разрушение общины путем предоставления крестьянам возможности выхода из общины, а затем законом 14 июня 1910 года вводился обязательный выход крестьян из общины и образование хуторского и отрубного кулацкого хозяйства.

Составной частью аграрной реформы Столыпина было также переселение обезземеленного крестьянства на ок-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 453.

раины. Это рассматривалось правительством и помещиками как важнейшее средство в разрешении аграрного вопроса. Об этом совершенно открыто на одном из заседаний III Государственной думы говорил лидер крайних правых, крупнейший помещик Марков 2-й: «Да, правительство должно разрешить аграрный вопрос именно переселением».

Указывая на связь между ростом аграрного крестьянского движения и переселенческой политикой царизма, В. И. Ленин в статье «Переселенческий вопрос», писал: «Как известно, на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России».¹

Основными районами крестьянского переселения были Сибирь и Туркестан. В пределах последнего особо усиленно заселялись Семиреченская и Ферганская области, куда входила основная территория современной Киргизии. Поэтому земельный вопрос здесь приобрел исключительно важное значение. Весь период реакции проходил в Киргизии под знаком массового изъятия земель у киргизского дехканства.

Еще в 1904 году под влиянием нараставшего крестьянского движения в России Николай II отменил запрещение переселяться в Туркестан. На отчете Семиреченского военного губернатора он писал: «Надо настойчиво двигать колонизацию этого края». В марте 1905 года, на основании указа Николая II от 14 февраля, была образована Семиреченская переселенческая партия по устройству переселенцев, превратившаяся после революции 1905—1907 гг. в главный переселенческий орган в области. Переселенцы должны были, согласно этому указу, устраиваться на «излишних» землях. В целях определения излишков пользовались различными «правилами», в част-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 74.

ности, правилами от 13 июня 1903 года, по которым для коренного населения отводилось 15 десятин, включая пастбища, на каждую душу. Хотя эти правила исходили из интересов колонизаторов, но скоро они перестали применяться, так как совершенно не отвечали новым захватническим стремлениям царизма.

Желая как можно быстрее провести переселение крестьян из центра на окраины, представители правящих кругов требовали от туркестанских властей ускорения изъятия земель у местного населения. В этих целях в августе 1907 года было создано междуправительственное совещание под председательством помощника министра внутренних дел Лыкошина. На этом совещании был поставлен вопрос: как бы быстрее лишить киргизов земли. Все выступавшие требовали ускорения изъятия земель у местного населения.

Участники совещания проявляли большое беспокойство в связи с тем, что лучшие земли могут оказаться в руках «киргиз, переходящих массами к запашке», и высказывали мнение о невозможности устраивать их по кочевым нормам.

Мнение междуправительственного совещания поддержал и Комитет министров, признавший, что землеотводные работы ведутся ненормально, так как за местным киргизским населением закрепляется больше земли, чем полагается. Поэтому Комитет министров постановил приостановить окончательное закрепление участков за коренным населением. Это решение было скреплено подписью Николая II.

Помещичьи круги России, ждавшие от переселения крестьян разрешения аграрного вопроса, предотвращения новой революции, с особым азартом поддерживали и защищали эту политику. Особенно ярко это проявлялось на заседаниях III Государственной думы. Помещики черносотенцы даже считали за благо для коренного населения Средней Азии изъятие его земель. Так, выступивший 29 марта 1908 года на заседании думы начальник переселенческого управления Глинка начал с того, что описал русскую колонизацию как сплошь положительное явление в жизни киргизского населения, так как мол «...с распространением русского населения поднимаются цены на скот, срывается возможность тому же киргизу получить

заработок». Настоящий же смысл переселенческой политики он высказал в конце своего выступления. «Землеустроительный закон в отношении киргизского населения — это наша потребность, потребность русского населения, а вовсе не киргизского населения, как стараются это представить».

Большевики в лице социал-демократической фракции в III Государственной думе разоблачали переселенческую политику царизма. Они доказывали, что эта политика не выражает стремлений и интересов русского народа, и внесли предложение голосовать против переселенческой системы.

Политика царизма находила практическое осуществление в деятельности переселенческих организаций. При экспроприации киргизских земель царил полнейший произвол. Измерительные работы велись «на глазок», нарушались самые жизненные интересы дехканства, захватывались пашни, сносились зимовые стойбища с имевшимися на них постройками, отбирались клеверники, сады. Киргизы вытеснялись целыми аилами, волостями в горы и пески, за сносимые постройки получали гроши, да и то не всегда полностью. Так, киргизы Иссык-Атинской волости Пишпекского уезда за снесенные постройки вместо 3918 рублей 93 коп, получили только 1939 рублей 66 коп., в Аламединской волости вместо 3484 руб.— 1384 рубля.

Неразбериха в переселенческом деле, а главное боязнь, что за местным населением сохранится много земли, заставили царское правительство временно приостановить переселение. По постановлению Комитета министров от 11 июня 1908 года, Туркестан был закрыт для колонизации, была создана комиссия во главе с сенатором графом Паленом для проведения ревизии постановки переселенческого дела. После принятия в марте 1910 года новой инструкции о нормах наделения землей киргизского населения переселение было вновь разрешено.

Все ранее действовавшие правила в определении потребной для киргизского хозяйства земли новой инструкцией отменялись. Для киргизов, переходящих к оседлости, устанавливались те же нормы, что и для переселенцев, причем зачастую эти нормы распространялись на

чисто кочевое хозяйство, что давало дополнительные площади земель для изъятия. В этих целях правительство резко повысило налоги на пастбищные, богарные и необрабатываемые земли. Все это вело к быстрому разорению и упадку хозяйства киргизских дехкан. Они лишились наиболее удобных и необходимых земель. О размерах изымаемой земли видно на примере отдельных районов Киргизии. Так, за время с 1906 года по 1 января 1914 года по Пишпекскому уезду было отмежевано только под переселенческие участки 17 9219 десятин земли. Значительное количество земли забиралось также под так называемые «лесные» дачи.

На отобранной у местного населения земле в эти годы возникало большое количество хуторов, которыми владели чиновники, дворяне, киргизские манапы, баи и русские кулаки. В одном Пишпекском уезде в 1914 году имелось 64 хутора. Особенно крупными были хутора Велецкого, возглавлявшего переселенческое дело в Семиречье, полковника Фриде, манапов Курмана, Лепесова, Шабдана и других.

Положение киргизских и русских крестьян Столыпинская аграрная реформа с ее массовым изъятием земель у трудового местного населения привела к резким сдвигам в хозяйстве киргизов. Она способствовала дальнейшему разорению дехканства и обострению классовых противоречий.

Изъятие земель отразилось на состоянии кочевого скотоводства, подняло роль земледелия. Данные за 1911—1913 гг. дают следующую картину киргизского хозяйства.

Уезды	Всего хозяйств	Из них сеющих
Пишпекский	31886	29636
Пржевальский	28034	26328
Ошский, Скобелевский, Кокандский	8875	8347
Андижанский	11405	11291
Наманганский	7458	6345

Таким образом, столыпинская реформа, расширившая захваты земель у коренного населения, привела к сокращению пастбищных угодий и вызвала тем самым у киргизского дехканства стремление к оседлости. Начиная с 1906 года, киргизы стали целыми группами подавать прошения о переводе их на оседлое положение. В начале 1907 года только по 9 волостям Пишпекского уезда было подано 85 прошений от 4222 кибитко-владельцев.

Этим движением была охвачена главным образом киргизская беднота, которая не имела или почти не имела скота и жила земледелием и работой на кулака, бая и манапа. Немаловажную роль в стремлении к оседлости сыграло и желание избавиться от произвола и эксплуатации манапов и волостной администрации. К массовому движению киргизов к оседлости царское правительство относилось отрицательно, видя в этом попытки со стороны киргизского населения сохранить за собой пахотные земли. Поданные начальству прошения о переводе на оседлость лежали без движения годами.

Большое сопротивление дехканскому движению к оседлости оказывали манапы и баи, которые усматривали в этом угрозу потери зависимой от них рабочей силы. Инициаторы перехода к оседлости подвергались гонениям, клевете и даже арестам.

В 1912 году токмакский участковый пристав, приехав в Сарыбагишевскую волость, запугивал желавших перейти на оседлость, заявляя: «Пока я жив и приставам, не видать вам оседлости, как своих ушей».

Рост удельного веса земледелия и усилившийся переход к оседлости свидетельствовали о процессе разложения натурального хозяйства у киргизов. Сопровождался этот процесс имущественной и классовой дифференциацией. Если в манапском и байском хозяйстве все ярче выступали предпринимательские черты, то хозяйство дехкан разорялось, дехкане нищали, заметно пополняли ряды батрачества.

Статистические материалы обследования киргизского хозяйства, проводившегося в 1911—1913 гг., дают чрезвычайно яркую картину хозяйственной и социальной дифференциации в киргизском аиле накануне первой мировой войны. В Пишпекском уезде, например, было отмечено десять имущественных групп. В первые четыре вхо-

дили бедняцкие хозяйства без скота и имеющие его до 8 голов; пятая—седьмая группы составляли середняцкие хозяйства со скотом от 8 до 50 голов; восьмая—десятая группы объединили богатые, эксплуататорские хозяйства, имевшие 50 и свыше голов скота. Из общего числа 31886 хозяйств к бедняцкой группе относилось 15099 хозяйств, то есть 49,5 процента, а скота на эту группу приходилось лишь 11,2 процента всего стада уезда. Манапская и байская группа численностью в 1767 хозяйств составляла всего 5, 5 процента от общего числа хозяйств в этом уезде, а скота у нее было 33,5 процента от всего стада.

В поисках выхода из тяжелого положения, беднота переходила к земледелию, оседлости. Из 4318 оседлых хозяйств 4167 были бедняцкими. Такими они и оставались, ибо отсутствие рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря не позволяло им окрепнуть. Бедноте оставался один путь—уход в батраки к русским кулакам, манапам и баям. В то же время байы и манапы, концентрируя в своих руках большое количество скота и сельскохозяйственного инвентаря, имели обширные поля посевов. Эта же богатая верхушка являлась покупателем рабочей силы.

Нелегким было положение и русской крестьянской бедноты. В старожильческих селах перед первой мировой войной среди крестьянства наблюдалась резкая имущественная и классовая дифференциация. Более 50 процентов крестьянского населения составляла беднота. Кулацкая часть деревни, составлявшая немногим более 20 процентов населения, концентрировала в своих руках основные площади земель, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь и широко применяла наемную рабочую силу. О резкой социальной дифференциации деревни достаточно ясно говорит приводимая ниже таблица, составленная на основании статистических данных по Пишпекскому уезду:

(в процентах)

Группа хозяйств	Хоз-в в группе	Пахот. земли	Рабоч. скота	Аренд. земли	Земель сдан. в аренду
Бедняцкая	51	14	15	5,5	62
Средняцкая . . .	28,5	31	31	25,5	26
Кулацкая	20,5	55	54	69	12

Особенно тяжелым было положение крестьян-новоселов, переселившихся в годы столыпинщины из России в Киргизию в числе нескольких десятков тысяч человек. Это была преимущественно безземельная беднота, которая преобладала в селах, возникших после революции. В 10 таких переселенческих селах Пишпекского уезда в 1906—1910 гг. из 1094 хозяйств 632 было бедняцких, 254 середняцких и всего 8 кулацких хозяйств.

Не имея средств на обзаведение хозяйством, переселенцы терпели большую нужду. Лучшие земли были отданы старожилам и казачеству, их захватывали кулаки, царская администрация, городская буржуазия, манапы и баи. В результате переселенческая беднота лишилась земли. Характерно, что после свержения самодержавия многие крестьяне хотели переселиться обратно в Россию, надеясь получить там землю, отобранную у помещиков. В качестве примера можно привести приговор крестьян села Быстрорецкого, Пишпекского уезда, в котором говорилось: «Тяжело нам было расставаться с нею, но голод свое дело сделал, нам ничего не оставалось делать как переселиться в неведомые края. Нас определили на землю каменистую, скудную, где без воды никакое растение жить не может. Для того, чтобы получить 30—40 пудов хлеба, нужно всему семейству целый год работать не покладая рук, арыки чистить по каменистым местам, 3—4 раза поливать хлеб, а зимою за 3—4 версты носить на гору из реки Чу воду для питья».

Нужда заставила значительную часть переселенцев идти в батраки и на работу в промышленные предприятия. Из 2176 человек взрослого населения десяти сел Пишпекского уезда четвертая часть была в батраках.

Материальное неустройство новоселов—бедняков усугублялось политическим их бесправием и произволом царской администрации.

Проводя колониальную политику в Киргизии, царизм вместе с манапами и баями разжигал национальную вражду и ненависть между киргизами и русскими. Царизм боролся против сближения русских с киргизами, сея вражду, ненависть и недоверие между ними, стремясь этим ослабить классовую борьбу в аилах и кишлаках киргизов и в русских селах.

Однако царскому правительству не удалось ослабить

классовую борьбу и ненависть трудящихся масс к царизму, что ярко видно из совершенно секретного письма военного губернатора Ферганской области на имя управляющего канцелярией Туркестанского генерал-губернатора от 27 февраля 1909 года. В письме военный губернатор, останавливаясь на «состоянии умов в массе населения», указывал: «... я не могу взять на себя высказать уверенность в том, что некоторые признаки какого-то брожения в народе, какого-то недовольства нашим управлением все же есть». Военный губернатор жаловался, что «... с русской администрацией и с нашим порядком правления туземцы считаются все меньше и меньше, что происходит вообще с падением престижа русской власти в Туркестане». В другом письме этот же военный губернатор указывал на необходимость продления срока действия положения чрезвычайной охраны в Ферганской области, введенного еще в 1906 году, так как «... и теперь можно ожидать внезапного возобновления революционного движения». Он указывал на наличие «... пришлого из внутренних губерний беспокойного и крайне самовольного элемента, сдерживать который возможно единственно лишь пользуясь полномочиями, представленными в силу положения о чрезвычайной охране». Таким образом, военный губернатор все свои надежды на удержание трудящихся масс от выступления возлагал на силу оружия, при помощи которого он рассчитывал предотвратить революционное движение угнетенного народа.

Об аналогичных фактах роста недовольства киргизского населения указывается также в совершенно секретном письме военного губернатора Семиреченской области на имя Туркестанского генерал-губернатора от 7 июля 1910 года. Он указывал на подрыв доверия «к силе и твердости русской власти» и требовал увеличения состава судов, чтобы «иметь возможность оказывать скорое воздействие... на беспокойные и преступные элементы населения». Губернатор признавал «...целесообразным расширять власть администрации по наложению дисциплинарных взысканий, что также увеличило бы престиж власти и уважение к ней». Далее губернатор предупреждал, что «только при этом условии увеличения состава администрации и русского суда... я признаю возможным бороться со всем онаглением киргиз. В противном же слу-

чае это онагление... будет увеличиваться и может дойти до опасных пределов». Все это говорит о том, что, несмотря на все жестокости царских властей в Туркестанском крае в период столыпинской реакции здесь, как и по всей стране, не удалось покончить с революционной борьбой трудящихся масс. Общность классовых интересов и условия совместной жизни и работы киргизской и русской бедноты приводили к сближению трудящихся масс киргизского и русского народа. В ходе крестьянской колонизации Киргизии между киргизской и русской беднотой устанавливались дружба и союз в их совместной борьбе с царизмом и местными эксплуататорами. На киргизские трудовые массы все больше оказывал свое прогрессивное влияние великий русский народ.

В Киргизию все больше проникали идеи большевизма, и впервые стали зарождаться социал-демократические кружки. Первым организатором социал-демократического кружка в Пишпеке был железнодорожный рабочий Среднеазиатской железной дороги Свинухов Иван Степанович, который в 1905—1906 гг. сидел в тюрьме за участие в революционной борьбе, после чего, скрываясь от полиции, он в начале сентября 1907 года переехал в Пишпек и работал механиком магазина компании «Зингер», проживая по подложному паспорту крестьянина Тургиновской волости, Тверского уезда. К Свинухову в Пишпек приехал также его товарищ, старый революционер, кузнец по профессии, Федор Егорович Панфилов, который раньше был сослан на три года за транспортировку нелегальной литературы из Австрии и Женевы в Варшаву и Петербург. На квартире у Свинухова почти ежедневно собиралось по 8—10 человек рабочих, где и обсуждались политические вопросы.

В начале 1911 года в Пишпек у ветеринарного врача Воскресенского также собирался кружок социал-демократически настроенной интеллигенции.

Деятельность этих кружков выражалась главным образом в распространении среди населения нелегальной литературы, которую они получали из Петербурга, Ташкента и Верного. В распространении нелегальной литературы и листовок среди населения неоднократно обвинялся учитель с. Николаевского, Пишпекского уезда, Александр Агафонович Бабкин, который вместе со своим

братом Николаем в апреле 1911 года, по распоряжению министра внутренних дел, за принадлежность к Российской социал-демократической партии был сослан в Нарынский край под гласный надзор полиции.

Несмотря на малочисленный состав первых социал-демократических кружков в Киргизии, они играли большую роль в распространении в Киргизии идей марксизма-ленинизма в годы реакции.

§ 3. КИРГИЗИЯ В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Подъем революционного движения

Царизму не надолго удалось установить режим террора и насилия. Революционный подъем, неизбежность которого предвидели большевики еще в начале столыпинской реакции, начался. Первые признаки этого подъема проявились уже в 1910—1911 годах, что выразилось в росте стачек. Сбравшаяся в январе 1912 года Пражская конференция отметила первые признаки оживления рабочего движения.

Особенно бурно стал нарастать революционный подъем после трагических ленинских событий, которые всколыхнули и подняли к решительной борьбе с царизмом широкие слои трудящихся России. Во главе нового революционного подъема шел российский пролетариат, руководимый большевистской партией. Нараставшее стачечное движение носило политический характер и шло под большевистскими лозунгами. К середине 1914 года стачечное движение достигло такого размаха, что напоминало обстановку перед первой русской революцией 1905 года. Такому размаху рабочего движения способствовало то, что в эти годы наблюдались рост капиталистической промышленности, дальнейшая концентрация производства, что неизбежно вело к росту пролетариата и концентрации его на крупных предприятиях. Условия царского полицейского режима и существовавшая при нем беспощадная капиталистическая эксплуатация, с одной стороны, а с другой, наличие у рабочего класса своей политической революционной партии придавали рабочему движению широкий размах, политическую целеустремленность и упорство в борьбе с силами реакции и гнета. Большую роль

при этом сыграла большевистская газета «Правда», воспитывавшая и спланивавшая широкие массы трудящихся.

Под влиянием революционной борьбы пролетариата росло революционное движение в армии и флоте, поднимались на борьбу с самодержавием крестьяне и угнетенные народы окраин.

В революционную борьбу в эти годы втягивались и трудящиеся массы Туркестанского края, в числе их и трудящиеся Киргизии. Как и всюду, в авангарде борьбы трудящихся Туркестана шли рабочие, стачечное движение которых вызывало решимость к борьбе с ненавистным самодержавием среди солдат и дехканских масс.

Ярким проявлением этой борьбы является вооруженное восстание саперов, происшедшее в первых числах июля 1912 года в военных лагерях под Ташкентом. Царизм зверски расправился с восставшими. 14 человек саперов были повешены, а свыше двухсот—приговорены к бессрочной каторге, арестантским отделениям и дисциплинарным ротам.

Эта расправа еще больше усилила в массах ненависть к царизму, усилила борьбу против него, что проявлялось в самых различных районах Туркестана.

Развертывается в эти годы и освободительная борьба угнетенных народов Туркестана и в том числе киргизского дехканства.

Большевистская газета «Правда», отмечавшая каждое заметное проявление сопротивления царизму, приводила в 52 номере за 1912 год, как один из примеров освободительной борьбы угнетенных народов окраин, столкновение дехкан-казахов, Каракольской волости, Лепсинского уезда, Семиреченской области, с представителями уездной власти. Подобные факты имели место и в Киргизии. Так, летом 1912 года в районе Чаткала дехкане оказали сопротивление отряду статистической партии, приехавшей для выявления земельных «излишков» у киргизов, не допустив ее к производству работ. В донесении об этом сообщалось: «Население, ознакомившись с задачей работы статистиков и отстранив успокаивающую туземцев выборную администрацию (волостного управителя, аульных старшин), в бурной форме заявило, что оно не желает давать никаких сведений о пользовании землею». Не менее чем царских чиновников, киргизский народ ненави-

дел и волостную местную администрацию, состоявшую из манапов и баев. Столкновения с ними были проявлением классовых антагонистических противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемым народом. Характерным примером в этом отношении является столкновение, происшедшее в сентябре 1912 года между дехканами с. Асыл-башевского, Восточно-Сукулукской волости, Пишпекского уезда, с администрацией волости. Волостной управитель, крупнейший манап Сыдык Джангарачев, явившись в это селение в сопровождении полицейских, сельского старосты и понятых, намеревался отобрать у нескольких дехкан скот за долги.

Но это вызвало возмущение среди дехкан, и попытка волостного управителя окончилась тем, что он и сопровождавшие его были избиты дехканами и вынуждены были спасаться бегством.

Царизм и местные эксплуататорские верхи, опасаясь революции, всячески старались помешать революционному сближению народов России. В этих целях велась усиленная пропаганда великодержавного шовинизма и буржуазного национализма. Такая политика царизма усердно проводилась и в Киргизии. Но народные массы испытали на себе гнет царизма и местных эксплуататоров. Не случайно в эти годы увеличилось число судебных процессов по обвинению в «оскорблении» личности царя.

Рост народного недовольства в Киргизии вынуждены были признать царские власти. Так, в 1913 году начальник Туркестанского охранного отделения в одном из доносений сообщал, что «... за последнее время среди киргизов безусловно усилился оппозиционный дух по отношению к русской администрации и правительству, именно в связи с земельным и другими вопросами». Особенно ярко проявилось это недовольство в 1913 году, когда царское правительство отмечало трехсотлетие царствования династии Романовых. В ряде мест киргизское население отказалось вывешивать портреты царя. В сообщении местных властей, докладывавших о таких фактах, указываются и причины такого отношения к царизму. Начальник охранного отделения Семиреченской области писал, что «Последствием внушения населению, что государство является виновником отобрания земель, был отказ поставить портреты в школах. В Нарыне местные мусульмане

отказывались от принятия портретов государя, каковые предполагалось раздать в дни празднования дома Романовых».

Это было открытым протестом против царского режима и явилось одним из проявлений революционного подъема в стране.

Недовольство народных масс, направленное против царизма, было настолько сильно, что туркестанские власти опасались возможности восстания. В середине июля 1913 года командующий войсками Туркестанского военного округа отдал телеграфное распоряжение по областям, чтобы были приняты «... самые строгие меры внутреннего порядка и общие меры предосторожности во избежание выступлений».

Таким образом, новый революционный подъем, начавшийся в стране, захватил и Киргизию.

Оживление социал-демократического движения в Киргизии в годы нового революционного подъема

Одновременно с подъемом революционного движения масс усилилась и партийная работа на местах.

Пражская конференция отметила, что «всюду на местах среди социал-демократических рабочих ведется энергичная работа по укреплению местных нелегальных

социал-демократических организаций и групп».

Оживили свою деятельность и социал-демократические организации Туркестана, уцелевшие в годы реакции.

Ташкент продолжал оставаться основным центром социал-демократического движения в крае. В 1911—1913 гг. ташкентская группа революционной социал-демократии имела в своих рядах 40—50 человек.

В других городах Туркестана социал-демократические организации численно были меньше. В Верном в 1911 г. социал-демократическая группа объединяла около 20 человек.

Пражская конференция и ее решения внесли перелом в жизнь социал-демократии Туркестана. Царская охранка Ташкента, следившая за деятельностью социал-демократов, отмечала, что в борьбе между «Правдой» и «Лучом» (т. е. большевиками и ликвидаторами) большинство симпатий на стороне «Правды». Охранка вынуждена была признать, что «усиленный подъем и тяготение к партии замечается повсюду, и растущее движение все больше

и больше оставляет ликвидаторов за бортом». В середине 1913 года из объединенной ташкентской группы социал-демократов и эсеров выделилась группа большевиков. Она установила связь с заграничным бюро, стала получать литературу и газеты «Социал-демократ» и «Правду», установила связь с рабочими ташкентской железнодорожной мастерской, а также повела работу в воинских частях. В октябре 1913 г. представители этой группы ездили в Чимкент для установления связей с гарнизоном. В декабре этого же года группа выпустила первый номер нелегальной газеты «Ташкентский рабочий», напечатанный на гектографе в 30—40 экземплярах, и распространила его среди рабочих. В своей практической деятельности группа основывалась на решениях Пражской конференции.

Оживилась социал-демократическая работа и в других городах Туркестана. Появились социал-демократические кружки даже в таких отдаленных и глухих районах, каким при царизме была Киргизия. Местом появления первых социал-демократических кружков был город Пишпек (ныне город Фрунзе). В Пишпеке, в сравнении с другими городами Киргизии, было больше рабочих.

Как уже указывалось, с начала 1911 года среди них образовался социал-демократический кружок, объединявший всего несколько человек. В это же время существовал еще один кружок также в несколько человек, объединявший социал-демократически настроенную местную интеллигенцию.

Кружки эти имели связь с Верным, Москвой и Петербургом.

Во второй половине 1911 года социал-демократическая работа в Пишпеке усилилась. Этому способствовал приезд сюда ряда рабочих, участников социал-демократического движения.

Продолжала работу социал-демократическая группа, возглавляемая Свинуховым. Социал-демократы Пишпека были сторонниками большевистского направления. В этом духе они вели работу и среди рабочих.

К середине 1913 г. группа пишпекских социал-демократов значительно выросла. Состояла она почти полностью из рабочих. Наиболее активными были чернорабочий Коротков, сосланный в Пишпек в конце июня 1913 г.

из Ташкента, штукатур Черногоренко, каменщики Кудков Тимофей и Трунов Михаил, кровельщик Странпинский и др. Группа имела связи с верненскими социал-демократами. Пишпекская социал-демократическая группа вела политическую разъяснительную работу среди населения, в том числе и среди сельских жителей.

В революционное социал-демократическое движение втягивались и наиболее сознательные представители трудового киргизского народа. Значительный интерес в этом отношении представляет личность киргиза Жукеева-Пудовкина, участника революционного движения с 1905 года, работавшего в годы первой русской революции рабочим в железнодорожных мастерских Ташкента.

В деятельности социал-демократических кружков в Киргизии было много отрицательных сторон, являвшихся результатом слабости местного пролетариата, малочисленности его, распыленности, недостаточной политической сознательности и организованности, оторванности от центра России. Среди социал-демократов в Киргизии не было опытных руководителей. Работа велась недостаточно конспиративно. Это приводило к проникновению в социал-демократическую среду случайных людей, а иногда и агентов охраны.

Но все это не умаляет огромного значения того факта, что Киргизия втягивалась в революционную борьбу общероссийского значения, что сюда проникало влияние революционного российского пролетариата, его большевистской партии, призывавшей народ к упорной борьбе с царизмом.

Г Л А В А IX

КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КИРГИЗИЮ

Хозяйственный
упадок и обни-
щание народных
масс Киргизии в
годы войны

В августе 1914 года началась империалистическая война, неизбежность которой задолго до ее начала предвидели большевики. Война велась между двумя коалициями империалистических стран. Во главе так называемого Тройственного союза стояла Германия, а во главе Антанты—Англия, царская Россия участвовала на стороне Антанты.

Война явилась результатом и выражением основного закона монополистического капитализма — стремления к получению максимальной прибыли, одним из средств получения которой империалистические силы видят в захватнических, грабительских войнах, в порабощении чужих народов.

Война задолго готовилась всеми империалистическими странами, в том числе и США.

Зависимое положение России от Англии и Франции заставило ее вступить в войну, несмотря на неподготовленность как в хозяйственном, так и в военном отношении. Положение усугублялось еще и тем, что среди генералов и министров царской России были изменники, выдававшие врагу государственные тайны. Поэтому героические

усилия русских солдат сводились на-нет, и царская армия очень скоро начала терпеть поражения.

В тылу начался хозяйственный развал. Транспорт не обеспечивал необходимых перевозок, прекратили работу многие промышленные предприятия, уменьшились посевные площади, резко снизилась урожайность. Производительные силы страны разрушались. Сократилось поступление продовольствия в города. Начался голод среди рабочих в городах и крестьянской бедноты в деревне.

На колониальные окраины, особенно на Туркестан, империалистическая война действовала также губительным образом. Колонии стали эксплуатироваться еще больше. В огромном количестве из Туркестана вывозили хлопок, мясо, живой скот и т. д. С начала войны до 1917 года одних только лошадей было вывезено отсюда 70 тысяч голов. В большом количестве вывозились продукты животноводства и из Киргизии. За один только 1914 год из киргизского и казахского хозяйств Семиреченской области было вывезено скота и продуктов животноводства на 34 млн. рублей.

Резко увеличились различного рода налоги и поборы с населения. Кроме них, стали практиковаться всякого рода «добровольные пожертвования».

До невиданных размеров в эти годы дошло взяточничество. Под предлогом сбора на войну местная администрация буквально грабила население.

Как и по всей стране, в Киргизии в связи с войной начался хозяйственный упадок. Стали сокращаться посевы, приходило в упадок животноводческое хозяйство. В Семиреченской области общий сбор урожая главных хлебов снизился с 38 744 585 пудов в 1914 г. до 21 947 269 пудов в 1916 году. За те же годы в Пишпекском уезде с 9 074 734 пудов сбор урожая снизился до 5 839 715 пудов, а в Пржевальском — с 4 374 746 пудов до 818 891 пуда.

Все это сопровождалось ростом цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Достаточно сказать, что цены на хлеб в крае в 1916 году выросли более чем в 6 раз по сравнению с 1914 годом. Буржуазия всячески скрывала действительный смысл войны, выдавая ее за оборонительную.

Как и в центре России, в Туркестане империалистическая буржуазия и чиновничьи бюрократические круги все-

ми мерами старались разжечь шовинистические военные настроения. Буржуазия по примеру центра организовала военно-промышленные комитеты и комитеты союза городов. В союз городов входили и города Киргизии, даже такой отдаленный, как город Пржевальск. Но все эти организации не были поддержаны местным населением и влачили жалкое существование. В сведениях охранки, сообщавшей о работе этих комитетов, отмечалась их слабая деятельность. В целях пропаганды войны буржуазия и чиновничьи элементы создавали черносотенные организации. Такими, например, были: кокандское «Общество 1914 года»; родственное ему по духу верненское «Общество здравия и просвещения» и др.

Оппортунистические партии и группы из II Интернационала встали на сторону своих буржуазных правительств, призывая трудящихся поддерживать войну, называя ее оборонительной. В России это были меньшевики и эсеры, поддерживавшие в войне царизм и буржуазию.

Единственной партией, оставшейся до конца верной делу революционного пролетариата, делу народа, была партия большевиков.

Большевики разъяснили народным массам, что война, затеянная эксплуататорскими классами империалистических стран, является антинародной, захватнической, и повели решительную борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Вступая в войну, царизм, помимо захватнических целей, стремился использовать военную обстановку и для подавления революционного движения в стране. Прежде всего он обрушился на большевистские организации, чтобы лишить революционное движение руководящей силы. Но, несмотря на жесточайшее преследование, большевики бесстрашно вели борьбу за революционный выход из войны.

Гибель многих сотен и миллионов человеческих жизней в антинародной войне, поражение на фронте, хозяйственная разруха, резкое снижение жизненного уровня трудящихся — все это усиливало ненависть к самодержавному строю, толкало массы на борьбу с царизмом. Среди населения росли антивоенные настроения. На поч-

Революционный
кризис в стране
и проявление его
в Киргизии

ве дороговизны и голода по всей стране начались забастовки рабочих. В крупных промышленных центрах стали проводиться и политические забастовки. В январе 1916 года под руководством петроградских большевиков рабочие провели политическую забастовку. Особенно мощная политическая забастовка состоялась в Петрограде в конце октября 1916 года. Она была проведена в знак протеста против суда над группой матросов-большевиков за их участие в революционной деятельности. В борьбу втягивались солдатские массы. В стране назревал революционный кризис.

Как и всегда, во главе революционной борьбы масс шли большевики, являясь организующей и руководящей силой.

Движение против войны, против царизма развернулось и на окраинах. Захватило оно Туркестан, в том числе и Киргизию.

Ярким примером антивоенного настроения является волнение в первые дни войны среди запасных Пишпека. Собравшись 21 июля 1914 года на казарменном плацу, призванные «нижние чины» запаса, в числе до 300 человек, раздраженные грубым обращением офицерского состава, заявили военному начальству, что они не пойдут в армию до тех пор, пока их семьи не получат пособия. Большинство из призванных были еще не устроенные новоселы. Волнение усиливали женщины, говорившие, что они не отпустят своих мужей. Попытка удалить с плаца женщин и детей вызвала возмущение, и толпа женщин, окружив подполковника Писаржевского, оборвала на его мундире пуговицы. Женщины протягивали ему своих детей, крича: «На, корми их». Вмешавшегося пристава Грибановского женщины хотели избить. Когда же штабс-капитан Решиков начал сталкивать женщин с плаца, то группа запасных бросилась на него с криками: «Бей его! Бери камни!». Шбатс-капитану пришлось спасаться бегством в помещение управления воинского начальника. Волнения запасных Пишпека продолжались два дня. Подобного рода факты имели место и в ряде других мест Семиреченской области. 6 ноября 1914 года приговором военного суда за участие в «беспорядках» в г. Верном осуждена группа солдат на бессрочные каторжные работы.

В дальнейшем активные, антиправительственные настр-

роения среди солдатских масс усиливались и проявлялись иногда в решительных действиях с их стороны.

Характерны в этом отношении волнения среди солдат Верненского гарнизона в марте 1916 года, когда возмущенные жестоким отношением командного состава солдаты арестовали некоторых офицеров и начальника гарнизона, избрав вместо него другого. Солдаты избрали также комитет, в который вошли представители и от гражданского населения города. Был установлен контроль за отправляемой корреспонденцией.

Хотя подобные выступления и подавлялись царизмом, но они свидетельствовали о революционизировании армии и растущей ненависти среди солдат к самодержавию.

Все чаще стали раздаваться голоса против самодержавия и войны среди гражданского населения. В августе 1915 года крестьяне села Барскаун Пржевальского уезда избили казака Лазарева за то, что он высказался за войну и царя. В своем донесении властям Лазарев показывал, что крестьянин Наяшкин говорил о царе: «Он нас посадил на камень, и нам нет расчета служить ему и защищать его, хотя он нас и собирает».

В 1916 году на почве дороговизны в Туркестане начались выступления голодающих женщин-солдаток, которые требовали снижения цен на предметы широкого потребления. В Ташкенте, Верном, Пржевальске, в селах Глинкавском, Андреевском и Михайловском Лепсинского уезда, Семиреченской области, выступления сопровождались разгромом лавок. В селе Преображенском Пржевальского уезда, толпа женщин разгромила лавку ввиду отказа их владельцев вести торговлю.

Антивоенные выступления и волнения на почве дороговизны были характерны для всей России. Народные волнения в Туркестане отражали назревший в стране революционный кризис.

Революционной борьбой трудящихся России руководили большевики, возглавляемые В. И. Лениным.

Царизм усиленно преследовал большевиков, но задуть социал-демократическое движение как в центре, так и в Туркестане ему не удавалось. Это вынуждена была признать царская охранка, отмечавшая в 1916 г., что если в Туркестане «появятся организаторы партийной работы, то найдется кому их поддержать». Авангардом

революционного движения в Туркестане попрежнему оставались большевики Ташкента.

Первая мировая империалистическая война усугубила тяжесть колониальной политики и национального угнетения народов и еще больше усилила ненависть киргизского и других угнетенных народов к царизму. Эта ненависть неуклонно нарастала. Поэтому не случайно, что царизм, опасаясь народных восстаний на протяжении предвоенных лет и особенно со времени войны, держал Туркестанский край и его отдельные районы на положении усиленной охраны. Так, например, положение усиленной охраны, введенное в августе 1912 г. в Пишпекском уезде, было в августе 1914 года продлено.

§ 2. ВОССТАНИЕ 1916 г. В КИРГИЗИИ

Предпосылки восстания

Киргизский народ, находившийся под двойным гнетом, под гнетом баев и манаров и царских колонизаторов, в период войны оказался в крайне тяжелом положении. Неимоверно возросший налоговый гнет, произвол и насилия царских чиновников, принявшие в годы войны неслыханные размеры, тяжелым бременем легли на плечи трудящегося киргизского населения.

Особенно страдали киргизы от земельной политики царского правительства. Несмотря на резкое уменьшение притока переселенцев в Киргизию в годы войны, царское правительство продолжало насильственный захват киргизских земель.

Переселенческое управление в начале войны намечало к изъятию в Семиреченской области 4 млн. десятин удобных земель. До конца 1916 г. по Семиреченской области было насильственно отобрано у местного населения 4 193 520 десятин земли. Кроме того, сказывались и другие причины—безжалостная эксплуатация дехкан-хлеборобов и скотоводов торгово-ростовщическим капиталом путем скупки сырья: хлопка, шерсти, кожи, скота и т. д. по очень низким ценам, тяжелые налоги и прочие повинности, лежавшие непосильным бременем на трудящихся массах, необузданный произвол и насилия царских чиновников, кулаков-колонизаторов, баев и манаров над бесправными трудящимися массами киргизского населения, взятки, произвольные поборы и т. д.

В период войны к этим причинам прибавились еще обязательная регламентация цен на хлопок, насильственная реквизиция скота, вздорожание цен на зерно и на продукты промышленности, сборы на нужды войны.

Малейшие попытки к сопротивлению, насилию и произволу, чинимому царскими чиновниками, кулаками-колонизаторами и местными баями и манапами, беспощадно подавлялись. Еще в самом начале войны туркестанский генерал-губернатор в своем секретном циркуляре предлагал: «Ввиду появившихся известий о неблагоприятном настроении туземного населения... в случае малейших враждебных выступлений, немедленно подавить таковое самым беспощадным образом».

Все это ускоряло взрыв народного возмущения, которое в 1916 г. вылилось в вооруженное восстание, охватившее всю Киргизию.

Восстание началось на третьем году империалистической войны 1914—1918 гг., когда самодержавие, истощив материальные и людские ресурсы страны, переживало глубокий экономический и политический кризис.

Основной движущей силой восстания были бедняцко-середняцкие слои киргизского дехканства.

Вместе с киргизами в восстании приняли активное участие трудящиеся слои узбеков, казахов и дунган, проживающие в сельских местностях Киргизии. Городская буржуазия местной национальности, главным образом мелкие торговцы, ремесленники, а также мелкие чиновники, оставались нейтральными.

Большинство киргизских баев, манапов и купцов были настроены против восставшего народа. Особенно ярко это проявлялось в Южной Киргизии, где баи и манапы открыто выступили против восстания, активно участвуя в его подавлении.

Здесь национально-освободительный характер восстания выступил отчетливо.

В Северной Киргизии часть манапов в ходе событий была вовлечена в восстание. Некоторые из них, используя темноту и отсталость восставших кочевников, сумели взять в свои руки руководство повстанцами (Канаат Абукин, Мукуш Шабданов, Батыркан Ногаев и др.) и направить их борьбу по реакционному националистическому пути.

Участие этих баев и манапов в событиях 1916 г. объясняется, прежде всего, тем, что административное устройство, заведенное в Киргизии после присоединения ее к России, ущемляло интересы манапов родоправителей. В случае победы они рассчитывали восстановить прежние порядки, старый патриархально-феодальный строй и свое прежнее безраздельное господство над киргизским народом. Не случайно, что повстанческую деятельность они начали с объявления себя ханами. Кроме того, отказ от участия в восстании грозил им потерей влияния на массы и озлоблением восставшего народа.

Характер и движущие силы восстания

По своим истокам и причинам вооруженное восстание в Киргизии в 1916 г. было национально-освободительным восстанием. «Всякий национальный гнет,— писал В. И. Ленин,— вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция всякого отпора национально-угнетенного населения есть национальное восстание». Но это было стихийное, неорганизованное выступление народных масс. Оно выражалось в форме разновременных, разобщенных вооруженных выступлений народа, не имеющих единого центра и руководства. Так, на юге Киргизии восстание началось и закончилось в июле, на севере Киргизии оно происходило в августе и сентябре, а на территории современной Таласской области в конце августа и в начале сентября.

Характерной чертой восстания 1916 г. в Киргизии, как и в других областях Средней Азии, являлось то, что оно протекало изолированно от революционных выступлений рабочих, солдат, крестьянской бедноты русского населения. Это объяснялось тем, что связи киргизского народа с русским пролетариатом были еще слабыми.

Причиной такой изолированности являлись, прежде всего, экономическая и культурная глубокая отсталость и темнота масс кочевников и тот факт, что у них все еще существовал древний патриархально-феодальный уклад, который обуславливал значительное влияние на трудящихся киргизов со стороны баев и манапов. Последние же, естественно, пытались притупить классовые противоречия, смягчить ненависть киргизской бедноты к «своим собственным» эксплуататорам и направить возмущение трудящихся масс киргизов против всех русских.

Борьба трудовых масс коренного населения за осво-

бождение от колониального и феодального гнета, объективно подрывавшая глубокие тылы царского правительства в несправедливой захватнической империалистической войне, тем самым облегчавшая борьбу всех трудящихся империи за революционный выход из этой войны, направлялась в противоположное, националистическое, русло. Тем самым байско-манапская верхушка укрепляла национальную рознь, в которой царское правительство справедливо видело важное условие своей власти в национальных районах. Реакционное влияние баев и манапов было тем сильнее, чем сильнее темнота киргизских масс, чем дальше они были от городов, чем сильнее был патриархально-феодальный уклад.

Именно поэтому, как мы увидим далее, в большинстве районов Северной Киргизии движение пошло по пути национальной розни.

Но, несмотря на усилия баев и манапов разжечь национальную рознь и тем самым извратить характер восстания, уничтожить возможность его успеха, солидарность киргизских и русских трудящихся крестьян в ходе восстания все же проявлялась даже и здесь, на севере Киргизии. Киргизский народ находил сочувствие среди передовых революционно-настроенных рабочих и русских крестьян-переселенцев, сочувствовавших страданиям трудящихся киргизов. Крестьяне эти, принадлежавшие к тем слоям крестьянства, которые были убежденными врагами царизма и крепостничества, врагами мироедов-кулаков, не только сочувствовали киргизам, но в ряде случаев имели мужество открыто перейти на сторону повстанцев. И это в то время, когда баи и манапы стремились спровоцировать темных и невежественных кочевников на уничтожение русских сел и деревень, на убийство ни в чем неповинных русских крестьян. Как мы увидим далее, все эти смелые и честные русские люди заплатили за это собственной жизнью, но не оставили ряды повстанцев.

Непосредственный повод к восстанию

В ходе войны людские резервы царского правительства были в значительной мере истощены. Затянувшаяся война требовала новых пополнений действующей армии. Это пополнение можно было черпать из царских колоний, еще не тронутых мобилизацией: в Туркестане, Казахстане, местами в Сибири, на Дальнем Востоке. Но цар-

ское правительство боялось, и не без основания, вооружать народы своих колоний. Оно опасалось, что это оружие может быть обращено против него самого.

25 июня 1916 г. Николаем II был подписан указ о мобилизации на военно-тыловые работы «мужского инородческого населения империи», в том числе узбеков, казахов и др. в возрасте от 19 до 43-х лет включительно.

В Туркестанском крае подлежало мобилизации 250 тысяч человек, в том числе по уездам Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей, куда входила Киргизия, намечено было мобилизовать 58 648 человек. Характерно то, что во многих официальных документах слово «мобилизация» заменялось термином «реквизиция», как будто бы речь шла о реквизиции скота.

Указ царя, последовавший в самый разгар полевых работ, взволновал все местное население. Недовольны были и трудящиеся, и баи, и манапы, и духовенство.

Указ не содержал никаких оговорок в отношении льгот каким-либо лицам. Всем казалось, что набор касается всех «туземцев». Но вскоре, 11 июля 1916 г., от правительства поступила инструкция, согласно которой некоторые категории «туземцев» освобождались от мобилизации. В ней говорилось:

«В отношении отдельных категорий туземцев — освобождаются должностные лица общественных (волостных, сельских и аульных) управлений, нижние полицейские чины из туземцев; имамы, муллы, их мударрисы при условии проверки местной администрацией, действительно ли данное лицо исполняет обязанности его звания; счетоводы или бухгалтера в учреждениях мелкого кредита; обучающиеся в правительственных и частных высших и средних учебных заведениях, туземцы, занимающие классные должности в правительственных учреждениях; туземцы, пользующиеся правами дворян и потомственных почетных граждан».

Кроме того, было разрешено «любому туземцу» нанять другого человека и послать его вместо себя. «Нанять за себя», разумеется, мог только тот, кто имел большие деньги, т. е. баи и манапы. Тем самым, вся байско-манапская прослойка была от призыва освобождена.

Вся тяжесть мобилизации, таким образом, легла на плечи трудящихся дехкан. В Киргизии практическое осу-

ществование «реквизиции» и, прежде всего, составление списков было поручено волостным управителям и их помощникам — «почетным» киргизам. Это открывало возможность для всякого рода махинаций, взяточничества, укрывательства своих близких родственников, сыновей баев, купцов и т. д.

Все это не могло не вызвать глубокого возмущения среди дехкан-бедняков и середняков, особенно среди молодежи.

Начальник Туркестанского районного охранного отделения 10 июля 1916 г. доносил, что «среди туземного населения замечается сильное возбуждение вследствие распространявшегося слуха, что состоятельным интеллигентам-туземцам будет предоставлена возможность сделать денежный взнос взамен личной явки по выбору в команды для окопных работ. В чайханах и т. п. заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится самосудом с богачами».

Повсеместно начались стихийные собрания подлежащей мобилизации молодежи. Усиливалась ненависть батраков, бедняков и средних слоев дехканства к баям, манапам и царским чиновникам, готовая вылиться в форму открытого выступления. Один из крупных манапов Пишпекского уезда, Мамбеталы Мураталин, допрошенный царскими властями в качестве свидетеля по восстанию 1916 г., говорил о настроениях, царивших тогда среди трудящихся киргизов: «Когда я убеждал своих киргизов прекратить сии глупые затеи, они отвечали мне, что мы не пойдем воевать, пока не попробуем крови почетных киргизов вообще и твоей в частности».

Начало восстания

В июле волнение охватило ряд районов Киргизии. Дехкане перестали выводить свой скот на базар. Опустели общественные места: базар, чайханы.

В Пржевальском уезде из некоторых волостей, например из Мариинской, Тюпской, Туреневской, начались перекочевки населения в пределы Китая.

Боясь возмущения масс, манапы — противники восстания искали защиты у царских властей. 25 июля манап Пржевальского уезда Кыдыр Байсарин во главе манапов-

волостных управителей Заукинской, Курментинской, Семизбельской и других волостей обратился к пржевальскому уездному начальнику с просьбой посадить их в тюрьму, пока стихнет волнение. Они заявили: «Если мы дадим согласие дать рабочих, то киргизы призывного возраста и их родственники перережут всех нас».

9 августа 1916 г. военный губернатор Семиреченской области генерал Фольбаум в телеграмме туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину доносил: «Бесспорно известно, что много благомыслящих киргизов против мятежа, но как они, так и почетные лица и волостные управители бессильны».

Восстание в Южной Киргизии

Восстание в южных районах Киргизии произошло раньше, чем в северных. Оно возникло одновременно с восстанием узбеков и других народов, населявших Ферганскую долину. Началось оно 11 июля 1916 г. выступлением дехкан селения Ходжа-Абад, Ошского уезда.

11 июля к Булак-Башинскому волостному управителю явились дехкане в количестве 800 человек и потребовали от него именные списки мужского населения. Волостной управитель отказался выдать списки и, ввиду явной угрозы народного возмущения, вынужден был бежать в город Ош. Волнение в этой волости продолжалось до 15 июля. За эти дни повстанцами были разгромлены дома пятидесятников и волостного управителя. Сами пятидесятники спасались бегством в город Ош.

22 июля началось восстание в Араванской волости. Здесь жители селений Араван, Кашгар-Кыштак, Тюркмен и др. собрались в селении Гази-Яглык и потребовали от волостного управителя выдачи списков призывников. После того, как волостной управитель уклонился от выполнения этого требования, он и его писарь были убиты восставшими. Тем временем царскими властями были посланы воинские части из города Ош, которые тут же арестовали 356 человек. Дела восставших позже были переданы в суд.

24 июля жители селения Уч-Курган также потребовали выдачи списков призывников, но волостной управитель успел убежать, после чего восставшими был разгромлен его дом.

Недовольство росло. 25 июля в Уч-Кургане восставшие

разгромили магазины, но подоспевший с воинским строем пристав рассеял восставших, причем в столкновении были убиты три повстанца, а 15 человек были арестованы.

Такие же волнения произошли в городах Ош и Узген и в Гульчинской и Алайской волостях.

На юге Киргизии гнев восставшего народа был направлен главным образом против местной администрации: волостных управителей, пятидесятников и их джигитов, т. е. против баев, манапов и их сподручных. Требования восставших выражались, главным образом, в уничтожении списков подлежащих призыву на военные тыловые работы.

Местные баи, волостные управители выступали против восстания. Помощник начальника туркестанского охранного отделения в рапорте своему начальнику писал: «Волостные управители, старшины и аксакалы оказались на высоте своего призвания, и многие кровью запечатлели свою преданность России».

Наличие в Ферганской области большого количества вооруженных сил дало возможность царским властям быстро подавить очаги восстания и не дать волнению превратиться в народное вооруженное восстание.

В конце июля восстание в южных районах Киргизии царскими властями было подавлено.

Восстание в Северной Киргизии

Иной характер приняло восстание в Северной Киргизии. Здесь во многих районах руководство борьбой было захвачено бай-манапами, которые разжигали национальную вражду, натравливали массы против всех русских. Восстание началось 7 августа 1916 г. в Сарыбагышской и Атекинской волостях Пишпекского уезда; 8 августа долины Большого и Малого Кемина до Боомского ущелья были заняты повстанцами.

Одному из пикетов, выставленному в Боомском ущелье, удалось захватить транспорт оружия, отправленного из города Верный в Пржевальск. Повстанцы захватили 170 винтовок и 40 тыс. патронов к ним. Сарыбагышцы и атекинцы дали клятву: «Рабочих не выставлять, а лучше умереть в борьбе».

Вскоре к атекинцам и сарыбагышцам присоединились киргизы Буранинской, Нурманбетовской и других воло-

стей Чуйской долины. Тогда же восстание распространилось на Загорные области Пишпекского уезда, долину озера Иссык-Куль и на районы Кочкорки, Нарына, Атбаши Пржевальского уезда.

Дальше волна восстания перекинулась в долину р. Талас.

Напуганные широким масштабом начавшегося восстания царские власти приняли экстренные меры к укреплению опорных русских населенных пунктов. Из числа мужского населения создавались пешие и конные боевые дружины, которые вооружались огнестрельным и холодным оружием.

Приказом генерал-губернатора Куропаткина для подавления восстания в Северной Киргизии из Ташкента были высланы воинские части.

Царские власти Пишпекского уезда, напуганные широким размахом начавшегося восстания, спешно выслали воинские силы для подавления восстания.

В Пишпекском уезде повстанцами были сожжены селения: Новороссийское, Орловка, Белый Пикет, Быстро-рецкое и некоторые другие населенные пункты, расположенные в Чуйской долине, к югу от Токмака. Население этих мест в панике бежало в Токмак, частью в станицу Самсоновскую и в селение Олихановское. Вся долина Большого и Малого Кемина, за исключением станиц Самсоновской и Михайловской, была занята повстанцами. Был занят также почтовый тракт от Белого Пикета до Рыбачьего включительно. Все почтовые станции, мосты, ирригационные сооружения, телеграфные линии, расположенные на тракте, были уничтожены. Уничтожен был и Кеминский лесопильный завод.

В горах повстанцами были организованы специальные мастерские по изготовлению боеприпасов и холодного оружия. Дети и женщины были отправлены в горы, где создавались базы снабжения продуктами; там же лечили раненых.

9 августа началось восстание киргизов в загорных волостях Сусамырской, Джумгальской долин Пишпекского уезда. Инициатором восстания в этом районе явились киргизы Абайльдинской волости. Руководство здесь захватил манап Канаат Абукин, который был провозглашен повстанцами ханом.

В этот же день к абаильдинцам присоединились киргизы Карачекинской, Темерболотовской, Кочкорской и других волостей. Вскоре волна восстания распространилась на все районы Центрального Тянь-Шаня до Нарына и Атбаша включительно. Канаату Абукину удалось в короткий срок создать и вооружить крупный отряд повстанцев.

10 августа повстанцы загорных областей нанесли серьезное поражение отряду царских войск, после чего двинулись на переселенческое село Белоцарское. Село это было уничтожено. Одержав победу в этом районе, Канаат повел свой отряд через Шамшинский перевал в Чуйскую долину, где соединился с повстанцами, наступавшими на Токмак. Канаату удалось направить восстание по националистическому пути, разжечь национальную рознь.

11 августа восстали киргизы Иссык-Атинской и Булякбаевской волостей. Селение Юрьевка было сожжено, жители его бежали в село Ивановку. Бои под Ивановкой продолжались до 22 августа, пока из Ташкента не прибыл отряд, вооруженный пулеметами и артиллерией, под командованием подполковника Гейцига. Услышав о приближении большого количества войск, повстанцы частью ушли в горы, частью к городу Токмаку на соединение с киргизами, осаждавшими этот город. Наступление повстанцев на Токмак началось 12 августа. Постепенно здесь сосредоточились главные силы повстанцев.

Токмак, считавшийся одним из важных стратегических пунктов, еще до начала наступления восставших был укреплен. Гарнизон Токмака, помимо местных дружинников, состоял из отрядов верненской вольной и карательной дружины в 70 человек и 108 казаков с пулеметами, кроме того, из 350 человек пешей и конной дружины добровольцев, прибывших из Пишпека.

С 12 по 22 августа ежедневно с 9 часов утра до 7 часов вечера повстанцы штурмовали город.

Окрестное село Покровское было сожжено. Всякая связь между Токмаком и другими городами была прервана. Гарнизон города в основном придерживался оборонительной тактики, ожидая подкрепления, высланного из Ташкента.

22 августа высланный из Ташкента отряд прибыл в Токмак. Несмотря на такое усиление гарнизона города, в

этот день в 9 часов утра повстанцы, собрав все имеющиеся силы, снова бросились на приступ. Их встретил сильный пулеметный и артиллерийский огонь. После больших потерь они вынуждены были отступить. Преследуемые отрядами царских войск, перешедшими в наступление, они ушли через перевал Шамси и Боомское ущелье в долину Кочкорки и Джумгала и в сырты Александровского хребта.

Все эти действия повстанцев в Пишпекском уезде, руководимые манапами, носили характер национальной розни. Повстанцы сжигали дома русских сел, не различая ни бедных, ни богатых. Исключением явилось восстание в районе с. Беловодское. Восстание началось 10 августа. Здесь, как и в Южной Киргизии, манапы не стояли во главе движения, вследствие чего восстание приняло более яркий классовый характер.

Инициаторами восстания киргизов Беловодского участка были жители айлов Токтинского и Чининского, Тлеубердинской волости. Они выступали под руководством дехкан Малика Момондарова, Сарымолдо Артыбекова и других. К тлеубердинцам присоединились киргизы Джамансартовской, Бакинской и Карабалтинской волостей. Повстанцы, состоявшие преимущественно из молодежи, подлежавшей призыву, свой гнев направили, главным образом, на представителей местной администрации: волостных управителей, старшин, баев и манапов.

Восстание в районе Беловодска продолжалось до 12 августа. Оно было жестоко подавлено командой солдат и дружиной, составленной из крестьян-кулаков с. Беловодска, при активной помощи волостного управителя манапа Чалпонкула.

В тот же день в Беловодске, во дворе канцелярии участкового пристава Грибановского, было совершено избиение дружинниками и собравшимися кулаками 517 киргизов Тлеубердинской, Джамансартовской и Карабалтинской волостей.

Судьбу восстания в Пишпекском уезде решили результаты боев под Токмаком. С этого момента начинается период постепенного затухания восстания, хотя отдельные отряды все еще продолжали борьбу.

Такой же характер национальной розни, как в боль-

шинстве районов Пишпекского уезда, приняло восстание в Пржевальском уезде.

Восстание здесь началось 11 августа и вскоре охватило весь уезд.

В ходе восстания силы повстанцев сосредоточились, главным образом, вокруг крупных русских населенных пунктов: Сазановка, Преображенское (Тюп) и города Пржевальска.

В селении Сазановка сконцентрировались жители сожженных восставшими русских сел: Курского, Долинки, Григорьевки и Семеновки.

В результате сражения гарнизон Сазановки, потерпев поражение, вынужден был под покровом ночи отступить в с. Преображенское (Тюп).

Байско-манапское руководство восстанием и шовинистическая агитация царских властей и кулачества, разжигавших национальную рознь, и здесь мешали проявлению солидарности между трудящимися массами русских и киргизов. Все же отдельные проблески такой солидарности пробивали себе дорогу.

Некоторые русские жители Пржевальского уезда открыто сочувствовали восставшим киргизам. Были случаи, хотя немногочисленные, выступлений некоторых русских на стороне повстанцев, причем эти русские возглавляли повстанческие отряды.

Фальбаумовский крестьянин (селение Кутарга) — георгиевский кавалер трех степеней — Марк Давыдович Власенко 11 августа открыто перешел на сторону повстанцев, передал им две винтовки, два дробовика и во время наступления на с. Фольбаумовку руководил группой повстанцев. Впоследствии Власенко был убит в бою с царскими отрядами.

В селении Александровском на сторону повстанцев перешел русский крестьянин Тимофей Лобзов с братом Афанасием и со всем семейством.

12 августа к повстанцам перешли крестьяне этого же села Степан Коваленко и Филипп Петрович Павлов. Эти крестьяне впоследствии были пойманы и убиты дружинниками. Преображенский волостной старшина И. В. Қошаев в начале восстания помогал повстанцам, снабжал их порохом и свинцом и впоследствии присоединился к их

отрядам. Во время подавления восстания Кошаев был захвачен в плен и казнен.

16 августа началось наступление повстанцев на село Преображенское. Осада длилась до конца августа, до подхода крупных сил царских войск. Но главные силы повстанцы направили на овладение уездным центром — городом Пржевальском. Здесь собрались жители ряда переселенческих сел южного берега оз. Иссык-Куль. Повстанцы начали наступление 10 августа. 11-го к ним присоединились дунгане с. Мариинского (Ирдык).

Обеспокоенный угрожающим положением города, губернатор Семиреченской области направил в Пржевальский уезд большое количество отрядов. С их приходом повстанцы, после больших потерь, вынуждены были снять осаду города.

Инициатива из рук повстанцев перешла в руки царских войск. Начались активные действия карательных отрядов по подавлению восстания.

Одновременно с восстанием в Иссык-Кульской долине началось восстание в районе Нарына. Здесь восстание началось 9 августа.

Восставшими были разгромлены селения Куланак, Титовка и Атайка в долине Тогуз-Торо. После ряда неудачных попыток взять укрепление Нарын повстанцы откочевали к китайской границе.

Последнее крупное сражение восставших с карательным отрядом произошло 28 августа в ущелье Тогуз-Торо. Повстанцы были разбиты и рассеялись в горах.

На территории современной Таласской области восстание началось 11 августа в восточной части Аулиэатинского уезда. Восставшие нападали на почтовые станции, на лесообъездчиков, на отдельные хутора и поселки.

После нападения подверглись также селения Каменка и Луговое. Здесь повстанцы подожгли несколько строений, забрали скот крестьян-переселенцев и ушли в горы.

Русские населенные пункты, расположенные по тракту Аулиэ-Ата—Пишпек и в районе уездного центра Аулиэ-Ата, охранялись достаточным количеством войск. Кроме того, по этому тракту через Аулиэ-Ата продвигались войска, высланные из Ташкента на подавление восстания в Северной Киргизии. Все это давало возможность быстро

подавлять всякое выступление киргизов и казахов и уничтожать очаги восстания в их зародыше.

В 20-х числах сентября волнения в Аулиеатинском уезде были подавлены. К середине октября 1916 г. восстание в Киргизии было подавлено повсеместно.

Причины поражения восстания

Восстание потерпело поражение в силу стихийности, неорганизованности, значительного превосходства царских войск в вооружении. Байманапское руководство отрывало трудящихся дехкан от русских рабочих и крестьян и тем самым обрекало восстание на неизбежное поражение.

Оно потерпело поражение в силу отсутствия исторически сложившихся необходимых предпосылок, обеспечивающих успех национально-освободительных восстаний.

«Национальные войны против империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и прогрессивны, революционны, хотя, конечно, для успеха их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо *особо благоприятное сочетание условий интернационального положения* (напр., парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата)».¹

Успехи и неудачи многому научили киргизский народ. На опыте восстания стало очевидным, что сбросить цепи гнета баев и манапов и царских колонизаторов без помощи великого русского рабочего класса киргизский народ не сумеет.

Политическое значение восстания киргизского народа в 1916 г. заключается также в том, что оно было направлено против русского самодержавия, подрывало устои царской империи, нанося чувствительные удары по глубоким тылам русского империализма.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 298.

Разорение хозяйств повстанцев и репрессии против них

В результате действия карательных отрядов восставший киргизский народ понес большие потери людьми и материальными ценностями. В Северной Киргизии значительная часть киргизских айлов из-за страха перед карателями и под влиянием агитации манапов откочевала в Китай; в Южной Киргизии откочевка не имела такого массового характера.

Хозяйство кочевников было подорвано. Многие киргизы, как ушедшие в Китай, так и оставшиеся на родине, обречены были на смерть от голода и начавшейся эпидемии сыпного тифа.

Следующие цифры достаточно ярко характеризуют страшную картину разорения и бедствия, понесенных киргизским народом. В Пишпекском уезде из 21 813 хозяйств, имевшихся до восстания, к 1 января 1917 г. осталось 12 513 хозяйств: убыло 9 313 хозяйств, т. е. 42,66 процента. В Пржевальском уезде из 34 594 киргизских хозяйств, числившихся до 1916 г., убыло 24 252 хозяйства, т. е. 70,21 процента от числа всех хозяйств. Убыль киргизского населения к 1 января 1917 г. составляла в Пржевальском уезде 123 685 человек из имевшихся до восстания 176 429 человек, т. е. более 70 процентов. В Пишпекском уезде из 111 338 человек, числившихся до восстания, убыло 63 842, т. е. более 57 процентов.

Потери киргизских хозяйств в скоте (сюда не входит количество скота, погибшего во время бегства повстанцев в Китай) в Пишпекском уезде исчислялось в 44 процента из общего числа 984 тысяч голов; по Пржевальскому — 78 процентов от 1 485 тысяч голов.

Туркестанским генерал-губернатором был издан приказ, согласно которому все убытки, понесенные русским населением во время восстания, должны были возмещаться из сумм, вырученных от продажи имущества, конфискованного у участников восстания. К числу имущества, за счет продажи которого покрывались убытки, относился скот, отнятый у повстанцев в период военных операций, недвижимое и движимое имущество в виде домов, насаждений, посевов, запасов сена, лесных материалов и проч. Воспользовавшись приказом генерал-губернатора, кулаки-переселенцы продолжали вплоть до конца 1917 г. захватывать земли и скот киргизов.

В качестве одной из крупных репрессивных мер, которую предполагалось принять в отношении киргизов за восстание 1916 г., явился план генерал-губернатора Куропаткина о выселении киргизов из районов Пржевальского уезда, долины Кемина и части Чуйской долины и других мест в Нарынский край, с образованием там особого Нарынского уезда. Осуществлению этого плана помешала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Судьба беженцев-киргизов в Китае Повстанцы были пропущены китайскими пограничными властями в пределы Китая после того, как были полностью обезоружены и ограблены. Основная масса беженцев была расселена в Уч-Турфанском и Аксуйском оазисах, часть — в Кашгарской провинции и часть — в районе Кульджи.

В общей сложности в Китай перешло около 30 тыс. кибиток с населением свыше 150 тыс. человек. Беженцы погибали в трудно проходимых ущельях и на перевалах Тянь-Шаня, особенно беднота, необеспеченная рабочим скотом для передвижения. Серьезный урон понесли киргизы во время бегства, застигнутые наступившей зимой. Тяжелая участь постигла беженцев и в Китае, особенно перешедших в район Кульджи. Здесь они подверглись открытому ограблению со стороны феодалов и чиновников. Отсутствие подножного корма и неимоверная дороговизна сухого корма в районах расселения беженцев, при общей природной бедности западных районов Синьцзяня, довершили разорение беженцев. Рогатый скот их погиб целиком, лошадей осталось не более 10 процентов, баранов — 25 процентов и верблюдов — 50 процентов.

Страшную картину разорения и бедствия киргизов-беженцев в Китае рисуют участники восстания.

«Несмотря на преграду китайских пограничников, — рассказывает участник восстания, житель села Ново-Вознесенского Бегельдиев, — в конце сентября мы ринулись в пределы Китая. Здесь на нас напали калмыки и начали нас грабить, отобрали имущество почти у всех киргизов, молодых женщин и девушек взяли себе в жены. Оказывать сопротивление было невозможно, так как мы были обезоружены при переходе границы китайскими солдатами и чиновниками. Лишенные всего имущества и скота, мы начали голодать, тут еще разразилась эпидемия сып-

ного тифа, люди начали умирать десятками и сотнями, например, из 11 человек моей семьи погибло 10 человек, остался я один».

Вести о свержении ненавистного «белого царя» и особенно о происшедшей в России Великой Октябрьской социалистической революции, об уничтожении власти помещиков, капиталистов, колонизаторов и установлении власти рабочих и крестьян были встречены трудящимися киргизами с небывалой радостью. С этого времени началось их массовое возвращение на родину.

Как только была установлена власть Советов в Туркестане, Центральный Исполнительный Комитет Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики принял экстренные меры к спасению бедствующих киргизов-беженцев и к возвращению их на Родину.

§ 3. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ-БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Киргизия накануне революции

Ко времени Февральской буржуазно-демократической революции экономическая и политическая обстановка в Киргизии была исключительно тяжелой. Упадок сельского хозяйства, проявившийся в годы войны в сокращении посевных площадей и поголовья скота, принял катастрофические размеры после подавления восстания 1916 года; еще более увеличилась дороговизна на продукты питания и на промышленные товары, голод охватил значительную часть населения, особенно киргизскую бедноту.

Национально-колониальный гнет царизма после подавления восстания 1916 года значительно усилился. Особенно было мучительным для трудовых масс киргизского народа лишение их главной основы существования—земли. После подавления восстания 1916 года земли киргизского дехканства захватывались кулаками, и, как указывалось, царское правительство решило выселить оставшихся киргизов из Пржевальского уезда и ряда других районов Семиреченской области на безводные земли Нарына. Такое именно решение приняло правительственное совещание, собравшееся в сентябре 1916 года в Ташкенте под председательством генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина.

Все это усиливало ненависть к царизму среди трудящихся Киргизии, но они были обессилены репрессиями, которыми сопровождалось подавление восстания 1916 года. Как никогда, настоятельно стояла задача объединения киргизских и русских трудящихся в борьбе против царизма и всего аппарата колониального угнетения.

Главную движущую силу в революции в Киргизии, как и во всей стране, представляли рабочие, в союзе с которыми выступало крестьянство.

Пролетариат Киргизии был представлен шахтерами угольных копий Кызыл-Кия, Сулюкты, Кок-Янгака и других. Основную массу шахтеров составляли русские рабочие, но значительное число рабочих шахтеров было из киргизов, узбеков, татар.

Рабочие шахт являлись основной силой в революционной борьбе против царизма и буржуазии.

Ко времени Февральской революции заметно возросло число рабочих в г. Пишпек и его уезде. В это время в Пишпекском уезде проводились работы по строительству оросительной системы в Чуйской долине. На Чуйском строительстве было занято свыше 200 чел. квалифицированных рабочих и служащих. На земляных работах было занято свыше 2 тысяч человек киргизов и казахов, мобилизованных в 1916 г. на тыловые работы. Потребность в квалифицированных рабочих и отсутствие их на месте заставляли приглашать их из Центральной России. Рабочие ехали сюда из Луги, Петрограда, Киева, Москвы, из Поволжья и Прибалтики. Среди них были кадровые и потомственные рабочие, как, например, Василий Осетров, работавший более 40 лет слесарем и механиком на Балтийской и Псково-Рижской железных дорогах и Путиловском заводе. Поэтому не случайно, что среди рабочих строительства имелись социал-демократы. Здесь работал и организатор пишпекских большевиков А. И. Иваницын, приехавший в Пишпек в конце 1916 года.

В первые же дни революции из рабочих Чуйского управления и ремесленников г. Пишпека образовалась рабочая организация, сыгравшая большую роль в развитии революции и установлении здесь Советской власти.

Через рабочих, занятых на строительстве Чуйской оросительной системы, большевистские взгляды проникали в народные массы Киргизии.

Масса трудящегося крестьянства, особенно беднота, испытывавшая на себе тяжесть царского гнета, безземелье, в силу чего пришлось с родных мест переселяться за тысячи верст, не вылезавшая из нужды и на новых местах, была активной силой в борьбе с царизмом. Эта часть крестьянства выступала против царизма и его политики охраны помещичьего землевладения, против войны. Она приняла Советы, как свою родную власть. Но трудящееся крестьянство, особенно его середняцкая часть, было недостаточно сознательным, легко поддавалось буржуазному влиянию, не умело самостоятельно разбираться в вопросах классовых и национальных взаимоотношений. Поэтому оно после свержения царизма оказалось в плену у меньшевистско-эсеровских кругов и поддерживало Временное правительство, пока большевистская партия не провела большой разъяснительной работы.

Что касается кулачества, то оно являлось опорой самодержавия в проведении политики колониально-национального гнета, в то же время, как и в 1905 г., было непрочь принять участие в свержении самодержавия при условии установления «твердой» власти, которая обеспечила бы дальнейшее укрепление его привилегий и открыла бы свободные пути капиталистическому развитию.

Свою революционную задачу трудящиеся массы киргизского народа могли выполнить лишь в общей борьбе всех народов России при гегемонии пролетариата и под руководством большевистской партии. Восстание 1916 года показало, что изолированные выступления киргизских трудящихся масс обречены на неудачу.

При слабости местного пролетариата, его распыленности, почти полном отсутствии большевистских организаций решающим условием для объединения всех сил трудящихся Киргизии в едином потоке борьбы за освобождение была победа революции в центре России, осуществленная рабочими в союзе с крестьянством, под руководством Коммунистической партии.

Главными центрами борьбы против самодержавного строя в Киргизии были города, среди которых ведущую роль в революционном движении в Киргизии играл Пишпек. Являясь узлом дорог, связывающих его с Ташкентом, Верным, Токмаком, Пржевальском, Нарыном, Пишпек оказался местом большого скопления людей, революцион-

но настроенных. Через этот город отправлялись мобилизованные на фронт и на тыловые работы, ехали отпускники-солдаты, имевшие семьи в Киргизии. Значение Пишпека усиливалось еще и тем, что в его районе к этому времени сконцентрировались рабочие, занятые на работах по орошению Чуйской долины.

Февральская революция в Киргизии

В феврале 1917 года восставший пролетариат России в союзе с крестьянством, под руководством большевистской партии, сверг самодержавие.

Революция, начавшаяся в Петрограде, быстро распространилась по всей стране, втягивая в борьбу самые отдаленные районы.

Уже в первые дни революции был охвачен борьбой весь Туркестанский край и самая восточная его окраина — Киргизия.

Известие о свержении самодержавия, полученное краевой царской администрацией вечером 28 февраля, было для нее неожиданностью. Боясь народных выступлений и надеясь на восстановление монархии, она скрыла от народа полученное известие о революции в Петрограде. Генерал-губернатором Куропаткиным было дано распоряжение не публиковать «...никаких сведений о происшедших в Петрограде событиях». И только 4 марта появились сообщения об этом в газетах. Контрреволюционеры пытались объяснить все происшедшее, как результат деятельности Государственной думы, как добровольное отречение Николая II, как реформу, а не революцию. «Радуюсь столь сознательному отношению граждан Туркестана к великой реформе», — писал 10 марта военный министр Временного правительства Гучков Куропаткину.

В таком же духе объяснял события и Куропаткин в приказе по краю от 4 марта, в котором говорилось, что Николай II, в целях сплочения всех народных сил для военной победы, «признал за благо отречься от престола». При этом приводилась мысль о преемственности власти Временного правительства от самодержавия с санкции царя. Монархическая буржуазия и помещики надеялись с помощью Временного правительства и Учредительного собрания восстановить монархию.

Временное правительство, в целях борьбы с революцией, решило сохранить в неприкосновенности аппарат

управления, а руководство армией оставило в руках царского генералитета, офицерства, о чем совершенно ясно свидетельствовал приказ Гучкова от 4 марта. В Туркестане этот приказ распространялся и на гражданское управление. Весь личный состав царской администрации был оставлен у власти. Высшая власть в крае попрежнему сохранялась в руках генерал-губернатора. Этими мерами Временное правительство рассчитывало изолировать Туркестан от революционного влияния центра. Но надежды контрреволюционеров на изоляцию Туркестана не оправдались. В борьбу втягивался весь Туркестанский край и, в частности, Киргизия. Во главе этой борьбы шли передовые слои рабочих края под руководством большевиков, под влиянием которых на борьбу с царскими властями поднимались широкие массы трудящихся.

Известие о свержении самодержавия трудящиеся Туркестана встретили всеобщим ликованием. По городам проходили митинги, демонстрации, собрания. По примеру рабочих и солдат Петрограда, Москвы стали образовываться Советы, которые с 1905 года глубоко вошли в сознание и жизнь народа, как органы народной власти. 2 марта был организован Совет рабочих депутатов в Ташкенте, а затем и в других городах края. В это же время стали создаваться и Советы мусульманских рабочих депутатов и другие организации, объединявшие трудящиеся массы местного населения.

Опасаясь возрастающего авторитета Советов в народе, буржуазия с помощью меньшевиков и эсеров стала в противовес Советам создавать «Исполнительные комитеты и «Комитеты общественной безопасности». Таким образом, установилось двоевластие и в Туркестанском крае.

Буржуазные исполнительные комитеты от имени Временного правительства действовали через аппарат прежней царской администрации.

Но народ не желал мириться с тем, что у власти оставалась царская администрация. По инициативе рабочих и солдат царские чиновники стали смещаться и арестовываться. Некоторые из них бежали в Ташкент под защиту Куропаткина. Недолго оставался у власти и он. Решением Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 30 марта Куропаткин был отстранен от должности и аресто-

ван. Боясь, как бы власть не оказалась в руках народа, Временное правительство постановлением от 7 апреля создало Туркестанский комитет во главе с кадетом Щепкиным. Активную поддержку при этом Временному правительству оказали меньшевики, эсеры и буржуазные националисты. В состав Туркестанского комитета они ввели своих представителей. Опорой Временного правительства в Туркестане являлись также возникшие в ходе Февральской революции националистические союзы, организаторами которых была националистическая буржуазия, реакционное духовенство и феодальные слои. Их с Временным правительством, с русской империалистической буржуазией объединяла ненависть к революции, угрожавшей потерей власти и возможности эксплуатировать народ.

Так образовалось два лагеря: лагерь революции и лагерь контрреволюции.

В Киргизии городская буржуазия, стремясь не допустить народ к активному участию в политической жизни и отводя трудящимся массам роль пассивного наблюдателя, решила сама провести установление «нового режима». В Пишпек, прежде чем выступить перед народом с официальным сообщением о падении самодержавия, городские заправилы в лице Собрания уполномоченных, собравшись 7 марта, наметили угодный им состав «Исполнительного комитета», преимущественно из богатых жителей города.

На 10 марта 1917 года на церковной площади уполномоченные назначили народное гулянье. На этом гулянье было официально объявлено о свержении царизма. Трудящиеся с огромным воодушевлением встретили это сообщение. Празднование вылилось в политический митинг. Народные массы видели в падении царизма свое освобождение. Многие из них считали Временное правительство революционной властью.

Но такая доверчивость долго продолжаться не могла. Жизнь и разъяснительная работа большевиков в массах разоблачили вскоре лицо Временного правительства. Да и на названном митинге буржуазные «градоправители» почувствовали силу народа, не согласившегося признать намеченный собранием уполномоченных состав «Исполнительного комитета».

«Исполнительные комитеты» были созданы буржуазией и другими контрреволюционными элементами во всех городах и сельских местностях Киргизии. В то же время сохранялся старый царский аппарат управления. Но подобным путем упрочить власть временного правительства в Киргизии не удалось. Революционная активность масс росла. Как и в центре, органами новой революционной власти в Киргизии явились Советы.

Первые Советы возникли в Пишпеке и Оше в первой половине марта. Инициаторами их создания были революционные рабочие и солдаты. В первые дни Пишпекский Совет солдатских депутатов назывался Союзом солдатских депутатов. Одновременно с Советом солдатских депутатов в Пишпеке образовался Совет депутатов рабочих и ремесленников. То же самое было и в Оше. В других городах Киргизии Советы появились позже.

Возникновение Советов в первые же дни революции в таком отдаленном районе, как Киргизия, свидетельствовало о силе революции. В этом сказывалось большевистское влияние, которое проникало и в среду трудящихся киргизов.

Волна народной революции разрасталась. В Пишпеке и других городах и селах агитаторы-большевики призывали к полному свержению старой власти, устранению так называемых «старорежимников» и к повсеместному созданию органов народной власти—Советов. Особенно бурно развернулись события в Пишпеке. Здесь рабочие и солдаты, возглавившие 29 марта революционную часть населения города, арестовали и посадили в Пишпекскую тюрьму уездного начальника. Это выступление показало, что народ не признает старой власти. Напуганные народным выступлением буржуазия города и царские чиновники сообщали в Верный и Ташкент, что в Пишпекке власть в руках народа, что Временный комитет свергнут.

Такая же борьба шла и на юге Киргизии. Решением Ошского Совета солдатских депутатов от 31 марта были отстранены от управления уездный начальник и его помощник. Совет решил «изменить вообще постепенно всю администрацию в уезде новым составом...» Вопреки Вре-

менному правительству. народ уничтожал царскую машину управления.

С образованием Туркестанского комитета Временного правительства им были назначены комиссары по областям и уездам, чем и завершилось установление власти Временного правительства в Киргизии. Как и во всей стране, здесь установилось двоевластие.

Мобилизованные царским правительством на тыловые работы киргизы стали возвращаться по домам. В отдельных местах на почве тяжелой работы и голода происходили волнения среди мобилизованных киргизов. Такое же положение было и среди киргизов и казахов, работавших на строительстве чуйской оросительной системы. Плохое питание при тяжелых земляных работах приводило к сильному истощению, заболеваниям и частым случаям смертности среди мобилизованных киргизов. Уже в первых числах марта мобилизованные киргизы начали подавать прошения об отпуске домой, но прошения оставались без удовлетворения. Под влиянием революции в Петрограде, событий в Пишпекке и агитационной работы большевиков среди киргизов-рабочих начались волнения. В середине марта, когда в Пишпекке хозяином города был по сути народ, с магистрального канала ушли почти все рабочие-киргизы. Так, из ста рабочих Восточно-Сукулукской волости ушло с 16 по 21 марта 73 человека, из Кунтуевской из 100 человек ушло 78 и т. д.

Общение с русскими рабочими и солдатами повышало политическую сознательность рабочих-киргизов, формировало в них революционное сознание. Все большие массы киргизского народа включались в революционную борьбу.

Однако в ходе национально-освободительного движения в отдельных местах Туркестана руководство захватили представители националистической буржуазии. Буржуазно-националистические организации возникли и на территории Киргизии, причем в значительной мере под влиянием казахской и узбекской буржуазии. В первые же дни буржуазно-демократической революции в Ташкенте образовалась организация «Шуро и Исламия», ответвления которой стали создаваться в Ферганской и Семиреченской областях и в других районах края. Появились они и в Киргизии — Оше, Токмаке, Пржевальске и Нарыне.

Организатором этих союзов вначале была торгово-промышленная буржуазия. Одновременно образовались националистические организации казахской, киргизской, татарской и дунганской буржуазии. В первой половине марта 1917 года в Верном был образован так называемый общемусульманский комитет. В конце марта из него выделился «Киргизский общественный комитет». В апреле образовался Киргизский Общественный комитет в Пишпеке, а затем такие же комитеты появились и в других городах Северной Киргизии. Организаторами их была киргизская феодально-буржуазная верхушка, преимущественно из бывшей царской администрации из числа киргизов и буржуазная интеллигенция. На юге были созданы союзы «Илтия», «Туран» и ряд других организаций. Все они стремились не допустить трудящиеся массы к участию в революции и сохранить над ними свою власть. Но эти буржуазные организации не могли предотвратить пробуждение классового самосознания трудящихся коренного населения. Способствовало пробуждению классового самосознания масс также нежелание Временного правительства разрешить национальный вопрос, важнейший вопрос революции на национальных окраинах государства.

Все осталось по-старому: киргизам не были возвращены их земли, в том числе и земли, захваченные у них колонизаторскими элементами в результате подавления восстания 1916 года. Участники восстания преследовались. Предполагалось даже осуществить жестокий проект Куропаткина о выселении киргизов в Нарынский край. Когда весть о свержении самодержавия проникла в северо-западные районы Китая, беженцы-киргизы потянулись обратно на свои родные места.

В этом стремлении возвратиться на родину стихийно отражалось понимание трудящимися массами киргизов того факта, что их врагом является не русский народ, а царское правительство. Киргизы надеялись, что с падением самодержавия будет уничтожен колониально-национальный гнет, который привел их к нищете и поставил в 1916 г. на край гибели.

Но киргизский народ был жестоко обманут Временным правительством и его агентами на местах — националистической буржуазией.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 40 — 10 т. лет т. н. — Верхний палеолит.
- 6 — 5 тыс. лет т. н. — Неолитическое время.
- Конец III — начало II тыс. до н. э. — Эпоха бронзы на территории Киргизии.
- Конец II тыс. до н. э. — Заселение степными племенами, родственными андроновским племенам, Зап. Сибири и Сев. Казахстана.
- VII—V вв. до н. э. — Повсеместное распространение железа в Средней Азии.
- VII—III вв. до н. э. — Сакский племенной союз на территории Киргизии.
- II—V вв. до н. э. — Культура ранних чаатасов.
- III в. до н. э. — Формирование гуннского племенного союза.
- III в. до н. э. — Образование на Тянь-Шане усуньского племенного союза.
- 136 г. до н. э. — Страну усуней посетил китайский путешественник Чжан-Цянь, оставивший подробные сведения об усуньском союзе.
- 71 г. до н. э. — Поход усуней против гуннов.
- 36 г. до н. э. — Разгром гуннов в Таласе китайскими войсками.
- I в. н. э. — Падение усуньского племенного союза.
- IV в. — Господство жужан в Центральной Азии.
- IV в. — Начало согдийской колонизации Семиречья.
- V в. — Проникновение на Тянь-Шань уйгуров.
- 70-ые годы VI в. — Покорение енисейских киргизов тюркским каганатом.
- VI в. — Распад тюркского каганата на западный и восточный каганаты.

- VI—VIII вв. — Распространение у киргизов рунической письменности.
- С 704 г. — Начало господства тюркешей в Семиречье.
- 745 г. — Разгром уйгурами и киргизами восточно-тюркского каганата и создание уйгурского государства.
- 751 г. — Разгром арабами китайских войск у города Тараза.
- 766—992 гг. — Карлукский период в Семиречье.
- 648 г. — Первое посольство киргизов в Китай.
- 840—847 гг. — Разгром киргизами уйгуров и образование Киргизского раннефеодального государства.
- 924 г. — Завоевание Монголии кара-китаями.
- X в. — Начало проникновения киргизов на Тянь-Шань.
- X—XII вв. — Киргизстан под властью караханидов.
- XI в. — Строительство башни «Бурана» и минарета в Узгене.
- 1069 г. — Первое литературное произведение на тюркском языке — «Кудамчу — Былик» (Книга наставлений).
- 1072 г. — Махмудом Кашгарским составлен словарь тюркских слов «Диванилугат — ат — тюрк».
- X — нач. XI вв. — Начало распространения ислама в Чуйской долине.
- 1125—1137 гг. — Нашествие кара-китаев и падение власти караханидов в северной Киргизии.
- 1141—1142 гг. — Разгром кара-китаями сельджуков и взятие Бухары.
- 1176—1190 гг. — Основание несторианским патриархом Ильей III несторианской митрополии в Кашгаре.
- Начало XIII в. — Падение каракитайского государства.
- 1207 г. — Вторжение монгольского отряда под командованием Джучи в страну киргизов на Енисее.
- 1219 г. — Войска Чингис-хана вторглись в Семиречье.
- 1221 г. — Путешествие в Семиречье китайца Чан-Чуня.
- 1253 г. — Путешествие Рубрука в Семиречье.
- 1259 г. — Путешествие в Семиречье китайца Чандэ.
- 1338—1339 гг. — Эпидемия чумы в Семиречье.

- Середина XIV в.** — Вхождение Семиречья в состав Могулистана.
- 1370—1371 гг.** — Начало походов Тимура в Семиречье.
- 1377 г.** — Разгром Тимуром войск могулистанского хана Камар-ад-дина в Буамском ущелье.
- 1425 г.** — Поход Улуг-бека против могулистанского хана Шир-Мухамеда.
- Конец XIV в.
(1399 г.)** — Образование в Западной Монголии феодального государства ойратов или калмыков.
- Середина XV в.** — Возникновение казахского государства на западных окраинах Могулистана.
- Первое десятилетие XVI в.** — Окончательное падение власти тимуридов в Средней Азии.
- 1517 г.** — Борьба киргизов под предводительством Мухамеда против Сеид хана Могулистанского. Пленение Сеид ханом Мухамеда.
- 1522 г.** — Возвращение Мухамеда на Тянь-Шань и восстановление его власти над киргизами.
- 1524 г.** — Отстранение Мухамеда от власти над киргизами и удаление его в Кашгар.
- 1524—1550 гг.** — Существование объединенного киргизско-казахского военного союза.
- 1526 г.** — Начало борьбы объединенных сил киргизов и казахов против владычества могулистанских ханов на Тянь-Шане и прилегающих степях.
- 1526 г.** — Могулистанский хан Сеид, воспользовавшись междоусобицами киргизов и казахов, нападает на киргизов Тянь-Шаня и уводит 100000 баранов (так называемая «Койчери»).
- 1546 г.** — В битве на берегу озера Иссык-Куль Могулистанский хан Рашида нанес поражение объединенным киргизско-казахским войскам.
- 1560 г.** — Окончательное падение власти могулистанских ханов в Семиречье.
- 1606—1608 гг.** — Первые переговоры князей енисейских киргизов с русскими воеводами г. Томска.
- 1616 г.** — Повествование Василия Тюменца и Ивана Петрова о киргизской земле (на Енисее).
- 1618 г.** — Описание Иваном Петлиным киргизской земли на Енисее.

- 1620 г. — Набег Тянь-Шанских киргизов на владения Могулистанских ханов в Кашгаре.
- 1636 г. — Переселение под натиском калмыков 12 тыс. юрт Тянь-Шанских киргизов в Гиссар.
- 1660—1683 гг. — Объединение енисейских киргизов под властью князя Иренака.
- 1661 г. — Первый поход Иренака против племен, плативших русскому царю ясак.
- 1667 г. — Енисейские киргизы в союзе с ойронтами осадили Красноярск.
- 1674 г. — Иренак вместе с киргизским князем Шиндыком и ойратскими отрядами совершил набег на русские укрепления.
- 1680 г. — Набеги Тянь-Шанских киргизов в Восточный Туркестан и захват ими Кашгара и Яркенда.
- 1683 г. — Посольство в Москву князя енисейских киргизов Иренака.
- 1683—1685 гг. — Второе завоевание Киргизии ойратами.
- 1701 г. — «Съезд на Абакане» киргизских князей и посланцев русских властей с целью заключения «вечного мира».
- 1703—1704 гг. — Переселение значительной части киргизов на побережье реки Или.
- Первая половина XVIII в. — Вытеснение калмыками киргизов в Фергану, Памир и Кашгар.
- 1758 г. — Разгром китайскими войсками Джунгарского государства.
- 1760-е годы — Возвращение киргизов из Ферганы и Памира в Тянь-Шань и заселение ими современной территории.
- 1770 г. — Нападение казахского хана Аблая на Северную Киргизию.
- 1786 г. — Первое посольство племени Сарыбагыш к Екатерине II.
- 1808 г. — Основатель Кокандского ханства Алим принял титул хана.
- 1814 г. — Посольство племени бугу к русским властям.
- 1816 г. — Восстание кашгарских киргизов против гнета китайских феодалов.
- 1817 г. — Начало завоевательных походов кокандских ханов против киргизов.

- 1821 г. — Восстание части киргизов и казахов против кокандского господства.
- 1820 г. — Междоусобные войны между племенами солто и сарыбагыш, сарыбагыш и саяк.
- 1824 г. — Второе посольство бугинцев к русским властям в Сибири.
- 1825—1832 гг. — Завоевание всей Киргизии Кокандским ханством.
- 1842 г. — Восстание киргизов Иссык-Кульской котловины (племена бугу, саяк и сарыбагыш) против кокандских завоевателей.
- 1845 г. — Восстание ошских киргизов против Коканда.
- 1846—1847 гг. — Борьба Кенесары против киргизов и его гибель.
- 1852—1856 гг. — Междоусобная война между племенами бугу и сарыбагыш.
- 1854 г. — Бугинский правитель Боромбай обратился к западно-сибирскому генерал-губернатору с просьбой принять бугинцев в подданство России.
- 1854 г. — Основание укрепления Верного (Алма-Ата).
- 1853 г. — Обращение главы племени сарыбагыш Ормона к России о приеме в русское подданство.
- 1855 г. — Принятие бугинцами русского подданства.
- 1856—1857 гг. — Экспедиции Русского Географического общества в северную часть Тянь-Шаня, возглавляемые П. П. Семеновым.
- 1857 г. — Первая запись эпоса «Манас» Ч. Валихановым.
- 1857—1858 гг. — Восстание киргизов и казахов против Кокандского ханства.
- 1860—1942 гг. — Жизнь и деятельность Байымбета Абдрахманова (Тоголок-Молдо).
- 1860 г. 26 августа — Взятие царскими войсками кокандской крепости Токмак.
- 1860 г. 4 сентября — Взятие царскими войсками кокандской крепости Пишпек.
- 1860 г. 21 октября — Узунагачское сражение, в котором войска кокандского хана потерпели поражение.
- 1861 г. — Токмак и Пишпек вновь были заняты кокандцами.

- 1862 г. — Вторичное взятие отрядами царских войск совместно с киргизскими отрядами Пишпека и Токмака.
- 1862—1877 гг. — Народное восстание в западно-китайских провинциях.
- 1863 г. — Взятие отрядами царских войск кокандских крепостей Джумгал и Куртка.
- 1863 г. — Принятие русского подданства племенем черик.
- 1864—1867 гг. — Путешествие русского ученого Н. А. Северцова в Киргизию.
- 1864 — 1933 гг. — Жизнь и деятельность выдающегося киргизского акына-демократа Токтогула Сатылганова.
- 1867 г. — Образование Туркестанского генерал-губернаторства.
- 1867 г. — Издание «Временного положения» об управлении Туркестанским краем.
- 1868 г. — Заключение соглашения о признании Кокандским ханством вассальной зависимости от Российской империи.
- 1860 — 80 гг. — Начало переселения русских крестьян в Киргизию.
- 1869 г. — Все земли кочевников объявлены государственной собственностью.
- 1871 г. — Экспедиция А. И. Федченко в Южную Киргизию.
- 1873 — 1874 гг. — Восстание киргизов, кипчаков, узбеков против Кокандского ханства.
- 1875 г. — Экспедиция в Тянь-Шань Мушкетова И. В.
- 1876 г., февраль — Упразднение Кокандского ханства и включение его в состав Туркестанского генерал-губернаторства.
- 1876 — 1877 гг. — Первая экспедиция М. Н. Пржевальского в Тянь-Шань.
- 1877 — — 1878 гг. — Фергано-Алайская и Памирская экспедиции И. В. Мушкетова.
- 1877—1883 гг. — Переселение уйгуров и дунган в Киргизию.
- 1879 г. — Создание в Пишпекке первых школ.
- 1879—1880 гг. — Вторая экспедиция М. Н. Пржевальского в Тянь-Шань.
- 1883—1886 гг. — Третья экспедиция М. Н. Пржевальского.

- 1885 г. — Запись В. В. Радловым отрывков из эпоса «Манас».
- 1885 г. — В Пишпеке родился М. В. Фрунзе — выдающийся деятель большевистской партии, талантливый полководец Советской Армии.
- 1888 г., 20 октября — Н. М. Пржевальский умер в Караколе (ныне город Пржевальск).
- 1889—1905 гг. — Постройка железной дороги Оренбург — Ташкент.
- 1893—1894 гг. — Поездка В. В. Бартольда в Киргизию с целью её историко-археологического изучения.
- 1894 г. — Родился видный сказитель «Манаса» Саякбай Каралаев.
- 1890 г. — В Караколе, Джалал-Абаде и Оше открываются русско-туземные школы.
- 1895 г. — В Ошском уезде был проведен канал «Савай» длиной 56 верст.
- 1898 г. — Андижанское восстание.
- 1898 г. — Ссылка Токтогула Сатылганова в Сибирь.
- 1898 — 1899 гг. — Открытие каменно-угольных копей в Кызыл-Кия.
- 1899 г. — Основано первое оседлое киргизское селение Таштюбе.
- 1904 г. — Первая маевка в г. Ташкенте.
- 1905 г. — Пущена в эксплуатацию Ташкентско-Оренбургская железная дорога.
- 1905 — 1907 гг. — Первая буржуазно-демократическая революция в России.
- 1905 г. — Волнения рабочих Кызыл-Кия.
- 1905 г. — Аграрное движение в Туркестане.
- 1905 г., март — Образована Семиреченская переселенческая партия по устройству переселенцев.
- 1905 г., октябрь — Революционные выступления рабочих Туркестанского края.
- 1911 г. — Образование социал-демократического кружка в Пишпеке.
- 1912 г., август — Туркестанский край объявлен на положении усиленной охраны.
- 1912 г. — Волнения дехкан Чаткала.
- 1914 г., 21 июля — Волнение среди запасных Пишпека.
- 1914 г., август — Начало первой мировой войны.

- 1916 г. — Антивоенные выступления в Туркестане.
- 1916 г., март — Волнения среди солдат Верненского гарнизона.
- 1916 г., 25 июня — Указ о мобилизации в армию на тыловые работы киргизов, узбеков, казахов, туркмен, дунган и уйгуров.
- 1916 г., июль—октябрь — Национально-освободительное движение в Киргизии.
- 1916 г., октябрь — Подавление восстания и массовый уход киргизов в Китай.
- 1917 г., 27 февраля — Февральская буржуазно-демократическая революция в России.
- 1917 г., 28 февраля — В Туркестане получено известие о свержении самодержавия.
- 1917 г., 4 марта — В Пишпеке стало известно о свержении самодержавия.
- 1917 г., март — Возникновение первых Советов солдатских депутатов в Пишпеке, Оше и др. городах и местностях Киргизии.

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Предисловие</i>	3
<i>Глава I.</i> Эпоха первобытно-общинного строя на территории Киргизии и соседних с ней районов	7
§ 1. Палеолитическое время на Тянь-Шане и Енисее	7
§ 2. Неолитическое время в Киргизии и соседних территориях	26
§ 3. Бронзовый век на территории Киргизии	30
<i>Глава II.</i> Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее	42
§ 1. Племенные союзы на Тянь-Шане и в Семиречье	42
§ 2. Племенные союзы на Енисее	50
§ 3. Племенные объединения Ферганы	66
<i>Глава III.</i> Киргизстан в эпоху сложения раннефеодальных отношений в Средней Азии	71
§ 1. Киргизстан под властью тюркского каганата и тюркешей в VI—VIII вв	71
§ 2. Киргизстан в период господства карлуков	98
§ 3. Формирование раннефеодального государства на Енисее	113
§ 4. Киргизстан в караханидское время (XI—XII вв.)	122
<i>Глава IV.</i> Киргизы и Киргизстан под игом монгольских, джунгарских и кокандских завоевателей	148
§ 1. Киргизы и Киргизстан под властью Чингис-хана	148
§ 2. Киргизстан при Тимуре и тимуридах	159
§ 3. Киргизстан под властью Джунгарских ханов	163
§ 4. Киргизы и Киргизстан в XVI—XVII вв.	167
§ 5. Завоевание Киргизии Кокандскими ханами	185
<i>Глава V.</i> Социально-экономический строй и культура киргизов в первой половине XIX в.	202
§ 1. Киргизская народность в первой половине XIX в.	202

§ 2. Хозяйство киргизов в первой половине XIX в.	206
§ 3. Общественный строй киргизов в середине XIX в.	212
§ 4. Киргизская культура первой половины XIX в.	224
Глава VI. Присоединение Киргизии к России	252
§ 1. Препосылки присоединения Киргизии к России	252
§ 2. Присоединение Северной Киргизии к России .	259
§ 3. Присоединение Южной Киргизии к России . .	271
Глава VII. Киргизия во второй половине XIX в.	289
§ 1. Колониальная политика царизма в Киргизии .	289
§ 2. Хозяйство и общественные отношения в Киргизии в конце XIX в.	308
§ 3. Начало сближения киргизского и русского народов	330
§ 4. Устное народное творчество и первые акыны-письменники	342
Глава VIII. Киргизия в период первой русской революции, столыпинской реакции и нового революционного подъёма	354
§ 1. Киргизия в период первой русской революции 1905—1907 гг.	354
§ 2. Киргизия в период столыпинской реакции . . .	371
§ 3. Киргизия в годы нового революционного подъёма	381
Глава IX. Киргизия в период первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции .	387
§ 1. Империалистическая война и её влияние на Киргизию	387
§ 2. Восстание 1916 г. в Киргизии	392
§ 3. Киргизия в период февральской буржуазно-демократической революции 1917 года	408
Хронологическая таблица	417

